

**НОВОЕ
в археологии
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

НОВОЕ в археологии СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В.И. МАРКОВИН

МОСКВА
"НАУКА"
1986

Сборник состоит из статей, посвященных разным эпохам истории региона: от каменного века и до позднего средневековья. В нем освещаются как новые находки, ранее неизвестные науке, так и старые, несколько забытые, но заново осмысленные.

Читатель найдет здесь описание стоянок каменного века, курганов эпохи бронзы, культовой пластики времени раннего железа, раскопок предполагаемого аланского города Магаса и другие материалы. Статьи и публикации сборника дают достаточно полное представление о проблемах, стоящих перед археологами-кавказоведами наших дней.

Рецензенты:

Н. Я. Мерперт, Б. Г. Тихонов

НОВОЕ В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

*Утверждено к печати Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР*

Редактор издательства *Г. Н. Улуян*
Художник *Г. П. Валлас*. Художественный редактор *Н. Н. Власик*
Технический редактор *Г. П. Каренина*. Корректор *И. Г. Мартынова*

Набор выполнен в издательстве на электронной фотонаборной системе

ИБ N 29482

Подписано к печати 13.02.86. Т — 05833. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага для глубокой печати
Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,7. Усл. кр.-отг. 19,0. Уч.-изд. л. 21,4
Тираж 1300 экз. Тип. зак. 9. Цена 3р. 40к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука"
117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени выхода в свет сборника "Северный Кавказ в древности и в средние века" (1980) прошло немало времени. За этот период значительно расширился объем археологических работ, открыты ранее неизвестные памятники, появились новые научные обобщения. Это все позволило пересмотреть некоторые устоявшиеся мнения по различным вопросам кавказской археологии и совершенно в ином аспекте оценить иные старые, примелькавшиеся материалы. Предлагаемый вниманию читателя сборник "Новое в археологии северного Кавказа" состоит из статей, каждая из которых вносит нечто новое в археологическое изучение региона. Здесь имеются работы обобщающего характера и публикационные заметки. Расположены они по хронологическому принципу.

Сборник открывает статья Х.А. Амирханова, посвященная новым мустьерским местонахождениям Дагестана. Далее следует цикл работ по отдельным вопросам эпохи бронзы. Таковы статьи Р.М. Мунчаева и И.М. Чеченова. В них уделено внимание таким важным и сложным проблемам, как взаимосвязи племен Закавказья и северного Кавказа в периоды бытования майкопской и куро-аракской культур, стратиграфическому соотношению древних захоронений в эпоху бронзы. В публикациях М.К. Тешева, В.М. Батчаева, М.Х. Багаева дан не только новый, ранее неизвестный материал, но и культурно-историческая интерпретация добытых ими материалов.

Эпохе поздней бронзы — раннему железу, включая скифское время, посвящены статьи В.И. Марковина, В.И. Козенковой, В.Г. Петренко и А.Л. Нечитайло. Первая из них — о культовой пластике Кавказа — носит археолого-искусствоведческий характер, хотя она может представить интерес и для религиоведения. В работе В.И. Козенковой поданы материалы, связанные с известной кобанской культурой, а в статье В.Г. Петренко читатель найдет обобщение по каменным статуям скифского времени. В работе А.Л. Нечитайло ставится вопрос о бытовании в древности особой, так называемой прикубанской культуры, выделенной еще А.А. Иессеном¹. Многие специалисты сейчас отрицают ее специфичность. Однако А.Л. Нечитайло вполне обоснованно выделяет черты, отличающие ее от синхронной кобанской культуры.

Сармато-меотской тематике посвящены статьи М.П. Абрамовой, Н.В. и И.Н. Анфимовых. Несколько особое место в нашем сборнике занимает небольшое исследование покойного археолога В.Г. Котовича, отдавшего всю свою жизнь изучению древностей Дагестана². Публикуемая работа о маршрутах арабских завоевательных походов в Дагестан написана на основе тщательного изучения письменных источников и обследования местных городищ. Частные вопросы —

новые материалы по стеклоделанию в Дербенте VI—X вв. можно найти в статье А. А. Кудрявцева. Особый интерес представляет работа В. А. Кузнецова. В ней в обобщенном виде публикуются результаты раскопочных и разведочных работ на Нижне-Архызском городище. Если раньше исследователь не связывал его ни с каким историческим пунктом, то теперь он говорит о городище как об остатках аланского города Магаса, солидаризируясь в такой локализации не только с В. И. Марковиным и Х. Д. Ошаевым, но и с известным этнографом Л. И. Лавровым³. Думаю, что в дальнейшем В. А. Кузнецов еще вернется к более полному обоснованию своих наблюдений.

Сборник завершается статьей М. Б. Мужухоева о датировке наконечников средневековых стрел. Его подход к решению этого вопроса довольно оригинален, хотя известна и несколько иная схема их хронологизации⁴.

Работы, вошедшие в сборник, написаны археологами Москвы, Киева, Махачкалы, Нальчика, Орджоникидзе, Грозного, Краснодара и Туапсе. Авторы этой книги с благодарностью посвящают свои труды памяти двух видных археологов — кавказоведов Александра Александровича Иессена (1896—1964) и Евгения Игнатьевича Крупнова (1904—1970). Разные по характерам, они были глубоко принципиальны в решении научных вопросов, в подходе к разработке важных тем кавказской археологии. Их исследовательские интересы отличались широтой, и без учета результатов их работ трудно, а подчас просто невозможно решать многие вопросы древней и средневековой истории многочисленных народов северного Кавказа.

В. И. Марковин

¹ Иессен А. А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, 1951, N 23.

² Марковин В. И. Жизнь, отданная науке (В. Г. Котович). — Советский Дагестан, Махачкала, 1982, N 4, с. 50—55.

³ Лавров Л. И. Этнография Кавказа. Л., 1982, с. 195.

⁴ Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. — В кн.: Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983, с. 60 и след.

Х.А. Амирханов

МАНАС-ОЗЕНЬСКИЕ МУСТЬЕРСКИЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ В ПРИКАСПИЙСКОМ ДАГЕСТАНЕ

Манас-озень — небольшая горная река, берущая начало в центральном Дагестане и впадающая в Каспийское море к югу от г. Махачкалы. К востоку от с. Карабудахкент она выходит к береговой зоне моря. Приморская равнина имеет здесь характер узкой террасированной полосы, ограниченной с запада субмеридиональным предгорным хребтом, а с востока — береговой линией моря. В районе Манас-озени — широкий "коридор". Река разработала здесь глубокое русло, которое на значительном протяжении разрезало мощные морские и континентальные плейстоценовые отложения.

На участке своего впадения в море она образует широкую современную пойму. Выше по течению долина сужается и достигает примерно 45 м. В образовавшемся здесь естественном разрезе под толщами рыхлых отложений выступают коренные породы — известняки, песчаники, брекчиевидные ракушечники. Осмотр песчаников и известняков показал, что они содержат мелкие инородные включения, в том числе и фаунистические остатки. С археологической точки зрения особый интерес представляет наличие в них небольших выходов окремнелых пород (главным образом, окремнелый известняк), которые могли служить и, как будет видно дальше, действительно служили в качестве сырья для палеолитических обитателей прикаспийской равнины.

Далее, вверх по течению, долина снова расширяется и остается почти неизменной до первой гряды гор.

Исследованиями 1978 г. на указанном выше участке реки было обнаружено шесть новых мустьерских местонахождений (рис. 1). Три из них (Манас-озень I, Манас-озень II, Генторун) расположены по правому берегу реки. Наиболее близко к берегу находится Манас-озень I (700 м). От него до других местонахождений от 2 и до 6—11 км. Ближайшим является Манас-озень II, наиболее удаленным Генторун II. Другие три памятника расположены по левому берегу (Манас-озень III, Манас-озень IV и Манас-озень V).

Кроме того, археолог О.М. Давудов любезно показал нам местоположение обнаруженного им ранее памятника Генторун I. Он находится к северо-западу от местонахождения Генторун II, в одноименном урочище, выходящем к окраине с. Карабудахкент.

Все указанные пункты относятся к памятникам с разрушенным культурным слоем и приурочены к раннехвалынской террасе. Внешнее сходство этих памятников проявляется еще и в том, что на большинстве их имеются остатки культур эпохи бронзы и железного века, которые также рассеяны по поверхности. Этот факт неоднократного заселения одних и тех же мест в разные эпохи говорит,

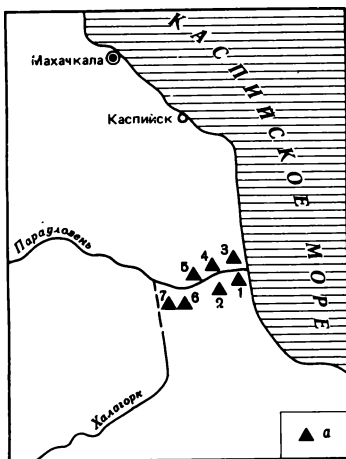

Рис. 1. План-схема расположения манас-озеньских местонахождений

Цифровые обозначения соответствуют порядковым номерам манас-озеньских местонахождений

по-видимому, о неслучайном характере приуроченности разведанных нами мустьерских памятников к указанным ограниченным участкам.

Рассматриваемые местонахождения неравноценны по материалам. Одни представлены единичными предметами, другие — показательными коллекциями. Но детальный анализ всех составляющих индустрий позволяет выяснить между ними более существенные связи, а не только совпадения внешних моментов. Чтобы рассмотреть этот и другие вопросы, перейдем к характеристике самих памятников.

Манас-озень 1. Местонахождение приурочено к останцу террасы, возвышающемуся над урезом реки. Длина останца около 60 м, ширина — около 30 м. Он имеет плоскую вершину, крутые склоны и овальные, вытянутые вдоль течения реки очертания. Современный почвенный покров маломощный (10—15 см). Растительность летом скудная, характерная для сухих полынных степей.

На этом останце на поверхности встречаются разновременные археологические находки. Они распространены на всей поверхности останца, на его склонах и частично у основания. Однако преобладающая часть, в том числе и палеолитические изделия, сосредоточена в западной части местонахождения.

Комплекс палеолитических находок местонахождения Манас-озень 1 состоит из пяти предметов. Среди них имеется одно скребло, один пластинчатый краевой скол, два отщепы и один осколок. Сырьем для них служил кремневый известняк, выходы которого, как указывалось, имеются здесь же. Все предметы покрыты плотной глубокой сплошной патиной. Два из них имеют на своей поверхности характерный коричневато-серый налет, называемый иногда пустынным загаром.

Рассматриваемый материал дает из-за своей малочисленности лишь ограниченные возможности для описания его технико-типологических характеристик. О первичной обработке мы можем судить здесь только по характеру заготовок. Они представлены некрупными, но массивными отщепами (рис. 2, 1—3). Ударная площадка во всех случаях гладкая, широкая, образующая тупой угол с плоскостью раскалывания; ударный бугорок рельефный, распространенный далеко на брюшко от точки удара. Негативы предыдущих сколов, там где они имеются, преимущественно однонаправленные. Наиболее четко это видно на примере одного из отщепов (рис. 2, 2), который, видимо, сколот с нуклеуса параллельного скалывания. Приплощадочный конец его имеет с лицевой стороны заломы и смятость, свойственные обычно кромке ударной площадки нуклеуса.

Единственный предмет со вторичной обработкой представляет собой простое скребло на небольшом отщепе (рис. 2, 1). Оно имеет очертания треугольника, основание которого обработано полукрутой разнофасеточной многорядной ретушью. Обработке подверглась массивная часть отщепы — лицевая сторона края

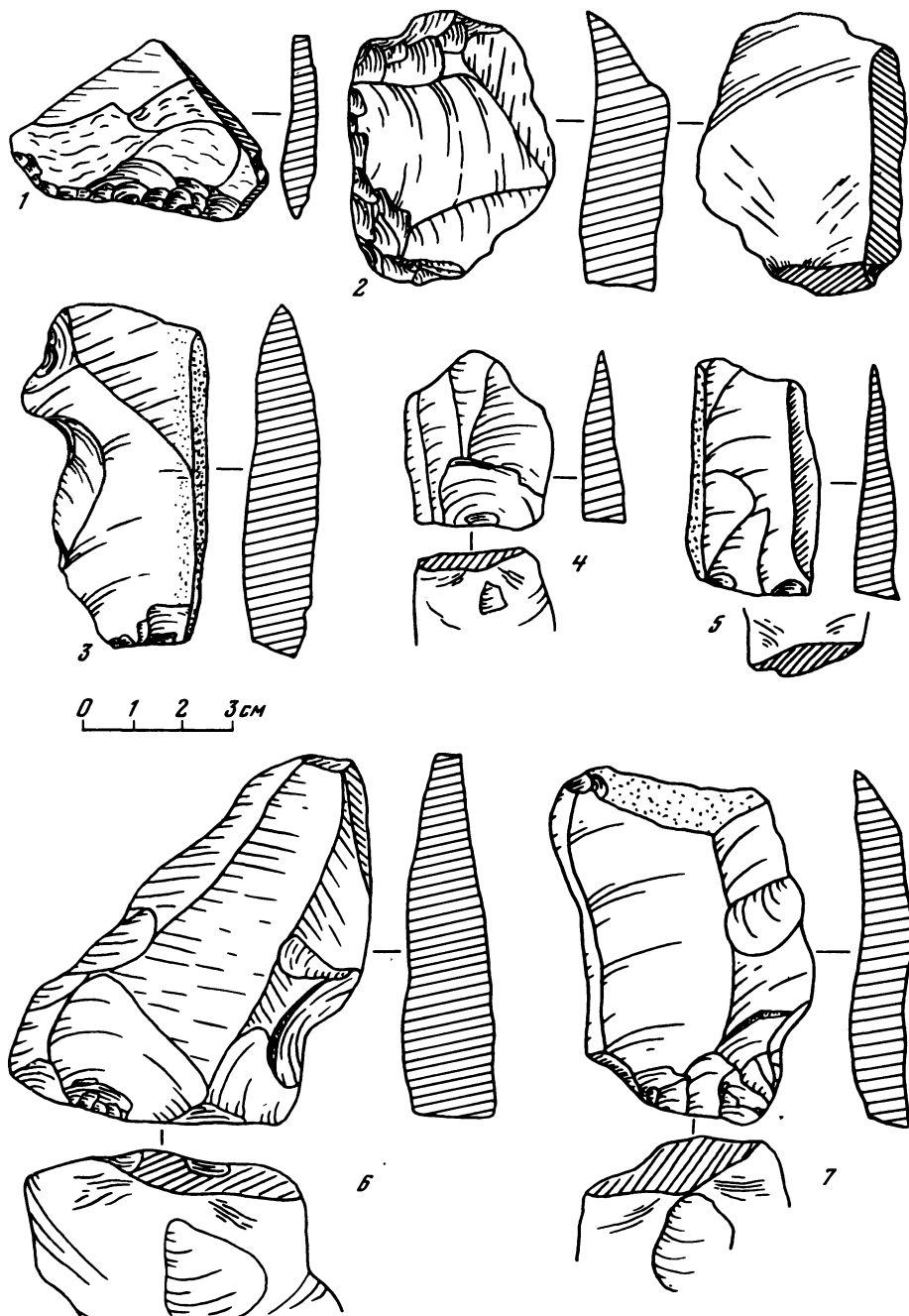

Рис. 2. Каменные изделия
 1—3 — Манас-Озень I; 4—7 — Манас-Озень II

ударной площадки. При этом ударная площадка оказалась почти полностью стесанной ретушью.

Исходя из указанных особенностей, комплекс Манас-озени I можно датировать эпохой мустье. Если же оценивать памятник в целом, то он должен квалифицироваться как пункт кратковременного пребывания мустьерцев. Нам трудно судить о том, является ли имеющаяся в нашем распоряжении небольшая коллекция действительно характерной для данного памятника. Однако такие технические показатели индустрии, как нефасетированность и нелеваллуазский характер заготовок, вероятно, отражают реальную картину, поскольку то же самое наблюдается и на соседних местонахождениях, в том числе и таких, которые доставили статистически значимые коллекции.

Манас-озень II. Это местонахождение также расположено на правом берегу в сходных с Манас-озень I геоморфологических условиях, но не на останце, а на самой террасе. Все находки располагались на поверхности частично распаханной площади размерами 30×30 м, примыкающей с запада к железнодорожной магистрали Ростов—Баку. Сборы с этого участка составили коллекцию изделий, датированных эпохой бронзы и палеолитическим временем.

В качестве сырья для палеолитических изделий служил кремнецветный известняк местного происхождения. В результате выветривания эти изделия покрылись плотной глубокой, желтовато-серой, реже коричневатой патиной. На некоторых экземплярах наблюдается заметное изменение структуры исходного материала почти на всю толщину. Один из таких предметов легко крошится, имеет шероховатую поверхность и необычно легок на вес. Заметных следов окатанности изделия рассматриваемого комплекса не имеют. Это исключает возможность сколько-нибудь существенного перемещения находок в результате водной деятельности. На некоторых изделиях имеются следы механических повреждений, связанных, очевидно, с пахотой.

Инвентарь комплекса Манас-озени II насчитывает 26 предметов. В это число входят четыре леваллуазских пластинчатых скола и один массивный нуклеидный обломок типа полиэдра. Остальное количество приходится на отщепы. Изделия со вторичной обработкой отсутствуют. Поэтому, описывая технику обработки, мы вынуждены ограничиться лишь рассмотрением характера первичного раскалывания. И, поскольку нуклеусы отсутствуют, это можно сделать, опираясь на сами сколы, особенно те из них, которые сохранили ударную площадку. Последние составляют группу из 18 предметов. Ударные площадки почти всех их гладкие, широкие, нефасетированные. Они составляют чаще всего тупой угол с плоскостью раскалывания. Иногда угол этот прямой. В двух случаях площадки имеют желвачную корку. Ударная площадка одного отщепа близка к типу "летающей птицы".

Сколы этого инвентаря имеют между собой сходство и по другим признакам. Очертания их подпрямоугольные. Ударные бугорки в большинстве случаев массивные, с изъёмом и занимают половину и больше брюшковой поверхности. Предметы со сплошной желвачной коркой на поверхности (первичные сколы) представлены всего 1 экземпляром; с частично покрытой поверхностью — двумя. По своим размерам отщепы делятся на две примерно равные группы. Первая, 9 экз., характеризуется относительно крупными (в среднем 5,5×4 см) размерами; вторая (12 экз.) объединяет мелкие экземпляры (в среднем 3,5—3 см). Самый крупный отщеп (рис. 2, б) имеет размеры 8×6,5 см. Для отщепов обеих групп характерна массивность.

От описанных отщепов отличаются своим обликом пластинчатые леваллуазские сколы (рис. 2, 5, 7). Они имеют удлиненные очертания, параллельные края, относительно меньшую массивность и несут на лицевой стороне негативы по крайней мере двух других предыдущих субпараллельных снятий. Ударная площадка леваллуазских сколов, так же как и у отщепов, плоская, нефасетированная. Размеры наибольшего неповрежденного леваллуазского скола — 7,5×5 см (рис. 2,5), наименьшего — 4,2—1,8 см.

Для статистически обоснованных интерпретаций рассмотренный материал количественно недостаточен. Но его однородность, как представляется, дает возможность для объективной оценки общих черт инвентаря. Исходя из данного выше описания, можно заключить, что мы имеем дело с мустьерским памятником, техника первичного раскалывания которого основывалась на нуклеусах различных типов, в том числе и леваллуазских. По характеру ударных площадок эта индустрия несомненно относится к типу нефасетированных. По типологическому составу инвентаря, который представлен в подавляющем большинстве заготовками для орудий, памятник, по-видимому, может быть определен как мастерская. В связи с этим любопытно то, что здесь нет сколько-нибудь выразительной группы первичных сколов, которые встречаются в обилии на палеолитических мастерских. Возможно, однако, что грубая первоначальная оббивка производилась непосредственно у выходов сырья, расположенных в нижней части разреза того участка террасы, на котором находится данное местонахождение. На самом же памятнике, очевидно, производилась дополнительная обработка сырья до получения заготовок.

Манас-озень III. Местонахождение расположено у восточной окраины поселка Манаскент Ленинского района, на левом берегу реки, недалеко от берега моря. Оно приурочено к небольшому мысу, выходящему на расширяющуюся здесь пойму р. Манас-озень. С обеих боковых сторон мыс ограничен глубокими логами. С тыльной стороны в результате человеческой деятельности он также оказался выделен широкой ложбиной. Поэтому данный участок выглядит останком той террасы, на которой расположены и другие местонахождения. Ширина этого мыса — 35 м, расстояние, на которое он выдается вперед, 25 м. Тщательный осмотр его поверхности позволил выявить здесь единичные находки, относящиеся к эпохе бронзы и палеолиту.

Палеолитическая часть находок состоит из трех предметов. Это массивные отщепы подчетыреугольных очертаний, с гладкой и широкой ударной площадкой и очень большим ударным бугорком. Таким образом, та часть технических показателей, которую мы в состоянии восстановить, опираясь на эту группу изделий, идентична соответствующим характеристикам соседних манас-озеньских памятников. Это служит надежным основанием для датировки находок эпохой мустье.

Единичность найденных здесь изделий и их морфологический облик указывают, по-видимому, на то, что данное местонахождение, так же как и Манас-озень I, является, скорее всего, пунктом кратковременного пребывания или эпизодического посещения мустьерских обитателей прикаспийской равнины.

Манас-озень IV является самым значительным из всех манас-озеньских местонахождений. Оно расположено на левом берегу реки у поворота на с. Карабудахкент. На этом участке пойма реки расширяется и делает крутой изгиб влево. К отрезку этой выгнутой части поймы выходит небольшой, но довольно широкий лог. Прорезающий террасу лог и пойма постепенно сливаются друг с

другом. На поверхности той части террасы, которая примыкает с запада к логу, были сделаны сборы предметов, относящихся к различным эпохам. Участок распространения находок простирается вдоль края террасы примерно на 100 м в длину и 60 м в ширину. Предметы, датирующиеся эпохой бронзы и железа, тяготеют к западной части этого участка, а палеолитические изделия — преимущественно к его восточному краю. Картина эта наблюдалась довольно четко, несмотря на то, что данный участок распахивается. В итоге сборов с поверхности был получен значительный материал, характеризующий два этапа интенсивного обживания людьми этой территории. Эти этапы соответствуют мустьерской эпохе и бронзовому веку. Полученные данные свидетельствуют также об эпизодическом заселении ее и в поздние периоды.

Типологически разнообразные предметы палеолитического комплекса этого местонахождения изготовлены исключительно из кремневого известняка. В отличие от имеющихся здесь изделий эпохи бронзы из аналогичного сырья они покрыты плотной глубокой коричневато-желтой или серой патиной. Поверхности некоторых экземпляров имеют частичную замшелость. В результате двукратных сборов с местонахождения была получена коллекция, насчитывающая 108 предметов. Из них 13 (12%) имеют вторичную обработку.

Для характеристики техники первичного раскалывания служат три нуклеуса и все имеющиеся сколы. Один из нуклеусов представлен уплощенной формой размерами 12×9×5 см. Ударная площадка нуклеуса плоская, полученная одним сколом; расположена примерно под прямым углом к плоскости раскалывания. Рабочая часть приурочена к одной из торцовых частей ядрища. Здесь имеется негатив от удлинённого скола, который мог бы быть охарактеризован как леваллуазский. Длина негатива этого скола 11 см, ширина 6 см. По-видимому, этот экземпляр нуклеуса демонстрирует начальный этап его раскалывания. Типологически он должен быть отнесен к протопризматическим или к леваллуазским (в широком смысле одноплощадочным).

Второй нуклеус меньшего размера (5×5×3,5 см). Он имеет призматическую форму и две противопоставленные плоские ударные площадки, составляющие прямой угол с плоскостью раскалывания. Рабочая часть здесь округлая и широкая, со следами негативов, встречных снятий. Тильная плоская сторона не имеет негативов деловых сколов. Этот нуклеус нужно считать сильно сработанным, так как ширина остаточной части ударной площадки равна всего 2,3 см.

Третий экземпляр нуклеуса типологически смыкается с первым. Таким образом, все три нуклеуса попадают в разряд леваллуазских (в широком смысле). Совокупность всех сколов инвентаря демонстрирует, однако, иную и, вероятно, более полную картину. Инвентарь местонахождения в плане техники первичного раскалывания представляет в следующем виде (табл. 1).

Из этой таблицы видно господство в инвентаре нелеваллуазских черт при наличии заметно выраженной группы изделий леваллуа. Индекс леваллуа составляет здесь 21,5, а индекс пластин (I lam) — 6,4.

Наиболее многочисленная категория предметов — отщепы — разнородны по размерам и очертаниям. Некоторая часть мелких отщепов (13 экз.) размерами в среднем 2,5×3,5 см, видимо, относится к отходам производства, поскольку они существенно отличаются от отщепов, превращенных в орудия, и от всех других заготовок. Остальные изделия этого рода делятся на две количественно равные группы крупных и мелких предметов. Средние размеры крупных экземпляров

Таблица 1

Сколы						Обломки и осколки	Нуклеусы и нуклеидные обломки	Всего
леваллуа			нелеваллуа					
отщепы	треуг. сколы	пластины	отщепы	треуг. сколы	пластины			
12	2	6	73	—	—	10	5	108

6,5×6,5×1,5 см, мелких — 3,5×3,5×1,5 см. Формы отщепов подчетыреугольные и овальные. Изделия обеих групп одинаково массивны.

Леваллуазские сколы имеют удлиненные очертания, при совпадении длинной оси изделия с направлением удара. На спинках их отмечаются негативы одного-двух предыдущих субпараллельных снятий. Средние пропорции отношения длины к ш.рине у этих предметов — 1,5:1. Есть экземпляры, пропорции которых соответствуют определению пластин, но из-за массивности и характера краев они выпадают из числа последних.

Количество изделий, отвечающих всем требованиям леваллуазских пластин, незначительно (6 экз.). Отношение длины к ширине у этих предметов — 2:1. Сечение у двух пластин трапецевидное, в двух других случаях — треугольное. На спинках пластин имеются негативы двух-трех предпараллельных снятий. Длина в среднем 6 см.

Диагностичным признаком инвентарей каменного века является характер ударной площадки. Количество сколов с сохранившимися ударными площадками в данном комплексе равно 80. Из них 68 сколов имеют гладкую, чаще широкую площадку, шесть — двухгранную, один — фасетированную выпуклую. Ударные площадки девяти предметов покрыты полностью или частично желвачной коркой. Таким образом, ударные площадки демонстрируют нехарактерность для инвентаря техники фасетирования, что является довольно существенным моментом для определения культурно-хронологической позиции индустрии.

Вторичная обработка инвентаря Манас-озень IV базируется почти целиком на ретуши. В двух случаях отмечается сочетание ретуши с оббивкой (рис. 3, 4), когда вторичная обработка была нацелена на существенное изменение первоначальных очертаний заготовки. Употребление того или иного типа ретуши зависело от назначения орудия и от характера обрабатываемого элемента. Так, краевая ретушь на скреблах неглубокая и не изменяет первоначальные очертания обрабатываемого края. В тех же случаях, когда выделяется клювовидный элемент орудия (рис. 4, 1), она "агрессивная", взрывающаяся и сочетается с плоской брюшковкой ретушью, оформляющей клювовидный выступ. Целенаправленное сильное изменение исходной формы заготовки осуществлялось и при помощи ретушного усечения (рис. 4, 2).

Ретушь краевая наносилась как с брюшка, так и со спинки. В двух случаях она зубчатая, крупнофасеточная. В большинстве случаев краевая ретушь полукрутая.

Ретушь плоская, чешуйчатая употреблялась для уплощения основания клювовидных выступов. Распространенная крупная пологая ретушь на брюшке отме-

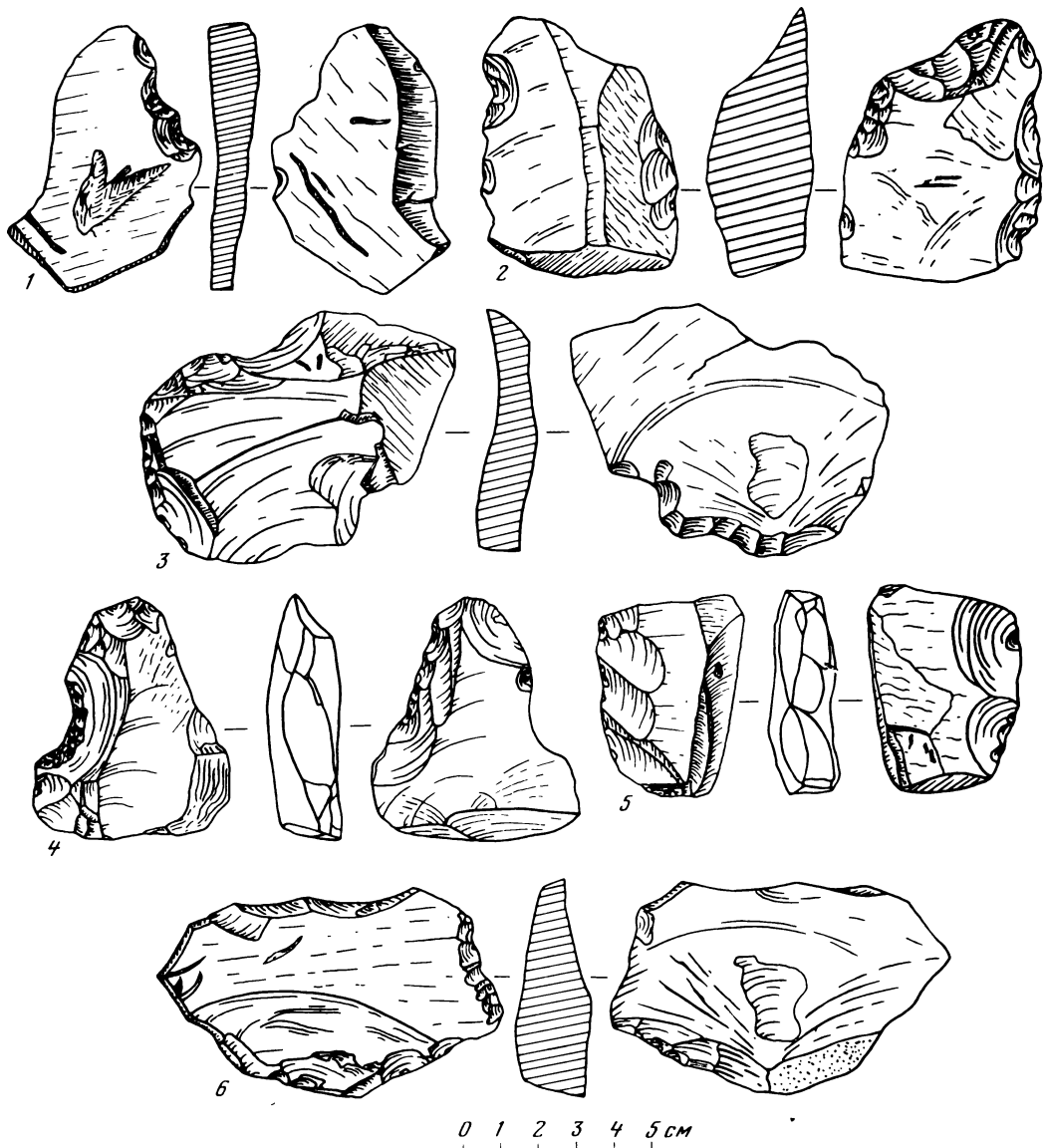

Рис. 3. Манас-Озень IV. Каменные изделия (1—6)

чается на орудии типа ручного рубильца (рис. 3, 4). И, наконец, на рабочем конце скребка имеется небольшой участок характерной для верхнепалеолитических орудий "скребковой" ретуши.

Типологический состав изделий со вторичной обработкой выглядит следующим образом: скребла — 4 экз.; скребки — 1 экз.; ножи — 1 экз.; орудия типа рубильца — 1 экз.; клювовидные орудия — 4 экз.; незаконченные неопределимые орудия — 2 экз.

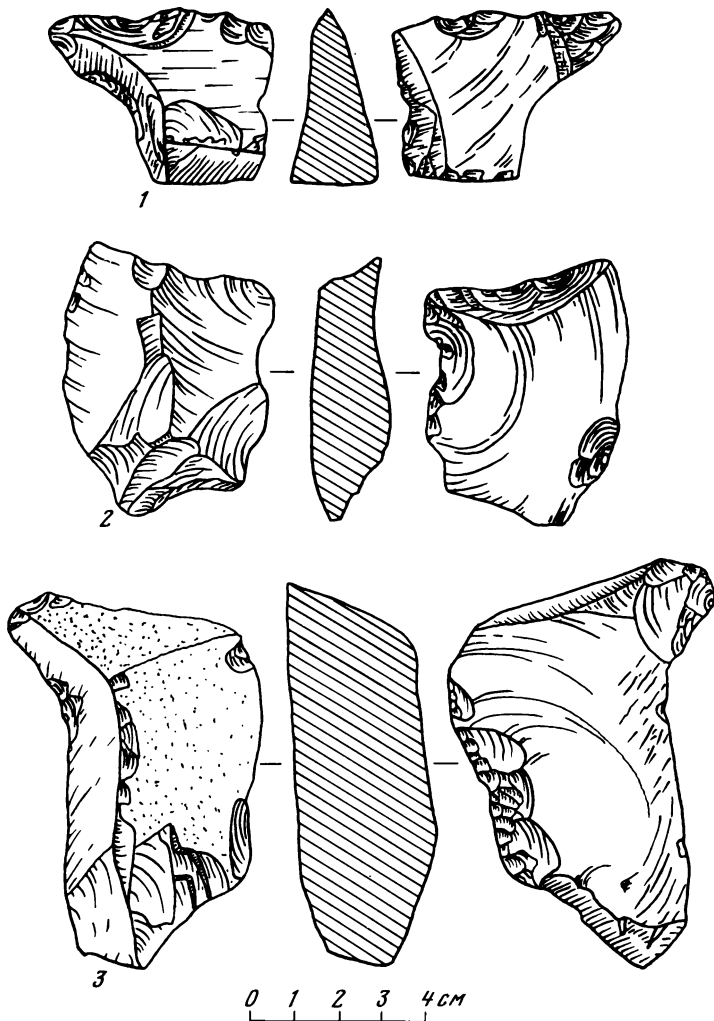

Рис. 4. Манас-Озень IV. Каменные изделия

1—3 — клювовидные орудия

Скребла представлены одним зубчатым (рис. 3, 1) и одним простым мелким (рис. 5, 1). Первое изготовлено на отщепе крупных размеров (7,5×4,5×1,5 см). Зубчато-выемчатый край его обработан полукрутой ретушью. Второе орудие оформлено на мелком отщепе (3,5×1,5 см) нанесением с брюшка полукрутой разнофасеточной, двухрядной ретуши.

Ножи (рис. 3, 5). Единственный крупный обломок изделий этой категории относится к типу ножей с обушком-гранью. Рабочий край получен оббивкой со стороны брюшка и крупной пологой ретушью со спинки. О глубоком знании обитателями стоянки сырьевого материала свидетельствует то, что режущий край

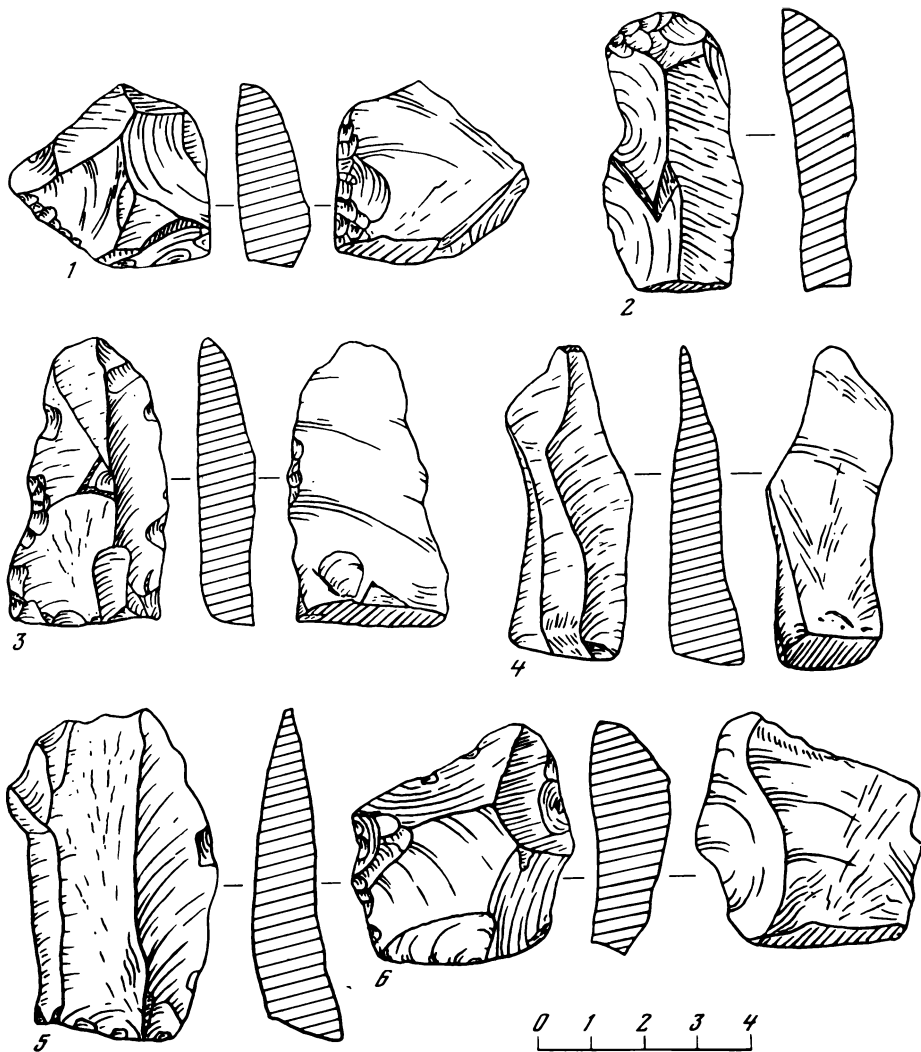

Рис. 5. Манас-Озень IV. Каменные изделия (1—5)

приручен к узкой (4 мм) прожилке более однородного кремня, оказавшейся вкрапленной здесь в основную породу — окремненный известняк. Противопоставленный режущему краю плоский обушок этого орудия получен широкими сколами.

Орудие типа рубильца (рис. 3, 4) — одно из интересных изделий комплекса. Изготовлено оно на толстом отщепе в технике частично двусторонней ретуши. Орудие имеет массивную пяточную часть (толщина 2,3 см), треугольные очертания и заостренный конец. Форма изделию придана интенсивной вторичной обработкой. Края обработаны крупной глубокой, распространенной, противо-

лежащей ретушью. Тщательно обработан и конец орудия. Характер обработки этого изделия демонстрирует целенаправленность, предполагавшую получение конвергентных краев и заостренный конец при общей массивности предмета. Длина рубильца 6,5 см, ширина у основания 5,3 см.

Клювовидные орудия (рис. 4, 1, 3), по-видимому, наиболее показательны для данного комплекса. Заготовками для трех таких орудий послужили отщепы: один массивный, ребристый (размеры: 9×4,5×3 см) и два плоских. Четвертый экземпляр изготовлен на небольшом (4×5×2,2 см) обломке. Клювовидный рабочий элемент на ребристом сколе (рис. 4, 3) приурочен к узкой вытянутой и отогнутой в сторону кромке, получившейся случайно при первичном раскалывании. Здесь не было необходимости дополнительно подчеркивать "клюв" с боковых сторон и поэтому его оформление свелось лишь к уплощению основания со стороны брюшка. Один из краев этого орудия также обработан с брюшка, но не плоской, как в первом случае, а характерной для скребел полукруглой ретушью. Этот край можно воспринимать как дополнительную рабочую часть данного орудия.

Клювовидные рабочие элементы остальных изделий выделены одной или двумя ретушированными выемками. Причем у двух из них (рис. 4, 2) выделению рабочей части предшествовало ретушное усечение заготовок. У всех них, также как у описанного выше экземпляра, отмечается дополнительное уплощение основания "клюва" со стороны брюшка плоской ретушью. В одном случае это было достигнуто предварительным широким сколом. Описанный признак подчеркивает целенаправленность изготовления клювовидных орудий и технико-типологическое единство этой категории вещей инвентаря.

Скребок (рис. 5, 2) инвентаря представлен концевой формой и изготовлен на массивной пластине треугольного сечения. Округлый рабочий конец оформлен частичной ретушью, обычной для концевых скребков верхнего палеолита. Размеры орудия 5,4×2,2×1,2 см. Массивность заготовки сближает его со скребками высокой формы.

Рассмотренный материал позволяет достаточно уверенно датировать местонахождение Манас-озень IV эпохой мустье. В пределах же этой эпохи наиболее вероятен ранний возраст, во всяком случае, первая половина мустье. Для подобного уточнения служат такие архаические признаки инвентаря, как наличие орудия типа рубильца, использование для орудий обломков при наличии достаточного количества отщепов, употребление техники оббивки во вторичной обработке, массивность и нестандартность преобладающего большинства заготовок и господство сколов с широкими, гладкими и скошенными ударными площадками. Окончательный вывод на этот счет, очевидно, будет возможен лишь после открытия стратифицированных комплексов, которые смогут послужить реперами для относительных датировок.

Разнородный состав инвентаря и сравнительно большое количество готовых орудий в нем позволяет отнести памятник к стоянкам-мастерским. И первичная и вторичная обработки производились непосредственно на стоянке. Благодаря этому данный инвентарь значительно информативнее рассмотренных ранее манас-озеньских местонахождений. Наиболее показательным кажется наличие здесь серии клювовидных орудий, характерных преимущественно для зубчатых мустьерских индустрий. Как известно, для инвентарей, богатых клювовидными орудиями, органически свойственна и зубчато-выемчатая ретушь. Здесь трудно с определенностью судить о том, насколько действительно свойственна для данного

комплекса такая ретушь, поскольку количество изделий со вторичной обработкой невелико. Однако, не случайно, видимо, то, что из отмечаемых здесь четырех случаев краевой ретуши в трех произведена именно зубчатая обработка. Все это дает основание для предварительного вывода о том, что данный мустьерский комплекс если и не является зубчатым, то, во всяком случае, очень близок к кругу зубчатых индустрий.

Манас-озень V. Этот пункт находок расположен к западу от местонахождения Манас-озень IV. Памятник этот был известен раньше как остатки поселения средней бронзы.

Район описываемого местонахождения примыкает к подошве предгорного хребта и отстоит от берега р. Манас-озень на 70 м. Именно здесь река выходит на равнину и расширяет свою пойму. Здесь на несколько возвышающемся участке размерами 50×30 м встречаются изделия, относящиеся в подавляющем большинстве к эпохе бронзы. Вместе с тем нами было обнаружено на поверхности 16 отщепов с характерными мустьерскими признаками. Все они изготовлены из местного кремневого известняка. Отщепы покрыты коричневатой-серой патиной, поверхность их выветрелая, признаков окатанности нет.

Предметов с сохранившимися ударными площадками насчитывается девять. Из них восемь отщепов имеют гладкую и один — двугранную площадки. Этот технический показатель местонахождения Манас-озень V совпадает с аналогичными данными описанных выше памятников. Точно также совпадают и общие характеристики отщепов в целом.

Предметы со вторичной обработкой в этом комплексе представлены одним экземпляром. Таков обломок простого скребла на первичном сколе с обработкой одного края не крупной ретушью, образующей слегка извилистый край.

По совокупности технико-типологических данных эти находки можно датировать мустье, а само местонахождение, по-видимому, относится к пунктам кратковременного пребывания людей.

Генторун I. Местонахождение открыто О.М. Давудовым в 1977 г. и обследовано нами совместно с ним в 1978 г. Расположено к востоку от с. Карабудахкент Ленинского района в урочище Генторун. Площадь распространения основной части находок равна примерно 30×40 м. Особенностью этого и соседнего местонахождения Генторун II является то, что они почти не содержат материалов поздних эпох. Данное обстоятельство не только благоприятствует оперированию этими материалами, как "чистыми" комплексами, но и служит дополнительным основанием для верификации мустьерских инвентарей других соседних местонахождений, где комплексы эпохи бронзы смешаны с мустьерскими.

С местонахождения Генторун I происходит 44 предмета. Материал, очевидно, смешался и подвергнулся механическому воздействию. Поэтому некоторые изделия получили повреждения, следствием чего в отдельных случаях явилась такая забитость краев, которая имеет характер псевдоретуши. Количество изделий с намеренной вторичной обработкой составляет группу из 8 экз. (18%). С точки зрения техники раскалывания инвентарь представляется следующим образом (табл. 2).

Выразительных нуклеусов в комплексе два. Один характеризуется двуплощадочным односторонним встречным скалыванием в леваллуазской манере. Длина нуклеуса 13 см, ширина — 9 см. Основа ядрища плоская, плитчатая. Кромка края одной из площадок имеет забитость. Другой экземпляр представлен пол-

Таблица 2

Сколы						Обломки и осколки	Нуклеусы и нуклеидные обломки	Всего
леваллуа			нелеваллуа					
отщепы	треуг. сколы	пластины	отщепы	треуг. сколы	пластины			
3	—	1	23	—	1	13	3	44

ностью завершенной и предварительно подготовленной к скалыванию заготовкой. Основой для него, как и в первом случае, послужила плитчатая отдельность кремневого известняка. Размеры его: 12,5×8,5×3 см. Предварительная обработка этого ядрища сводилась к максимальному приспособлению для получения удлиненных сколов. Оббивкой и крупной ретушью стесаны продольные края и таким же образом подготовлена одна ударная площадка. В результате нуклеус приобрел вытянутые очертания и воплотил в себе все основные признаки леваллуазского ядрища на плитчатой исходной форме.

Общая картина заготовок инвентаря, однако, нелеваллуазская. Леваллуазские сколы представлены четырьмя предметами, а пластины лишь одним изделием. Подавляющее большинство приходится на отщепы (23 экз.), обломки, осколки и чешуйки оббивки (вместе 13 экз.). Отщепы представлены целыми и обломками. В основном они некрупные (4,5×3,5×1,5 см), но массивные. Очертания обычно овальные. Некоторые имеют частичное желвачное покрытие. Типичные первичные сколы отсутствуют.

Интересны показатели такого характерного признака раскалывания, как подготовка ударной площадки. Всего предметов с сохранившимися ударными площадками — 20. Из них гладкие площадки имеют 18, двугранные — 2. Фасетированных площадок нет совсем. Эти показатели четко определяют индустрию Гентрун I как нелеваллуазскую и нефасетированную.

В основе вторичной обработки инвентаря лежит ретушь. Она, как правило, краевая, крупнофасеточная, регулярная и преимущественно однорядная. В четырех случаях ретушь придает краям изделий зубчатый характер. На одном изделии фиксируется полая ретушь с брышка. Ретушь часто активная и в определенной мере изменяющая первоначальные очертания обрабатываемого края.

Изделия со вторичной обработкой подразделяются на следующие разновидности: скребла простые — 4 экз., скребла поперечные — 1 экз., ножи с естественным обушком — 1 экз., рубящие орудия — 1 экз., клювовидные орудия — 1 экз.

Скребла простые изготовлены на массивных нелеваллуазских отщепах, три из которых имеют подтреугольные очертания, а один овальный. У всех один из продольных краев обработан крупной неравнофасеточной полукруглой ретушью. Рабочий край при этом имеет более или менее зубчатый характер (рис. 6, б). Два из этих скребел прямые (рис. 6, а), другие два — слабовыпуклые (рис. 6, б).

Скребло поперечное оформлено на укороченном отщепе обычной полукруглой краевой ретушью (рис. 6, в).

Нож с естественным обушком морфологически смыкается с простыми скреблами. Основное его отличие в том, что рабочий край изделия обработан не

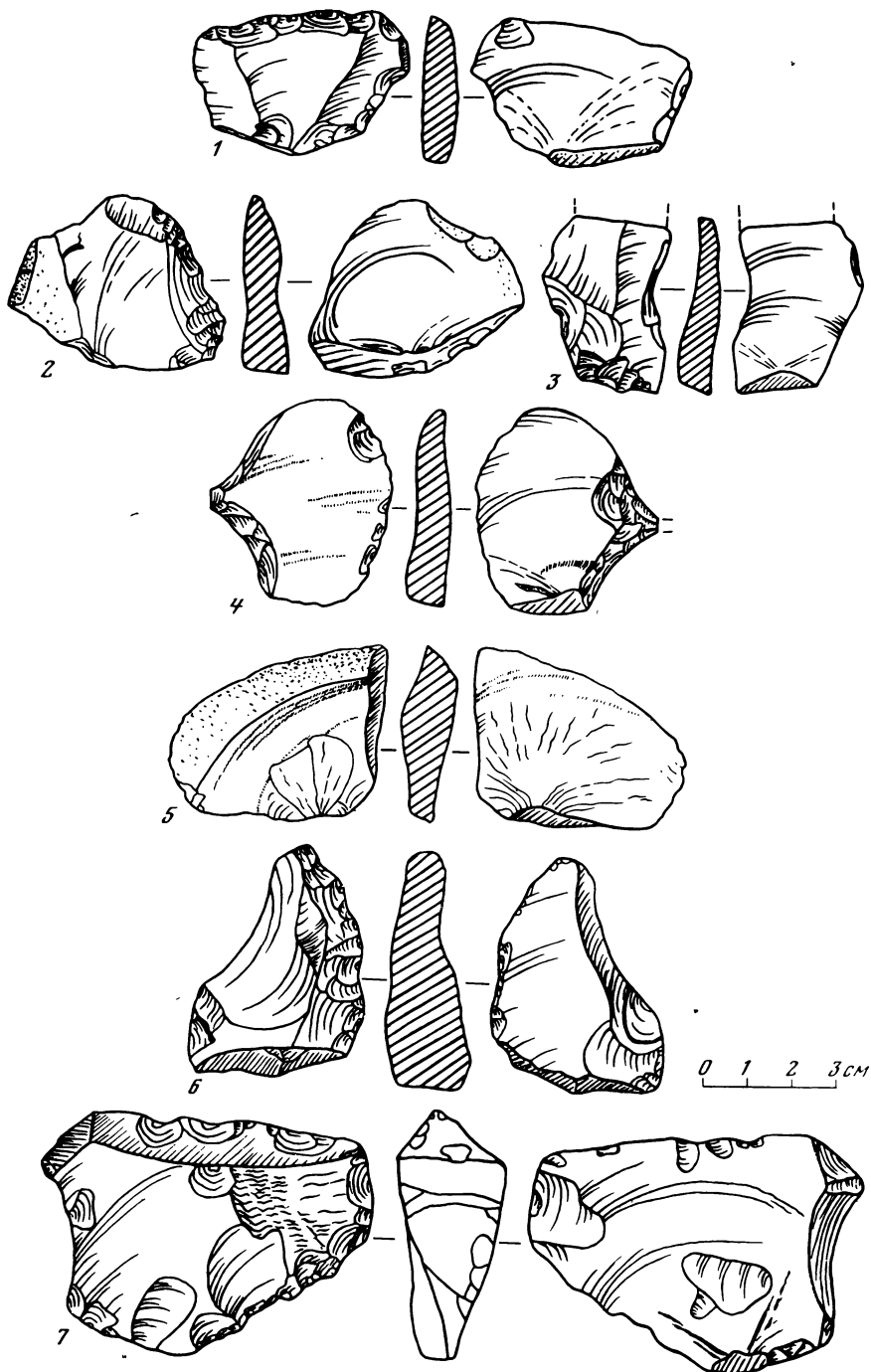

Рис. 6. Генторун I. Каменные изделия (1—7)

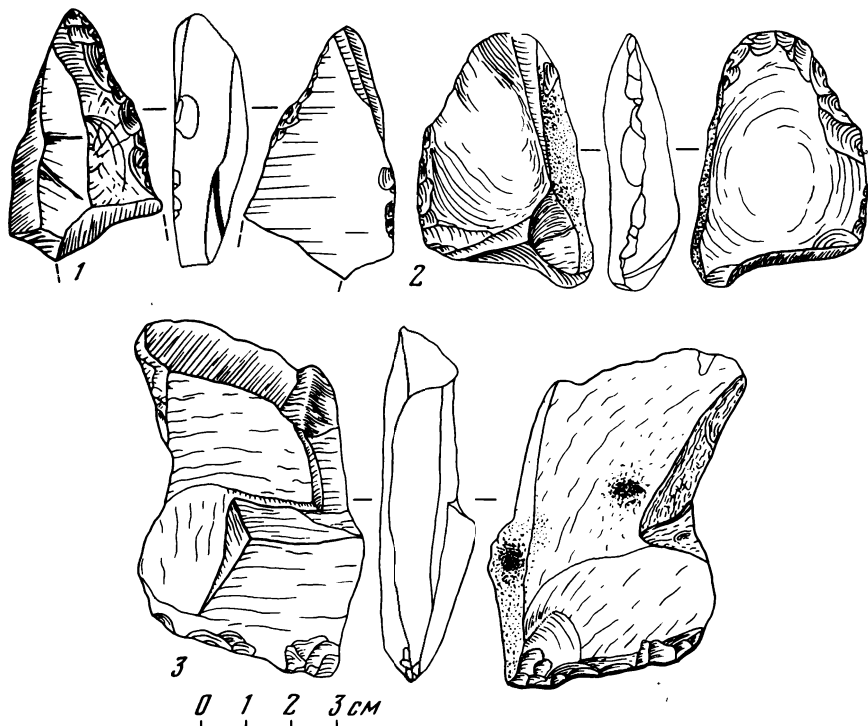

Рис. 7. Генторун I. Каменные изделия (1—3)

крутой или полукруглой, а пологой краевой ретушью (рис. 7, 2). Ретушь чередующаяся. В проксимальной части она располагается на брюшке и более интенсивная. Обработанному краю противопоставлены обушок с естественной коркой.

Рубящее орудие (рис. 7, 3) В отличие от вышеописанных предметов, изготовлено на массивном обломке со следами крупных снятий и изломами по трещинам. Размеры заготовки — 10×6,5×3 см. Обработка этого орудия свелась к частично двусторонней краевой ретуши одного, предварительно утоньшенного крупным сколом поперечного края. Обушком служит противоположный этому массивный конец-пятка, слегка скошенный в сторону одного из плоскостей изделия.

Клювовидное орудие (рис. 6, 4). Заготовкой для него послужил небольшой "двухбрюшковый" отщеп. На одном из его продольных краев двумя ретушированными выемками выделено жальце, затем оно утоньшено плоской ретушью со стороны брюшка. Такой характер жальца-клюва отмечался уже при описании инвентаря Манас-озень IV.

Таким образом, рассмотренный материал датируется эпохой мустье. Для культурно-исторической интерпретации инвентаря показательными являются такие признаки, как нелеваллуазский характер первичной обработки, большое значение зубчатой ретуши в технике вторичной обработки, наличие в составе инвентаря рубящего и клювовидного орудий. По всем этим признакам рассматриваемый комплекс смыкается с местонахождением Манас-озень IV и Генторун II.

Таблица 3

Сколы						Обломки и осколки	Нуклеусы и нуклев. обломки	Всего
леваллуа			нелеваллуа					
отщепы	треуг. сколы	пластины	отщепы	треуг. сколы	пластины			
5	—	2	30	—	—	3	3	43

Генторун II расположено к востоку от Генторун I в одинаковых геоморфологических условиях. Находки в количестве 43 экз. собраны с распахиваемого участка размерами около 70×60 м. Часть инвентаря имеет механические повреждения изломы и частичную выкрошенность краев. Заметных следов окатанности нет, но зато наблюдается значительная выветрелость поверхностей изделий. Кроме того, они покрыты желтовато-серой и коричневатой патиной. На отдельных предметах наблюдаются следы древней частичной замшелости. Большинство изделий приходится на заготовки для орудий и их обломки. Количество предметов со вторичной обработкой равно 11 экз. (25,6%). Распределение инвентаря на различные группы с точки зрения техники первичной обработки иллюстрирует следующая таблица 3.

В комплексе Генторуна II имеется два определимых образца нуклеусов. Один из них изготовлен на плитчатой основе (рис. 8, 5). Его размеры 9,7×8×1,6 см. Один конец ядрища двумя крупными сколами превращен в плоскую площадку. Покрытая естественной коркой тыльная сторона осталась нетронутой, а с лицевой стороны было сколото по крайней мере три удлиненных скола. Негатив последнего скола занимает центральную часть нуклеуса и имеет следующие размеры: 8,5×5,6 см. Описанное ядрище обнаруживает близкое сходство с одноплощадочными леваллуазскими нуклеусами местонахождений Манас-озень II, Манас-озень IV и Генторун I. К этому же типу относится и другой экземпляр ядрища данного комплекса (рис. 8, 1). Он представляет собой как бы сильно укороченный вариант первого. По принципу подготовки леваллуазских нуклеусов у него оббивкой обработаны и края. Не исключено, что первоначально здесь производилось продольное раскалывание, а уже потом — поперечное. Целенаправленное параллельное раскалывание тут очевидно.

Соответствующие описанным выше нуклеусам леваллуазские сколы имеют вытянуто-овальные очертания, гладкие, преимущественно широкие ударные площадки и несут на спинках по два негатива предыдущих субпараллельных снятий. Леваллуазские пластины представлены двумя обломанными экземплярами. Сохранившаяся часть одной из этих пластин имеет крупные размеры (9,5×6 см) при относительно тонком сечении (1,4 см) (рис. 8, 2). Длина другого экземпляра, судя по сохранившейся ее медиальной части, была незначительной.

Сколы нелеваллуазские имеют овальные и округлые очертания, в подавляющем большинстве гладкую широкую скошенную в сторону плоскости раскалывания ударную площадку, рельефный и крупный ударный бугорок и массивный профиль. Средние размеры их 5,5×5,5×1,5 см. На спинках этих отщепов наблюдаются негативы бессистемных снятий. Первичные сколы представлены

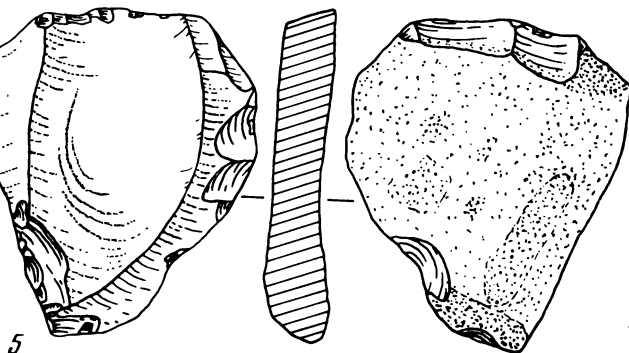
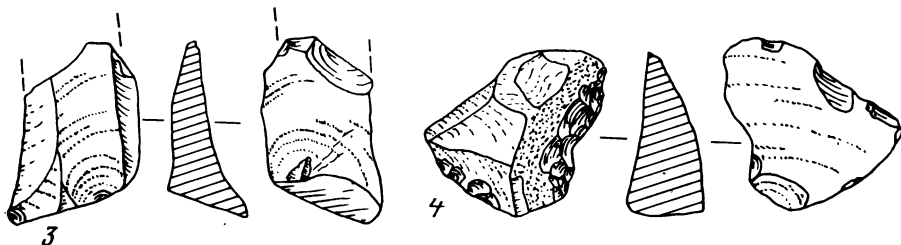
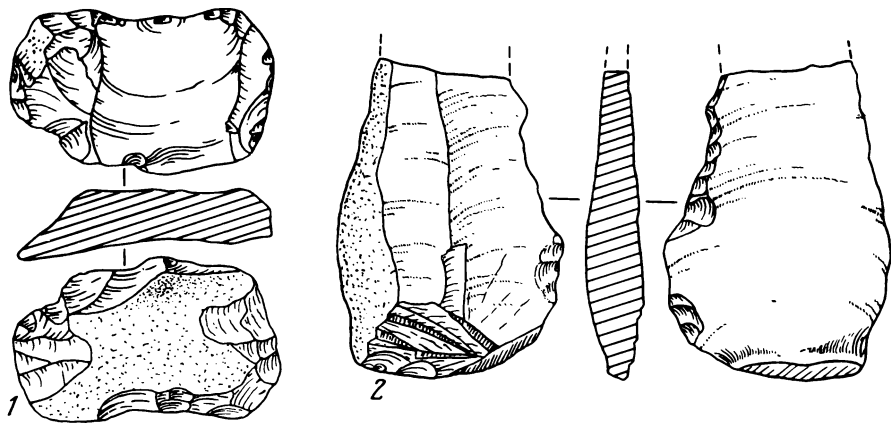
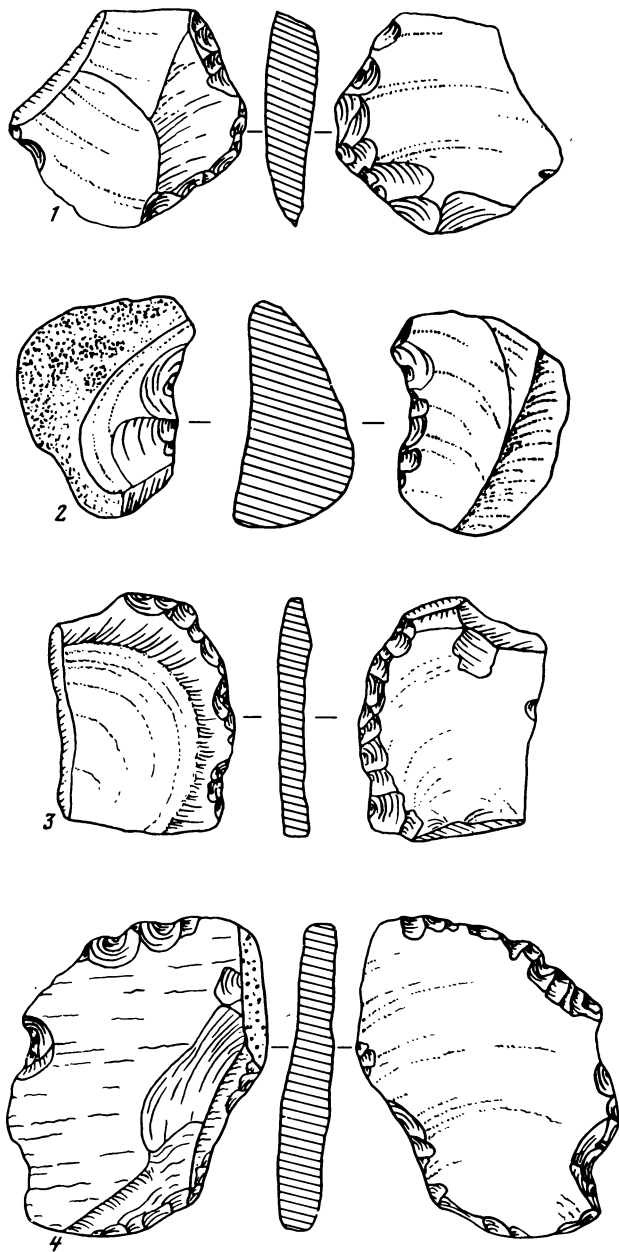

Рис. 8. Генторун II. Каменные изделия (1—5)

лишь одним экземпляром. Несколько изделий имеют краевое желвачное покрытие. Чешуйки оббивки практически отсутствуют.

Вторичная обработка изделий в основных чертах повторяет таковую, описанного выше местонахождения Генторун I.

Типологический состав инвентаря следующий: скребла простые — 5 экз.; ножи с естественным обушком — 2 экз., клювовидные орудия — 1 экз.; рубящие орудия — 1 экз.; неопределяемые орудия — 2 экз.

0 1 2 3 4 см

Рис. 9. Генторун II. Каменные изделия (1—4)

Скребла простые подразделяются на выпуклые (рис. 9, 1, 3) — 3 экз. и вогнутые (рис. 8, 4; 9, 2) — 2 экз. У всех них один из продольных краев обработан полукрутой крупной преимущественно однорядной ретушью. У трех экземпляров рабочий край оформлен двусторонней краевой ретушью и имеет зубчатый характер.

Ножи с естественным обушком представлены двумя разнородными предметами. Один из них изготовлен на крупной леваллуазской пластине (рис. 8, 2). Служивший обушком один край этой пластины покрыт желвачной коркой. Противоположный край, очевидно, не был обработан, но впоследствии на нем образовалась псевдоретушь. Второй предмет изготовлен на не крупном массивном отщепе. Слабовогнутый рабочий край его обработан двусторонней краевой ретушью.

Клювовидное орудие (рис. 10, 1) изготовлено на массивном высоком подпрямоугольном отщепе. На верхнем конце двумя симметричными ретушированными выемками оформлен узкий клювовидный выступ.

Рубящее орудие (1 экз.) оформлено довольно тщательно. Оно изготовлено на отщепе (размер: 7,7×6 см), отколовшемся по трещине (рис. 10, 2). Заостренная рабочая часть орудия округлая; обработана частично двусторонней краевой крупной неравнофасеточной ретушью. Обушковая часть занимает верхнюю треть изделия. Толщина обушка 1,4 см. Он имеет сужение, образующее как бы перехват. Оно

Рис. 10. Генторун II. Каменные изделия (1—2)

достигнуто ретушной обработкой по одному краю и узким краевым снятием типа режцового скола по второму краю. Концевая часть обушка плоская.

В комплексе Генторуна II имеется еще два орудия, которые трудно определить из-за сильной выветрелости поверхностей. Вероятно, это были скребки высокой формы с рабочей частью, приуроченной к естественно суженному участку угловых массивных обломков.

Рассмотренные особенности инвентаря позволяют датировать его, как и другие манас-озеньские местонахождения, первой половиной мустьерской эпохи.

Из конкретного рассмотрения материала с очевидностью следует функциональная разнотипность манас-озеньских памятников. Общее количество изделий, их состава, соотноше-

ние готовых орудий к заготовкам и отходам производства достаточно определенно указывают на различие типов памятников. Это наглядно иллюстрирует табл. 4.

Количественная неравноценность комплексов не может явиться препятствием для подобных сопоставлений и выводов, поскольку все эти памятники расположены на узко ограниченном участке, в единых геолого-геоморфологических условиях и относятся к одной и той же эпохе. Исходя из этого, можно заключить, что тут представлено три типа памятников: стоянки-мастерские, мастерская, пункты эпизодического посещения. К первым относятся местонахождения: Манас-озень IV, Генторун I и Генторун II, где собраны статистически значимые коллекции с достаточно выразительной группой готовых орудий. На этих стоянках происходила, по всей вероятности, бытовая и производственная деятельность людей.

Тип мастерской демонстрирует местонахождение Манас-озень II. Здесь на 26 изделий нет ни одного предмета со вторичной обработкой. И расположен этот памятник непосредственно у места выхода сырья. Наконец, местонахождения Манас-озень I, Манас-озень III и Манас-озень V, где найдены единичные или малочисленные мустьерские предметы, вероятнее всего, относятся к пунктам эпизодического посещения неандертальцев.

Мустьерский возраст всех рассмотренных комплексов, как уже отмечалось, вряд ли может вызывать сомнения. Однако уточнение датировки в пределах

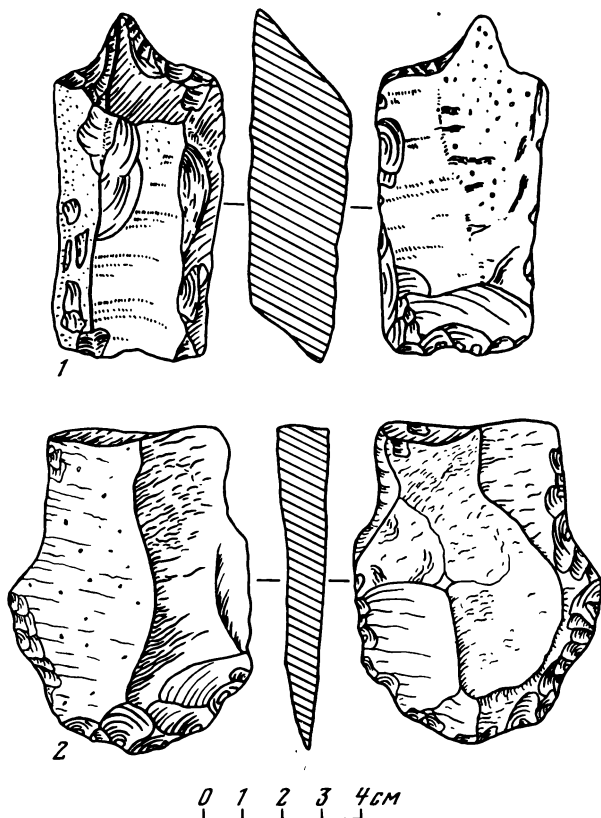

Таблица 4

Памятник	Общее количество изделий	Количество орудий
Манас-озень I	5	1
Манас-озень II	26	0
Манас-озень III	3	0
Манас-озень IV	108	13(12%)
Манас-озень V	16	1
Генторун I	44	8(18%)
Генторун II	43	11(25,5%)

мустье представляется довольно трудным. Техничко-типологический метод датировки имеет известные недостатки, а бедность инвентаря еще более сужает наши возможности. И если все же попытаться уточнить датировку, то мы должны, естественно, опираться на материалы основных комплексов, и в первую очередь на их технические показатели, поскольку они отражают реальные черты рассматриваемых индустрий и, как кажется, существенно не изменились бы от увеличения коллекций. В этом смысле очень характерен морфологический облик основной части материалов всех манас-озеньских местонахождений. Типичным здесь является скол, характеризуемый: 1) массивностью, 2) гладкой и широкой ударной площадкой, расположенной под тупым углом к плоскости раскалывания, 3) рельефным ударным бугорком, распространяющимся чаще всего на две трети плоскости брюшка, 4) укороченными пропорциями (для нелеваллуазских сколов, составляющих основу инвентарей) со средними размерами 5×5×1,5 см. Индустрии, характеризуемые такими сколами, относят обычно к ранним этапам мустье. Действительно, облик манас-озеньских инвентарей таков, что если бы в них были обнаружены ашельские бифасы, то это не выглядело бы чем-то инородным по отношению к остальной части материала. Видимо, поэтому исследователь каменного века Дагестана В.Г. Котович в свое время визуально разделил комплекс находок с местонахождения Чумус-иниц на две (мустьерскую и ашельскую) части. К ашелю он отнес изделия, характеризуемые указанными выше чертами вместе с двумя нетипичными бифасами, которые, на наш взгляд, являются нуклеусами различных стадий сработанности¹. Кстати, при ознакомлении с манас-озеньскими находками он также высказывался за их ашельский возраст.

Технические показатели манас-озеньских индустрий, выраженные в соответствующих индексах, сведены в табл. 5.

Приводимые в таблице индексы указывают на техническую однородность индустрий и отражают их нелеваллуазский, нефасетированный характер при значительном наличии леваллуазских черт. Наиболее интересным из этих данных представляется нулевой или чрезвычайно низкий индекс фасетирования ударных площадок. Нелеваллуазский, нефасетированный характер индустрий нередко свойствен и для некоторых позднемустьерских памятников (для Кавказа, например Ильская стоянка², цуцхватская группа стоянка³ и др.). Но в этих случаях индекс тонкой подправки не столь низкий и к тому же в таких индустриях заметное место занимает техника дисковидного нуклеуса, которая не обуславливает необходимость фасетирования площадок. В манас-озеньских же памятниках

Таблица 5

Памятник	Индекс леваллуа	Индекс пластин	Индекс тонкой подправки	Общий индекс подправки
Манас-озень II	15,4	3,8	0	11,1
Манас-озень IV	21,5	6,4	1,7	8,3
Генторун I	9	2,3	0	10
Генторун II	16,3	4,6	4,5	9

нет дисковидных нуклеусов. К тому же тут имеются изделия с площадкой, покрытой желвачной коркой, что не характерно для позднемустьерских памятников. Объяснить факт, о котором идет речь, локальными особенностями или характером исходного сырья невозможно. На дагестанском побережье Каспийского моря имеются другие мустьерские местонахождения, инвентари которых основываются на том же сырье, что и манас-озеньское, но характеризуются фасетированными площадками или, во всяком случае, высоким значением этого показателя⁴. Вместе с тем в горном Дагестане известно местонахождение Кумрала-када, индустрия которого основывается на более качественном сырье (меловой кремль), но имеет нефасетированный характер и низкий показатель общей подправки. Исходя из общих представлений об эволюции нижнепалеолитической техники, этот памятник датирован ранним мустье⁵.

Такой подход к уточнению датировки представляется правомерным. Эту датировку подтверждают и данные геоморфологии береговой зоны Каспия. Местоположение манас-озеньских памятников определено как поверхность морской террасы соответствующей максимальной стадии нижнехвалынской трансгрессии*. Эта стадия термолюминесцентным методом датирована в пределах 60 тыс. лет. Как представляется специалистам, начало трансгрессии относится к еще более раннему времени (по крайней мере 70 тыс. лет).

Возраст следующей за максимальной (талгинской) стадии устанавливается в 47 тыс. лет⁶. Следовательно, терраса с отметками 46—48 м абсолютной высоты, на которой находятся мустьерские местонахождения, формировалась в регрессивную фазу, разделяющую две названные стадии, и соответствует первой половине (в этих пределах ближе к середине) мустье.

Сложным является вопрос о соотношении между собой основных манас-озеньских памятников. Из-за разрушенности культурных слоев здесь невозможно говорить с полной определенностью ни об одновременности, ни об разновременности их. На этот счет можно высказать лишь вероятные предположения. Основанием для них могут служить данные первичного раскалывания, вторичная обработка и типология, а также сравнение рассматриваемых индустрий с соседними. О единстве технических показателей манас-озеньских памятников мы уже говорили. Вторичная обработка их, по существу, идентична. Наиболее явно это заметно в зубчатой ретуши и в таком характере обработки, когда ретушь не формирует край, а следует за его очертаниями (при этом глубокая ретушь представлена тоже). Типологическая близость этих комплексов выражается в наличии рубящих орудий, скребковидных форм и особенно в клювовидных орудиях

*Определение геоморфологов Борунова А.К. (ИГ АН СССР), Лукашова А.А. и Игнатова Е.И. (МГУ).

со своеобразным приемом дополнительного уплощения основания "клюва", применявшемся тогда, когда этого требовала форма заготовки. По существу, это тоже скребковидная форма типа *á museau* на массивном сколе. Все отмеченное как будто бы позволяет считать эти памятники с известной долей вероятности одновременными друг другу и охарактеризовать их как индустрии, близкие к зубчатым, имея в виду характер вторичной обработки и наличие высоких скребковидных орудий, диагностичных для мустье зубчатого. По набору отмеченных признаков манас-озеньские памятники заметно отличаются от других мустьерских комплексов предгорного Дагестана. Здесь играет свою роль, конечно, и хронологический фактор, так как почти все другие дагестанские памятники, как уже отмечалось, датируются развитым мустье. А относимое В.Г. Котовичем к раннему мустье местонахождение Кумрала-када не имеет в своем составе для сравнения выразительных орудий.

Из памятников отдаленных территорий с манас-озеньскими наиболее сопоставимы, на наш взгляд, яштухские мустьерские комплексы. Между ними наблюдается существенная техническая и типологическая близость. Большинство технических характеристик и основные черты типологического облика сопоставляемых групп памятников почти неразличимы. По-видимому, это сходство объясняется сходством геолого-геоморфологических и палеогеографических условий, причерноморских и западнокаспийских памятников, вытекающим из этого единством форм хозяйственной деятельности, а также идентичностью исходного сырья и, наконец, их относительной синхронностью. Другими словами, указанная близость носит конвергентный характер.

¹ Котович В.Г. Каменный век Дагестана. Махачкала, 1964.

² Любин В.П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1979, с. 196, 197.

³ Тушабрамишвили Д.М. Археологические памятники Цуцхватского многоэтажного пещерного комплекса. — В кн.: Изучение пещер Колхиды. Тбилиси, 1978, с. 127, 128.

⁴ Котович В.Г. Каменный век, с. 56—60.

⁵ Там же, с. 69—74.

⁶ Рычагов Г.И. Плейстоценовая история Каспийского моря: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1977, с. 23.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ С СОСУДАМИ НА НОЖКАХ ИЗ БАМУТСКИХ КУРГАНОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Одним из замечательных памятников бронзового века является курганный могильник у сел. Бамут Ачхой-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Он имеет широкую известность¹, а его комплексы, связанные с майкопской культурой, уже опубликованы². Но курганы у сел. Бамут содержали погребальные комплексы не только майкопской культуры, но и последующих этапов развития бронзового века Северного Кавказа³. Среди них обращает внимание небольшая группа погребений, содержащих в своем инвентаре, не характерные для майкопской культуры, как и для культуры II тысячелетия до н.э. Северного Кавказа и Дагестана, глиняные сосуды на трех или четырех ножках.

Впервые погребение с глиняным сосудом на ножках было открыто в Бамутском могильнике в 1958 г.. Вместе с этим сосудом в могиле находились еще три сосуда, аналогичных по цвету, форме и технологическим особенностям, но без ножек и с оригинальным рельефным орнаментом⁴. Проведенный анализ показал, что эти сосуды обнаруживают по ряду признаков тяготение к керамике III тысячелетия до н.э. Закавказья, т.е. к куро-аракской культуре. Это дало право говорить, что, несмотря на определенное своеобразие, они не представляют собой изолированную группу керамики⁵. Относительно их культурно-хронологического положения было высказано предположение, что рассматриваемый комплекс Бамута не синхронен Луговому поселению и связанному с ним ряду погребальных памятников III тысячелетия до н.э., а относится, по всей вероятности, к самому позднему этапу культуры раннебронзового века⁶.

В последующем комплексы с аналогичной керамикой были открыты еще в двух курганах Бамутского могильника, а также в погребении на правом берегу р. Фортанга, напротив р. Бамут. До недавнего времени этот район являлся единственным на территории Северного Кавказа, где были обнаружены сосуды на ножках. Однако в результате новых исследований подобные сосуды выявлены в ряде погребений и на смежной территории — в Северной Осетии — в курганном могильнике эпохи бронзы у с. Дзуарикау⁷, примерно в 70—80 км к западу от с. Бамут.

Таким образом, устанавливается более широкое их распространение и встает вопрос о хронологическом положении комплексов с данной керамикой. Ответ на этот вопрос поможет, естественно, более полно изучить и понять особенности и динамику культурно-исторического процесса в различных областях Северного Кавказа в период, предшествовавший среднебронзовому веку. Исходя из этого, необходимо опубликовать соответствующие комплексы обнаруженных нами в курганах с. Бамут и на правом берегу р. Фортанги.

Бамутский могильник эпохи бронзы — это крупное курганное поле, растянувшееся по левобережью р. Фортанга от с. Ачхой-Мартан до с. Бамут, т.е. до самих предгорий. Наибольшая концентрация курганов наблюдалась к северу от с. Бамут — у хут. Новый Аршти и его окрестностях (сейчас это территория с. Бамут). В Бамутском могильнике раскопано более 50 курганов, содержавших не менее 250 погребений, большинство из которых относится ко II тысячелетию до н.э. Курганы тянулись широкой полосой с северо-востока на юго-запад. Четко выделял-

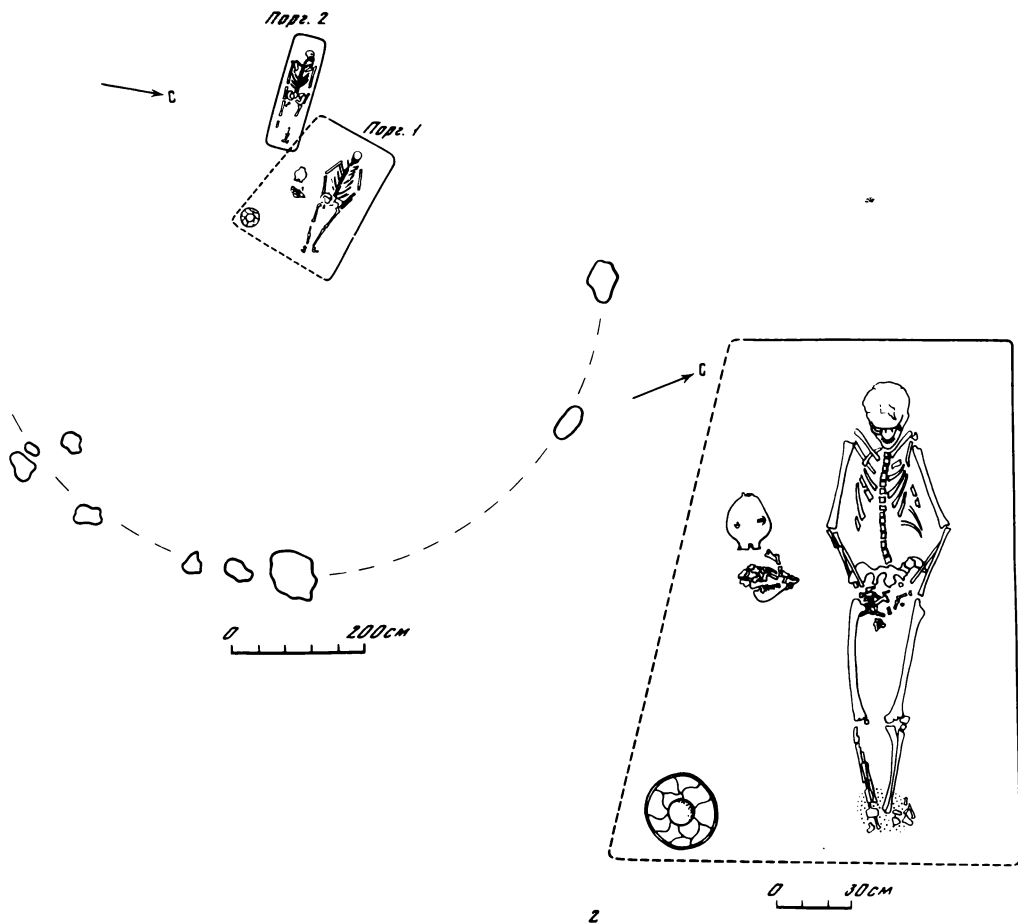
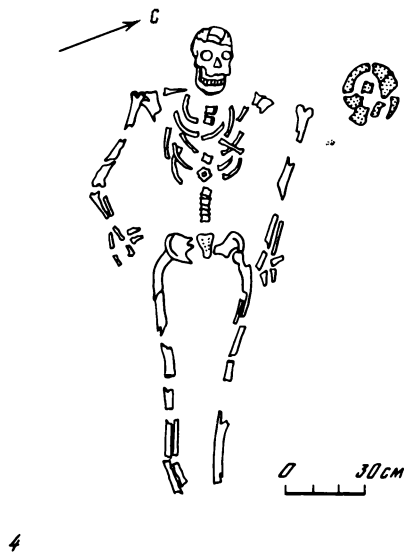
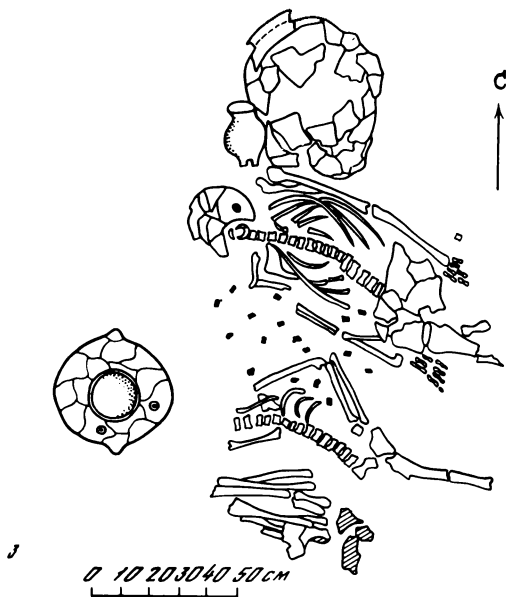

Рис. 1. Планы погребений в бассейне р. Фортанга

1 — план кромлеха с двумя погребениями на правом берегу р. Фортанга; 2 — план основного погребения в кромлехе на правом берегу р. Фортанга; 3 — план погребения в кургане 2 у с. Бамут, раскопанном в 1958 г.; 4 — план погребения в кургане у с. Бамут, раскопанном в 1961 г.

ся лишь ряд курганов, расположенных по краю террасы р. Фортанга, вправо от дороги из с. Бамут в с. Ачхой-Мартан. Все интересующие нас комплексы были открыты именно в этих курганах.

На северном краю этого ряда находилась группа из трех курганов, раскопанная в 1958 г. Они тянулись с северо-запада на юго-запад, 30—70 м друг от друга, по краю речной террасы. Погребение с сосудом на ножках вскрыто в кургане 2 (по полевой документации 1958 г.)⁸. Напомним, что это погребение находилось в центре кургана удлиненной формы (16,5 × 18,5 м; высота 1,35 м) под каменной кладкой. Могила (2,20 × 1,80 м) содержала парное захоронение (рис. 1,3). Останки первого костяка лежали в северо-восточной части могилы, в вытянутом положении на спине, с протянутыми вдоль туловища руками, головой на северо-запад.

У левой руки отмечены зубы животных, а у костей грудной клетки — угольки. В 0,10—0,60 м от черепа находились два сероглиняных сосуда. Это большой сосуд яйцевидно-шаровидной формы с узким дном и двумя ручками, расположенными на противоположных сторонах и на наиболее выпуклой части корпуса⁹. Почти в центре верхней части ручек сделано по одному круглому углублению. На лицевой стороне сосуда имеется рельефный орнамент в виде зигзагообразной полосы. Второй сосуд такой же формы, небольшой, стоит на четырех ножках, имитирующих, очевидно, вымя животного. Он украшен нарезным зигзагообразным орнаментом¹⁰.

Останки другого захоронения лежали в 0,20—0,80 м к юго-востоку — востоку от первого костяка. Здесь были сложены в кучу кости правой руки и ноги, обломки черепа и нижней челюсти. Левая нога была вытянута, а рука согнута в локте. Кости правой части грудной клетки отсутствовали. Захоронение было нарушено, видимо, при совершении первого погребения. Думается, что в данном случае покойник был уложен в могилу в вытянутом положении на спине. Около черепных костей находился крупный сероглиняный сосуд, близкий по форме вышеописанным. Он украшен по тулову четырьмя парами симметрично расположенных наклепных концентрических кругов, между которыми находятся однотипные рельефные изображения¹¹. Орнаментальная композиция данного сосуда представляет собой, по всей вероятности, лицевые изображения.

В данном кургане были открыты еще два погребения. Остатки одного из них (погребение 2) представляли отдельные кости рук, ног, таза и челюсти, на которых лежал красно-охристый сосуд майкопской культуры. Полагаем, что это остатки древнейшего погребения в кургане, разрушенного и "перемещенного с места" в результате совершения новых захоронений (погребение 1 или погребение 3).

Рассмотрим другие курганы Бамута содержавшие погребения с аналогичной керамикой. Это курган 10 по полевой документации 1961 г. Он находится примерно в 500 м к северу от вышеописанного кургана, также у края террасы левого берега Фортанга. Округлый в плане, диаметром 25 м при высоте в среднем 1,8 м, в основании он (особенно в северной части) представлял собой каменную, из речных булыжников, вымостку, которая была засыпана слоем суглинка толщиной около 1,0 м и перекрытого, в свою очередь, массивным каменным панцирем мощностью до 0,5 м. В кургане открыты остатки двух захоронений. Основным являлось погребение 2, оказавшееся ограбленным и разрушенным. Оно находилось в центре кургана под каменной вымосткой, на уровне древнего горизонта. Здесь, на площади примерно 1 × 1 м, были разбросаны обломки костей черепа, грудной клетки и ног, рядом с которыми обнаружены фрагменты красно-охристого сосуда майкопской культуры и два обломка бронзового украшения, возможно, подвески. Кстати, обломок такого же сосуда вместе с берцовой костью и кремневой пластинкой найдены в грабительской яме, которая опускалась к этому погребению.

Второе захоронение (погребение 1) находилось в северо-западном секторе кургана, ближе к центру, под каменным панцирем, на глубине 1 м. Костяк сохранился плохо, череп раздавлен. Погребение совершено на спине в вытянутом положении, головой на северо-запад — запад (рис. 1,4). Правая рука умершего была слегка согнута в локте, а левая вытянута. У плечевых костей левой руки находился раздавленный серо-глиняный сосуд на четырех ножках и с двумя ручками (рис. 2,2). В средней части он опоясан тремя узкими слегка углубленными волнистыми полосками, над которыми симметрично расположены четыре ряда косых удлиненных насечек, по пять в каждом ряду (рис. 3,2). Высота сосуда 19 см (ножек 2,2 см), диаметр по краю венчика 9 см.

Более интересным оказался курган, находившийся примерно в 250 м к северу от второго из описанных курганов, недалеко от края левого берега Фортанги, во дворе дома Митиевых. Он был раскопан в 1965 г. и отмечен в полевой документации под N 3.

Курган имел округлую форму (диаметр 20 м при высоте 1,28 м). В основании его выявлен кромлех — каменное кольцо диаметром около 13 м, сложенное из одного-двух рядов крупных и плашмя положенных речных валунов. В его центральной части открыто пять погребений. Погребение 1 — в насыпи, в самом центре кургана, на глубине 0,30—0,40 м, под камнями. Костяк лежал в скорченном положении, на левом боку, головой на юго-восток. Ноги сильно согнуты, а руки подтянуты к лицу. Инвентарь погребения состоял из обломков четырех сосудов, лежавших у черепа и за костями позвоночника.

Погребение 2 находилось также в насыпи, в 4,5 м к юго-юго-западу от центра кургана, на глубине 1,10 м, в яме, заваленной камнями. Захоронение совершено на спине, с подогнутыми в коленях ногами и вытянутыми вдоль тела руками, головой на юго-восток. У костей таза и ног отмечены кости мелкого рогатого скота, а у левой руки найден раздавленный острореберный горшок, украшенный по тулову горизонтальной полоской из округлых вдавлений.

Описанные погребения, судя по керамике, относятся к северо-кавказской культуре (II тысячелетие до н.э.).

Погребение 3 датируется сарматской эпохой.

Древнейшими в кургане являются погребения 4 и 5. Погребение 4 находилось

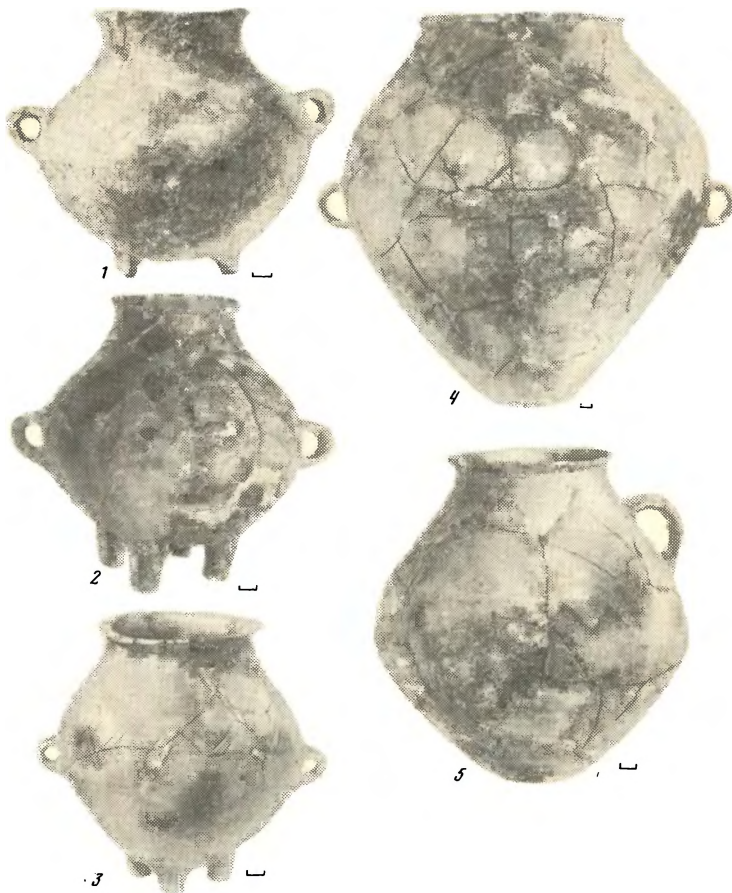

Рис. 2. Глиняные сосуды

1, 4, 5 — из погребения 4 в кургане у с. Бамут, раскопанном в 1965 г.; 2 — из погребения в кургане у с. Бамут, раскопанном в 1961 г.; 3 — из погребения в кургане у с. Бамут, раскопанном в 1958 г.

под насыпью, в 1,60—2,60 м к юго-юго-западу от центра кургана на глубине 1,50 м, в неглубокой яме округлых очертаний диаметром 1 м. В могиле найдены четыре раздавленных серо-глиняных сосуда, в том числе горшок на трех ножках и с двумя ручками, украшенный двумя парами симметрично расположенных "сосцов" (рис. 2,1). Высота горшка 16,5 см. Выделяется также крупный узкодонный слегка залощенный сосуд, высотой 48 см, с двумя ручками (рис. 2,4). Близки по форме ему и два других сосуда, но они меньше по размерам и украшены по тулову рельефным орнаментом в виде зигзагообразной линии. Один из них удалось восстановить. Он высотой 25,5 см и в отличие от других имеет одну ручку (рис. 2,5; 3,3).

Под большим сосудом лежали бронзовый втульчатый топор длиной 13,5 см (рис. 3,4) и бронзовый клинок или наконечник копья длиной 11,8 см и шириной 2,4 см (рис. 3,5).

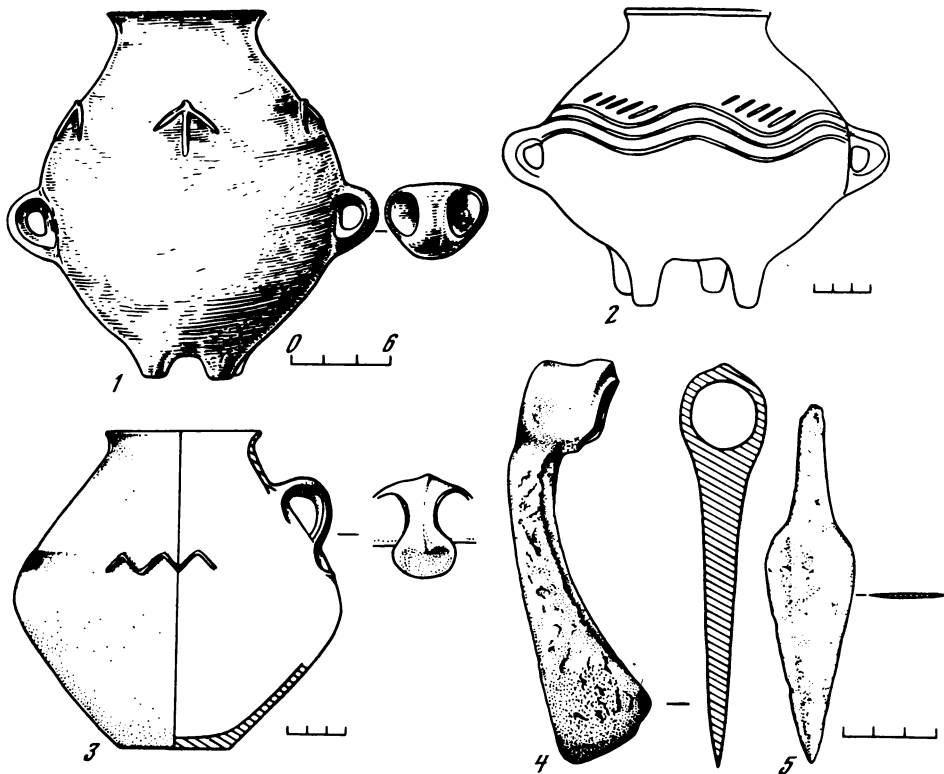

Рис. 3. Инвентарь погребений

1 — глиняный горшок на ножках из погребения на правом берегу р. Фортанга; 2 — глиняный горшок на ножках из погребения в кургане у с. Бамут, раскопанном в 1961 г.; 3—5 — сосуд и бронзовые топор и клинок из погребения 4 в кургане у с. Бамут, раскопанном в 1965 г.

В могиле обнаружены лишь отдельные кости человека — черепные, ног и ребра. Они были сложены в кучу и на них сверху поставлены сосуды. По всей вероятности, в данном случае перед нами вторичное погребение, т.е. захоронение отдельных частей костяка.

Погребение 5 находилось в 1—1,5 м к юго-востоку от центра кургана, в яме неправильной подпрямоугольной формы (1,2 × 0,9 м), на той же глубине — 1,5 м. В могиле прослежена аналогичная картина — в яму были положены лишь отдельные кости человека (черепные и другие), а сверху два крупных серо-глиняных сосуда с ручками, украшенные рельефным орнаментом в виде зигзага. По тесту, форме и орнаменту они полностью идентичны керамике из погребения 4.

Любопытно, что в центре под насыпью, на уровне древнего горизонта, между погребениями 4 и 5 прослежены остатки кострища в виде угольных прослоек толщиной до 6 см, в которых найдены обломки от таких же серо-глиняных сосудов, какие были обнаружены в данных погребениях. Следует полагать, что при совершении этих погребений (они, по-видимому, одновременны) был зажжен ритуальный костер.

Надо отметить, что на различных участках и уровнях курганной насыпи обнаружены обломки аналогичной серо-глиняной керамики. Так, в центре насыпи на глубине 0,75 м найдена нижняя часть горшка на ножках. Возможно, какие-то, ритуальные действия были совершены и при сооружении кургана. Отражением их можно рассматривать скопление обломков не менее четырех сосудов, которые были в насыпи, в 2,8—3,3 м к востоку от центра, на глубине 0,6 м. Здесь, на площади примерно 1 × 0,8 м находилось более 100 фрагментов керамики, в том числе и от горшка на четырех ножках и с двумя ручками, и сосудов, украшенных рельефным зигзагообразным орнаментом.

Описанными погребениями ограничиваются интересующие нас комплексы, раскопанные в Бамутских курганах. Еще один погребальный комплекс с аналогичной керамикой был исследован на правом, высоком берегу р. Фортанга, к востоку от с. Бамут и к югу от с. Ачхой-Мартан. Здесь в местности, известной под названием "место, где убили Зора", или "Минаретное поле", на площади протяженностью (север — юг) более 700 м и шириной до 120 м разбросано большое количество речного булыжника. Здесь отдельные выступающие из-под земли крупные камни составляют кольцо или полукольцо, т.е. кромлехи. Многие из них разрушены вспашкой. Определить общее количество кромлехов и их взаиморасположение по внешним признакам оказалось затруднительным. Можно предположить, что все это поле занято было кромлехами. В сторону с. Ачхой-Мартан их остатки постепенно исчезают, но зато появляются курганы.

Для установления культурной и хронологической принадлежности кромлехов в 1966 г. были вскрыты остатки одного из них. Кромлех находился в южной половине "поля". Сохранилась лишь часть каменного кольца, сложенного с северо-восточной стороны из ряда булыжников (рис. 1,1). Если бы это кольцо было замкнутым, то оно достигало в диаметре 7—8 м (форма у него несколько овальная).

Внутри кромлеха открыта огромная яма неопределенной формы и длиной 4 м (запад — восток), шириной 2,8—3 м и глубиной 0,85—1,0 м, заваленная крупными камнями. На разных уровнях ямы, особенно в ее восточной части, отмечены обломки керамики, кости человека (черепа, ног и другие) и животных. На дне ямы (на глубине 0,85 м) лежал костяк с раздавленным черепом. Погребение совершено вытянуто на спине, со слегка согнутыми в локтях руками, головой северо-запад-запад (рис. 1,2). На стопах ног и бедренных костях отмечена красная охра. Справа от погребенного были поставлены два серо-глиняных сосуда — горшок с двумя ручками и на четырех ножках, украшенный четырьмя симметрично расположенными на тулове стреловидными налепами (рис. 3,1) и (в юго-восточном углу могилы) большой сосуд с налипным орнаментом. Между сосудами ближе к горшку с ножками лежали череп и кости ног овцы.

Почти рядом с этим погребением, к юго-западу от него, но на глубине 1 м находилось позднесредневековое погребение, характеризующее так называемые кабардинские древности (XIV—XVI вв.)¹². Несомненно, что при совершении этого захоронения и была трансформирована могильная яма с древнейшим погребением. Возможно, в яме было и другое раннее погребение, разрушенное при рытье могилы в позднем средневековье и остатки которого в виде отмеченных выше отдельных костей человека и обломков керамики были встречены на разных уровнях заполнения ямы.

Хотя на данном могильнике исследован всего один кромлех, можно утверждать, что древнейшие погребения его относятся к бронзовому веку и связаны, в частности,

с теми комплексами Бамутских курганов, которые выше описаны. Целый ряд существенных признаков — способ захоронения, ориентировка погребенных, полная идентичность керамики — объединяет все эти комплексы в культурном и хронологическом отношении. В тех случаях, когда данные погребения не являются древнейшими в курганах, им предшествуют погребения майкопской культуры, что четко прослежено, например, в кургане, раскопанном в 1961 г. Погребения же северокавказской культуры (II тысячелетия до н.э.) лежат всегда над рассматриваемыми нами захоронениями, т.е. являются по отношению к последним более поздними. Таким образом, относительно положение описанных погребений, содержащих в инвентаре однотипную серо-глиняную керамику, включая горшки на ножках, устанавливается с достаточной определенностью. Они занимают промежуточное положение между майкопской культурой и северокавказской.

За исключением одного кургана, раскопанного в 1965 г., во всех остальных мы наблюдаем, по существу, единый обряд захоронения. Погребения в них совершены в вытянутом положении на спине и ориентированы на северо-запад. В кургане же, располагавшемся во дворе Митиевых, интересующие нас погребения (4 и 5) представляли собой, по всей вероятности, вторичные захоронения: никаких данных, которые указывали бы на разрушение и ограбление этих погребений, зафиксировано не было. Как указывалось выше, в одном погребении (на правом берегу Фортанги) отмечена засыпка отдельных частей погребенного охрой и наличие в могиле костей мелкого рогатого скота. А в кургане, исследованном в 1965 г., прослежены следы определенных культовых церемоний, имевших, вероятно, место при совершении захоронений и сооружении надмогильной курганной насыпи.

В рассмотренных погребениях представлен инвентарь в виде глиняных сосудов, близких по технологическим особенностям, цвету и форме. Среди них выделяются горшки на ножках. Как правило, они на четырех ножках. Только в одном погребении обнаружен горшок на трех ножках — трипод. Они отличаются полным единством формы и наличием двух ручек, расположенных обычно на наиболее выпуклой части тулова. Они орнаментированы, но декор и способ его нанесения во всех случаях различен. На одном из них наблюдаем резной узор, на двух других — рельефный орнамент (сосцевидные и стреловидные налпы) и, наконец, еще на одном — узкие, слегка углубленные волнистые линии.

Остальные сосуды, несмотря на различия в размерах, представляют также, по существу, один тип, близкий по форме горшкам на ножках. Они обладают округло-яйцевидной формой, имеют непропорционально узкое днище и небольшой уступ в верхней части тулова, снабжены ручками — от одной до трех — и украшены рельефным орнаментом, чаще всего в виде налипной зигзагообразной полосы. Необычно украшен лишь один сосуд, обнаруженный в первом из описанных курганов. На нем — рельефный орнамент в виде концентрических кругов и расположенных между ними своеобразных роговидных налпеп, представляющий в целом как бы композицию из двух лицевых изображений.

Некерамический инвентарь оказался лишь в одном из погребений (N 4), вскрытом в 1965 г. Там наряду с образцами рассмотренной керамики обнаружены бронзовые вислообушный или трубчато-обушный топор и плоский кинжальный клинок или наконечник копья с узким четко выделенным черенком. Оба предмета были подвергнуты спектральному анализу в лаборатории Института археологии АН СССР (N 6340 и 6341). Они изготовлены из мышьяковистой бронзы (содержание мышьяка в сплаве соответственно 1,4 и 2,2%), т.е. металла, характерного для

Кавказа в III — первой половины II тысячелетия до н.э. И топор, и клинок-копье представляют не самые ранние формы металлического оружия на Северном Кавказе. Для майкопской культуры характерны массивные бронзовые проушные топоры архаического типа¹³. До сих пор среди памятников этой культуры не обнаружен топор, аналогичный найденному в погребении 4 в Бамуте. Проушные бронзовые топоры, подобные майкопским, представлены достаточной серией в Закавказье¹⁴. Здесь, в памятниках куро-аракской культуры обнаружены и формы для отливки таких топоров. В памятниках заключительного этапа развития раннебронзового века Закавказья, особенно Грузии, распространяется уже иной тип бронзового топора, а именно тот, к которому относится и бамутский экземпляр. Наибольшая концентрация находок подобных топоров падает на район Сачхере¹⁵. Единичные находки близких топоров известны из дольменов Абхазии¹⁶. Интересно, что аналогичный бамутскому топор происходит их курганного могильника у р. Дзуарикау в Северной Осетии. Он обнаружен там (курган 1, могила 15) вместе с плоским бронзовым клинком, глиняным горшком на трех ножках и другими предметами¹⁷.

Прежде чем завершить характеристику инвентаря погребений бассейна р. Фортанга, остановимся кратко на тех комплексах, включающих горшки на ножках, которые были открыты у Дзуарикау в Северной Осетии. Здесь в 1976 г. раскопано 12 курганов, в четырех из которых (1, 2, 6 и 7) найдены сосуды на ножках. Это были небольшие курганы (диаметром от 20 до 24—30 м и высотой от 0,74—0,93 до 1,87—2,69 м) с земляной насыпью и каменными конструкциями, содержавшие от одной (курган 6) — трех (курган 7) до 4 (курган 2) — 8 (курган 1) разновременных могил¹⁸. В двух случаях (курганы 6 и 7) погребения оказались основными в кургане, а в курганах 1 и 2 — впускными. Два последних погребения авторы характеризуют как могилы-кенотафы. Однако останки костяка отсутствовали, судя по публикации, и в могилах курганов 6 и 7. Но эти могилы почему-то не рассматриваются как кенотафы.

В трех курганах (1, 2, 7) могилы представляли ямы прямоугольной формы с закругленными углами (размерами соответственно 2,32 × 1,63 × 1,40 м; 2,70 × 1,65 × 1,16 м; 2,4 × 2,20 × 0,7 м), ориентированные преимущественно по направлению северо-запад — юго-восток. К сожалению, из публикации нельзя вынести четкого представления о характере погребального сооружения (могила 1) в кургане 6. Авторы пишут, что это было "наземное сооружение типа каменного ящика, перекрытого песчаниковыми плитами. Покровных плит не было"¹⁹.

В могиле 15 кургана 1 вдоль южной стенки стояли четыре сосуда, включая горшок на ножках, в центре — бронзовые топор и клинок, а у западной стенки — две серебряные височные подвески²⁰. Кстати, в насыпи этого же кургана между камнями обнаружены четыре сосуда, один из которых представлял собой горшок на ножках и с двумя ручками, украшенный резным зигзагообразным орнаментом.

В могиле кургана 2 четыре глиняных сосуда, включая горшок на ножках, обнаружены вдоль северной стенки могилы, а в центре лежали каменный топор кабардино-пятигорского типа и височная подвеска²¹. В могилах курганов 6 и 7 найдено по несколько сосудов, в том числе по одному горшку на ножках²².

Таким образом, в могильнике у с. Дзуарикау исследовано примерно такое же количество погребений с горшками на ножках, как и в бассейне р. Фортанги. И стратиграфически они занимают одинаковую позицию. Когда эти погребения не являются основными в курганах, они следуют за погребениями майкопской культуры. Если сравнить обряд захоронения, то мы увидим значительные отличия между комплексами Дзуарикау и Фортанга. Во всех четырех курганах у с. Дзуарикау

могилы не содержали костяков, т.е. представляли собой кенотафы. Другая картина прослежена в могилах бамутских курганов и в погребении на "Минаретном поле". Здесь во всех случаях были совершены захоронения по определенному обряду, преимущественно вытянуто на спине головой на северо-запад. Между прочим, учитывая размеры и ориентацию могил в курганах у с. Дзуарикау, можно предположить, что в этих могилах покойник также мог быть захоронен в вытянутом положении и головой, возможно, в западном направлении.

Но близость рассмотренных комплексов между собой становится особенно очевидной при сопоставлении добытых материалов. В погребениях бассейна р. Фортанга и у с. Дзуарикау основную часть инвентаря составляет керамика. В одном комплексе у Дзуарикау и в одном погребении Бамута оказалось по бронзовому топору и бронзовому плоскому однотипному клинку с черешком. Топоры эти почти аналогичны друг другу по форме и размерам, но топор из Дзуарикау имеет, судя по описанию, "орнамент в виде горизонтальных зацепов, окаймляющих проушное отверстие", хотя на опубликованном рисунке топора этого орнамента нет²³. Укажем, что топорам из Бамута и Дзуарикау наряду с некоторыми сачхерскими типологически близок бронзовый топор, обнаруженный в одном из беденских курганов в Грузии²⁴. Там же, кстати, найдены и бронзовые плоские кинжалчики с черешком, близкие северо-кавказским. Эти курганы относятся к посткуро-аракской (так называемой алазано-беденской) культуре. Что же касается бронзовых клинков из Бамута и Дзуарикау, то они заметно отличны от ножей-кинжалов, характерных для майкопской культуры, но близки оружию, которое было распространено на Северном Кавказе на последующих этапах бронзового века. Данные бронзовые клинки могут быть сопоставлены и с отдельными ножами, известными из памятников Закавказья (особенно Грузии) второй половины III тысячелетия до н.э.

Проведем краткий сравнительный анализ керамики из комплексов бассейна р. Фортанги и Дзуарикау. Это необходимо сделать так как авторы публикации могильника у с. Дзуарикау не исследовали рассматриваемые комплексы в целом, и не изучили представленные в них материалы, прежде всего керамику. Им даже оказались неизвестными изданные материалы из Бамута, в частности, сероглиняный горшок на ножках, совершенно аналогичный по форме и орнаментации сосуду из Дзуарикау.

Несмотря на низкое качество опубликованных зарисовок сосудов из Дзуарикау и отсутствие в публикации фотографий интересующих нас материалов, нетрудно заметить тождество их керамике из погребений в бассейне р. Фортанга. Они прямо сопоставляются друг с другом по цвету, форме, наличию одинаковых ручек, расположенных обычно на тулове сосуда. Близки они, видимо, и по технологическим особенностям. Сосуды из Дзуарикау несколько разнообразнее, не отличаясь тем единством, которое характерно для керамики из бассейна р. Фортанга. Мы видим среди них как образцы (большие сосуды и горшки на ножках), аналогичные керамике Бамута, так и сосуды, находящие параллели в материалах северокавказской культуры. На сосудах из Дзуарикау нет совершенно того разнообразного рельефного орнамента, которым украшены сосуды из района Бамута.

Особо следует сказать о горшках на ножках. Как известно, по одному такому горшку представлено в каждом из комплексов Дзуарикау. Они совпадают по форме с горшками на ножках из бассейна р. Фортанга. Но если среди последних имеется

только один горшок на трех ножках (а остальные на четырех), то все сосуды данного типа из Дзуарикау представляют собой триподы. И еще одно различие между ними: все горшки на ножках из района Бамута украшены (причем на всех сосудах различный орнамент), то в комплексе из Дзуарикау орнаментирован лишь горшок, найденный в кургане 1 вне погребения. Но орнамент на нем (по мотиву и способу выполнения) точно такой же, как на горшке из кургана 2 у с. Бамут раскопанного в 1958 г. (рис. 2,3).

Как видим между керамическими комплексами из погребений в бассейне р. Фортанга и у с. Дзуарикау нет полного совпадения. Однако между ними так много общего, что отпадают сомнения в культурно-хронологической близости тех памятников, из которых они происходят. В пользу этого свидетельствуют также находки в Бамуте и Дзуарикау однотипных бронзовых трубчато-обушных топоров и клинков.

Выше отмечалось, что при публикации материалов, раскопанных у с. Бамут в 1958 г., мы охарактеризовали погребальный комплекс с горшком на ножках в кургане 2 как находящийся по керамике определенные соответствия в куро-аракской культуре, но относящийся к периоду, непосредственно последующему за временем бытования майкопской и куро-аракской культур. Тогда нами были сделаны достаточно подробно описание и анализ керамики данного погребения²⁵. Приведенная характеристика распространяется в значительной степени и на керамику из остальных рассмотренных комплексов. Это избавляет нас от необходимости повторять ее. Укажем, что со времени публикации первого бамутского комплекса с горшком на ножках, в Закавказье и на смежных с ним территориях исследовано немало количество памятников куро-аракской культуры. Но ни в одном из них не обнаружены сосуды, подобные представленным в рассмотренных комплексах, включая сосуды на ножках. Но отдельные черты этой керамики, в особенности ее орнаментацию, мы можем обнаружить и на керамике вновь выявленных памятников куро-аракской культуры. Но сосуды на ножках и характерный декор ярко представлены в закавказской керамике алазано-беденской культуры, которая хронологически следует за куро-аракской и вместе с некоторыми комплексами Сачхере характеризует заключительный этап раннебронзового века Южного Кавказа. Ей хронологически соответствует и определенный круг памятников в Дагестане (Карабудахкентский могильник и другие), с керамикой которых по некоторым признакам могут быть сопоставлены сосуды из Бамута. Керамика всех этих памятников, относящихся к разным культурам, получившим развитие на бывшей территории распространения куро-аракской культуры, демонстрирует переживание определенных традиций гончарного дела предшествующей эпохи. Как же интерпретированы в отношении культурной принадлежности интересующие нас комплексы Дзуарикау? Приходится сожалеть, что авторы публикации могильника Дзуарикау ограничились в основном описанием погребений и обнаруженных в них отдельных предметов. Не сделав хотя бы элементарного анализа обряда захоронения и инвентаря, Н.А. Николаева и В.А. Сафронов без каких-либо доказательств указали культурную атрибуцию каждого комплекса. Так, атрибуция могилы 15 в кургане 1 "устанавливается как КАК/КТК" (т.е. куро-аракская культура/ кубано-терская культура). К КТК отнесены погребения в курганах 6 и 7, а атрибуция погребения 1 в кургане 2 определена как куро-аракская культура.

Как понять атрибуцию "куро-аракская культура/кубано-терская культура", затрудняюсь сказать. Вероятно, авторы хотят подчеркнуть синкретический характер

комплексов в курганах 6 и 7. Понятием "кубано-терская культура" Н.А. Николаева и В.А. Сафронов стремятся заменить принятое большинством археологов определение "северокавказская культура" (или "северокавказская культурно-историческая общность", по В.И. Марковину). Эти названия условны, но "кубано-терская культура" менее всего удачно. Суть дела в данном случае в том, что как бы ни был удревлен ранний этап культуры (или "кубано-терской"), он не может быть синхронен куро-аракской культуре, последняя несомненно старше по возрасту. Этому этапу может хронологически соответствовать алазано-беденская культура, о которой Н.А. Николаева и В.А. Сафронов не упоминают.

Атрибуция комплексов Дзуарикау, предложенная в публикации, является ошибочной. Чтобы не быть голословным, остановимся хотя бы на погребении I из кургана 2, отнесенном к куро-аракской культуре. В этом комплексе представлены, кроме прочих сосудов, горшок на ножках, а также каменный топор кабардино-пятигорского типа. Последний, как известно, характерен для северокавказской культуры и ни в одном из многочисленных комплексов куро-аракской культуры не представлен. Что же касается сосудов из данного погребения, то среди них нет ни одного, который можно признать характерным для куро-аракской культуры. Это касается и горшка на ножках. Единственный памятник в Закавказье, откуда происходит подобный горшок, — это поселение Амиранисгора (Ахалцихский р-н ГССР)²⁶. Здесь, в помещении XXIII найден чернолощенный горшок-трипод с ручкой и тремя симметрично расположенными сосцевидными выступами. По тулову он украшен резным геометрическим орнаментом²⁷ (Н.А. Николаева и В.А. Сафронов приводят в своей работе рисунок этого сосуда, но с искаженным изображением орнамента — вместо ряда заштрихованных треугольников дана зигзагообразная линия²⁸). Но, может быть, что-то иное (обряд захоронения или височная подвеска) все же свидетельствует о принадлежности данного комплекса к куро-аракской культуре? Никаких данных для этого нет. Вполне ясно, что данный комплекс не может быть отнесен к куро-аракской культуре. Это погребение, как и остальные рассмотренные комплексы из Дзуарикау и бассейна Фортанги, относятся, конечно, к периоду после бытования куро-аракской и майкопской культуры. Последнее доказывается и стратиграфией курганных погребений Бамута и Дзуарикау. В целом несмотря на заметные южные влияния, которые прослеживаются на керамике и металле этих памятников, последние отражают процесс культурного развития племен тех районов Северного Кавказа, где в III тысячелетии до н.э. "столкнулись" и пришли во взаимодействие майкопская и куро-аракская культуры. Рассмотренные комплексы представляют хронологически довольно ограниченный период на грани эпох ранней и средней бронзы, когда здесь начала распространяться северокавказская культура.

¹ У сел. Бамут находится курганный могильник, относящийся к позднему средневековью. См.: *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. — В кн.: *Древности Чечено-Ингушетии*. М., 1963, с. 217—242.

² *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 286—308.

³ В одном из Бамутских курганов (6 по полевой документации экспедиции 1959 г.) обнаружено и более раннее погребение, которое по ряду признаков может быть сопоставлено с некоторыми захоронениями известного Нальчикского

могильника и отнесено к энеолиту. См.: *Мунчаев Р.М.* Энеолит Кавказа. — В кн.: *Археология СССР. Энеолит СССР*. М., 1982, с. 130.

⁴ *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. М., 1961, с. 127—129, 137, 138; рис. 45; 48.

⁵ Там же, с. 129.

⁶ Там же, с. 127.

⁷ *Николаева Н.А., Сафронов В.А.* Курганный могильник эпохи бронзы у с. Дзуарикау. — В кн.: *Проблемы археологии Северной Осетии*. Орджоникидзе, 1980, с. 18—80.

⁸Мунчаев Р.М. Древнейшая культура..., с. 137, 138.

⁹Там же, с. 128, рис. 45, 4.

¹⁰Там же, рис. 45, 3.

¹¹Там же, рис. 45, 1—2.

¹²Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв., с. 217—242.

¹³Мунчаев Р.М. Кавказ на заре..., рис. 51, 53.

¹⁴Там же, рис. 81.

¹⁵Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, табл. XIII—XVIII; Абе-сидзе Ц.Н. Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н.э. Тбилиси, 1969, табл. III; IV.

¹⁶Джапаридзе О.М. К истории грузинских племен..., табл. XXVI.

¹⁷Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный..., с. 25, 26.

¹⁸Там же, с. 20—31, 44—49.

¹⁹Там же, с. 44.

²⁰Там же, рис. 4, I, 1—7.

²¹Там же, рис. 7, III.

²²Там же, рис. 15, 10; 16, II, 5.

²³Там же, с. 25, 26, рис. 4, I, 6.

²⁴Гобеджишвили Г.Ф. Культура курганных погребений. Тбилиси, 1980, табл. X, 1. На груз. яз. с рус. резюме. Следует указать, что на поселении Норшунтепе в юго-восточной Турции обнаружена двустворчатая форма для отливки топора подобного типа. См.: Hauptman H. Norsun tepe kazilari, 1974: Keban Projesi 1974—1975. Ankara, 1982, t. 26, 10.

²⁵Мунчаев Р.М. Древнейшая культура..., с. 127—130.

²⁶Украшенный разным орнаментом сосуд на трех фигурных ножках представлен и в комплексе алазано-беденской культуры (Гобеджишвили Г.Ф. Культура..., табл. XXXII, 6, 8).

²⁷Чубиншвили Т.Н. Амиранис Гора. Материалы к древнейшей истории Месхет-Джавухетии. Тбилиси, 1963, с. 35, рис. 8. На груз. яз. с рус. резюме.

²⁸Николаева Н.А., Сафронов В.А. Курганный..., табл. на с. 76, рис. 2,а.

И.М. Чеченов

КУРГАН 2 У СЕЛЕНИЯ КИШПЕК В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Среди памятников эпохи бронзы, исследованных на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972—1982 гг., интересен курган 2, располагавшийся к юго-западу от с. Кишпек Баксанского района (раскопан в 1975 г.). Он возвышался в 130 м к востоку от кургана 1 той же группы, в котором выявлены монументальная дольменная гробница и грунтовое захоронение лунарной выкладкой из булыжника, содержавшие выразительный инвентарь позднемаякопского времени¹.

Курган 2 имел крутые склоны, но основание его было оплывшим (рис. 1), диаметр 45 м, высота 5,1 м. Вершина насыпи с северо-западной стороны была несколько повреждена широкой ямой времен войны.

Стратиграфия кургана указывает на то, что он сооружался в два этапа. Так, под почвенным покровом (толщина — не более 10—15 см) верхняя часть кургана была обложена мелким речным булыжником в один-два слоя, а ниже, на глубину 2,5—2,9 м, насыпь состояла в основном из мягкого, слабогумированного темно-серого суглинка, представляющего собой вторичную и, как видно, весьма значительную подсыпку над более ранним (первичным) курганом.

Сам первичный курган был возведен из более плотного желтовато-серого суглинка, который хорошо прослеживался в средней части общей курганной насыпи, достигая уровня древнего горизонта. Его полусферическая форма отчетливо вырисовывалась в виде плотной прослойки (5—7 см) земли желтого цвета, местами с охристым оттенком (рис. 1). Судя по контурам этой прослойки, высота первичного

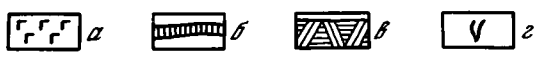
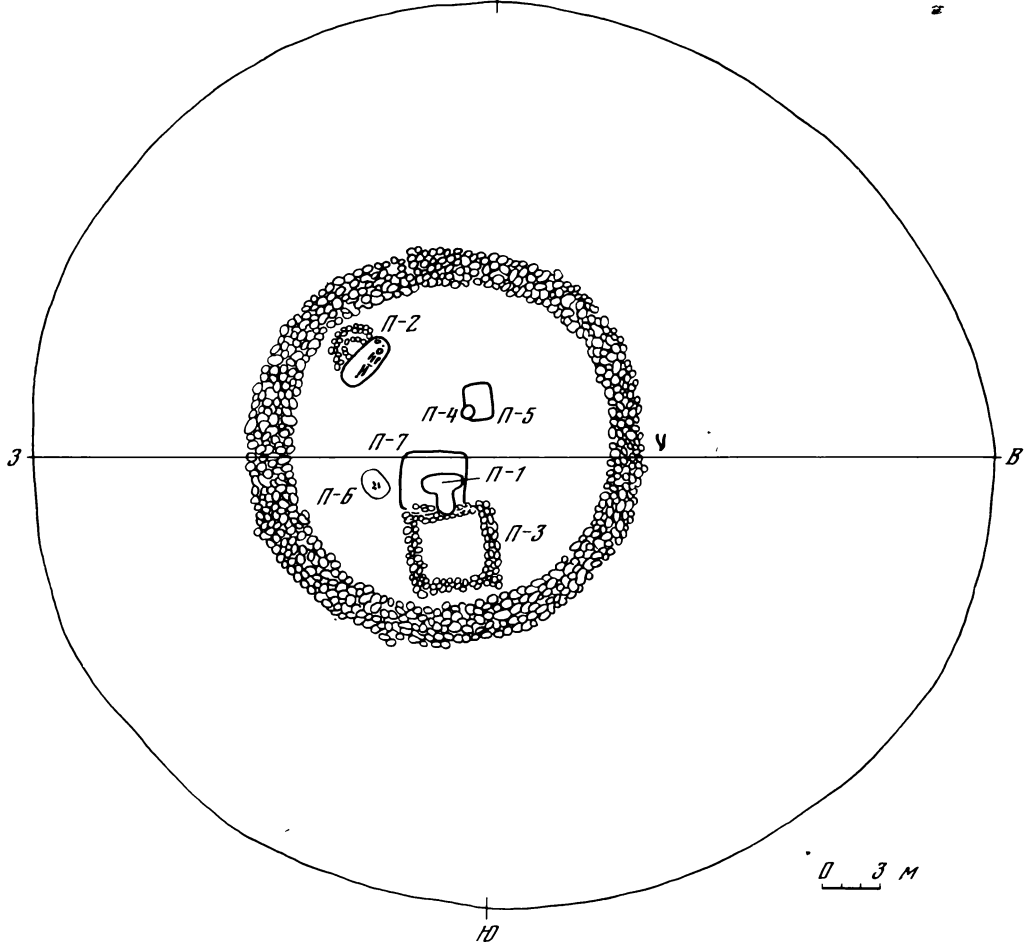
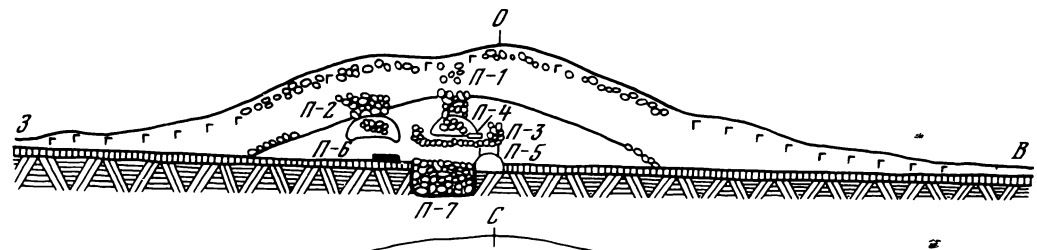

Рис. 1. План и разрез кургана у с. Кишпек
 а — гумус, б — древняя погребенная почва; в — материк; г — кости животного

Рис. 2. Кромлеховидный пояс из булыжника у основания первичной насыпи кургана; в середине — каменная выкладка центрального погребения 7

кургана равнялась 3,1 м, диаметр — 19 м; основание его было окольцовано одним-двумя слоями булыжника, выложенного наклонно, в соответствии с крутизной склонов насыпи (рис. 2). Ширина этого кромлеховидного пояса варьировала от 1,8 до 2,4 м; его центр был смещен к западу от центра общей курганной насыпи на 3,5 м.

Всего в кургане обнаружено семь разнотипных погребений.

Погребение 1 (катакомба). На глубине 2 м от вершины кургана, в 1,7 м к юго-западу от его центра выявлена подпрямоугольная наброска из булыжника площадью 1,7 × 1,35 м. Она перекрывала устье прямоугольной ямы-колодца катакомбы, заполненной камнями и землей; длина ямы 1,4 м, ширина 127 мм, глубина 175 см. Ее основание врезалось на глубину 50 см в кладку булыжника, которая оказалась северной стенкой более древнего погребенья 3 (рис. 3, 1). Камера катакомбы, вырытая в плотном слое насыпи кургана с северо-восточной стороны ямы-колодца, имела в плане почти овальную форму, а в продольном разрезе — полусферическую; в поперечном сечении ее свод скошен в сторону стенки, находившейся против входа. Длина катакомбы 2,05 м, ширина 1,15 м, высота 0,95 м. Основание ее располагалось на 0,40 м ниже пола ямы-колодца.

Входное отверстие катакомбы (высота 0,7 м, ширина 0,9 м) перекрывалось перегнившими деревянными плахами. На полу ее, почти целиком покрытом остатками камышовой подстилки, выявлены три ямки от деревянных столбов — стояков, поддерживавших свод камеры, а также обнаружен очень плохо сохранившийся костяк: лежавший вытянуто на спине, головой на юго-запад — запад.

У изголовья погребенного стоял крупный сосуд желтовато-серого цвета (высота 34 см, диаметр тулова 38,5 см), украшенный четырьмя группами рельефных валиков полусферических форм и миниатюрными псевдоручками-валиками с вдавленными (рис. 3, 17). Рядом находился одноручный горшок из темно-серой глины с нарезными заштрихованными треугольниками и двумя желобчатыми линиями (рис. 3, 18).

Погребение 2 (катакомба). На глубине 2,35 м от вершины кургана, в 8 м к се-

веро-западу от центра обнаружения еще одна подпрямоугольная в плане наброска из булыжника (ее площадь $2,5 \times 1,7$ м). Она также покрывала устье входной ямы катакомбы, вырытой в курганной насыпи и заполненной камнями с темно-серым суглинком. В плане яма имела полусферическую форму. От устья к основанию она сужалась с $2,35 \times 1,8$ м и до $1,1 \times 0,80$ м; глубина ее 2,1 м. С закругленной (северо-западной) стороны стена ямы на глубину до 1,3 м шла более наклонно, чем у основания, и в этой части она была выложена булыжником (рис. 4, III). Ниже каменная кладка прерывалась. И лишь в 0,3 м выше уровня дна ямы имелся уступчик в стене, на котором также лежал слой булыжника. Вход в погребальную камеру (ширина 1,5 м, высота 0,9 м) оказался плотно забитым камнями.

Овальное основание катакомбы, возвышавшееся от уровня дна входной ямы на 10 см, почти по всему периметру было окружено желобком шириной 13 см и глубиной 10 см. Длина катакомбы 2,45 м, ширина 1,2 м, высота 1,10 м. По ее полу отмечены следы камышовой (?) подстилки.

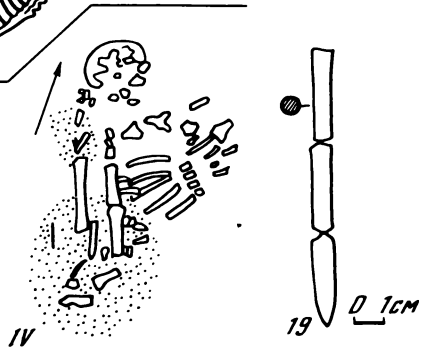
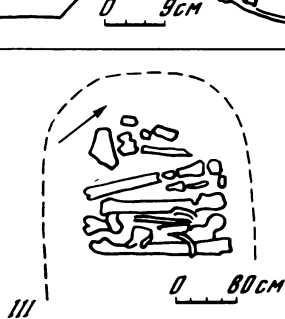
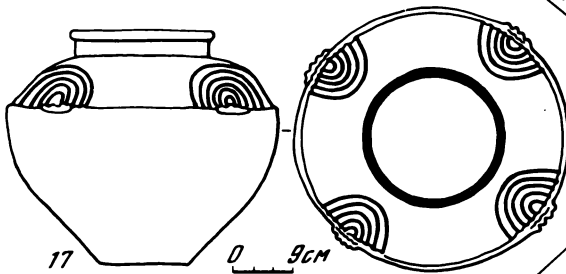
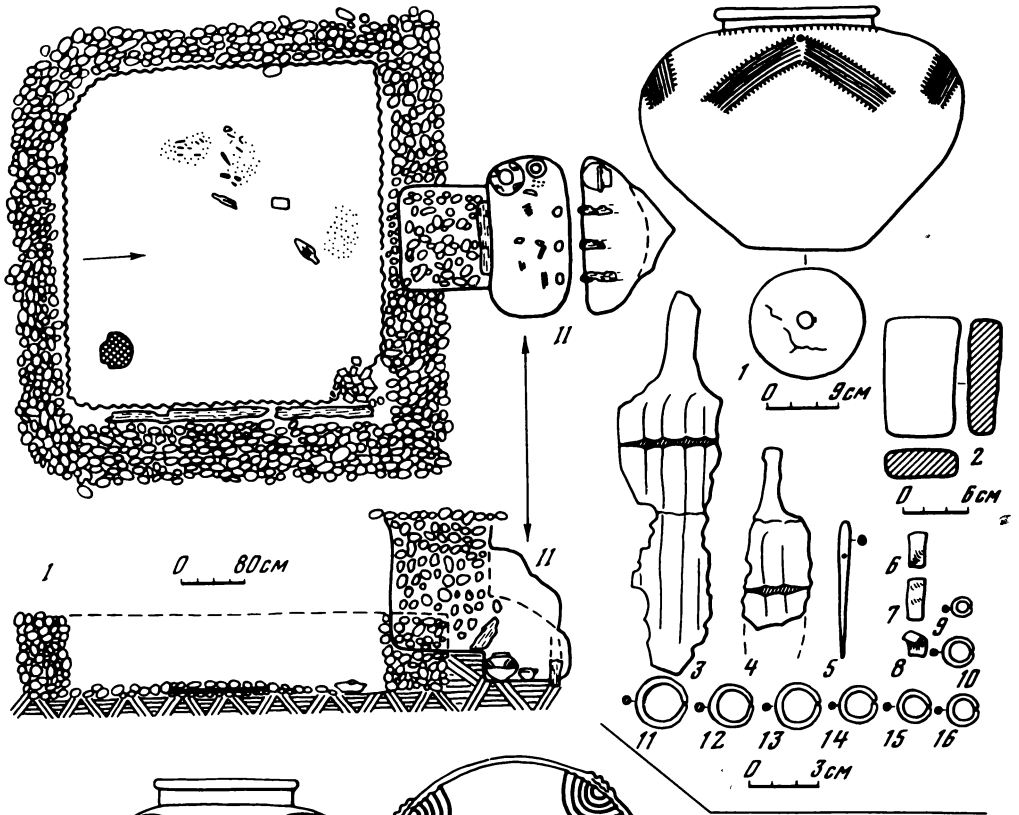
Близ юго-восточной стенки катакомбы выявлен истлевший костяк, лежавший вытянуто на спине, головой на северо-восток; руки опущены вдоль туловища. У изголовья погребенного найдены фрагменты серо-глиняного одноручного горшка с уступчатым профилем (рис. 4, 7); высота 15,5 см, диаметр — 21,5 см. Рядом лежало множество обломков второго, более крупного сосуда, который не поддается реставрации. У ног покойника обнаружена бронзовая цилиндрическая бусина (рис. 4, 8).

Погребение 3 ("гробница" из булыжника). На глубине 3,5 от вершины кургана, в 4 м к юго-западу — западу от его центра обозначились верхние контуры просторной могильной ямы, подквадратной формы. Стены сложены из булыжника без связующего материала. Как отмечалось, ее северная стена частично разрушена при сооружении катакомбы I (рис. 3, I). Площадь могилы $4,6 \times 4,3$ м; толщина ее стен варьировала в пределах 0,55—0,70 м, высота — 0,9—1,05 м. Продольными сторонами она ориентирована по линии запад—восток. Юго-восточный и юго-западный углы стен, закругленные снаружи, почти смыкались с указанным выше каменным промехлообразным поясом первичного кургана (рис. 1). У основания почти вся площадь могилы была покрыта булыжником в один-два слоя, а дно устлано мелким белым галечником. Вдоль ее восточной стены лежали куски бревна (диаметр около 15—20 см); незначительные следы древесного камышового тлена отмечены также близ других стен. Видимо, для возведения из булыжника стен без связывающего материала предварительно была сооружена из дерева (и камыша?) соответствующая им по форме конструкция в виде прямоугольного каркаса, которая имела меньшие размеры, чем сама могильная яма. Затем пространство между этой конструкцией и грунтовыми стенками могильной ямы забутовали булыжником. И, наконец, после захоронения покойника могилу заполнили землей.

В западной части могилы под слоем булыжника выявлены следы почти полностью истлевшего костяка, лежавшего скорченно, на правом боку, головой на юг. Останки погребенного, особенно в головах и у ног, а также отдельные

Рис. 3. Курган у с. Кушпек

I — план и разрез погребения 3: 1—16 — инвентарь; II — план и разрез катакомбы I: 17, 18 — сосуды; III — погребение 4; IV — погребение 6: 19 — булавка (шпilo?)
 1, 17, 18 — глина; 2 — камень; 3, 4 — бронза; 5—16 — золото; 19 — кость; а — камень, б — дерево, в — сурик, г — зола, д — материк, е — границы галечной подстилки

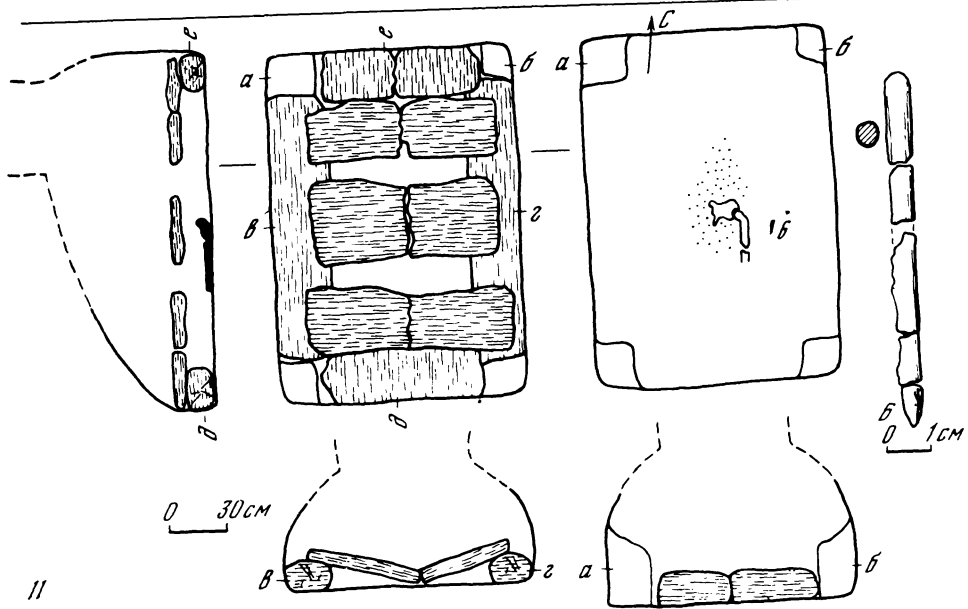
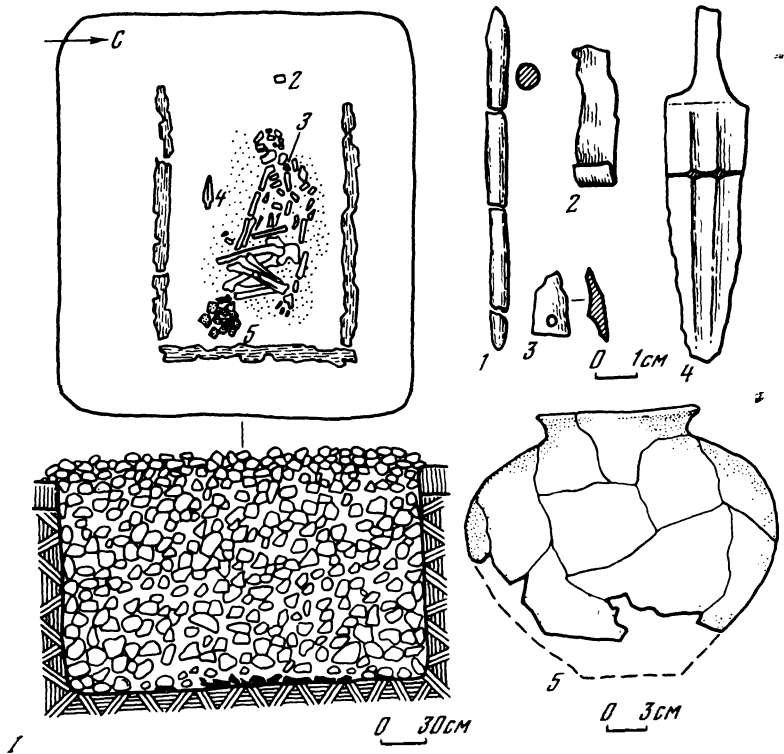

Рис. 4. Курган 2 и у с. Кушпек

1 — план и разрез центрального погребения
7: 1—5 — инвентарь; II — планы и разрезы
погребения 5 (катакомба "со срубом"); 6 —
булавка (шило?); III — план и разрез ката-
комбы 2: 7, 8 — инвентарь; 1, 3, 6 — кость,
2 — золото, 4, 8 — бронза, 5, 7 — глина

участки галечниковой вы-
мостки дна могилы были
посыпаны красной краской.
Близ ее юго-восточного угла
отмечены незначительные
остатки золы (остатки жерт-
венного костра?).

В разных местах могилы
(рис. 3, I, 1—16) найдены:
а) восемь височных колец
со смыкающимися концами,
изготовлены из круглой в се-
чении золотой проволоки
(рис. 3, 9—16); б) золотые
фольговидные пластинки с
неровно оборванными кон-
цами (рис. 3, 6—8); в) округлая
в сечении золотая игла-про-
ковка со сквозным отверсти-
ем (рис. 3, 5); г) фрагменты
небольшого бронзового черен-
кового ножика-кинжалчика

с парными продольными ребрами на обеих его сторонах (рис. 3, 4); д) пря-
моугольной формы каменный брусок (лощило или точило) с залощенной
поверхностью (рис. 3, 2); е) плохо сохранившийся бронзовый черенковый кинжалчи-
к более крупных, чем первый, размеров с четырьмя продольными ребрами
на обеих сторонах клинка (рис. 3, 3); ж) фрагментированный приземистой формы
сосуд с тщательно заглаженной поверхностью охристого цвета, изготовленный
из хорошо отмученной глины без примесей. В изломах черепков прослеживается
серая прослойка. Сосуд украшен тремя группами ногтевидных и нарезных линий,
образующих углы (рис. 3, 1). На дне его — круглая вмятина от оси гончарного круга.
Высота сосуда 33 см, диаметр тулова 43 см.

Погребение 4 (грунтовое) — на глубине 4,35 м от вершины кургана, в 2 м к северу
от его центра, без инвентаря. Контуры могильной ямы не прослеживались. От погребенного
сохранились лишь кости ног, таза, а также несколько лежащих на них
обломков черепа и ребер, окрашенные охрой (рис. 3, III). Весьма возможно,
что здесь были захоронены отдельные части трупа человека.

Погребение 5 (катакомба "со срубом"). Едва заметные овальные очертания
входной ямы-колодца катакомбы обозначились в виде темно-серого пятна
на глубине 4,55 м от вершины кургана, в 1,7 м к северу от его центра. К сожалению,
начало ямы и ее первоначальную глубину не удалось определить. Плохо выявля-
лись и стенки ямы. Сохранившаяся глубина равнялась 0,25—0,30 м, длина 0,7 м,

ширина 0,5. Входная яма была вырыта вертикально и непосредственно соединялась со сводом погребальной камеры поверху ее северной стенки (рис. 4, II, *д—е*). Основание катакомбы, почти совпадавшее с поверхностью материка (глубина 5,6 м), представляло собой в плане прямоугольник, ориентированный продольными сторонами по линии север—юг. В поперечном разрезе катакомба имела правильную полусферическую форму (рис. 4, II, *а—б*, *в—г*), а в продольном ее свод плавно возвышался от южного основания в сторону входа у северной стенки (рис. 4, II, *е—д*). Длина катакомбы 1,9 м, ширина 1,3 м, высота 0,83 м.

Во всех углах камеры возвышались своеобразные выступы из несколько уплотненного суглинистого грунта. По формам они в плане приближались к квадрату с двумя слегка вогнутыми внутрь сторонами, а в вертикальном разрезе напоминали трапецию с прямоугольным основанием (рис. 4, II, *а—б*). Высота всех выступов одинаковая — максимальная 40 см, минимальная — 28 см; по размерам оснований они несколько отличаются друг от друга: 25 × 25 см, 25 × 20 см, 20 × 15 см и 21 × 20 см. Между этими выступами, вдоль всех четырех стен катакомбы, лежали овальные в сечении деревянные плахи толщиной до 25—15 см; длина продольных плах 1,40 м, поперечных — 0,85 м. Они перекрывались пятью массивными деревянными досками длиной от 0,85 до 1—1,08 м, шириной от 0,26 до 0,43 м и толщиной 7—8 см, располагавшимися попеременно камере катакомбы (рис. 4, II, *е—д*).

Нельзя не заметить, что по формам и особенностям конструкции катакомба весьма оригинальна и в целом невольно напоминает повозку, колеса которой символизируют четыре отмеченных выше земляных выступа в углах погребальной камеры.

На полу катакомбы, тщательно выровненном и обмазанном желтой глиной, выявлены остатки костяка, от которого сохранилась лишь часть бедренных костей левой ноги и таза. Судя по этим остаткам и характеру распространения костного тлена, погребенный лежал на спине, головой на север. Место расположения костяка было посыпано красной краской. Слева от него находились фрагменты совершенно круглой в сечении костяной проколки или булавки с прямым гладким навершием (рис. 4, б). Длина ее 8,5 см, диаметр — до 0,5 см.

Погребение 6 (грунтовое). Располагалось на глубине 5 м от вершины кургана и почти на таком же расстоянии к юго-западу — западу от его центра. От скелета найдена лишь потревоженная верхняя часть до уровня пояса (рис. 3, IV). Кости одной ноги лежали рядом с предплечьем на уровне груди, а фаланги кисти — близ черепа. Не исключено, что все это остатки расчлененного трупа. Контуры могильной ямы не прослеживались. На костяке и в прилегающих к нему участках отмечены следы красной краски. При погребенном обнаружены обломки такой же круглой в сечении костяной булавки, как и в погребении 5 (рис. 3, 19). Длина ее 9,5 см, диаметр 0,6 см.

Погребение 7 (центральное). На глубине 5,1 м от вершины кургана, в 1,3 м к юго-западу от его центра (почти в середине от описанного выше кромлеховидного каменного пояса первичного кургана), выявлена квадратная площадка из булыжника, лежавшего в два-три слоя (рис. 2). Размеры ее 2,9 × 2,85 м. Она перекрывала почти квадратной формы могильную яму, вырытую в материке и заполненную в основном камнями (рис. 4, I). Длина ямы 2,85 м, ширина 2,5 м, глубина 1,8 м. Погребенный лежал в скорченном положении, на правом боку, головой на запад; левая нога подогнута сильнее правой (рис. 4, I). Место его расположения было ограничено тремя деревянными плахами, образующими прямоугольный участок длиной около 1,75 м и шириной 1,25 м. На костяке и вокруг него отмечена красная краска.

Инвентарь погребения (рис. 4, 1, 1—5): а) бронзовый черенковый кинжальчик с равномерно суживающимся к концу лезвием и с двумя продольными ребрами на каждой стороне клинка (рис. 4, 4); б) фрагменты круглой в сечении костяной булавки с прямым навершием, типа найденных в описанных погребениях 5 и 6 (рис. 4, 1); в) тонкая как фольга золотая пластинка с неровно оборванными краями (рис. 4, 2); г) подвеска (амулет?) из просверленного человеческого зуба-резца (рис. 4, 3); д) фрагментированный краснолощенный сосуд с шаровидным туловом и утончающимся к краю венчиком (рис. 4, 5). Изготовлен из хорошо отмученной глины с незначительными примесями песка. В изломах — серая прослойка. Высота 20 см, диаметр тулова 24,3 см.

Завершая описание кургана, следует еще раз обратить внимание, что яма центрального захоронения 7 перекрывалась погребением 3, а одна из каменных стен этого захоронения была, в свою очередь, частично разрушена при сооружении катакомбы 1. Эти особенности стратиграфии указывают на то, что наиболее древним является погребение 7. Именно над ним и была возведена первичная курганная насыпь с кромлехообразным каменным поясом у основания.

Представляется также очевидным, что погребение 3 было впущено впоследствии в насыпь первичного кургана. Учитывая крупные размеры этого незаурядного погребального памятника, сооруженного из большого количества камней, а также богатство и разнообразие найденного в нем инвентаря, следует полагать, что именно с его появлением связан факт вторичного и, как отмечалось, весьма значительного наращивания насыпи кургана.

Что же касается катакомбы 1, то наглядно прослеживалось, что она, так же как и катакомба 2, была впущена в курган после появления его вторичной насыпи, т.е. позднее погребения 3.

Весьма затруднительно определение стратиграфического места погребения 5 (катакомбы со "срубом"). Дело в том, что поскольку вся верхняя часть входной ямы-колодца этой катакомбы не прослеживалась, то нет возможности уверенно связывать ее стратиграфически с первичной или, наоборот, со вторичной насыпью кургана. Однако нельзя не заметить, что она явно отличается от катакомб 1 и 2 не только по формам, особенностям конструкции и характеру инвентаря, но и по своему местонахождению. Напомним, что основание катакомбы 5 располагалось ниже уровня древнего горизонта, близ центра кургана. В этой связи можно предполагать, что она впущена в первичный курган еще до того, как над ним возвели вторичную насыпь в связи с появлением богатого погребения 3. Иначе трудно практически представить весь процесс сооружения катакомбы с весьма узкой входной ямой на глубине более чем 5,5 м от вершины вторичной курганной насыпи. Тем самым представляется вполне вероятным, что катакомба 5 появилась раньше погребения 3.

Почти то же самое можно сказать и о грунтовых погребениях 4 и 6, также располагавшихся на большой глубине от вершины кургана (4,35 и 5 м) и сближающихся между собой по некоторым признакам (захоронение отдельных частей трупа, довольно сильная окрашенность костяков, северо-восточная ориентировка). Если еще напомнить, что погребение 4 находилось близ входа той же катакомбы 5, а погребение 6 — на уровне древнего горизонта, то представляется вполне вероятным, что они также были впущены в первичный курган раньше погребения 3.

Все эти стратиграфические наблюдения могут быть уточнены при анализе погребального обряда и инвентаря описанных могил.

Уже указывалось, что наиболее древним в кургане является погребение 7. Об этом

свидетельствует не только его стратиграфическое положение, но и особенности конструкции самой могилы. Как известно, подобные погребальные сооружения в виде прямоугольных в плане ям, в значительной мере углубленных в материк и как правило являющихся основными в курганах бронзового века Северо-Западного и Центрального Кавказа, относятся к первому, т.е. наиболее раннему, этапу майкопской культуры (Майкоп, Армавир, Тбилисская, Казанская, Усть-Джегутинская и др.)².

Однако необходимо иметь в виду, что могильная яма кишпекского погребения 7 была заполнена в основном булыжником, а основание первичной курганной насыпи, возведенной над этой же могилой, окружала кромлехообразная выкладка из подобных же камней. Напомним, что широкое использование камня в конструкции погребальных сооружений характерно для позднего этапа майкопской культуры³. Как видно, рассматриваемое погребение сочетает признаки и раннего, и позднего этапов данной культуры. Подобные могильные сооружения Северного Кавказа (курганы у ст. Раевская⁴, хут. Рассвет⁵, сел Старый Урух⁶, Лечинкай⁷, Чегем II⁸ и проч.) Р.М. Мунчаев выделяет в отдельную среднюю (промежуточную) группу майкопских памятников⁹.

Погребение 3 Кишпекского кургана 2 по особенностям конструкции могилы явно сближается с погребальными сооружениями позднего, так называемого новосвободненского этапа майкопской культуры, которые представляют собой просторные неглубокие ямы (не более 40 см) или почти квадратные площадки; в основном они располагаются на уровне древнего горизонта и, как правило, выложены мелкими галечником или гравием. Такие памятники широко распространены от Прикубанья до Чечено-Ингушетии (станции Андрюковская, Келермесская, Костромская, г. Усть-Джегутинск, сел Кишпек, Старый Лескен, Бамут, станица Мекенская и др.)¹⁰. В то же время кишпекское погребение 3 отличается от могильных сооружений этого типа наличием стен из булыжника.

Вероятность того, что кишпекские погребения 7 и 3 представляют средний и поздний этапы майкопской культуры, подтверждается и характером найденных в них вещей. Так, сосуд из погребения 7 отличается от основной части позднемайкопской керамики более качественной фактурой, относительно тонкими стенками, сравнительно небольшими размерами и утончающимся к краю венчиком. Такие сосуды более характерны для раннего этапа майкопской культуры¹¹, но встречаются они и среди керамики последующего, промежуточного ее этапа¹².

Крупный толстостенный, красноглиняный сосуд из погребения 3 имеет почти прямые аналогии в керамике новосвободненских дольменов¹³, а также в других многочисленных бытовых и погребальных памятниках Северного Кавказа позднемайкопского времени¹⁴. Те или иные разновидности подобных сосудов известны и за пределами этого региона — в Грузии¹⁵, Подонье¹⁶, на Украине¹⁷. Особого внимания заслуживает характерная круглая вмятина на дне этого сосуда. Как известно, такие отметины на днищах сосудов, найденных, как правило, в позднемайкопских комплексах (Луговое поселение, курганы у сел Бамут, Лескен, Лечинкай и др.), свидетельствуют об использовании в керамическом производстве примитивного гончарного круга, заимствованного, вероятно, из Передней Азии¹⁸.

В числе металлических предметов из кишпекских погребений весьма интересны бронзовые двулезвийные ножи-кинжалчики с продольными ребрами на клинках. Наиболее часто они встречаются в курганах позднемайкопского времени Северного Кавказа (особенно в средней части региона), однако отдельные экземпляры их

найжены и в Закавказье¹⁹. Причем кинжалы с широкими клинками типа обнаруженных в погребении 3 считаются характерными пока только для территории Кабардино-Балкарии²⁰.

Кишпекские золотые височные кольца, игла и пластинки фольги имеют многочисленные аналогии в комплексах раннего и особенно позднего этапов майкопской культуры (Майкоп, Старомышастовский клад, Новосвободная, Чегем I и II, Нальчик, Бамут, Мекенская и другие), а также сближаются с соответствующими категориями предметов эпохи ранней бронзы Закавказья и Ближнего Востока²¹. При этом предполагается, что для бассейна р. Терек характерны кольца с разомкнутыми концами, а для Прикубаня — с сомкнутыми²². Однако такое предположение представляется преждевременным, поскольку все кольца погребения 3, а также часть украшений этого типа из других курганных групп позднемайкопского времени: у сел. Кишпек, Чегем I и Чегем II — имели сомкнутые концы. Здесь же следует заметить, что почти все золотые (и реже серебряные) фольговидные пластинки типа найденных в погребениях 3 и 7 происходят из позднемайкопских комплексов Кабардино-Балкарии²³. И хотя сходные с ними "тонкие полоски серебра" обнаружены и в основной могиле большого Майкопского кургана²⁴, но все же их можно считать пока наиболее характерными именно для территории упомянутого региона.

В числе других находок определенный интерес представляют круглые в сечении костяные проколки или булавки с прямым гладким стержнем (погребения 5, 6 и 7). Прямые аналогии им в северокавказских комплексах эпохи бронзы не удалось подобрать. Остается заметить, что такие предметы были известны в Центральном Кавказе не позднее появления погребения 7. И, наконец, можно отметить, что каменные точильные бруски разных форм и размеров, один из которых входил в инвентарь погребения 3, являются "неотъемлемым предметом в погребальном ритуале" племен раннебронзового века²⁵.

Думается, приведенные доводы в достаточной мере указывают, что наиболее древнее в кургане погребение 7 относится к среднему этапу майкопской культуры, а богатое захоронение 3 — к ее финальному этапу. Именно между этими двумя хронологическими этапами мы и склонны вклинивать время появления погребений 4, 5 и 6, о чем, как указывалось, прежде всего свидетельствуют особенности их стратиграфического положения и факт обнаружения в них таких же костяных булавок, как и в центральном майкопском погребении 7. Не противоречат столь ранней датировке этих трех погребений и некоторые черты погребального обряда. Напомним, что в них отмечены значительные следы красной краски. Помимо того, погребение 4 и 6 можно сравнивать с центральным (парным) захоронением в кургане 12 у с. Бамут, где также зафиксирован обряд расчлененного погребения²⁶.

Особого внимания заслуживает погребение 5, которое с определенными оговорками можно включить в число древнейших на Предкавказье земляных склепов или катакомб. При этом необходимо иметь в виду, что от многочисленных катакомб эпохи средней бронзы, широко распространенных в Юго-Восточной Европе и на Предкавказье²⁷, оно отличается по форме, расположению входа (непосредственно в своде камеры) и другими, уже отмеченными особенностями. В то же время по наличию сруба, тщательно выровненному и обмазанному глиной полу, своеобразным глиняным выступам по углам камеры, которые, возможно, символизируют колеса повозки, погребение 5 сближается в какой-то мере с могильными сооружениями последних веков III — начала II тысячелетия до н.э., выявленными в курганах

на склонах хребта Бедени (Грузия)²⁸ и у с. Утамыш (Дагестан)²⁹. На основании всех приведенных выше данных наиболее промерным представляется датировка погребения 5 в пределах последних веков III тысячелетия до н.э.

Самыми поздними в кургане являются безусловно катакомбы 1 и 2, впущенные во вторичную насыпь. Ближайшие аналогии катакомбе 1 известны среди подкурганых сооружений Центрального Кавказа, относящихся в целом к XVI—XIV вв. до н.э. (села Чикола и Ногир в Северной Осетии, г. Майский и пос. Былым в Кабардино-Балкарии, г. Усть-Джегутинск, станицы Холоднородниковская и Суворовская в Карачаево-Черкесии)³⁰. Катакомба 2 несколько отличается от них по своей конструкции (наличие ровика вокруг дна катакомбы, полусферическая в плане форма входной ямы и обкладка ее булыжником и др.). Но вместе с тем по стратиграфии и ряду черт погребального обряда (камышовая подстилка, вытянутое трупоположение, количество сосудов и особенности их местонахождения в могиле и проч.) она явно сближается с катакомбой 1 и тем самым включается в круг указанных выше центрально-предкавказских памятников среднебронзового века.

Небольшие одноручные сосуды из катакомб 1 и 2 типологически несколько отличаются друг от друга (у одного из них — орнамент в виде нарезных заштрихованных треугольников, у другого — уступчатый профиль). И все же по форме, размерам, сходству плоских ручек с канелюрами и некоторым иным деталям их можно объединить в единую группу керамики, весьма широко распространенную в комплексах второй половины II — начала I этапов так называемой северокавказкой культуры (вернее, культурно-исторической области)³¹, а также в катакомбных захоронениях Предкавказья и Нижнего Поволжья, датируемых XVI—XIV вв. до н.э.³². Причем сосуды с уступчатым профилем генетически связываются с катакомбными предкавказско-калмыцких степей³³. К этому же времени можно отнести и более крупный сосуд с рельефным орнаментом из катакомбы 1, который также имеет более или менее близкие аналогии в материалах Северной Осетии (с. Ногир)³⁴ и Прикубанья (г. Усть-Джегутинск)³⁵.

Итак, центральное погребение 7 Кишпекского кургана 2, связанное с первым стратиграфическим горизонтом, относится к среднему (промежуточному) этапу майкопской культуры (в пределах третьей четверти III тысячелетия до н.э.). Богатое захоронение 3 (второй стратиграфический горизонт) представляет последний этап майкопской культуры (около XXIII—XXI вв. до н.э.); в эти же хронологические рамки вклинивается и время появления погребений 4, 5 и 6, но они, по всей видимости, были впущены в первичную насыпь кургана несколько раньше захоронения 3. И, наконец, наиболее поздними в кургане являются катакомбы 1 и 2, вырытые во второй половине среднего — начале позднего этапа северокавказской культуры (около XVI—XIV вв. до н.э.).

¹ Чеченов И. М. Богатые захоронения в кургане раннебронзового века у сел. Кишпек в Кабардино-Балкарии. — В кн.: Северный Кавказ в древности и средние века. М., 1980, с. 15—33.

² Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 212—225, 310, 311; Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 21—27.

³ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века, с. 315—318.

⁴ Сизов В. И. Восточное побережье Черного

моря: Археологические экскурсии. — МАК, 1899, II, с. 94, 95.

⁵ Крушкoл Ю. С. Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедициями Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской. — Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та, 1963, т. СХV, вып. 4.

⁶ Крупнов Е. И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. — УЗКНИИ, Нальчик, 1948, т. V, с. 223, 224.

⁷ Чеченов И. М., Батчаев В. М. Отчет о рас-

копках курганов эпохи бронзы у сел. Лечинкай в 1974 г. — Архив ИА АН СССР, р—1, N 5420. N 5420.

⁸ *Батчаев В.М., Чеченов И.М.* Отчет о раскопках 2-й курганной группы у сел. Чегем II в 1975 г. — Архив ИА АН СССР, р—1, N 6277.

⁹ *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 314, 315.

¹⁰ ОАК за 1896 г. СПб., 1898, с. 54; ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 95; ОАК за 1899 г. СПб., 1901, с. 15; *Мунчаев Р.М., Нечитайло А.Л.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. — СА, 1966, N 3, с. 134—147; *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке, с. 28—31; *Чеченов И.М.* Богатые захоронения..., с. 22—25; *Крупнов Е.И.* Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. — УЗКНИИ, Нальчик, 1948, т. IX, с. 282—283; *Мунчаев Р.М.* Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. — СА, 1962, N 3, с. 189, 190; *Мунчаев Р.М., Сарияниди В.И.* Бамутские курганы эпохи бронзы. — КСИА, 1964, вып. 98, с. 93 и след.; *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы у станции Мекенской. — ДЧИ, М., 1963, с. 24.

¹¹ *Столяр А.Д.* Мешоко — поселение майкопской культуры. — СМАА, Майкоп, 1961, т. 2, с. 88; *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с. 75—78, 83, 118, 119.

¹² *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница (III тыс. до н.э.). Нальчик, 1973, с. 21, 47—50.

¹³ *Попова Т.Б.* Дольмены станицы Новослободной. М., 1963, с. 19—23, табл. XIII 5, XV, 1, 4.

¹⁴ *Круглов А.П., Подгаецкий Г.В.* Долинское поселение у г. Нальчика. — МИА, 1941, 3, с. 185—190; *Крупнов Е.И.* Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 56—65; *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, 1961, 100, с. 101—105; *Он же.* Памятники..., с. 180—182, 191—197; *Формозов А.А.* Каменный век..., с. 79, 80, 117—119; *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 35, 41—43; *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке, с. 32, 33.

¹⁵ *Дедабришвили Ш.Ш.* Памятники эпохи ранней и средней бронзы. — В кн.: Труды Кахетской археологической экспедиции (1965—1966 гг.). Тбилиси, 1971, т. 1, с. 69—79.

¹⁶ *Кияшко В.Я.* Константиновское поселение эпохи энеолита. — В кн.: Археологические раскопки на Дону. Ростов/Д., 1973, с. 15—17.

¹⁷ Археология Украинской РСР. Київ, 1971, т. 1, с. 257 и след.

¹⁸ *Бобринский А.А., Мунчаев Р.М.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе. — КСИА, 1966, вып. 108, с. 14—22, рис. 2—5.

¹⁹ *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 401, рис. 56, 82.

²⁰ *Кореневский С.Н.* Новые данные по металлообработке майкопской культуры. — В кн.: VIII Крупновские чтения : тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 62—63.

²¹ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, с. 64, 65; ОАК за 1898 г. СПб., 1901, с. 34, 38; *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы..., с. 24, 41; *Попова Т.Б.* Дольмены..., с. 40—43; *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 17—19; *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 304, 329, 404—407, рис. 72 (2—6, 12—13); Археологические исследования на новостройках Археодио-Балкарии в 1972—1979 гг. Нальчик, 1984. Т. 1.

²² *Кореневский С.Н.* Новые данные..., с. 63. *Чеченов И.М.* Нальчикская подкурганная гробница, с. 18, рис. 29; *Он же.* Богатые захоронения..., с. 17 и след.

²⁴ ОАК за 1897 г., с. 4—6, 10.

²⁵ *Попова Т.Б.* Дольмены..., с. 39, 40, табл. XVI.

²⁶ *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века, с. 297—300, 320.

²⁷ См., например: *Попова Т.Б.* Племена катакомбной культуры. — Тр. ГИМ, М., 1955, с. 140—145; *Мунчаев Р.М.* Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1960; *Фисенко В.А.* Погребальный обряд катакомбной культуры юго-востока Европы. — В кн.: Археологический сборник. Саратов, 1966, с. 63—83; *Клейн Л.С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? — В кн.: Статистико-комбинированные методы в археологии. М., 1970, с. 165—179; *Братченко С.Н.* Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976, с. 10—81; *Нечитайло А.Л.* Верхнекубанские памятники предкавказской культуры. — МИСК, Ставрополь, 1976, вып. 14, с. 125—136; *Синицын И.В.* Древние памятники Восточного Маныча. Саратов, 1978.

²⁸ *Гобеджишвили Г.Ф.* Беденские курганы: Доклад на Всесоюзной научной сессии, посвященной итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. — В кн.: Тезисы докладов. Тбилиси, 1971, с. 44—49.

²⁹ *Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М.* Утамышские курганы. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в середине века. М., 1980, с. 43—61.

³⁰ *Сафронов В.А.* Катакомбные памятники предгорной зоны Северной Осетии. — В кн.: Катакомбные культуры Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1980, с. 61—60; *Абрамова М.П.* Погребения эпохи бронзы на Нижнем Джугале в Кабардино-Балкарии. — В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969, с. 103—112; *Батчаев В.М.*

Керешов Б.М., Ступников Р.Н. Отчет об археологических раскопках 1977 г. в районе с. Былым и Холам. — Архив КБНИФЭ, инв. N 2275; *Нечитайло А.Л.* Верхнекубанские памятники..., с. 125—136; *Она же.* Верхнее Прикубанье..., с. 106—134; *Она же.* Суворовский могильник. Киев, 1979, с. 11 и след.

³¹*Марковин В.И.* Северный Кавказ и цивилизации Древнего Востока и Средиземноморья. — В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1975, с. 72; *Он же.* Стены и Северный Кавказ: об изучении взаимосвязей древних племен. — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 200.

³²*Иерусалимская А.А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры. — СА, 1958, N 2, с. 36—39; *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) — МИА, 1960, N 93, с. 87—89, рис. 40; *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы..., с. 11, рис. 1, 2—4; *Мунчаев Р.М., Сарияниди В.И.* Бамутские курганы..., с. 96, рис. 26, 2, 3, 6—8; *Чеченов И.М.* Новый памятник северокавказской культуры. — УЗ КБНИИ, Нальчик, 1965, т. XIII, с. 299, рис. 1, 5; *Абрамова М.П.* Погребения..., с. 110, 111, рис. 1, 8, 10, 2, 4, 5; *Синицын И.В., Эрдниева У.Э.* Элистинский могильник. Элиста,

1971, табл. 1, 2; 2, 4, 5; 7, 2, 4; 9, 3, 2; 16, 1, 4, 5; 18, 5, 21, 4—6; 24, 1, 4; 28, 2, 29, 2, 31, 1—3, 33, 3, 4; *Тменов В.Х.* Курганы эпохи бронзы у станции Новоосетинский Моздокского района СО АССР. — МАДИСО, Орджоникидзе, 1975, т. III, с. 117, табл. 2, А—2^а—З; *Пиотровский Ю.Ю.* Моздокские курганы эпохи бронзы. — АСГЭ, Л., 1977, вып. 18, с. 17, 21, рис. 2; *Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье..., с. 91—96, 118—122, 134; *Синицын И.В.* Древние памятники..., табл. 34, 6; 68, 11, 12; 75, 2; 79, 10, 11; 89, 5; 91, 5, 8, 10; 93, 4, 5, 10; *Сафронов В.А.* Катакомбные памятники... с. 51—76, рис. 2, 3, 6; 3, 6, 5, 3; 6, 1; 10, 2; 14, 2, 3; 15, 3, 6.

³³*Артамонов М.И.* Раскопки курганов в долине р. Маныча в 1934 г. — СА, 1937, IV, с. 100—105; *Иерусалимская А.А.* О предкавказском варианте..., с. 36—39; *Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я.* Курганы..., с. 45; *Фисенко В.А.* Племена катакомбной культуры Северо-Западного Прикаспия: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1967.

³⁴*Сафронов В.А.* Катакомбные памятники..., с. 63, рис. 2, 2, 5.

³⁵*Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье..., с. 73, рис. 28, 4.

М.К. Тешев

ГРОБНИЦА ПСЫБЕ — ПАМЯТНИК ПОЗДНЕМАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЧЕРНОМОРСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ

В 1981 г. на восточной окраине пос. Новомихайловский Туапсинского района, в русле р. Псыбе, нами была обнаружена гробница, занесенная современными наносами реки. Над гравием едва возвышались оббитые и отшлифованные водой и галечником верхние концы стен, на которых находилась одна разбитая плита от перекрытия,

В результате раскопок оказалось, что гробница представляла собой большой прямоугольный ящик, сложенный насухо, без пазов, из плотно подогнанных необработанных плит светло-серого песчаника. Длинной осью ориентирован он с северо-запада на юго-восток. Северо-восточная сторона представляла собой массивную плиту 3 × 1,35 × 0,3 м; юго-западная состояла из двух плотно подогнанных плит размерами 2,2 × 1,35 × 0,3 м; торцевые стены ящика — из плит меньших размеров: 1,3 × 1,35 × 0,12—0,15 м (рис. 1, Д). Выступающие на 0,4—0,15 м части боковых стен ящика образовали как бы небольшие "порталы". В торце юго-западной боевой стены имелась небольшая выбоина (ширина 20 см). Ящик был перекрыт, видимо, четырьмя плитами, из которых сохранилась только одна 1,8 × 0,8 × 0,13 м.

В юго-восточной торцевой стене имелся вертикально удлиненный, почти оваль-

ный, с ломаными краями лаз высотой 0,85 м, шириной 0,5 м, снаружи плотно закрытый тремя вертикально поставленными узкими плитами (рис. 1, II). Необходимо заметить, что изнутри стены ящика по швам были замазаны глинистой массой темно-коричневого цвета.

Снаружи стены гробницы по углам и с торцов были укреплены контрфорсами из узких длинных каменных плит, вертикально закопанных до самого цоколя ящика (рис. 1, II, III). Ящик и контрфорсы были вкопаны в древнюю погребенную почву на глубину до 0,4—0,45 м, доходя до слоя древнего стерильного аллювия Пысьбе.

Наружные размеры гробницы: 3 × 1,75 × 1,35 м. Камера в плане прямоугольная: 1,7 × 1,30 × 0,9 м (рис. 1, Л).

У северо-восточной боковой стены ящика удалось проследить, что стены ставили в предварительно выкопанные в грунте канавки, которые забутовывались глиной, камнем и щебнем (рис. 1, II, III). В забутовке у цоколя северо-восточной стены найден кусок глиняной, обожженной до кирпично-красного цвета плитки с примесью рубленной соломы, щебня и песка.

Верхняя часть камеры гробницы (на глубину 0,25—0,30 м) была затоплена современными наносами реки. Ниже шел слой серой однородной глины (толщиной 0,25—0,30 м), которым была заполнена средняя часть камеры (рис. 1, II, III). Под ней оказалась засыпка (толщиной 0,3—0,35 м) из такой же глины, но с содержанием щебня и песка. На глубине 0,60—0,65 м в северном углу камеры в засыпке найдены кусочки обожженной глины и камня, морской гравий и песок с включением охры и древесного угля. Возможно, это остатки поминального костра. На дне камеры, на подсыпке (толщиной 3—5 см) из морского гравия и песка с включением раковин и кусочков древесного угля обнаружено коллективное погребение семи костяков и погребальный инвентарь, состоявший из трех сосудов, бронзового ножичка и костяного наконечника стрелы (рис. 1, Л).

Четко зафиксировано положение одного костяка, лежавшего у северо-восточной стены, головой на юго-восток, с руками, согнутыми в локтях, кисти перед лицом, ноги в коленях согнуты. Остальные шесть скелетов были сдвинуты к юго-западной стене гробницы и лежали рядом друг с другом, кости их перемешаны между собой. Черепа пяти из них почти в один ряд. От шестого найдены лишь обломки. Судя по положению черепов, костей рук, ног и занимаемой ими площади, можно предположить, что и эти шесть скелетов, до того как их сдвинули, лежали так же скорченно, головами на юго-восток.

В южном углу гробницы, у изголовья лежал на боку чернолощенный лепной горшок с венчиком раструбом, округлым яйцевидным туловом и слегка уплощенным дном. Основание шейки опоясывала резная линия. Тесто грубоватое, обильно насыщенное дресвой (песок, слюда). Высота сосуда 17 см, диаметр тулова 12,5 см, ширина горла 15 см, диаметр дна 3 см (рис. 2, 3).

Второй сосуд находился в западном углу камеры, у ног костяков. Он коричнево-охристого цвета, с резко отогнутым венчиком, биконическим туловом и со слегка уплощенным дном (рис. 2, 1). Тесто хорошо отмучено с незначительной примесью песка и слюды. Поверхность пачкающая. Высота сосуда 16 см, диаметр тулова 24 см, горла — 13,3 см, дна — 7 см.

Третий сосуд найден у северо-западной стены (рис. 2, 2). По форме он идентичен описанному выше сосуду, но с более узким горлом. Высота его 16,5 см, диаметр тулова 24 см, горла — 9 см, дна — 7,5 см. В нем находился черешковый наконечник стрелы, сделанный из трубчатой кости животного (рис. 2, 4). Сечение пера и черенка круг-

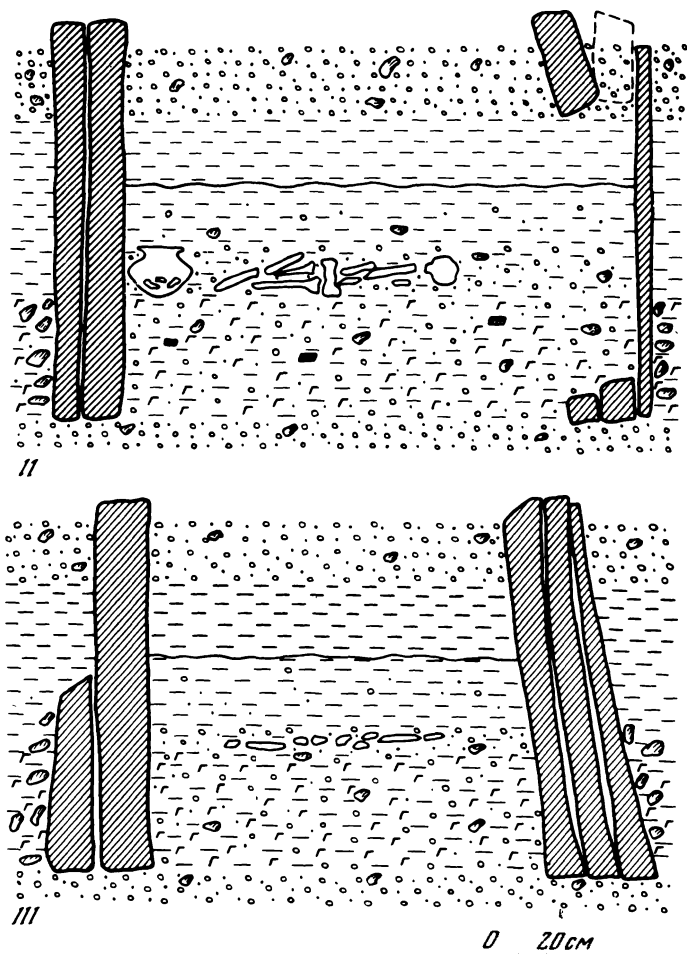
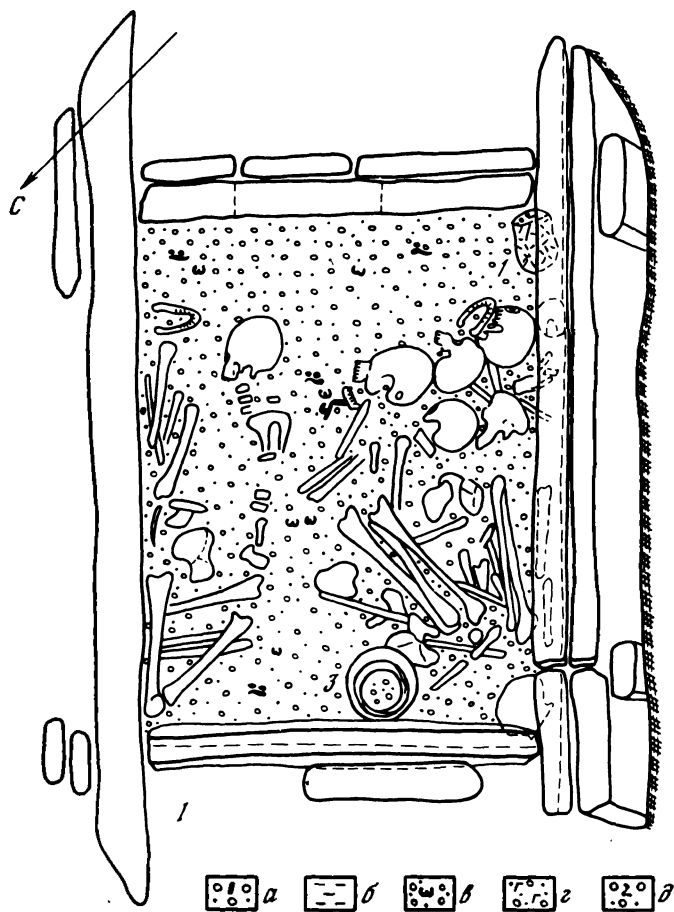

Рис. 1. Гробница Пшебе

I — план; II — продольный разрез гробницы; III — поперечный разрез гробницы
 1—3 — сосуды, 4 — ножичек; а — современные наносы р. Пшебе; б — серая глина; в — морской гравий, песок с включением раковин морского гребешка; з — левая погребенная полка; д — правый аркадный

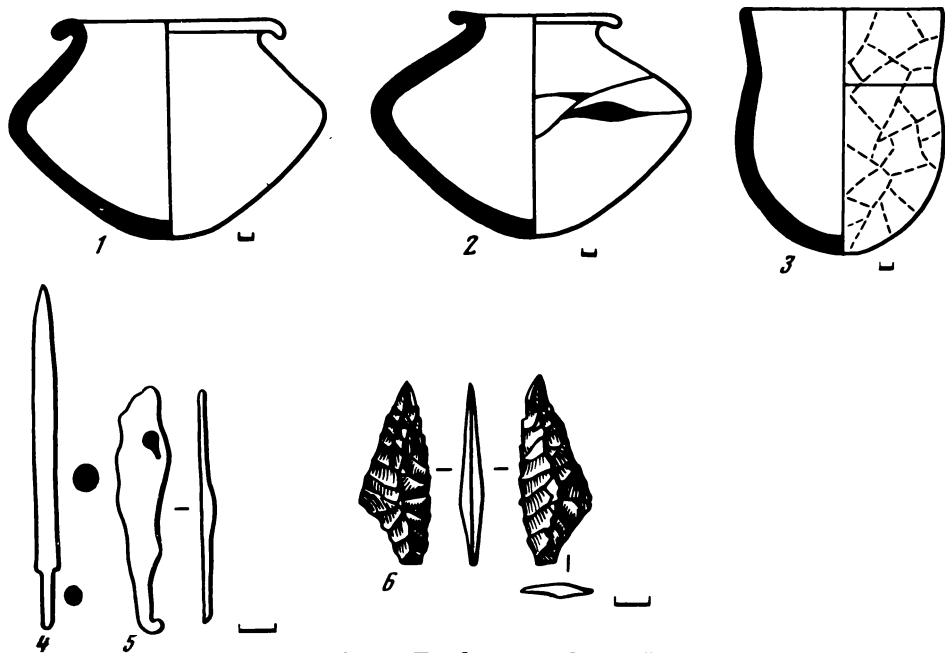

Рис. 2. Гробница Псыбе. Погребальный инвентарь

1—3 — сосуды; 4 — наконечник стрелы; 5 — ножичек; 6 — ретушированный наконечник стрелы; 1—3 — глина, 4 — кость; 5 — медь (бронза?); 6 — кремнь

лое. Перо плавно заостряется, поверхность отполирована. Кончик черенка отломан. Высота пера 7 см, сечение 0,7 см, длина черенка 1,7 + ? см, сечение 0,1 см. В последних двух горшках оказались кости животных и фаланги человеческих пальцев, которые, возможно, попали в них случайно.

На дне могилы, близ торцевой стены, под черепом 5 лежал удлиненно-линовидной формы ножичек из бронзы, кончик черенка у него загнут (рис. 2, 5). Общая длина 6 см. Внутри черепа 2 найден кремневый наконечник стрелы. Неясно, попал ли он в череп случайно вместе с глиной или стрелой был убит погребенный, тем более что лицевые части у него разрушены. Последнее предположение более вероятно, потому что вершина острия наконечника имеет скол, несомненно возникший в результате удара о твердый предмет (кость?). Наконечник стрелы сделан из длинного пластинчатого отщепа светло-коричневого кремня. Он листовидной формы, сечение линзовидное, основание диагонально-усеченное. Кончик основания притуплен (рис. 2, 6). Наконечник тщательно обработан двусторонней струйчатой ретушью, направленной параллельно с небольшими отклонениями от краев к середине. Фасетки с краев сняты таким образом, что лезвия получились острозазубренными. На щеке пера с одной стороны имеется вторично подправленная ногтевидная выщербинка. Высота наконечника 4,3 см, ширина 1,4 см, толщина 0,3 см.

По конструкции гробница Псыбе — монументальность сооружения, полуназемное положение, наличие лаза и порталов, коллективное захоронение и последующая засыпка камеры глиной — имеет сходство с плиточными дольменами самого ранне-

го периода дольменной культуры на Северо-Западном Кавказе. Но детальный анализ конструкции гробницы (крыша, состоящая из отдельных поперечных плит, техническое решение несущей конструкции ящика, отсутствие системы пазов, форма и размеры лаза и способ его закрытия, двойная стенка и другие особенности) резко отличает гробницу Псыбе от плиточных дольменов (Кизинка, "Кожохская группа", Черноморское побережье)¹. В.И. Марковин справедливо считает, что гробницы типа Псыбе генетически не связаны с плиточными дольменами². Возможно, здесь имели место инфильтрация позднемайкопской культуры на Черноморское побережье Западного Кавказа и затем какое-то время сосуществование двух культур. Гробница Псыбе по своей конструкции ближе к каменным гробницам Нальчика³, "Скала"⁴, Кишпек⁵ и другим памятникам позднемайкопской культуры ранней бронзы, конца III тысячелетия до н.э.

Для племен позднемайкопской культуры характерны одиночные захоронения в скорченном положении, на боку, ориентировка на юг, а также подсыпка на дне могилы гравия и гальки⁶. Описанные выше погребения имеют ту же ориентировку, такое же скорченное положение и подсыпку из гравия, поэтому гробница Псыбе вписывается в круг позднемайкопских памятников. Погребальный инвентарь не противоречит сказанному. Так, лепной чернолощенный сосуд близок по форме и размерам к сосудам из навеса Хаджох I⁷ поселения "Скала"⁸, из стоянки Воронцовская пещера⁹, из кургана у хут. Рассвет¹⁰. Биконические сосуды с небольшой разницей в моделировке аналогичны сосудам из Третьего Разменного кургана у ст. Костромская¹¹, из гробницы Кишпек¹², из Бамутского могильника¹³, из сел. Гунделен¹⁴. Частыми атрибутами в погребальных инвентарях позднемайкопской культуры являются бронзовые ножи-кинжальчики (Бамутский могильник¹⁵, Третий Разменный курган у ст. Костромская¹⁶ и т.д.). Костяные наконечники стрел в погребениях позднемайкопской культуры встречаются редко, однако они известны из кургана 17 Бамутского могильника¹⁷, из кургана 27 около с. Чегем II¹⁸.

Специфичным признаком позднемайкопских кремневых наконечников стрел можно считать диагонально-усеченное основание с притупленным кончиком. Наконечник стрелы из гробницы Псыбе имеет аналогию в материалах могильников у ст. Костромская, Чегем II¹⁹ и т.д., а также близких к ним наконечниках стрел с асимметричным основанием из Новосвободной, Бамута, из поселения Долинского²⁰ и других памятников позднемайкопской культуры.

Таким образом, по характеру погребального сооружения, обряду погребений и инвентарю гробница Псыбе может быть отнесена к позднему этапу майкопской культуры и датирована последней четвертью III тысячелетия до н.э.²¹

¹ Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с.58 и след.

² Там же, с. 283—285.

³ Чеченов И.М. Гробница эпохи ранней бронзы г. Нальчика. — СА, 1970, N 2, с. 109—124.

⁴ Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, с.66.

⁵ Чеченов И.М. Богатое захоронение ранне-бронзового века у с. Кишпек в Кабардино-Балкарии. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 27—31.

⁶ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового

века. М., 1975, с. 314—317; Формозов А.А. Каменный век..., с. 66.

⁷ Формозов А.А. Каменный век..., с. 118, рис. 57.

⁸ Там же, с. 120, рис. 59.

⁹ Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979, с. 38, рис. 13, I; с. 39, рис. 14, 2, 3; с. 40, рис. 15, 2, 5.

¹⁰ Мунчаев Р.М. Кавказ на заре..., с. 265, рис. 58, 5.

¹¹ ОАК за 1987 г. Спб., 1900, с. 56, 57.

¹² Чеченов И.М. Богатое захоронение..., с. 21, рис. 6, 3.

¹³ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 288, рис. 65, 9; с. 290, рис. 66, 6.

¹⁴ Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение у г. Нальчика. МИА, 1941, N 3, табл. X, б, 7.

¹⁵ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 293, рис. 67, 2; с. 304, рис. 72, 10.

¹⁶ ОАК за 1897 г., с. 40—42, рис. 57.

¹⁷ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 306, рис. 73, 2.

¹⁸ Бетров Р. Ж. К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик, 1982, с. 60, рис. 4, 17.

¹⁹ Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 259, рис. 57, 7—10; Бетров Р. Ж. К древней истории..., с. 59, рис. 4, 2—8.

²⁰ Попова Т. Б. Дольмены станицы Новосободной М., 1963, табл. IV. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре..., с. 306, рис. 73, 4; Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Долинское поселение..., с. 182, рис. 25, 2, 3.

²¹ Тешев М. К. Гробница Псыбе — новый памятник позднемаякопской культуры на Черноморском побережье Западного Кавказа. — В кн.: Конференция по археологии Северного Кавказа. XII КЧ: Тезисы докладов. М., 1982, с. 17, 18.

В. М. Батчаев

БЫЛЫМСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНО-ЖИЛОЙ КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ

В 1977—1978 гг. археологической экспедицией КБИИФЭ исследовано древнее жилище, потревоженное земляными работами на северо-западной окраине с. Былым (Баксанский район Кабардино-Балкарской АССР), у самого обрыва плато, возвышающегося на 45—50 м над долиной р. Баксан.

Фундамент жилища залегал под мощным слоем горелой древесины (впечатавшись в рыхлым серовато-охристым грунтом), который выявился после снятия дернового покрытия толщиной 8—15 см; лишь вдоль южной стены жилища отмечено скопление необработанных камней длиной до 30—40 см. Весь вещевой материал находился на полу, сохранившем следы интенсивного воздействия огня. Это обстоятельство в совокупности со спецификой стратиграфии и находками керамики с признаками вторичного обжига позволяет констатировать разрушение жилища в результате пожара.

Памятник состоит из трех компонентов: собственно жилища с двумя внутренними отсеками, подсобной пристройки и каменной ограды (рис. 1).

Жилище (камеры 1, 1-А, 1-Б). Место, занимаемое им, было неровным, оно понижалось к северо-западу, в сторону обрыва. Поскольку жилище возведено после тщательной нивелировки строительной площадки, то уровень его пола находится на различной глубине от современной поверхности (от 35 до 140 см). Стены стояли на материке — твердом охристом грунте с обильным включением галечника и мелких камней. Жилище представляло в плане правильный квадрат (8×8 м), ориентированный строго по странам света. От стен сохранился только фундамент. Восточная и западная стороны его выложены крупными глыбами песчаника и гранита шириной до 50—60 см (местами со следами грубой обработки). Такой же ширины и фундамент южной стены, но здесь он сложен из более мелких камней двумя плотными рядами. Ширина северного фундамента всего 20—25 см. По всей площади жилища (за исключением южной части) зафиксировано небольшое количество камней, расположение которых не позволяет считать их за остатки обрушившихся стен.

Вместе с тем обилие сгоревших бревен и остатки нижнего венца сруба на отдельных участках северного фун-

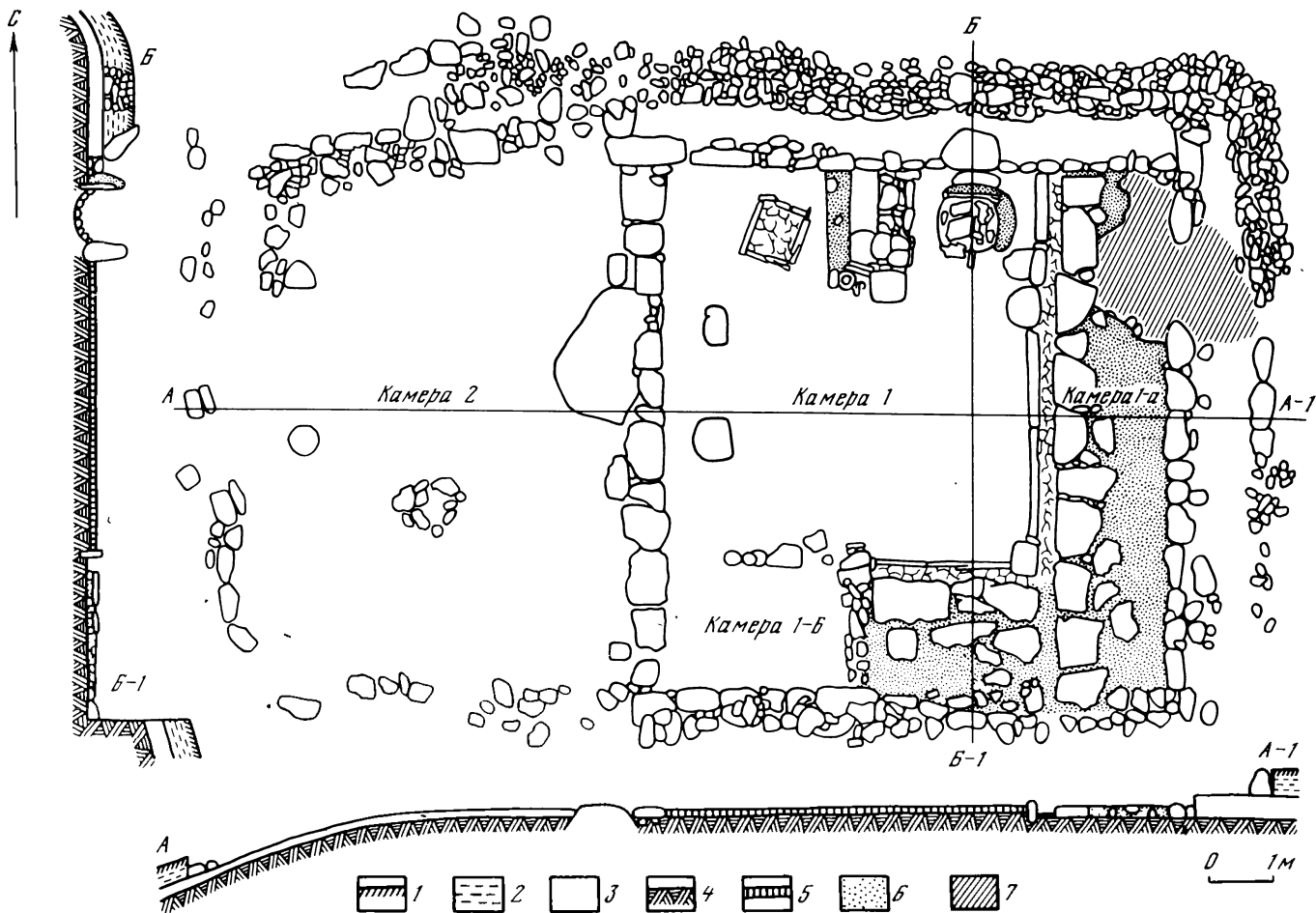

Рис. 1. План Былымского оборонительно-жилого комплекса

1 — гумус; 2 — рыхлый грунт; 3 — древняя погребенная почва; 4 — материк; 5 — утрамбованная глина; 6 — сырая глина; 7 — часть жилища, разрушенная землянными работами

даменты дают основание полагать, что стены жилища были деревянными. Судя по отдельным фрагментам, диаметр бревен не превышал 20—25 см, что соответствует ширине фундамента северной стены. Восточная и западная стены с более широким основанием, вероятнее всего, были сложены из таких же бревен, но уже в два слоя.

Не совсем ясна конструкция южной стены, фундамент которой перекрыт большим количеством камней. Последнее, разумеется, не означает, будто в отличие от остальных южная стена являлась каменной. Более вероятным представляется другое: она, как и северная стена, была сооружена из одного слоя бревен, а примыкавший к ней каменный завал является остатками своеобразного "панциря", который облекал стену снаружи и во время пожара обрушился внутрь жилища.

Возможно, предлагаемая реконструкция не совсем безупречна, однако все отмеченные строительные приемы (сочетание однослойных срубных стен с двухслойными на каменном фундаменте, каменный "панцирь" деревянной стены) неоднократно фиксировались в традиционной архитектуре Балкарии и Карачая¹.

Жилая часть постройки (камера 1) без двух внутренних отсеков занимает площадь около 36 кв.м. Здесь выявлено два очага. Один из них, в виде открытого "каменного ящика" (95×85×10 см), располагался близ северо-западного угла камеры и, очевидно, служил для приготовления мясной пищи в подвешенном над ним котле. У северо-восточного угла расчищен второй очаг—подквадратная, с закругленными углами яма глубиной 25—30 см и со сторонами в 100×85 см. Дно ее выложено булыжником. Внутри обнаружены обломки песчаниковой плиты, которая вначале была установлена горизонтально над ямой и служила для выпечки хлеба. Северная и восточная кромки очага, находящиеся в близости от деревянной стены жилища и от такой же перегородки камеры 1—А, ограждены глиняным дуговидно изогнутым валиком; впоследствии между стеной и очагом был установлен еще каменный блок.

Между двумя очагами к северной стене жилища пристроено какое-то сооружение, напоминающее в плане вытянутую трапецию (180×140×120 см). Западная стенка у него глинобитная, восточная сложена из камней на глиняном растворе, южной служит тонкая каменная плита, вертикально врытая в пол жилища. Внутри найдены фрагменты керамики и обуглившиеся кости животных (главным образом, рога баранов), пережженные бараньи рога обнаружены и внутри сосуда, стоявшего на полу перед южной стенкой сооружения; здесь же, рядом с сосудом лежал череп барана. Не исключено, что это сооружение представляло собой домашний жертвенник, связанный с культом очага или плодородия². Пол камеры 1 — утрамбованная глина.

Камера 1-А — один из внутренних отсеков в виде Г-образно изогнутого коридора шириной 200—210 см, примыкающий к восточной части южной стены жилища. От камеры 1 он был отгорожен деревянной перегородкой, о чем свидетельствует узкое каменное "ложе", проходящее по линии стыка камер и предусмотренное для предохранения торцов вертикально установленных в нем бревен от гниения. Пол покрыт сырой, плотно утрамбованной глиной вперемешку с булыжником, а в полосе, примыкающей к перегородке, вымощен крупными песчаниковыми плитами.

Второй отсек (камера 1—Б) площадью 2,8×1,8 м занимал юго-западный угол

жилища и, очевидно, являлся прихожей, в западной стене которой, как я полагаю, могла находиться наружная дверь.

С западной стороны к жилищу примыкала подсобная пристройка (камера 2). Ее северная стена протяженностью 5,5 м являлась продолжением стены жилища, западная прослеживается не более чем на 2 м, южная не поддается фиксации. Второстепенное значение этой пристройки в рассматриваемом комплексе очевидно: несмотря на ощутимый уклон занимаемой ею площадки, последняя осталась невыровненной, стены пристройки покоятся не на материке (как у камеры 1), а на древнем горизонте.

Последний компонент Былымского комплекса — это окружающая обе постройки каменная ограда. Почти везде, где удастся проследить, она отстояла от стен построек не более чем на 50—60 см. Считать столь узкую полоску земли "двором" едва ли приходится, и потому остается полагать, что ограда предназначалась для защиты жилища. Западная и восточная стены ограды прослеживаются слабо. Южная, вероятнее всего, смыкалась с упоминавшимся выше каменным "панцирем". Лучше сохранилась она вдоль северной стены жилища, где высота ее достигала местами 60—65 см, т.е. уровня современной поверхности. Толщина ее у основания 70—80 см, сооружена из необработанных камней с использованием глины в качестве связующего материала. Крупные щели заполнены плитками глинистого сланца, шифера и т.п. Таковы в общих чертах основные особенности конструкции и интерьера Былымского жилого комплекса.

Обнаруженный в нем вещевой материал не отличается разнообразием. Он почти целиком состоит из фрагментов керамики от 40—50 сосудов, рассеянных по всему жилищу и северо-восточному сектору пристройки.

Тарная керамика. Представлена обломками крупных сосудов преимущественно красного и охристого цвета с шероховатой или слегка заглаженной поверхностью. Глина с примесью песка, обжиг великолепный. Украшены одним — тремя рядами треугольных выемок, а также наклепными желобчатыми узорами в виде прямых и волнистых линий, спиралей, заштрихованных треугольников (рис. 2, 1—4).

Кухонная керамика. Помимо фрагментов, в эту группу входят 7—8 сосудов относительно хорошей сохранности. Они средней величины с широким туловом и горловиной, венчик отогнут. Отделка поверхности различна — от тщательно вылощенной до слегка шероховатой, цвет красновато-охристый, серо-охристый, черный. Обжиг чаще всего хороший, в глине незначительная примесь песка. Плечики орнаментированы нарезными (иногда с белой пастой) узорами в виде цепочки ромбов, треугольных выемок, спиралей, заштрихованных треугольников, елочки, зигзагов, солярного знака со спиральными концами и пр. (рис. 2, 5—8; 1—8). Высота целых сосудов 15—22 см.

Столовая керамика. Неплохо прослеживаются формы лишь двух-трех сосудов. Это кубки и одноручные чарки, морфологически почти идентичные с сосудами предшествующей группы, но меньших размеров (высота 7,5—10,5 см). За единичными исключениями они изготовлены из хорошо отмученной глины и хорошо обожжены, поверхность гладкая, иногда со следами лощения. Цвет от серо-охристого до черного, встречаются также фрагменты охристо-коричневого и красного цвета. Узоры — вариации спирали, треугольные выемки под инкрустацию и т.д. (рис. 3, 9—11).

Вместе с керамикой обнаружены и орудия труда: фрагмент зернотерки

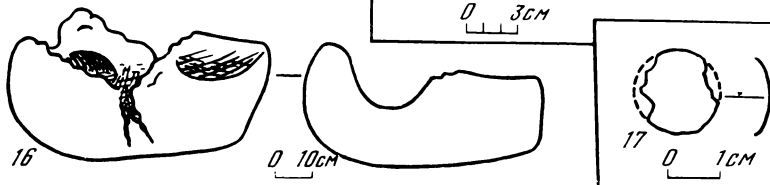
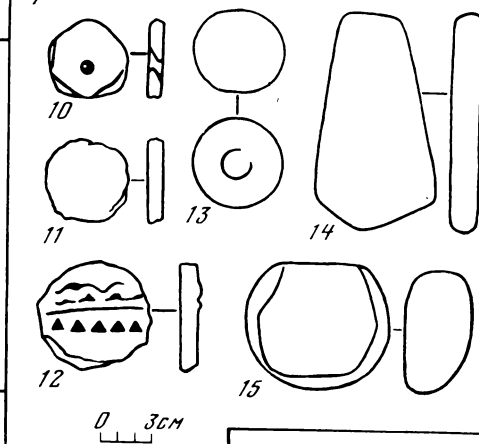
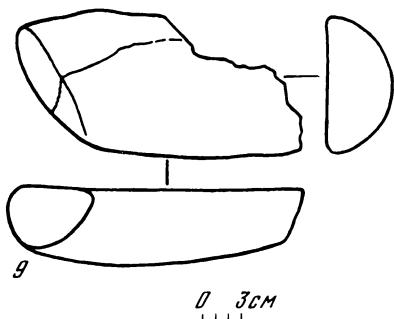
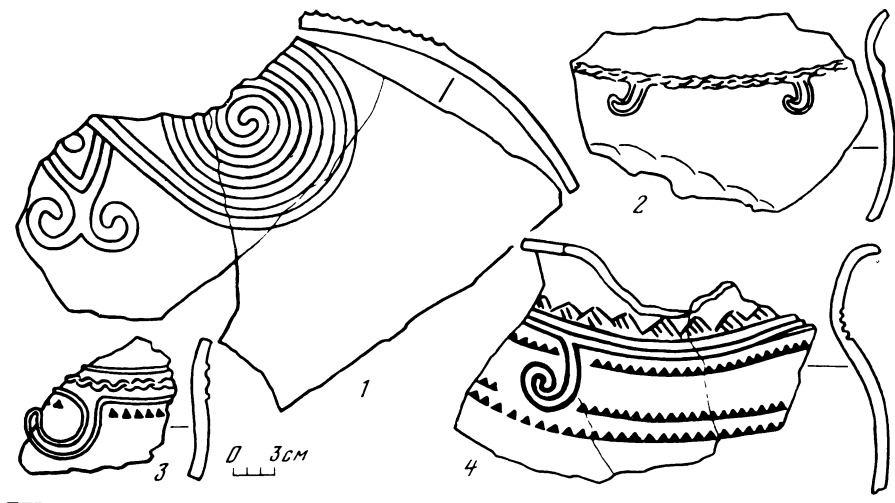

Рис. 2. Фрагменты керамики и орудия труда из Былымского жилища

1—8 — обломки сосудов; 9 — зернотерка; 10 — грузило; 11, 12 — орудия для обработки шкур; 13, 15 — терчачники; 14 — оселок; 16 — ступа-зернотерка (?); 1—8, 10, 12 — глина; 9, 13, 15, 16 — гранит; 11, 14 — песчаник; 17 — бронза

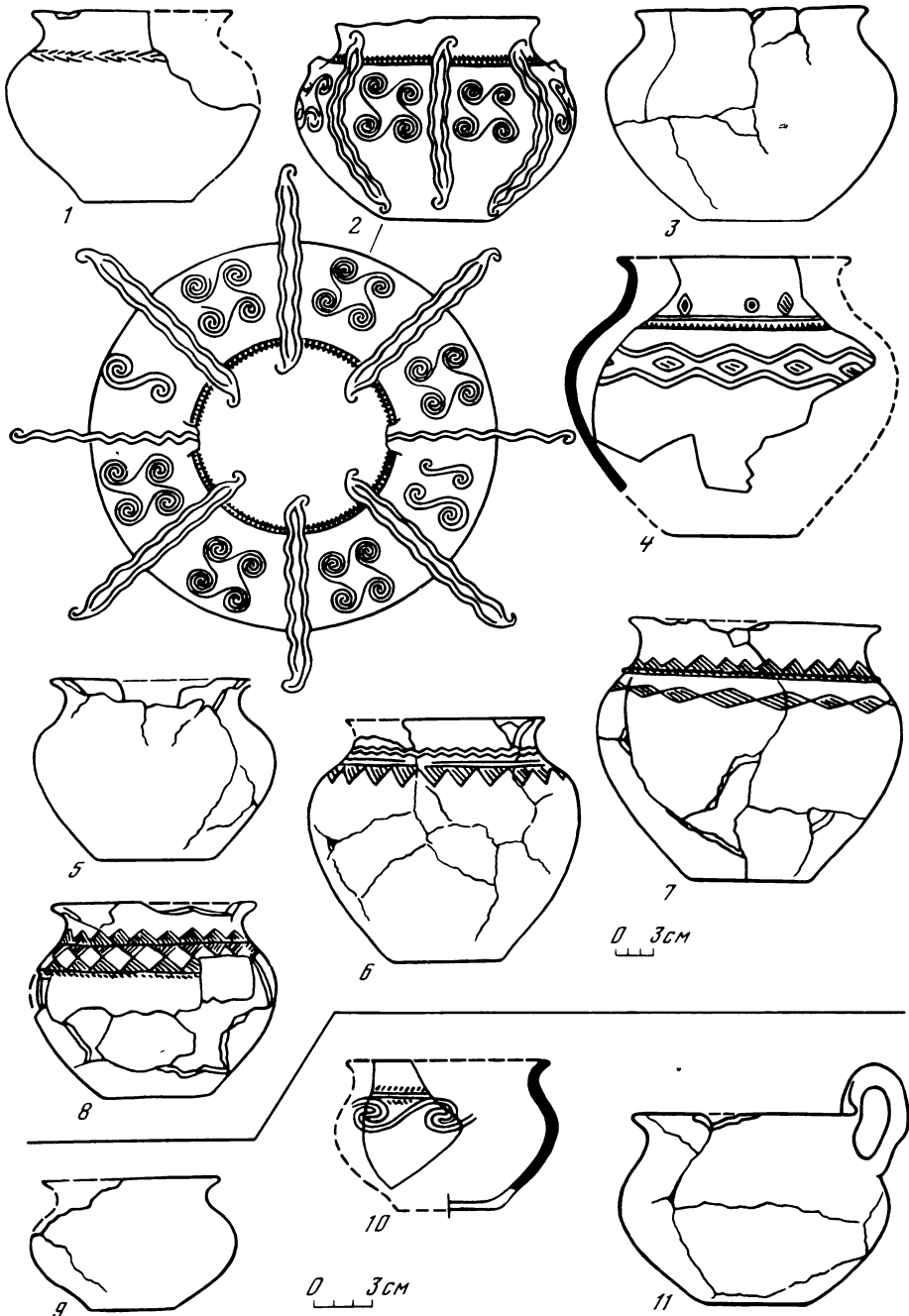

Рис. 3. Глиняные сосуды из Былымского жилища (1—11)

(рис. 2, 9), три оселка (рис. 2, 14), два терочника (рис. 2, 13, 15), черепок с косым отверстием — возможно, грузило (рис. 2, 10). Кроме того, найдены 16 черепков и шесть каменных плиток, края которых грубо оббиты с целью придать им дисковидную форму (рис. 2, 11—12); судя по многочисленным аналогиям, они употреблялись для обработки шкур³.

На восточной стене "жертвенника" лежал блок гранита (60×50×40 см). На одной половине его выдолблено углубление диаметром около 20 см, другая выровнена и отшлифована (рис. 2, 16). Очевидно, это комбинированное орудие типа ступы-зернотерки. Хотя расположение его именно на культовом сооружении (если это жертвенник) допускает и иную интерпретацию: углубление могло служить гнездом для закругленного нижнего торца одного из опорных столбов жилища (прототипа позднейшего "дэдабодзи", устанавливавшегося у очага и пользовавшегося у горцев особым почитанием⁴), а плоская поверхность второй половины камня — подставкой для скульптурок домашних божеств или жертвенной пищи.

Единственное металлическое изделие — круглая бляшка из листовой бронзы диаметром 1,5 см — найдено внутри "жертвенника" (рис. 2, 17).

Во всех камерах жилища и в пристройке выявлен остеологический материал. Помимо упоминавшихся черепа барана и жженных бараньих рогов, это астрагалы, зубы, ребра и т.д. крупных и мелких животных.

Датировка Былымского комплекса осложняется некоторой необычностью вещевого материала, и в частности отсутствием точных аналогий для выявленной в нем керамики.

Наиболее ранними выглядят фрагменты крупного чернолощеного сосуда с рельефными узорами в виде многовитковых спиралей (рис. 2, 1), которые ассоциируются с декором куро-аракской керамики. Если это не случайно, то наличие их можно объяснить лишь очень поздней инфильтрацией элементов куро-аракской культуры в данный район и архаичностью горского быта, нередко хранившего в себе элементы тысячелетней давности⁵. Самой же поздней можно было бы считать чарку с высокой ручкой (рис. 3, 11), обнаруживающую сходство с сосудами XI—X вв. до н.э. из Предкавказья и Юго-Восточной Европы⁶. Но здесь не исключено и иное направление связей: близкие по форме сосуды существовали в Закавказье еще во II тысячелетии до н.э.⁷, а в конце этого времени отдельные образцы их могли проникнуть и на Северный Кавказ.

В основной же своей массе Былымская керамика тяготеет к посуде II тысячелетия и отчасти I тысячелетия до н.э. Так, ряды глубоких треугольных выемок и разнообразные вариации спирали, отмеченные на рассматриваемой керамике, составляют столь же заметную особенность декора на сосудах II тысячелетия до н.э. из Закавказья⁸ и горных районов Центрального Кавказа⁹; в ту же эпоху появляются и чернолощенные сосуды с белой инкрустацией¹⁰. Некоторые из былымских сосудов (рис. 3, 6—8) по фактуре поверхности и прямоугольно-геометрической орнаментации да и по форме близки к керамике западного локального варианта кобанской культуры¹¹ начала I тысячелетия до н.э. Но в целом Былымская керамика выглядит значительно архаичнее последней и, скорее всего, предшествовала ей во времени.

Исходя из всего изложенного, я склонен датировать рассматриваемый памятник последними 1,5—2 столетиями II тысячелетия до н.э. Но, конечно, эта дата предварительна.

Былымский комплекс представляет собой первый бытовой памятник эпохи развитой бронзы, исследованный в высокогорной зоне Центрального Кавказа, на северных склонах Главного хребта. Научная ценность его не исчерпывается информацией о типе жилища и строительными навыками древних аборигенов края, их бытовой утвари, круг вопросов, связанных с интерпретацией этого уникального памятника, значительно шире. В настоящей публикации дан лишь краткий анализ жилища в аспекте предыстории народного зодчества современного населения горной полосы.

Для того чтобы подобрать по возможности полное типологическое соответствие Былымскому комплексу в традиционном зодчестве горцев, следует вначале выделить в этом комплексе то главное, что составляет его основную функциональную специфику. На мой взгляд, эта специфика состоит в четко выраженном единстве жилищных функций комплекса с функциями оборонными. Подобная бифункциональность прослеживается как в выборе места для строительства, так и в особенностях конструкции. Так, южная стена жилища, обращенная к открытому ровному плато, была более других доступна для нападения и потому дополнительно укреплена "панцирем", северная сравнительно надежно защищена крутым обрывом и, конечно, не случайно сложена лишь из одного слоя бревен; остальные две стены по своей уязвимости (а следовательно, и по фортификационным качествам) занимают как бы промежуточное положение. В защитных же целях, несомненно была возведена и каменная ограда.

Особенно интересен в этом отношении внутренний Г-образный отсек (камера I-A). Считать его помещением хозяйственного назначения, — скажем, для хранения продуктов, — пожалуй, нет оснований. Ведь вовсе необязательно отделять чулан от жилой камеры столь прочной перегородкой (толщиной 20—22 см), как, впрочем, необязательно мостить его каменными плитами и придавать ему форму узкого Г-образно изогнутого коридора. Зато все эти особенности находят убедительное объяснение в свете этнографических параллелей. В жилищах грузинских горцев точно такие же отсеки служили для зимнего содержания скота. Обычно отсеки делались двухъярусными: внизу находился крупный рогатый скот, сверху — овцы и козы¹². Следовательно, в данном случае массивная перегородка была необходима не только потому, что за ней находился крупный рогатый скот, но и потому, что частично она служила опорой для верхнего яруса, а вымощенный камнем пол облегчал уборку помещения.

В.В. Бардавелидзе связывала генезис отсеков с процессом доместикации диких животных¹³. Но более убедительным представляется мнение Г.И. Лежава и М.И. Джандиери, считающих этот элемент жилого комплекса реликтом патриархально-родового прошлого с таким его неотъемлемым атрибутом, как частые межродовые конфликты. Не случайно отсеки для скота сохранились в так называемых домах-крепостях Рачи (с. Геби) и Ушгульского общества Сванетии¹⁴. "Для обороны от общего врага, — пишут по этому поводу Г.И. Лежава и М.И. Джандиери, — дом-крепость приспособлен, пожалуй, лучше, чем жилье с отдельно стоящей башней; в случае осады здесь укрывалась вся семья вместе со скотом и всеми запасами, отдельно же стоящая башня с трудом могла вместить семью с незначительным запасом пищи"¹⁵.

Таким образом, по своим жилищно-оборонным функциям и наличию такого специфического элемента, как отсек для скота, Былымский комплекс обна-

руживает явное сходство с каменными домами-крепостями горной Грузии. Это сходство можно дополнить еще одной параллелью: наличием двух разнотипных по конструкции и назначению очагов⁶. Правда, в сванском жилище они уже составляют части одного целого¹⁷. Тем не менее признаки их былой дифференциации отчетливо прослеживаются и в особенностях использования очага, и в связанной с ним обрядности. Так, в отличие от горцев Северного Кавказа, у сванов приготовление мясной пицци (у одной из половинок очага) было делом мужчин; приготовлением же мучной пицци (у второй половины, над которой устанавливалась плита) занимались только женщины. Соответственно этому внутреннее пространство жилища делилось по линии стыка двух частей очага на мужскую и женскую половины¹⁸. По мнению М.И. Чартолани, указанное обстоятельство ретроспективно отражает разделение труда между мужчиной (охота, скотоводство) и женщиной (земледелие, за исключением особо трудоемких процессов, например пахоты)¹⁹.

Столь очевидное сходство сопоставляемых архитектурных объектов позволяет видеть в древних жилищах типа Былымского комплекса один из наиболее вероятных прототипов средневековых "домов-крепостей", хорошо изученных в горной Грузии. Возможно, правы те исследователи, которые считают, что по своему происхождению "дома-крепости" значительно древнее этнографически фиксируемых комплексов, состоящих из жилища и боевой башни²⁰; нельзя не согласиться лишь с версией, будто каменная ограда появляется в последнюю очередь²¹.

В более широком плане рассматриваемый вопрос смыкается с проблемой генезиса средневекового "башенно-склепового зодчества" горного Кавказа в целом. Конечно, было бы преждевременно делать сколько-нибудь определенные выводы по этой проблеме на основе лишь одного исследованного памятника. Но нельзя не отметить и то, что в свете достоверно установленного факта появления склеповых построек во II тысячелетии до н.э. не столь уж невероятным представляется такая же глубокая древность исходных форм башенной архитектуры, неотъемлемой от склепового зодчества в своей социально-экономической обусловленности. О тысячелетних традициях строительства жилых башен писали многие исследователи²³, но вопрос все еще остается открытым. Думается, что не последняя роль в его окончательном решении будет принадлежать данным археологии, и в частности материалом бытовых памятников эпохи бронзы высокогорной зоны Кавказа.

¹ Карачаевцы. Черкесск, 1978, рис. на с. 139; Кобычев В.П., Шаманов И.М. Каменный Карачай. — ПИИЭ, 1977, М., 1979, с. 97—104. рис. 2; Поляшова-Куранцева О.П. Архитектурные традиции карачаевцев. — В кн.: Археология и этнография Карачаево-Черкессии. Черкесск, 1979, с. 121—151, рис. 13, 14.

² По конструкции оно обнаруживает некоторое сходство с одним из жертвенников Сержень-Юртовского поселения кобанской культуры, внутри которого также найдены кости животных. (Козенкова В.И. Кобанская культура: Восточный вариант. — САИ, М., 1977, вып. В 2-5, с. 14, табл. V, 7).

³ Скакун Н.Н. Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла. — СА, 1977, N 1, с. 264—268.

⁴ Сургуладзе И.К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1967, с. 4.

⁵ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 390.

⁶ Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 78, рис. 1, 3—4; Козенкова В.И. Кобанская культура, табл. XIII, 7.

⁷ *Арешян Г.Е.* Малоазийские формы в керамике Армении среднего бронзового века. — СА, 1973, N 4, с. 40—49, рис. 3.

⁸ *Гозадзе Э.М.* Периодизация и генезис курганной культуры Триалети. Тбилиси, 1972, табл. 17, 26; 24, 5.

⁹ *Крупнов Е.И.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. — МИА, 1951, N 23, рис. 6; *Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тысячелетие до н.э.). М., 1960, с. 44, 89, рис. 13, 17—19.

¹⁰ *Мартиросян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, с. 56; *Погребова М.Н.* Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977, с. 108.

¹¹ *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа, с. 327—329.

¹² *Маргиани Д.* Сванеты: Некоторые черты быта. — СМОМПК, Тифлис, 1880, вып. X, отд. 1, с. 73; *Лежава Г.И., Джандиери М.И.* Архитектура Сванетии. М., 1938, с. 6—8; *Харадзе Р., Робакидзе А.* Сванское село в прошлом. Тбилиси, 1964, с. 121; *Чартолани М.* Хозяйственные постройки в Сванетии. — В кн.: К этнографическому изучению Сванетии. Тбилиси, 1970, с. 117—120.

¹³ *Бардавелидзе В.В.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957, с. 218—220.

¹⁴ *Лежава Г.И., Джандиери М.И.* Архитектура Сванетии, с. 6—7, 12, 16.

¹⁵ Там же, с. 12.

¹⁶ У балкарцев и карачаевцев для приготовления всех видов пищи служили только очаги типа открытых каменных ящиков (*Асанов Ю.Н.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976, с. 51; Карачаевцы, с. 189).

¹⁷ *Лежава Г.И., Джандиери М.И.* Архитектура Сванетии, с. 10, 11.

¹⁸ *Чартолани М.И.* Из истории материальной культуры грузинского народа (очаг сванского дома). Тбилиси, 1961, с. 214, 215.

¹⁹ *Чартолани М.И.* Из истории материальной культуры..., с. 215. В еще более архаичной форме это явление зафиксировано в прошлом веке у ряда племен Центральной Америки и Океании, где мужчины и женщины нередко вели отдельное хозяйство, имели отдельные кухни и очаги, а пища по своему ассортименту, помимо общей, делилась еще на "мужскую" и "женскую" (*Липперт Ю.* История культуры. СПб., 1904, с. 174, 175).

²⁰ *Харадзе Р., Робакидзе А.* Сванское село в прошлом, с. 121.

²¹ Там же.

²² *Марковин В.И.* Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии. — СА, 1970, N 4, с. 83—94; *Он же.* О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе. — В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 124.

²³ *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 70; *Джандиери М.И.* Древнее башенное общинное жилище. — ВДИ, 1981, N 2, с. 118—155.

М.Х. Багаев

НОВЫЙ МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

В 1980 г. проводились археологические разведки у с. Комсомольское (Саади-Котар) Урус-Мартановского района Чечено-Ингушской АССР. Одним из открытых памятников оказался могильник 2. Он обнаружил на правом берегу р. Гой Ш. Оздамировым. В разрушенном погребении найдено шесть сосудов. К сожалению, сохранились только два — красноглиняный двуручный котел высотой 35 см (рис. 1, 1; 2, 4) и большой шарообразный котел высотой 32 см, с двумя ручками, поверхность у него красно-черная, глина в изломе с примесью шамота (рис. 1, 2, 2, 2, 4). На месте находок был заложен раскоп. Погребение, разрушенное дорожными работами, получило номер 1.

Погребение 1 было совершено на глубине 0,6 м от современной дневной поверхности (следует учесть, что часть земли сверху была сдвинута тракто-

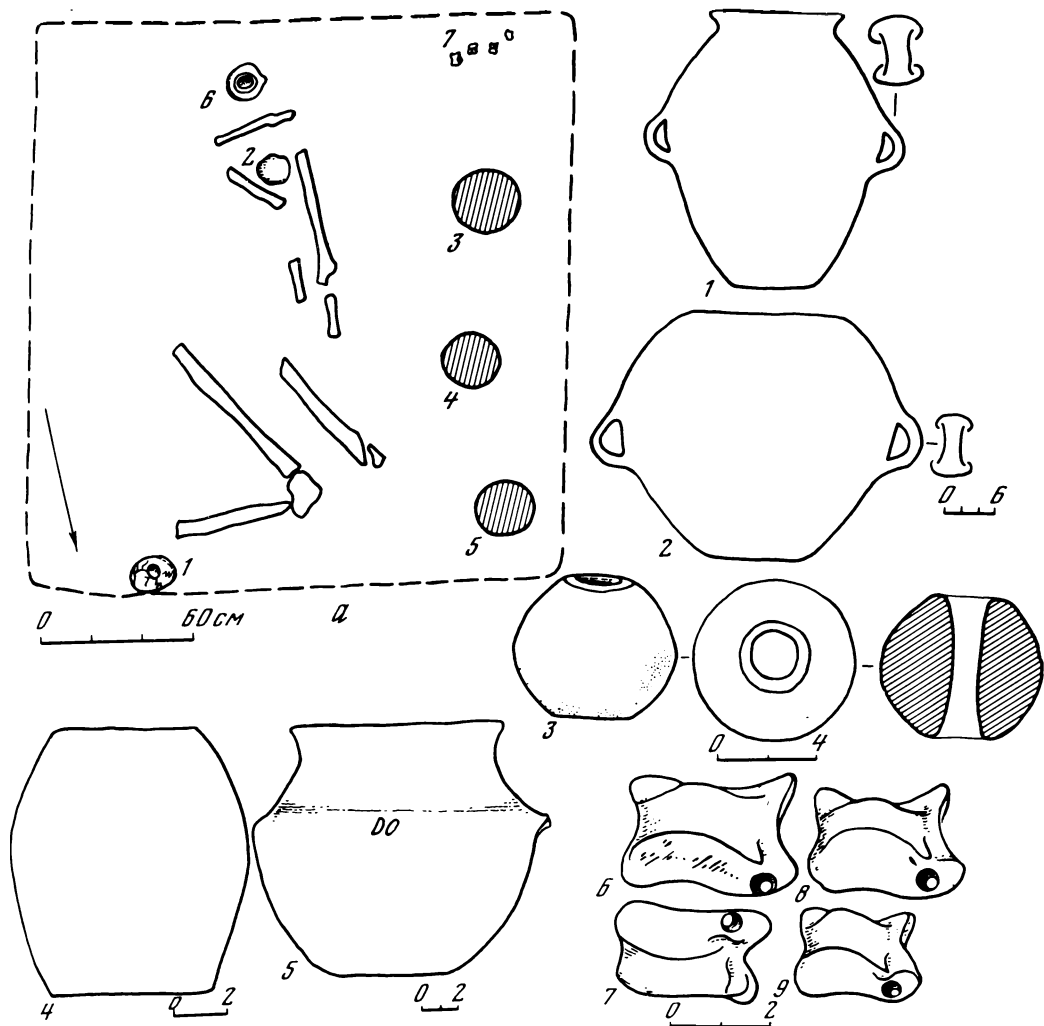

Рис. 1. Сел. Комсомольское, могильник Саади Катар (1—9)

а — план погребения; 1, 2, 4 — сосуды; 3 — каменная булава; 6—9 — астрагалы

рами при прокладке дороги). Это грунтовая яма, границы которой установлены лишь примерно (рис. 1, а). Скелет нарушен, и установить его положение не представлялось возможным. Вероятно, погребенный лежал так же, как и в могиле 2 (рис. 3б). К западу от скелета зачищены три следа от доньев глиняных сосудов, переданных нам Ш. Оздамировым (рис. 1а, 3—5). В северной части могилы обнаружен плохо сохранившийся красноглиняный горшочек, заполненный ярко-красной охрой (рис. 1, 4), а в южной части найден черноглиняный сосуд с лощением. По тулову его — три парных налепа в виде косых линий (рис. 1, 5; 2, 7), высота 14 см. К нему прикреплена своеобразная ручка-налеп (рис. 3, 7). Неда-

леко от этого горшка, у центра могилы, обнаружена яйцевидной формы булава из белого мрамора (рис. 1, 3). Эта вещь прекрасной работы вызывает восхищение. В юго-западной части могилы подобраны четыре астрагала с отверстиями (рис. 1, 6—9).

Дно могилы обмазано жидкой глиной. Скелет засыпан охрой.

Погребение 2 обнаружено на глубине 0,7 м в виде светлого почти квадратного пятна 2,10×2 м. Глубина могилы 0,75 м. Земля, заполнявшая ее, имела золистую структуру серого цвета, мягкая. В ней было много углей. У восточной стены ямы лежал на спине скелет головой на юг с отклонением на запад. Правая рука согнута в локте и лежала у живота, левая вытянута вдоль туловища, левая нога согнута в коленном суставе и завалена в сторону (рис. 2, 1; 3а). Слева от погребенного, вдоль туловища, и справа, у изголовья, были зачищены глиняные сосуды. Ниже дано их описание согласно нумерации на чертеже (рис. 3а).

Сосуд 1 стоял в юго-западном углу могилы. Это котел шарообразной формы с двумя ручками (высота 40 см) (рис. 3, 1), глина в изломе — двухцветная, по краям — красная, внутри — черная с примесью белых частиц. Поверхность черно-серая, слегка лощенная. На дне отпечаток в виде плетеной сетки — следы грубой ткани или корзины. Внутри горшка найдена сероглиняная кружка с ручкой. Ее высота 9 см (рис. 3, 2).

Сосуд 2 находился рядом с сосудом 1. Котел с двумя ручками. Высота его 29,5 см. Поверхность черная, с лощением. По тулову налепы: тройные — косые, сдвоенные — сосковидные и в виде круга (рис. 3, 3). В нем лежала кружка из черно-серой глины. Ее высота 8 см (рис. 3, 4).

Сосуд 3 стоял рядом с предыдущим. Он имеет две ручки. Высота 30 см. Глина в изломе — по краям — красная, в середине — черная. Поверхность черная, местами с лощением. Вокруг тулова проходят косые и три круглых сосковидных налепа (рис. 3, 5).

Сосуд 4 стоял в одном ряду с описанными. Имеет две ручки, высота 33 см (рис. 3, 6). Глина в изломе серая. Поверхность черная, слегка лощенная. Сохранился в обломках.

Сосуд 5 зачищен рядом с сосудом 4. Две ручки у него прикреплены к середине тулова. Высота его 28 см (рис. 3, 7; 3, 5). Глина черно-серая, поверхность лощеная. На плечиках орнамент в виде налепов — повторяющиеся четыре круга, каждый из которых состоит из двух концентрических валиков. Между ними помещены косые продолговатые налепы. У сосуда четко выражен перегиб на месте перехода от плечиков к горлу. В нем найдена кружка из черно-серой глины. Ее высота 8 см (рис. 3, 8).

Сосуд 6 зачищен близ котла 5. Имеет несколько вытянутую форму с двумя ручками (рис. 3, 9). Поверхность пятнистая — черная и красная, на отдельных участках заметно лощение. Внутри него найдена черноглиняная кружка высотой 8 см (рис. 3, 10).

Сосуд 7 найден на восток от косяка, на уровне его грудной клетки (рис. 3а). Это глиняный горшок высотой 14 см, с двумя ручками-налепами в виде полукружий, причем одно из них имеет отверстие (рис. 3, 11; 2, 4). Глина в изломе черная, поверхность черная, лощеная.

Сосуд 8 найден рядом с предыдущим горшком 7. У него чернолощенная поверхность, имеет две ручки. Тулово украшено налепами в виде бараньих ро-

1

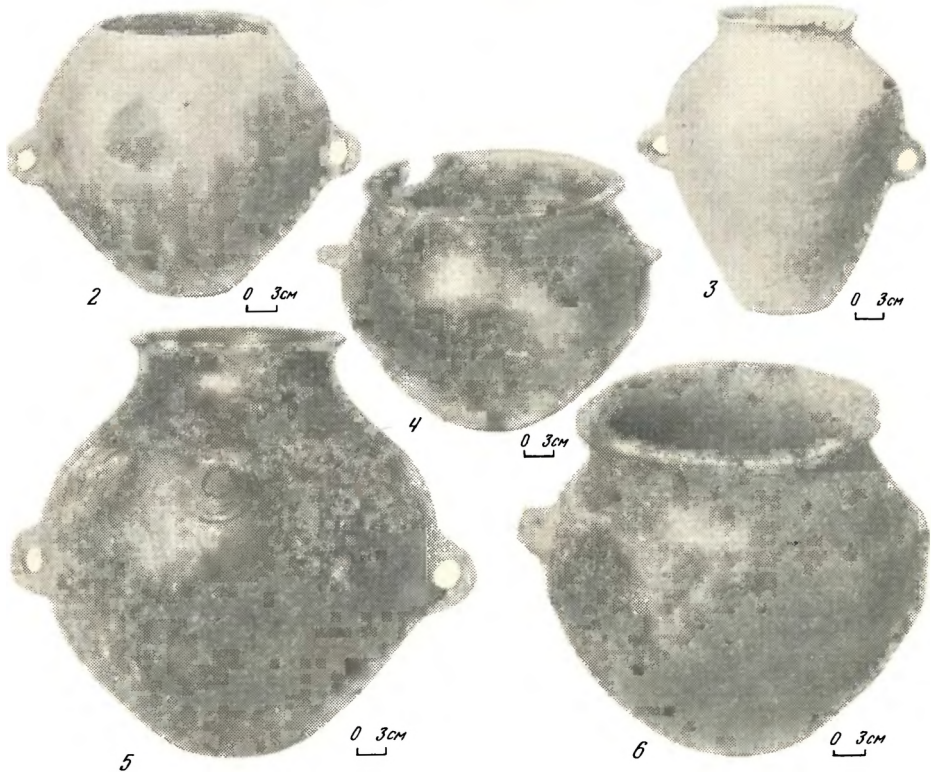

Рис. 2. Сел. Комсомольское, могильник Саади Катар (1—6)
погребение 2; 2, 6 — сосуды из погребений 1 и 2

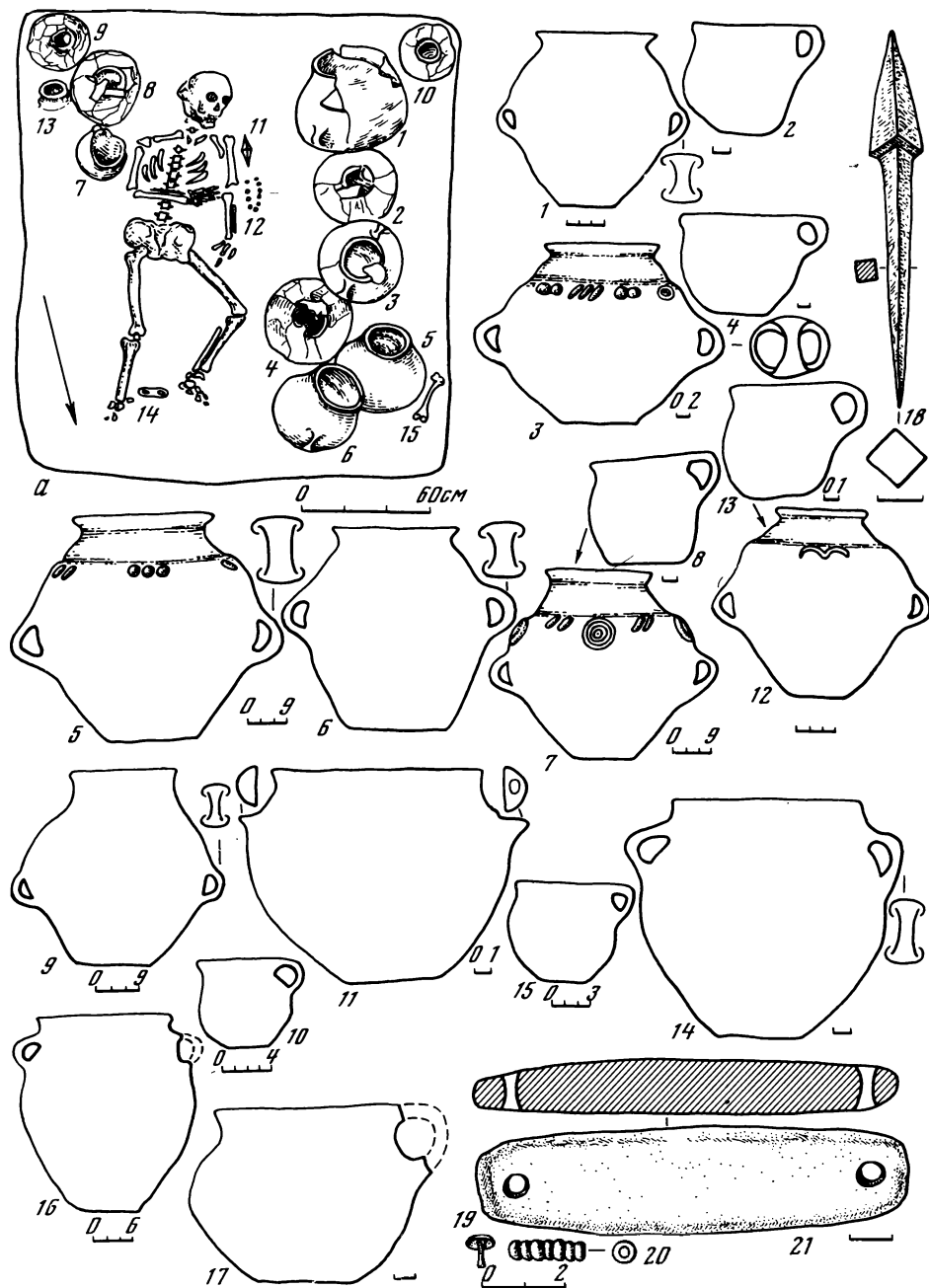

Рис. 3. Сел. Комсомольское, могильник Саади Катар (1—21)

погребение 2; 1—10, 13 — сосуды; 11 — бронзовый наконечник стрелы; 12 — бронзовые застежки; 14 — каменное орудие; 15 — кости животного, инвентарь

гов (рис. 3, 12). Высота его 28,8 см. В нем найдена черноглиняная с лощением кружка высотой 9 см (рис. 3, 13).

Сосуд 9 найден в юго-восточном углу могилы. Две ручки у него расположены почти у венчика (рис. 3, 14). Его высота 41 см. Глина в изломе коричнево-черная, с большой примесью белых частиц, поверхность серая. На дне имеется отпечаток плетеной корзины или грубой ткани. В сосуде найдена черноглиняная кружка неровного обжига, высота ее 7,5 см (рис. 3, 15).

Сосуд 10 найден в юго-западном углу могилы. Две ручки у него находятся близ устья. Высота сосуда 29,7 см (рис. 3, 16). Глина в изломе черная, поверхность серая, внутри красная. Внутри нижняя часть стенок до самого дна покрыта черной копотью.

Сосуд 11 — сероглиняная кружка высотой 9,6 см (рис. 3, 17). Найдена возле сосудов 8 и 9 (рис. 3а).

Помимо керамики, инвентарь немногочислен. У плеча левой руки погребенного найден литой бронзовый наконечник стрелы. Его длина 8,4 см (рис. 3, 18). У локтя той же руки обнаружено 43 экз. бронзовых застёжек (?) (рис. 3, 19) с органическими остатками в виде полуovalов (на чертеже — рис. 3а, за N 12). Между ступнями ног костяка найден плоский камень, напоминающий оселок с отверстиями на концах, его длина 10 см (рис. 3, 21)¹. В сосудах 4, 5, а также около сосуда 5 были обнаружены кости ног животных.

Интересен и комплекс вещей, переданный Ш. Оздамировым. Это, вероятно, фигурки собаки, быка, медведя и барана. Все они сделаны из обожженной глины (рис. 4, 1—5), бронзовые спираль и бусы (4 экз. рис. 4, 6, 7), кремневые вкладыши для серпа (рис. 4, 8—12, 16—18, 22—25), три кремневых наконечника стрел (рис. 4, 13—15), каменный оселок с просверленной дырочкой (рис. 4, 19), пять маленьких лепешечек из обожженной глины (рис. 4, 20—21). Все предметы подобраны во время пахоты на огороде. Вероятно, на его территории находилось поселение, синхронное с рассмотренному могильнику.

Уже была сделана попытка датировать рассматриваемый материал²; в данной статье попытаемся уточнить его дату, для чего необходимо привлечь наиболее яркие аналогии, и прежде всего находки из Гатын-Калинского могильника. Именно здесь обнаружена керамика с гладкой поверхностью и сосуды с различными налепами, в том числе в виде рогов животных (погребения 26,31), а также маленькие кружки (погребения 3,15, 33, 35)³. В.И. Марковин датировал могильник Гатын-Кале временем от 1700 до 1400 г. до н.э.⁴, отмечая, что за период использования этого могильника (300—400 лет) керамика несколько видоизменялась: с нелепым энеолитическим узором — более ранняя и керамика с обмазкой и нарезным узором — более поздняя⁵. Нашим материалам близки наиболее ранние аналогии, ибо в керамике из Саади-Котар отсутствует обмазка и нарезной узор, а вот рельефный налеп является наиболее типичным орнаментом для Саади-Котар. В этом аспекте близкие аналогии находим в материалах из Карабудахкентского могильника 2 (Дагестан)⁶ и из Сачхере (Грузия)⁷. Однако наиболее аналогична керамика из центрального погребения кургана 2 у хутора Новые Аршты⁸. Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов еще в 50-е годы подметили близость керамики из могильников в Сачхере и Карабудахкент. Для нее особо характерны рельефные налепы в виде концентрических кругов⁹. При этом авторы подчеркивали, что такие сосуды обнаруживают по ряду существенных признаков тяготение к керамике куро-аракского энеолита¹⁰. Следовательно, то же самое мы можем ска-

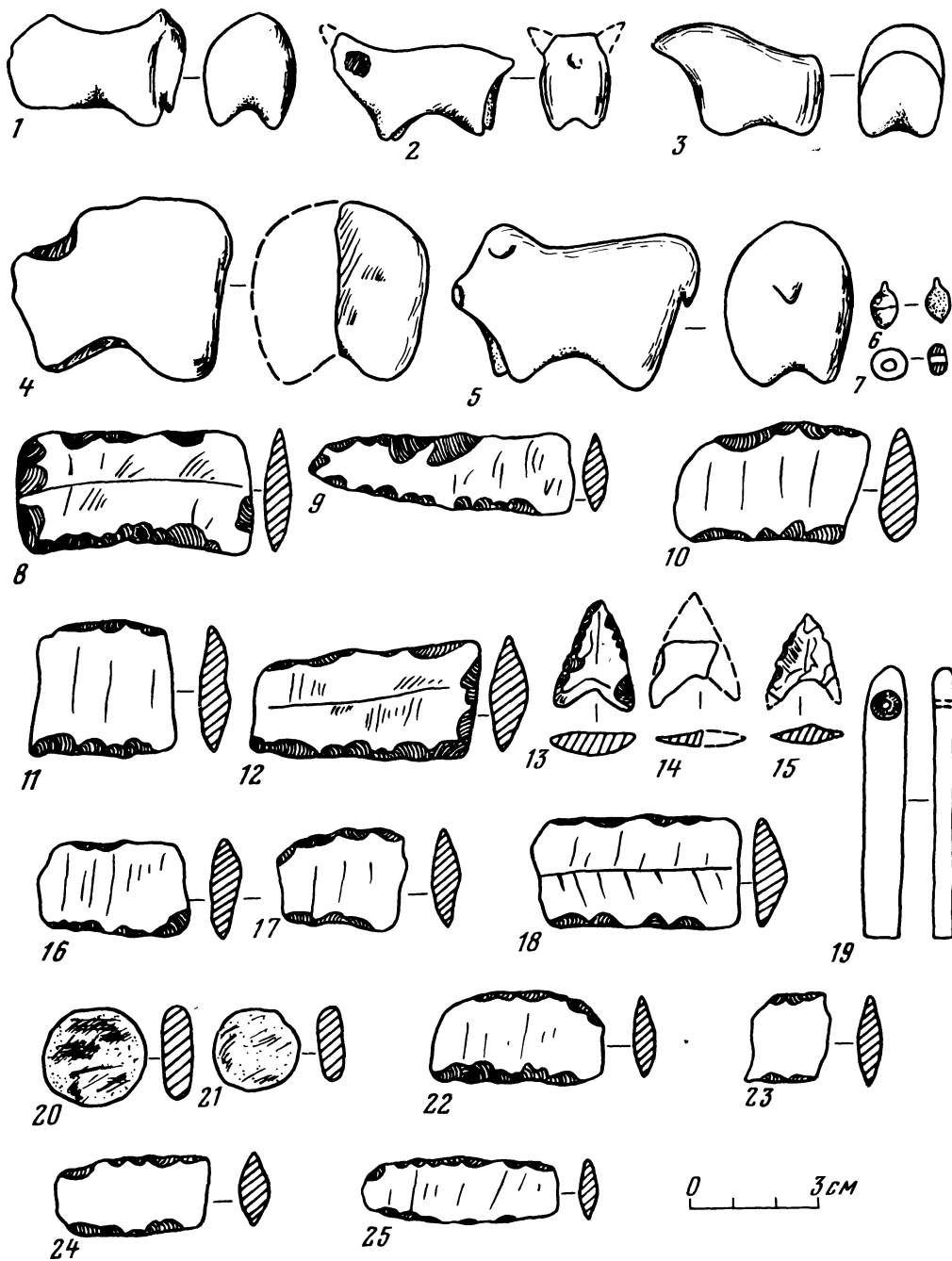

Рис. 4. Сел. Комсомольское, могильник Саади Катар. Предметы, найденные Ш. Оздармировым (1—25)

зать и о керамике из Саади-Котар. Поскольку керамика из Карабудахкента, Новые Аршты, Гатын-Кале доживает до эпохи средней бронзы¹¹, то, вероятно, эту дату можно принять и для керамики из Саади-Котар. Тем более, что эта керамика почти повторяет керамику первого типа сосудов из Карабудахкента — "крупные горшки (мы их называем котлами — М.Б.) с яйцевидным корпусом и относительно невысокой, постепенно суживающейся к венчику шейкой, отделенной от тулова переломом, который подчеркнут легким желобчатым вдавлением; венчик короткий, резко отогнутый"¹². Таким формам сопутствуют черное лощение, наlepной способ нанесения орнамента, а черное лощение, как отмечают Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов, характерная черта южнокавказской энеолитической керамики, которой свойственен также наlepной орнамент в виде концентрических кругов или двойных спиралей¹³ (рис. 3, 7; 2, 6).

Предложенная дата подтверждается и каменной булавой из погребения 1. Подобные предметы были найдены в Осетии, Чечено-Ингушетии и датируются II тысячелетием до н.э.¹⁴

Интересно отметить еще одну деталь. На Галиатском могильнике "Фаскау" в Северной Осетии был найден сосудик, у которого на днище заметны ясные отпечатки плетенки. Датируется он первой половиной II тысячелетия до н.э.¹⁵ Говоря о керамике из могильника Верхняя Рутха (Северная Осетия), Е.И. Крупнов замечает, что многие сосуды имеют на дне отпечатки очень грубой плетенки¹⁶. Этот факт также является яркой аналогией сосудам из погребения 2 Саади-Котар.

Выше отмечалось, что рядом с раскопанными могилами обнаружено поселение. Весь комплекс подъемного материала не противоречит тому, чтобы также отнести этот памятник к эпохе бронзы (рис. 4). Здесь особенно интересны кремневые наконечники стрел (рис. 4, 13—15). Именно такие наконечники с округловыемчатый основанием, были найдены на могильнике "Верхняя Рутха" и датированы II тысячелетием до н.э.¹⁷ Среди наших материалов есть и кремневые вкладыши для серпа и фигурки животных из обожженной глины. Эти предметы очень близки изделиям кобанской культуры¹⁸.

Таким образом, можно констатировать, что могильник Саади-Котар поможет изучить некоторые вопросы древней истории данного региона. Все известные аналогичные памятники Северного Кавказа — Харсеной¹⁹, Гатын-Кале, Новые Аршты (Чечено-Ингушетия), Галиатский могильник (Северная Осетия), Гинчи²⁰, Верхний Гуниб²¹, Карабудахкент 2 (Дагестан) — указывают на историческое место Саади-Котарского могильника. Им расширяется зона подобных памятников эпохи бронзы в предгорьях. Ясно также, что население, оставившее этот могильник, жило не изолированно, а в общении с соседними племенами, а такие детали в керамике, как перегиб на месте перехода от плечика к горлу (рис. 2, 5, 6; 3, 3,5, 7, 12), форма ручек и прочее указывают на отдельные моменты переживаний традиций, характерных для куро-аракской керамики²².

Погребальный ритуал в Саади-Котар — наличие угольков, красной охры и прочие детали — дает возможность обратить внимание на некоторые черты ритуалов, которые бытовали в среде населения, оставившего этот интересный комплекс.

¹ В.С. Титов считает, что это не точильный камень, а гаситель тетеvy лука. (Пользуясь случаем, благодарю В.С. Титова за консультацию).

² Багаев М.Х. Разведки М.Х. Разведки в бассейне р. Гой. — АО 1980 г. М., 1981, с. 96.

³ Марковин В.И. Новый памятник эпохи брон-

зы в горной Чечне (могильник у сел. Гатын-Кале). — В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 113, рис. 33; *Он же*. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.). — МИА, 1960, N 93, с. 120, рис. 50.

⁴ *Марковин В.И.* Новый памятник..., с. 132.

⁵ Там же.

⁶ *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники близ с. Карабудахкент. — МИА, 1958, N 68, рис. 5, 1—2.

⁷ *Джапаридзе О.М.* Археологические раскопки в Триалетии в 1957/1958 г. Тбилиси, 1960, табл. XVII; 4; XVII—XIX.

⁸ *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура Северо-Восточного Кавказа. — МИА, 1961, 100, с. 127—129; *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники..., с. 151, рис. 4; с. 152, рис. 5, 1—2; с. 154, рис. 7, 7—8.

⁹ *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура..., с. 129.

¹⁰ Там же, с. 130; *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники..., с. 162—166.

¹¹ *Мунчаев Р.М.* Древнейшая культура..., с. 130.

¹² *Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф.* Археологические памятники..., с. 162.

¹³ Там же, с. 162, 163.

¹⁴ *Крупнов Е.И.* Материалы по археологии Северной Осетии докабанского периода. — МИА, 1951, N 23, с. 44; *Марковин В.И.* Новый памятник..., с. 89, рис. 23, 5.

¹⁵ *Марковин В.И.* Новый памятник..., с. 38.

¹⁶ Там же, с. 49.

¹⁷ Там же, с. 43, 44.

¹⁸ *Козенкова В.И.* Типология и хронологические классификации предметов кобанской культуры (восточный вариант). — САИ, М., 1982, В2-5, с. 69—70, табл. XIII, 3, 7, 8.

¹⁹ *Мужухоев М.Б., Марковин В.И.* Некоторые итоги изучения древностей Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1979, с. 9, 10, рис. 1.

²⁰ *Гаджиев М.Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы (могильник Гинчи). Махачкала, 1969, с. 119 и сл.

²¹ *Котович В.М.* Верхнегунибское поселение — памятник эпохи бронзы горного Дагестана. Махачкала, 1965, с. 129, 130.

²² *Мунчаев Р.М.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, с. 336—366 и сл.

В.И. Марковин

КУЛЬТОВАЯ ПЛАСТИКА КАВКАЗА

В коллекциях музеев Москвы, Ленинграда и городов Кавказа можно видеть бронзовые литые статуэтки и подвески в виде мужских и женских фигурок, всадников, изображений животных. Как правило, это случайные находки. Несмотря на высокую художественность, доведенную порой до гротеска, в литературе они упоминаются не часто. Специальных исследований, посвященных древнему литью, почти нет. Данная статья лишь опыт в изучении древней пластики. Я пытаюсь рассматривать её не только как художественные произведения, но более всего как сугубо культовое явление, отражающее эпохальные верования крупного региона.

Впервые на территории Северного Кавказа на подобные статуэтки обратил внимание А.П. Ипполитов. В 1867 г. горцы Шароевского общества Чечни доставили ему множество таких фигурок (рис. 1) из водораздела между реками Андийское Койсу и Шаро-Аргун. Они посчитали их за "христианских богов". А.П. Ипполитов годом позже опубликовал эти находки, приняв их "за весьма грубое подражание божествам мифологии греческой"¹. Они вызвали интерес. П.И. Головинский приписывал их изготовление древним "мидам", а затем стал связывать с предками осетин, которые, по его мнению, появились в горах Кавказа раньше чеченцев, "имели богатую мифологию и умели уже выделять из меди разные вещи"².

Рис. 1. Бронзовые статуэтки, происходящие из водораздела между Андийским Койсу и Шаро-Аргуном (по А. П. Ипполитову)

Находки бронзовой зооморфной пластики в Дагестане стали известны с 1870 г. в Ункратле — это изображения оленей³. В это время в Дагестане усиленно разрабатывались дороги, и в 1872 г. где-то у Кызыл-Яра (между селами Верхний Дженгутай и Урма) или Атлы-Боюна (близ Махачкалы), точно неизвестно, разрыли древние могилы. Генералу А. В. Комарову удалось увидеть только "вычеканенное из бронзы изображение женщины, сидящей боком на лошади"⁴. Вслед за этим фотограф А. С. Роинов купил 12 бронзовых фигурок, обнаруженных у сел Асахо, Кидеро, а также в "Дидойском обществе и Каратинском наибстве". Шесть из них опубликовал А. В. Комаров (рис. 2, 1—6)⁵. Более основательно документирована находка 1877 г. так называемого Казбекского клада у бывшего с. Степанцминда (с. Казбеги). Первый исследователь клада Г. Д. Филимонов относил его к "доисторической культуре"⁶, а так как вместе с пластикой и другими изделиями из бронзы была найдена серебряная чаша ахеменидского времени, то клад в дальнейшем датировали VI—V вв. до н. э.⁷ А. С. Уваров после исследования Кобанского могильника, в котором также была найдена бронза в виде подвесок (человеческие фигуры, изображения животных), сопоставляя ее с предметами Казбекского клада, писал о своеобразии кобанских изделий и датировал их VII—VI вв. до н. э.⁸ Интересно, что Ф. С. Байерн те же древности — Казбекский клад и находки из с. Верхний Кобан — приписывал не горцам (у него — осетинам), а древним неместным племенам⁹. Ж. Мурье также заинтересовался этим же кладом (1884 г.), но он сравнивал содержимое не только с древностями Кобани и Самтавро, но и с пластикой Сардинии¹⁰. Это был первый ученый, который наметил широкий ареал подобных находок.

Уже в наши дни Е. Н. Крупнов, возвращаясь непосредственно к вещам клада,

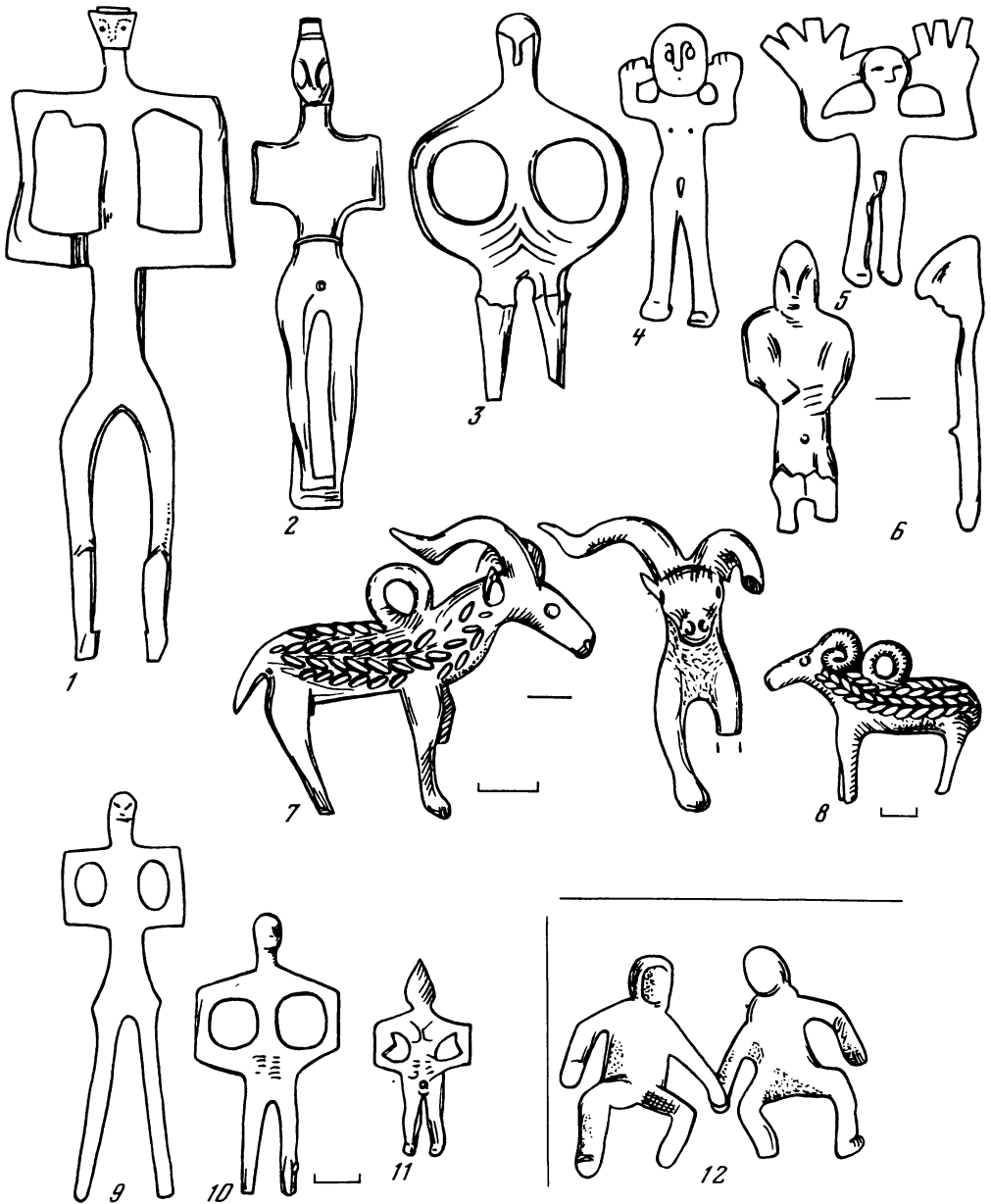

Рис. 2. Статуэтки с территории Кавказа

1—6 — Дагестан (по А.В. Комарову); 7 — сел. Лисри, Северная Осетия, находка 1965 г. (зарисовка В.И. Марковина); 8 — сел. Дзерцеди, Южная Осетия по Б.В. Техову; 9—11 — из окрестностей Баку и Шемахи; 12 — Сарыкамыш (Армения, по С.В. Безсонову)

высказал предположение, что они не являются единым комплексом и могут быть датированы вторым этапом кобанской культуры¹¹.

В 1882 г. академик Д.Н. Анучин близ дагестанского с. Гергебиль на вершине горы Зуберха, с крутыми склонами, нашел бронзовые украшения и подвески в виде головок оленей и быков. Они сопровождалась костями скота¹². В следующем году появились сведения о раскопках Г. Бапста у с. Ретло. На вершине остроконечной горы, на круглой площадке диаметром в 4 м ему удалось обнаружить 33 бронзовые фигурки людей с "руками на животе" или же с поднятыми руками и так, что большие пальцы ладоней "приложены к ушам". Статуэтки казались брошенными. Одна из них имеет пояс и перевязь (портупею)¹³. Несколько раньше Бапста по поручению А.В. Комарова на этой же горе копал наиб из с. Кидеро и обнаружил 200 фигурок¹⁴. Судьба этих находок неизвестна. Вслед за тем появилось сообщение о раскопках штабс-капитана Кузьминского у с. Ботлих. Он собрал "в большом количестве медные идолы, наподобие игрушек, числом около 50. Между ними есть олень, коза, мужчины и женщины в разных позах"¹⁵. Действительный член Русского географического общества К.Н. Россиков в 1886 г. вел работы в Дидойской котловине — в "Ассазском ущелье — в скале", найдя до 30 статуэток — "предметов обожания" — высотой от 36 до 95 мм¹⁶. Возможно, здесь речь идет об окрестностях с. Асахо¹⁷. Этнограф Н.С. Семенов также заинтересовался подобными находками. В с. Хатуни (1887 г., Чечено-Ингушетия) ему показали "фигурку с бараньей головкой"¹⁸. В тот же год в чеченском селении Химой коллекцию человеческих изображений собрал полковник К.И. Ольшевский¹⁹. В 1899 г. в районе г. Хасавюрт полковник Шетихин обнаружил подвеску — голову барана²⁰. На следующий год появилось известие об обломке "железной ноги коня с бронзовым копытом". Эта вещь происходит из с. Алхан-Юрт в Чечено-Ингушетии²¹.

Так из года в год растет количество находок древней пластики. Коллекции их вызывают интерес за рубежом²². Бронзовое литье занимает в эти годы не последнее место в трудах исследователей. Так, в 1896 г. И.И. Пантюхов описал итифаллические и адорирующие фигурки из Андийского округа в Дагестане, доставленные врачом Е.С. Вашакидзе. Изучив их, автор делает вывод, что "в одну из эпох бронзы на Кавказе был распространен южный, малоазиатский религиозный культ"²³. В 1900 г. П.С. Уварова дала сводку подобного материала. Ею указаны находки из сел Верхний Кобан, Кумбулта, Галиат, Комунта и из Казбекского клада. Попутно приведены сведения об аналогичных предметах, хранящихся в музеях Берлина, Вены и других городов²⁴. Эти данные нашли отражение и в каталоге Кавказского музея (Тифлис). В него включены и фигурки из Дидо²⁵. Более полное указание пунктов с подобными находками из Дагестана приведено Е.И. Козубским. Он называет села Асахо, Кидеро, Чалиях, Хаджал-Махи (местность Берла Мик)²⁶. В 1904 г. из могильника у с. Эчедитль (Дагестан) была извлечена бляха с изображением оленей и козла²⁷. В 1910—1912 гг. в дагестанских аулах древнюю пластику собирал А.К. Сержпутовский. Его собрание хранится в Гос. Эрмитаже. Вне пределов восточного Кавказа известно за эти годы лишь несколько находок: "сделанная из меди лошадиная голова на тонкой шее" из Эссентуков²⁸ и бронзовая голова "идола" из осетинского с. Нар. Этот предмет в дальнейшем заинтересовал Л.П. Семенова²⁹. В 1915 г. у Кодорского перевала через Главный хребет были обнаружены три статуэтки, которые житель г. Телави С.М. Попов передал Гос. музею Грузии (инв. N 32—15). К сожалению, позже

эту находку стали приписывать иному району — окрестностям Кодорской крепости близ г. Сухуми³⁰.

В 1913—1915 гг. А.Л. Млокосевич объездила значительную часть нагорий Дагестана. У сел Хочар-Хото, Кядал, Турчи, Хупро, Кетури, Асахо, Шаитль, Ин (Инкохори), а также у с. "Гетатль" (Гидатль?) и по р. Аварское Койсу она собрала бронзовые изображения людей и "изделия животного стиля". Более единичны такие находки по р. Андийское Койсу ("река Рехюно-Су"). Как пишет она, эти вещи происходят из "пещерных могил", где, по словам лезгин, хоронили лиц "духовного звания"³¹.

Затем после 1915 г. замечен почти десятилетний перерыв в поисках такой скульптуры. Его нарушил Л.П. Семенов, поднявший изображение оленя возле святилища в ингушском с. Джерах³².

В 1928 и 1933 гг. вышли в свет статьи А.А. Захарова, посвященные древним статуэткам. Увы, в этих работах автор мельком замечает об их сходстве с малоазийско-средиземноморским художественным литьем. Все статуэтки он разбивает на группы и варианты в зависимости от деталей (итифаллические изображения, рогатые, с подставками и т.д.)³³. Ценность основного его труда в изданных таблицах³⁴. К этому времени становятся известны две статьи финского ученого А.М. Тальгрена. Их основное содержание посвящено Казбекскому кладу и итифаллическим статуэткам. Приводимые им параллели уводят в мир переднеазиатских культов II тысячелетия до н.э.³⁵

В 1935 г. А.А. Иессен предпринял колоссальный труд по сбору сведений о памятниках бассейна р. Сулак и ее притоков. По его данным, статуэтки были найдены в селах Карата (пять фигурок нашел художник М.-А. Джемал в 1921 г.), Тиси, Тинди (покупка А.М. Завадского), Чалиях (Чаляхо, раскопки П.Д. Тарарина еще в 1882 г., найдено им 88 фигурок), между селами Амитлях и Кетури (70 фигурок), Хупро (А.К. Сержпутовский, две фигурки)³⁶.

В 1937 г. стало известно о фигурке, обнаруженной пастухом у сел. Согратль в Дагестане. Это была бронзовая статуэтка, изображающая нагую фигуру³⁷. Почти тогда же в с. Арчо "на вершине горы Берак" землеустроитель Пригородский заложил шурф, в котором нашел фигуры обнаженного мужчины и козла³⁸. Эти находки заинтересовали А.П. Круглова. Летом 1937 г. и в следующем полевом сезоне он произвел на той же горе раскопки, что позволило ему обнаружить культовое место со слоем углища и строительными остатками. Здесь были подняты два человеческих изображения, железное "навершие" и другие предметы³⁹. А.П. Круглов упоминает также о находке двух конских фигурок (жеребят) у сел Гагатль (местность Речол, гора Седу-биль) и Согратль⁴⁰. В его полевом дневнике имеются записи о статуэтке человека, фигурке козла и бронзовой ложечке из каменного ящика у хут. Беледи (с. Зибиркала)⁴¹.

Еще в 1944 г. искусствовед Ш.Я. Амиранашвили ставил вопрос о наличии фаллического культа в древней Грузии, аргументируя свое мнение ссылками на статуэтки⁴². Позже, дополняя свой труд по истории грузинского искусства, он снова останавливался на интересующих нас предметах. Утверждая теперь не только наличие фаллического культа, Ш.Я. Амиранашвили следует за мнением И.А. Джавахишвили⁴³ и говорит о всеобщности культов, связанных с пластикой, о широком их ареале, во всяком случае для картвельских племен⁴⁴. Жаль, что ученый ограничил себя рамками одного Закавказья и не сравнил известные ему образцы художественного литья с северокавказским материалом.

В 1951 г. И.В. Мегрелидзе описывает местонахождения в высокогорном Дагестане — Шаитли (озеро Орзен), Хупри, гору Кидилашан (между селами Ретло и Чаляхо). Только на ней автор нашел 45 целых и шесть поломанных фигурок людей. Они разделены им на три подгруппы: с руками на животе или бедрах; с руками, поднятыми вверх, но так, что большие пальцы приложены к ушам; с руками несколько разведенными в стороны и поднятыми вверх. Датирует их, по А.А. Иессену, "в пределах I тысячелетия до н.э. и I тысячелетия н.э." и называет места, где на Кавказе встречается подобное литье ("Свания, Казбек, Хевсурия и Тушетия"⁴⁵).

Интересно, что в "Истории Дагестана" статуэтки рассматриваются как образцы художественного литья "сложных очертаний", развившегося к рубежу II—I тысячелетий до н.э. в Бежтинско-Дидойском очаге металлургии⁴⁶. В связи с этим отмечу, что близкие по технике исполнения фигурки животных происходят из разных мест Центрального Кавказа. Так, подвеска "баран" была обнаружена в святилище с. Лисри (Северная Осетия, рис. 2, 7), а напоминающая ее (рис. 2, 8) — в с. Дзерцеми (Юго-Осетия)⁴⁷. Можно думать, что где-то в этом районе Кавказа также имелся свой литейный центр, создававший подобную пластику.

В 1960 г. Е.И. Крупнов, издав "Древнюю историю Северного Кавказа", не заострил внимание на подобных изделиях, хотя место находки Казбекского клада считал капищем. Попутно он упомянул подвески с головками животных из Кумбулты (Северная Осетия)⁴⁸. В 1966 г. дагестанский краевед М.И. Исаков опубликовал отдельные, порой уже известные образцы местной пластики, но ему удалось в некоторых случаях детально описать их местонахождения. Так, для с. Согратль установлено "жертвенное место" на горах Хурцы-Гаал и Рослан-Меэр, у с. Гагатль оно оказалось неподалеку от перевала Речол и т.д.⁴⁹ В работе аналогичного профиля, написанной по памятникам Чечено-Ингушетии, некоторое внимание уделено мужским фигурам из Шароя, фигурам оленя и козла из с. Химой и проч.⁵⁰ Более детально подобная скульптура из Чечни была опубликована мною в 1966 г.⁵¹ В дальнейшем я неоднократно обращал внимание на аналогичные произведения искусства⁵².

Интересные мысли о древней пластике были высказаны О.М. Давудовым. В автореферате кандидатской диссертации он датировал статуэтки временем от IX по V—IV вв. до н.э., соотнося их с находками, связанными с Ближним Востоком и Эгейским миром, и рассматривая как показатель этнокультурных связей. Более полному осмыслению того же материала посвящены страницы его монографии. В ней описаны отдельные предметы и указаны, их характерные черты: реалистичность, обнаженность, своеобразие позы, "подчеркнутость половых признаков", наличие бород для мужских и "распущенные или уложенные в косу" волосы для женских фигур. Кавказская пластика сопоставляется им с малоазийской (без привлечения аналогий) и дается ее смысловая интерпретация⁵³.

Обращаясь к подобному материалу, В.Б. Виноградов издает ряд новых находок (парная статуэтка из с. Шали, всадник из с. Самашки, воин из Ичкерии), считая их связанными "с культурами животного, скотоводческо-охотничье-аграрного плодородия". Пластика, по его мнению, распространена не по всей территории Юго-Восточной Чечни, а "в районах ее естественных границ (Андийский хребет и Аргунское ущелье)" с Дагестаном и Грузией⁵⁴.

В 1973 г. вышла статья Е.Е. Кузьминой о бронзовом навершии с двумя всадниками. Она сопоставляет этот предмет, купленный в сел. Кубачи, с кругом близких

находок из Анатолии, Сирии, Ирана, что дает некоторое представление о широте ареала, охваченного подобной скульптурой. Считая это навершие весьма "архаичным", датирует его концом II — первыми веками I тысячелетия до н.э.⁵⁵ Несколько раньше, в 1970 г., В.И. Козенкова во время раскопок женского погребения 41 Сержень-Юртовского могильника (Чечено-Ингушетия) нашла две бронзовые булавки. Навершие одной представляет собой "скульптурную группу в виде трех обнаженных женщин", а второй "конские головы, смотрящие в разные стороны"⁵⁶. В "Своде" кобанских древностей ею опубликована серия человеческих и зооморфных фигурок и булавка с упоминавшимися "тремя грациями" (длина ее 17 см). Эти предметы В.И. Козенкова датирует рубежом II—I тысячелетий до н.э. и до IV в. до н.э. включительно⁵⁷. В "Свод" включены ею и глиняные скульптурные поделки их Сержень-Юртовского поселения, применявшиеся для тех же культовых целей, что и бронзовые.

В 1977 г. О.М. Давудов раскопал интересное святилище. Оно находилось возле с. Хосрех (Хосрек) в урочище Чава-Баку (Дагестан). Это было квадратное в плане каменное сооружение (8×8 м), ориентированное стенами по странам света. Внутри него выложен круг с "алтарем" из каменного блока (1×0,35 м при высоте 0,70 м). Под ним и в приалтарных вымостках найдены "тайнички" в виде четырехугольных ямок, заполненные землей с угостками. В святилище обнаружены кости животных, железный акинак и другие предметы, а главное — антропоморфные и зооморфные статуэтки. Комплекс датируется им VIII—VII вв. до н.э.⁵⁸

В искусствоведческих обзорах древней скульптуре уделено не очень много внимания. В статье А.А. Иерусалимской, предпосланной каталогу выставки "Художественное ремесло Дагестана" (экспонировалась в Польше), упоминаются только два предмета — черпак, украшенный оленьей головой из аула Джибаро на р. Андийское Койсу (собрание А.Л. Млокосевич?), и фигура бычка (собрание А.А. Бобринского). Они отражают в этой работе древнее литейное мастерство дагестанцев⁵⁹. В очерках искусства Дагестана подобным произведениям пластики уделено внимание только как предметам, "связанным с языческими представлениями горцев". Здесь их датируют с середины I тысячелетия до н.э. и выше⁶⁰.

Итак, указания на древнюю пластику встречаются во многих работах, но, к сожалению, среди них мало специальных, монографических статей. Здесь следует, пожалуй, назвать еще работу В.Б. Блэк. В ней подтверждается стилистическая общность пластики, правда, только Южного Кавказа с переднеазиатской эпохой бронзы и раннего железа. Произведения ее, по мнению автора, "предназначались для воплощения религиозно-магических или социально значимых образов"⁶¹.

Такова краткая история находок и изучения бронзовой пластики Северного Кавказа. В этот обзор включен Казбекский клад как связывающий материалы Северного Кавказа с аналогичными закавказскими предметами. Упомянутые находки датируются разными авторами от конца II тысячелетия до н.э. почти до VI—V вв. до н.э. Древняя пластика чаще всего названа культовой — "антропоморфными божествами" (по О.М. Давудову).

Интересующая нас скульптура, изображающая человека, с трудом поддается типологическим группировкам. Как любое произведение искусства, ее сложно свести к каким-либо строгим категориям, хотя для всей этой массы древнего литья можно наметить определенные черты в передаче "характера движения" (употребляя терминологию художников) и в трактовке аксессуаров. Мне кажется,

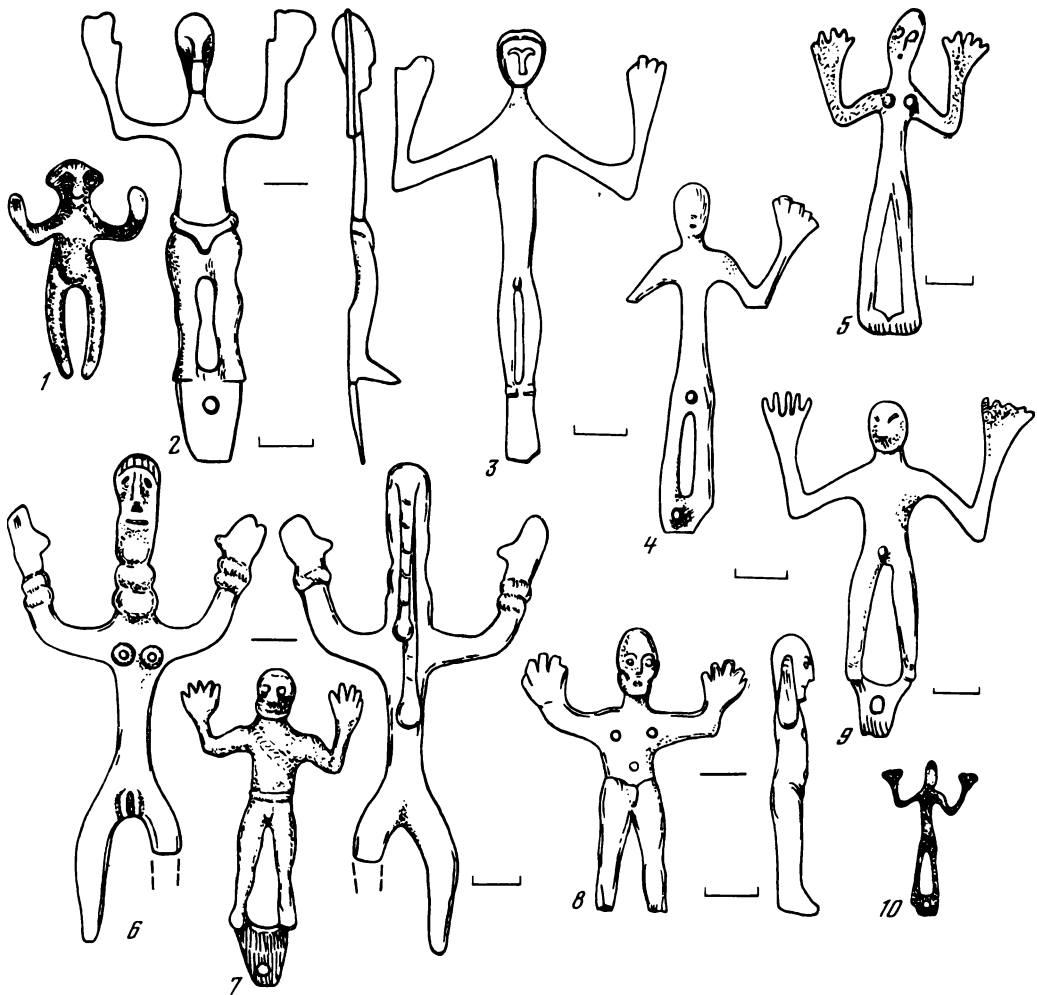

Рис. 3. Статуэтки в позе адорации из Северной Осетии (1) и Дагестана (2—10)

1 — сел. Кобан (собрание Р. Вирхова, по П.С. Уваровой); 2 — из "Дидо" (сборы Ж. Мурье, 1885—1886 гг., ГЭ, N 2085); 3 — точное местонахождение (ГМГ, N 32—15/1); 4 — "Андийский округ" (по И.И. Пантюхову); 5 — Кодорский перевал (ГМГ, N 32—15/4); 6, 9 — сел. Инхо (Инкохори, собрание А.Л. Млокосевич); 7 — точное местонахождение не известно (по фотографии А.С. Роинова); 8 — точное местонахождение не известно (КМД, без номера); 10 — гора Кидилашан (по И.В. Мегрелидзе); 2, 3—8 — зарисовки В.И. Марковина; 1, 10 — без масштаба

что важнее всего группировать статуэтки по наиболее характерным для них позам, несколько отвлекаясь от манеры их исполнения и степени реалистичности (что зависело от мастерства модельера и литейщика). Прежде всего, привлекает внимание *большая серия* фигурок, стоящих строго вертикально в позе "Оранта" — адорации (моления) — с поднятыми вверх руками. Ладони у них обычно сильно увеличены, четко выделены пальцы, которые возвышаются у головы. Часть этих статуэток сделана так, что большие пальцы рук прикасаются

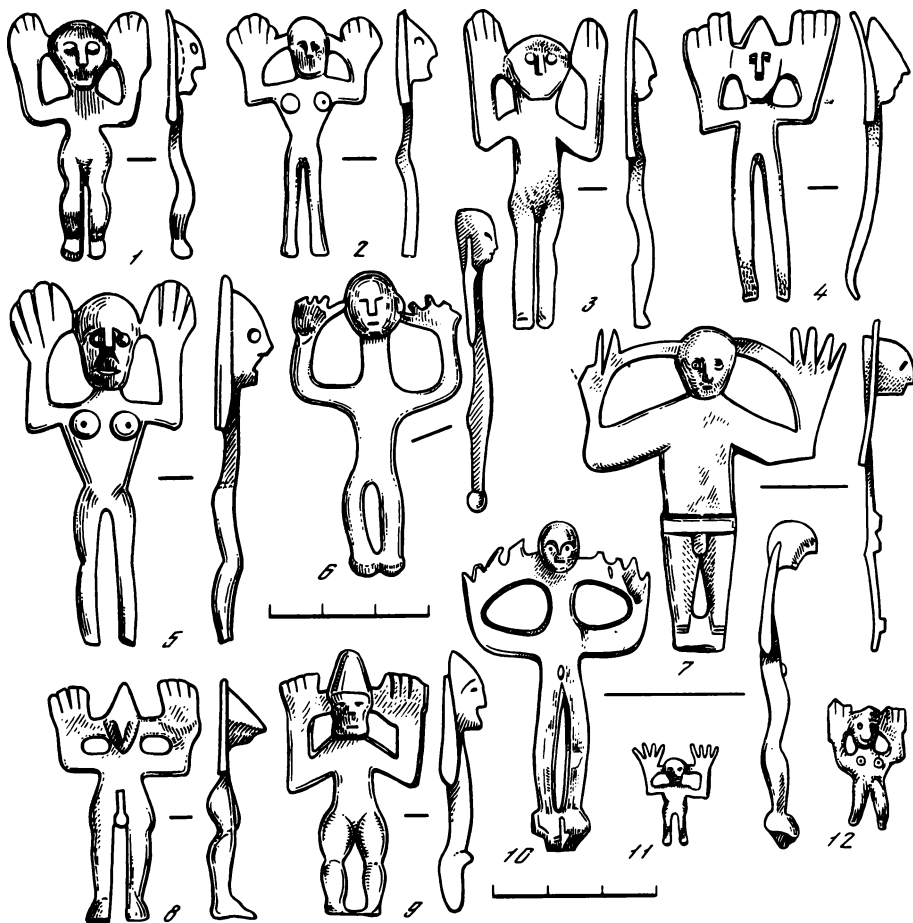
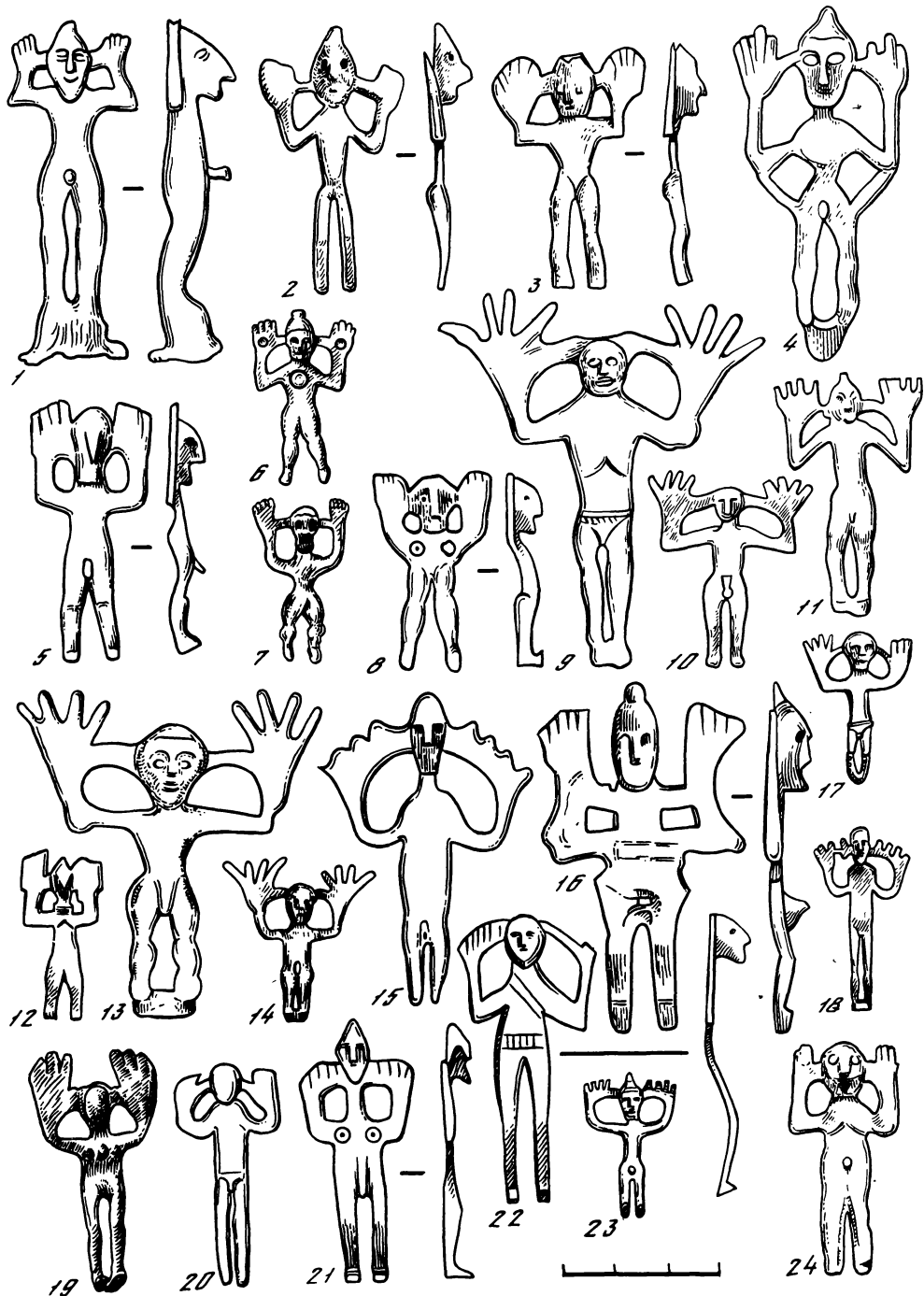

Рис. 4. Статуэтки в позе адорации из Дагестана

1 — сел. Асахо (коллекция М.П. Мищенко, МАЭ, N 5470); 2—6 — точное местонахождение не известно (ГМГ, N 32—15/10, 12, 11; КМД, N 2288, 5074); 7—9 — из "Дидо" (сборы Ж. Мурье ГЭ, N 2085); 10 — сел. Ретло (коллекция М.П. Мищенко, МАЭ, N 5470); 11 — гора Кидилашан (по И.В. Мегрелидзе); 12 — сел. Инхо (Инхохори, собрание А.Л. Млокосевич по А.А. Захарову); 1—10 — зарисовки В.М. Марковина; 11, 12 — без масштаба

Рис. 5. Статуэтки в позе адорации из Дагестана (1—9, 11—18, 20—24), Азербайджана (10), Северный Осетии (19)

1, 15 — из коллекции А.А. Бобринского (по А.А. Захарову); 2 — сел. Асахо или Кидеро (сборы В.И. Долбежева, ГЭ, N 1431); 3 — сел. Карата (КМД, N 2290); 4, 9, 11—13, 20 — сел. Инхо (Инхохори, сборки А.Л. Млокосевич, по А.А. Захарову); 5, 8 — точное местонахождение не известно (ГМГ, N 32—15/9,7); 6, 7 — из Цунтинского района (по фотографии); 10 — из окрестностей Баку или Шемахи (ОАК за 1905 г.); 14, 17, 18, 23 — гора Кидилашан (по И.В. Мегрелидзе); 16 — точное местонахождение не известно (КМД, N 2292); 19 — сел. Камунта (по П.С. Уваровой); 21 — сел. Хупро (сборы А.К. Серпутовского, ГЭ, N 2081); 22 — из "Дидо" (сборы Ж. Мурье, ГЭ, N 2085); 24 — точное местонахождение не известно (по фотографии А.С. Роинова); 2, 3, 5, 8, 21, 22 — зарисовки В.И. Марковина; 6, 7, 10, 12, 14, 17, 18, 23, 24 — без масштаба

к вискам или ушам. Ноги расчленены, но порой имеют общее несколько уплощенное основание. Признаки пола намечены, но можно выделить группу статуэток, доведенных до полной схематизации. Эти "бесполое" изображения имеют укороченное туловище, относительно небольшие головы при огромных кистях рук (рис. 3—5). К серии адорирующих фигурок можно отнести находки из сел Карата, Кидеро, Асахо, Инхо, Ретло, Чаляхо (гора Кидилашан), Хупро, Кодора, бывшего Дидойского общества, а также отдельные предметы с пометкой "из Дагестана". Один из них имеет изображения соляных знаков на груди и на ладонях (рис. 5, б)⁶². Известна такая фигурка из Камунты (Северная Осетия)⁶³. Среди них наиболее натуралистична женская статуэтка с двумя косами. Она украшена шейными гривнами и браслетами. Ладони рук у нее относительно малы (из сел. Инхо, коллекция А.Л. Млокосевич, рис. 3, б). В этой же серии встречаются фигуры, названные "двуполыми" или даже гермафродитами⁶⁴. Однако Ш.Я. Амиранашвили с этим не согласен, ибо акцентация груди в виде круглых выпуклостей не мешает, по его мнению, видеть в них изображения мужчин⁶⁵. Такова статуэтка "из Дагестана", с хорошо проработанным лицом (рис. 3, 8). И, наконец, следует отметить отдельные произведения с настолько стилизованными ладонями, что пальцы их напоминают петушинные гребешки (из сел. Ретло, Инхо и другие, рис. 4, 10; 5, 9, 13).

Вторая серия с распростертыми руками немногочисленна (она будет дополнена находками, сделанными за пределами Северного Кавказа). Такова женская статуэтка, опубликованная О.М. Давудовым (рис. 6, 1). Она происходит "из Дагестана" и представляет собой строго вертикально стоящую фигуру, перепоясанную узким ремнем, большие пальцы ног подняты вверх. Голову украшает шапка или высокая прическа с двумя прядями, свисающими к груди⁶⁶. Близка этой статуэтке найденная в 1970 г. в с. Гидатли — женское изображение с тремя шейными гривнами и с браслетами на чуть согнутых руках. В ушах — серьги, к плечам спускается коса (рис. 6, 2). Близкие по позе фигуры известны из Северной Осетии (рис. 6, 3, 4).

Третья серия пластики, если опять-таки исходить из положения рук, дает несколько вариантов. Первый из них (а), при довольно реалистической манере исполнения, характеризуется тем, что одна из рук статуэток обращена к груди, животу или ноге, а другая, согнутая в локте, или приподнята вверх, или находится на уровне груди. Условно такое движение назовем S-видным. Таковы статуэтки из сел Кубачи, Анди, Гидатли (Дагестан, рис. 7, 8, 15), а также "откуда-то из Дагестана" и из с. Кобан в Северной Осетии (рис. 7, 7, 9)⁶⁷.

К этой же серии по позе можно отнести и еще несколько статуэток (б), но правые руки у них неплотно сжаты в кулак, или же ладонь их снабжена сквозным отверстием или крючкообразным острием. Очевидно, в руки фигур вкладывали какой-то предмет (копье, дротик?). Это, скорее всего, воины, тем более что все известные мне изображения являются мужскими. Однако они никакими особыми воинскими аксессуарами не отмечены. Подобные статуэтки найдены у сел. Арчо (гора Берак)⁶⁸, Зибирхалы (Зибиркалы), на землях бывших Дидойского общества и Андийского округа (Дагестан, рис. 7, 1, 2, 10, 12, 13; 8, 2), у с. Химой в Чечено-Ингушетии (рис. 7, 3).

К описанным статуэткам можно было бы отнести еще несколько фигурок в той же "воинственной" позе (с поднятой правой рукой, но без отверстия в ней), если бы не их удивительно однообразная схематичность (рис. 9). Таковы фигуры, якобы найденные у г. Орджоникидзе, в бассейне р. Малка (или у с. Малка), на территории Армении, хранящиеся в музее г. Смоленска, и т.д. Многие из них

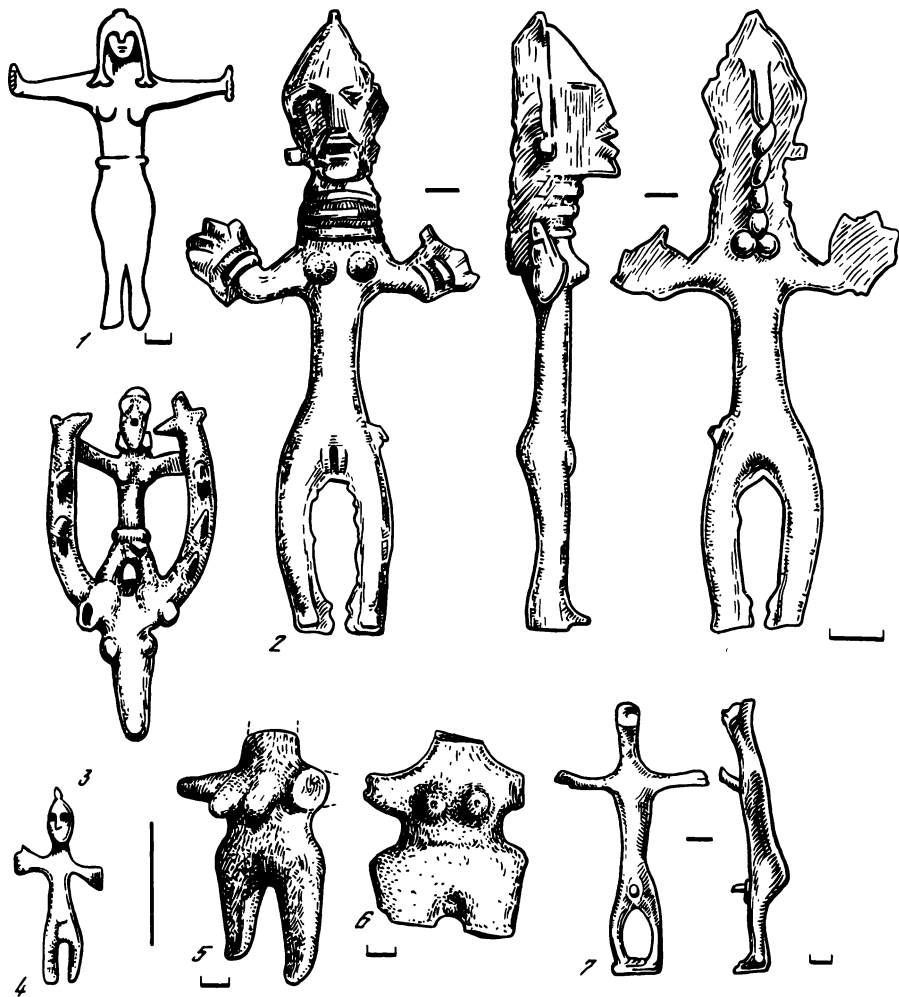
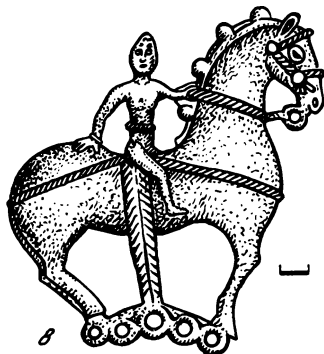

Рис. 6. Статуэтки с распрямленными руками из Дагестана (1,2,8), Северной Осетии (3), Чечено-Ингушетии (4), Азербайджана (5-7)

1 — точное местонахождение не известно (по О. М. Давудову); 2 — сел. Гидатли (КМД, N 18315) (зарисовка В. И. Марковина); 3 — сел. Кумбулта (по П. С. Уваровой); 4 — точное местонахождение не известно (собрание Г. А. Вертепова, по А. А. Захарову); 5, 6 — сел. Моллаисаклы (5 — по Ф. А. Османову; 6 — по Е. А. Пахомову); 7 — сел. Ибрагимгаджили (по З. И. Ямпольскому); 8 — сел. Кидеро (по О. М. Давудову); 1-4, 7, 8 — бронза; 5, 6 — глина; 4 — без масштаба

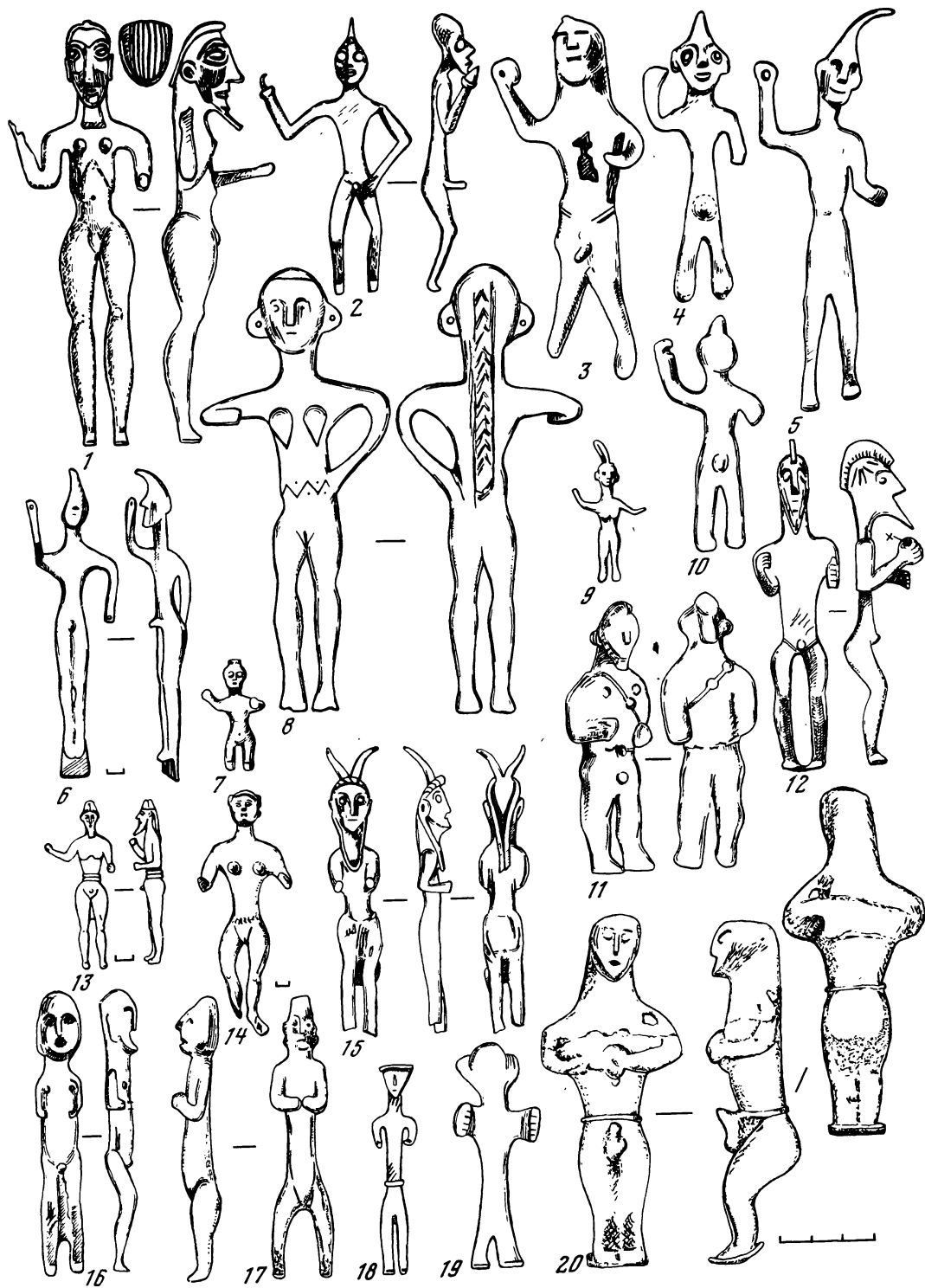

опубликовал А.А. Захаров⁶⁹. Это те самые итифаллические (имеют выступ с задней стороны — "двойной" фалл) и фаллические изображения с однорогой и двурогой прической (шапкой), которые похожи одна на другую независимо от района "находки" (Дагестан, Осетия или Армения). Они словно отлиты в одной форме. Эта пластика кажется мне грубой подделкой под старину, хотя она выполнена со знанием подлинных образцов. Кстати, такое мнение о них высказывалось еще в XIX в.⁷⁰ Их учет не представляет научного значения.

К этой же серии следует отнести группу статуэток (е), у которых обе руки несильно согнуты в локтях и опущены вниз или, что чаще, находятся на уровне груди — живота, в жесте "распростертого" объятия⁶¹. Истинным шедевром среди них является женское изображение, найденное в с. Согратль, близ вершины горы Хурцы-Гаал⁷², по другим данным — на вершине горы Росдан-Меэр⁷³. Несмотря на некоторую грубость литья, мастер, не впадая в утрировку и эротику, прекрасно сумел передать формы молодого обнаженного тела⁷⁴ (рис. 8, 1). В ушах фигуры сделаны дырочки для утерянных сейчас сережек (вероятно, из благородного металла). А.П. Круглов считал, что на голове статуэтки была петля, с помощью которой ее подвешивали, а перемычка, соединявшая ноги, служила для крепления колокольчика (очевидно, по аналогии с казбекскими и другими находками)⁷⁵. Именно эта фигура, по мнению О.М. Давудова, отлита в позе "объятия"⁷⁶. Другие статуэтки с близким движением менее выразительны. Это обнаженная женская фигурка (рис. 7, 14), найденная в сел. Шатой (ныне с. Советское, Чечено-Ингушетия); грубого литья мужская фигура с перевязью через правое плечо, — из с. Анди (рис. 7, 11) и фигурка в двурогом головном уборе из с. Гидатли (рис. 7, 15). Можно еще вспомнить очень схематичные скульптурки из с. Карата в Дагестане (рис. 7, 16), сел. Химой (собрание К.О. Ольшевского, рис. 7, 17)⁷⁷ и Шарой (рис. 7, 20) в Чечено-Ингушетии. У некоторых упомянутых статуэток руки сильно прижаты к туловищу и слиты или почти слиты с ним. Однако у других фигур здесь имеется пространство, которое могло служить для крепления отдельных предметов. Это вполне возможно, так как есть статуэтки, отлитые вместе с вещами (з). Так, фигура из Анди обеими руками держит сосуд, другая (из с. Кубачи) с гривной на шее, по-видимому, женская, правой рукой прижимает к груди рог — ? (рис. 10, 5)⁷⁸. Третья, женская (из Дагестана), украшенная гривной, держит в правой руке рог, а в левой сосуд (собрание А.К. Сержпутовского, ГЭ, N 1782, рис. 10, 7). Четвертая, найденная в 1935 г. у с. Согратль (гора Хурцы-Гаал) представляет собой перепоясанную женскую фигуру с наполненным сосудом у груди⁷⁹ (рис. 10, 6). В 1970 г. в с. Гидатли была найдена опять-таки женская статуэтка

Рис. 7. Статуэтки

1, 2, 7, 8, 10—13, 15, 16, 18 из Дагестана; 3, 14, 17, 20 — Чечено-Ингушетии, 4, 5 — Ливана, 6 — Греции, 9 — Северной Осетии, 19 — Грузии; 1, 12, 13 — сел. Арчо, культовое место на горе Бекак, работы А.П. Круглова; а — деталь прически затылка; х — остатки прута из железа (ГЭ, N 2163); 2 — из "Дидо" (сборы Ж. Мурье, 1885—1886 гг., ГЭ, N 2085); 3, 17 — сел. Химой (3 — ГИМ, N 54746/3330; 17 — сборы К.И. Ольшевского с рисунка Штробиндера); 6 — г. Олимпия (по р. Хаме и У. Яншену); 7 — точное местонахождение не известно (по Ж. де Моргану); 8 — сел. Кубачи (в ушах статуэтки отверстия, по А.А. Захарову); 9 — сел. Кобан (по Ж. де Моргану); 10 — из "Андийского округа" (по И.И. Пантохову); 11 — сел. Анди (Материалы А.М. Завадского, по А.А. Захарову); 14 — сел. Шатой-Советское; 15 — сел. Гидатли (находка Ш. Гаджиева, 1970 г., КМД, N 18269); 16 — сел. Карата (сборы А.К. Сержпутовского, ГЭ, N 2091); 18 — сел. Тлондада (сборы Б.И. Гаджиева, музей школы N 5 г. Буйнакска); 19 — точное местонахождение не известно (по А.А. Захарову); 20 — сел. Шарой (недалеко от Кенхи, находка Д. Баматгиреева, КМЧИ); 3, 14 — по фотографиям; 1, 2, 12, 15, 16, 18, 20 — зарисовки В.И. Марковина; 7, 9 — без масштаба, для основной массы фигур — общий масштаб

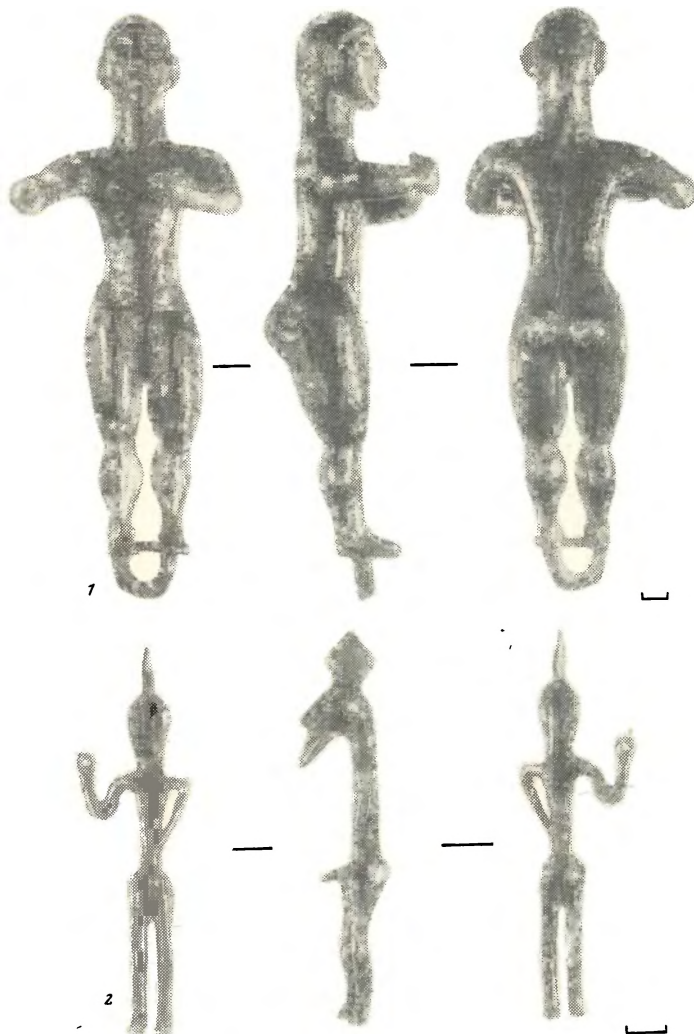
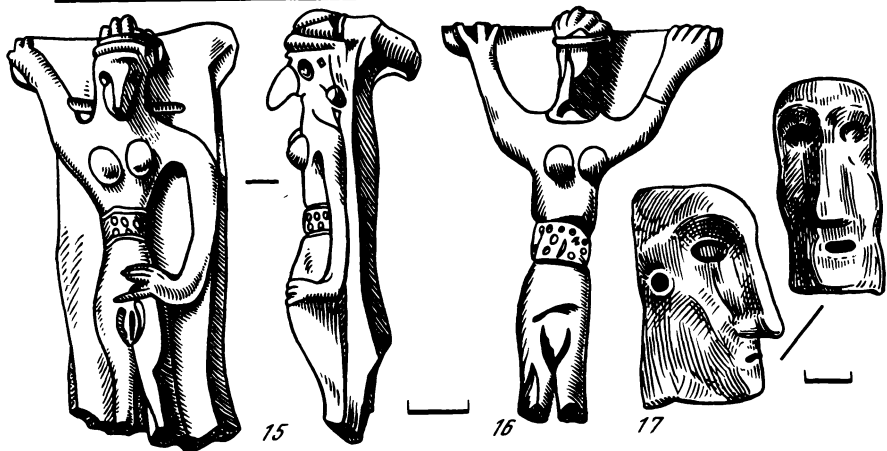
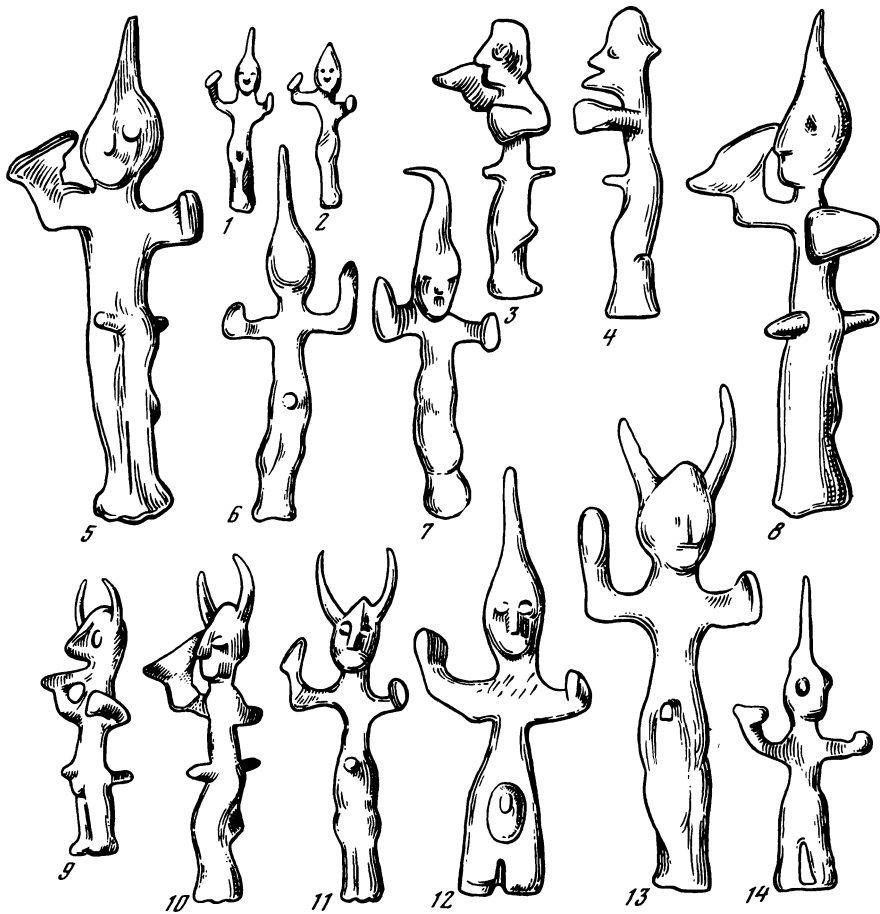

Рис. 8. Бронзовые статуэтки из Дагестана

1 — сел. Согратль (КМД, N 7006); 2 — сел. Зибиркала (КМД, N 3783)

Рис. 9. Северный Кавказ и Закавказье

1—14 — фаллические и итифаллические изображения; 15, 16 — керамические ручки сосудов; 17 — глиняная головка; 1, 2 — музей в г. Орджоникидзе (Северная Осетия); 3, 7 — Сарыкамыш (Армения); 4, 10, 11 — Зангезур (Армения); 5 — музей в г. Смоленске; 6 — Артцеваник (Армения); 8, 12, 13 — "Андийский округ" (Дагестан); 9 — Малка (Кабардино-Балкария); 14 — из Дагестана; 1, 2, 5, 14 — точное местонахождение не известно; 1, 2, 4—7, 9, 11, 14 — по А. А. Захарову; 3, 10 — по С. В. Безсонову; 8, 12, 13 — по И. И. Пантюхову. Древность всех этих статуэток сомнительна; 15, 16 — Меллани, святилище "Мели-Геле" I (Грузия, по К. Н. Пицхелаури); 17 — сел. Моллаисаклы (Азербайджан, по Ф. А. Османову)

с ножными и ручными браслетами и с двойным поясом. Голова ее украшена пятизубой "короной", лицо обрамлено завитыми локонами, на шее — две гривны, тяжелая коса ниспадает ниже колен, в приподнятой правой руке — рог с широкой оковкой, а в левой — сосуд, также напоминающий рог, но прикрытый крышкой (рис. 10, 9). Эти статуэтки могут быть дополнены найденными у с. Тинди и где-то в Цунтинском районе Дагестана (рис. 10, 2, 8). Данную группу пластики можно завершить находкой из Шароя (Чечено-Ингушетия) — широкоплечая перепоясанная мужская фигура обеими руками прижимает к груди овальный предмет⁸⁰ (рис. 7, 20). Завершить третью серию пластики можно двумя статуэтками: из Дагестана (без определенных признаков пола), с молитвенно сложенными у груди руками (рис. 11, 6)⁸¹ и из Чечни (Шатоя — Советского). В отличие от других она выкована из железа и снабжена двуликой бронзовой головкой в остроконечной шапочке (рис. 11, 2)⁸².

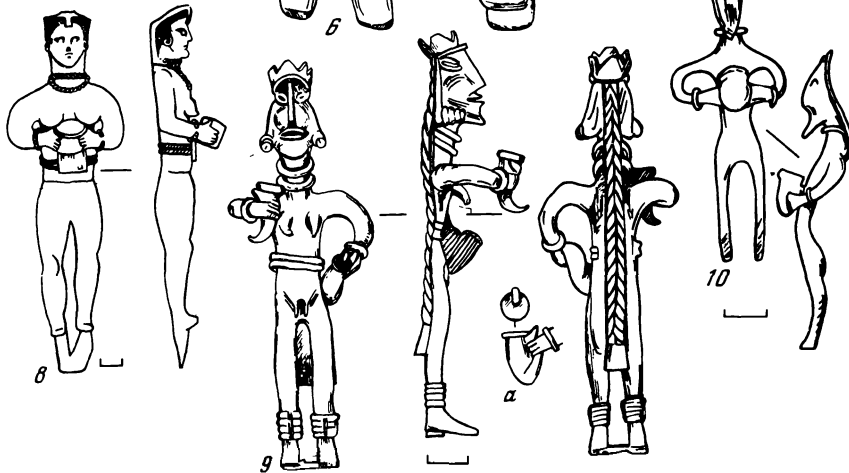
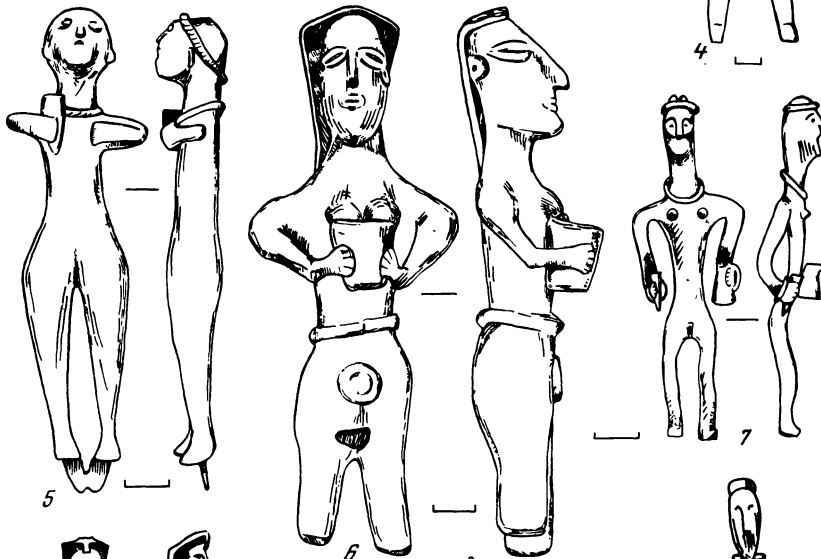
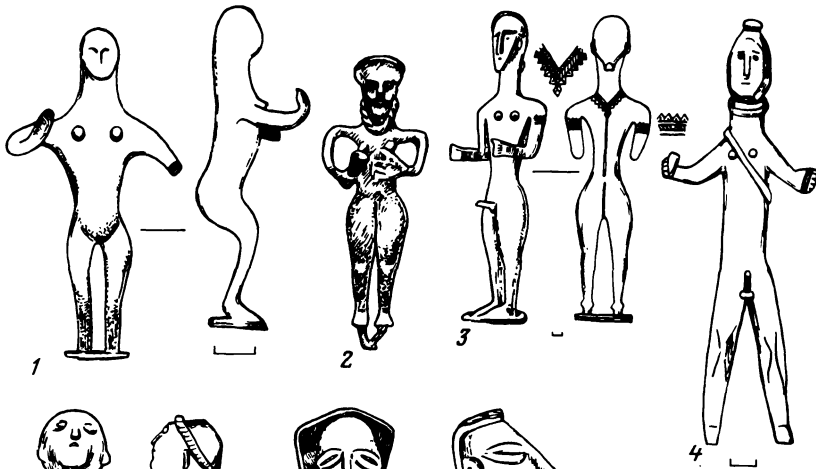
К этой группе скульптуры композиционно близки двух-трехфигурные произведения (δ). Таковы стоящие и отлитые вместе две мужские фигуры из святилища у с. Хосрех (рис. 11, 4)⁸³, "побратимы" из с. Шали — двое сильно обнаженных мужчин, обнимающих друг друга за плечи. Свободные руки обращены у них к груди (рис. 11, 3)⁸⁴. Такова также булавка из Сержень-Юрт с тремя "грациями" (рис. 11, 7)⁸⁵.

Четвертая серия с группой переходных изображений (рис. 11, 11; 12, 1) однородна по характеру позы, но выполнена с разной степенью реализма — от довольно живых (с долей гротеска) до схематически лаконичных. Это фертообразные фигуры (в виде буквы Ф — фрьтъ, ферт). Руки у них находятся на поясе (большой палец обращен к спине), широко расставлены локти, ноги разведены или сомкнуты. Такая пластика найдена в Дагестане у сел Асахо и Кидеро (коллекция В.И. Долбежева; ГЭ, N 1431, рис. 12, 5, 17, 18), Ретло (находка М.И. Мищенко, МАЭ, N 5470, рис. 12, 13), Хупро, Инхо (Инкохори; рис. 12, 10, 11, 22, 23), в бывшем Дидойском обществе, у Кодорского перевала и неопределенно — в Дагестане (рис. 12, 2—4, 7, 8, 16, 19, 21), в Чечне-Ингушетии — в Аргунском ущелье и еще "где-то" (рис. 1)⁸⁶, в Северной Осетии (с. Кобан, рис. 12, 1, 6, 14).

Пятую очень яркую серию представляют собой скульптурки воинов. Обычно они изображены в головных уборах (остроконечные колпаки с круглым навершием, шляпы — шлемы "пирожком" или с веерообразным верхом) и доспехах. На спине почти как обязательный атрибут — щит, иногда с умбоном. На одной из таких статуэток (из Дагестана) показано, что прикрепленный к нему ремень, пропущен через правое плечо (КМД, N 18319, рис. 12, 24). На фигурке из Ичкерии (по А.А. Захарову, она найдена в Аргунском ущелье) за спиной охотничий трофей — голова горного козла с длинными рогами (рис. 13, 1)⁸⁷. Обычно воины обнажены (1; 12, 25), но статуэтка из Дагестана изображает бородатого человека, облаченного в одежду из шкуры (шерсть показана штрихами), которая в виде балахона с

Рис. 10. Бронзовые статуэтки

1, 2, 5, 10 — из Дагестана; 3, 4 — из Грузии 1 — точное местонахождение не известно ГМГ, N 32—15/48; 2 — из Цунтинского района; 3 — сел. Персати, находка 1914 г. (по А.А. Захарову, детали орнамента по зарисовке А.А. Иессена); 4 — Мелаани (Кахетия, по К.Н. Пицхелаури); 5 — сел. Кубачи (по А.А. Захарову); 6 — сел. Согратль, святилище на горе Хурцы-Гаал, находка 1937 г. (КМД, N 1974); 7 — точное местонахождение не известно (сборы А.К. Сержпутовского, ГЭ, N 1782—2); 8 — сел. Тинди (по О.М. Давудову); 9 — сел. Гидатли, находка 1970 г.: а — деталь — ритон с ручкой, находящийся в левой руке статуэтки (КМД, N 18313); 10 — сел. Анди (сборы А.К. Сержпутовского, ГЭ, N 2087—10); 1, 4, 6, 7, 9, 10 — зарисовки В.И. Марковина

двумя зубцами спадает к его ногам (по бокам ее имеются разрезы). На нем широкие штаны, ноги обуты в тяжелые полусапожки с низким каблуком (рис. 12, 24). Статуэтки воинов из Ичкерии одеты в "полушубки"⁸⁸. Вооружение однотипное — кинжалы и меч-акинак, висящий на левом боку. Фигурка из Дагестана имеет военный трофей — привязанную к поясу отрубленную голову врага. Волосы на ней сбиты в пучок. Изображения воинов редки. Мне известно шесть (рис. 12, 24, 25; 13, 1, 2): четыре — из Чечено-Ингушетии (два — из Ичкерии, из Химоя — с луком в левой руке — и из Аргунского ущелья)⁸⁹ и два — из Дагестана (уже упоминавшееся и из с. Ретло — гора Кидилашан, с изображением колчана, рис. 13, 2)⁹⁰. Следует заметить, что обнаженные фигуры третьей серии с отверстием в правой руке также могут изображать воинов, но они отлиты без оружия (рис. 7, 1—3, 12, 13; 8, 2; 11, 1).

Совершенно особые серии должны составить статуэтки рожающих женщин и с младенцами на руках. Такие фигурки известны в единичных экземплярах. Так, статуэтка роженицы в позе ферта происходит из с. Карата (Дагестан). Торс ее перекрещен ремнями и украшен солярными кругами. Голова ребенка обращена затылком вниз (сборы А.К. Сержпутовского; ГЭ, N 2091—1, рис. 13, 3). Фигура сидящей женщины с ребенком на руках сохранилась лишь в описании Д.Н. Анучина. Она представляла собой "нагую женщину с младенцем на руках, сидящую на стуле. Стул о четырех ножках с низкой спиной, вроде тех, какие и теперь встречаются в горах; женщина сделана непропорционально стулу (весь предмет около 3,5 вершков) и с оригинальным убором головы. Убор этот состоит из особого рода шапки (шлыка), с небольшим рогом наперед (вверх) и выступом назад, от которого вдоль по спине спускается какая-то лента (или коса). На шее еще заметно ожерелье или обруч, остальное же тело голое. Женщина левой рукой придерживает на коленях ребенка, а правой дает ему грудь. Возможно, что статуэтка представляет Астарту"⁹¹. Предмет (высота его 14,25 см) происходит из Ратлуба (близ с. Урада в Дагестане). Его купил фотограф А.С. Роинов, но, к сожалению, в собрании его снимков эта статуэтка не обнаружена. Б.А. Куфтин установил, что она поступила в коллекцию великого князя Георгия Михайловича под названием "Астарта из Гуниба"⁹². Вторая фигурка найдена в осетинском с. Кобан и представляет собой "женское нагое изображение с грубо литым младенцем на руках" (рис. 13, 11)⁹³. Предпоследняя серия, на которую следует обратить внимание, — это фигуры всадников. Такова статуэтка из с. Чми (Северная Осетия). "Всадник повернут корпусом к зрителю и придерживается правой рукою о голову лошади, а левой о ее хребет". Ноги его при этом "переплетены под корпусом лошади" (рис. 14, 1). Известны три таких изображения, отлитых в одной форме. Интересна также булава из с. Кобан (высота ее 21 см), навершие которой представляет собой всадника (рис. 14, 19), сидящего на небольшом коньке с задраным хвостом⁹⁴. В Дагестане найдено литье — человек в накидке и на коне (из "Дидо", рис. 14, 2) и нагая всадница, сидящая в позе амазонки на правом боку коня (туловище его покрыто зигзагообразным узором, а на левом плече изображен тамгообразный знак). Женщину украшает гривна, по спине ниспадает пышная коса. Сидит она в мягком седле (рис. 14, 3). Навершие с двумя обнаженными всадниками-мужчинами, купленное в с. Кубачи, как уже говорилось, опубликовано Е.Е. Кузьминой⁹⁵. Еще две фигуры обнаженных всадников происходят из сел. Кидеро (Дагестан, напоминает узорчатую бляшку, рис. 6, 8) и Самашки (Чечено-Ингушетия, рис. 14, 4)⁹⁶.

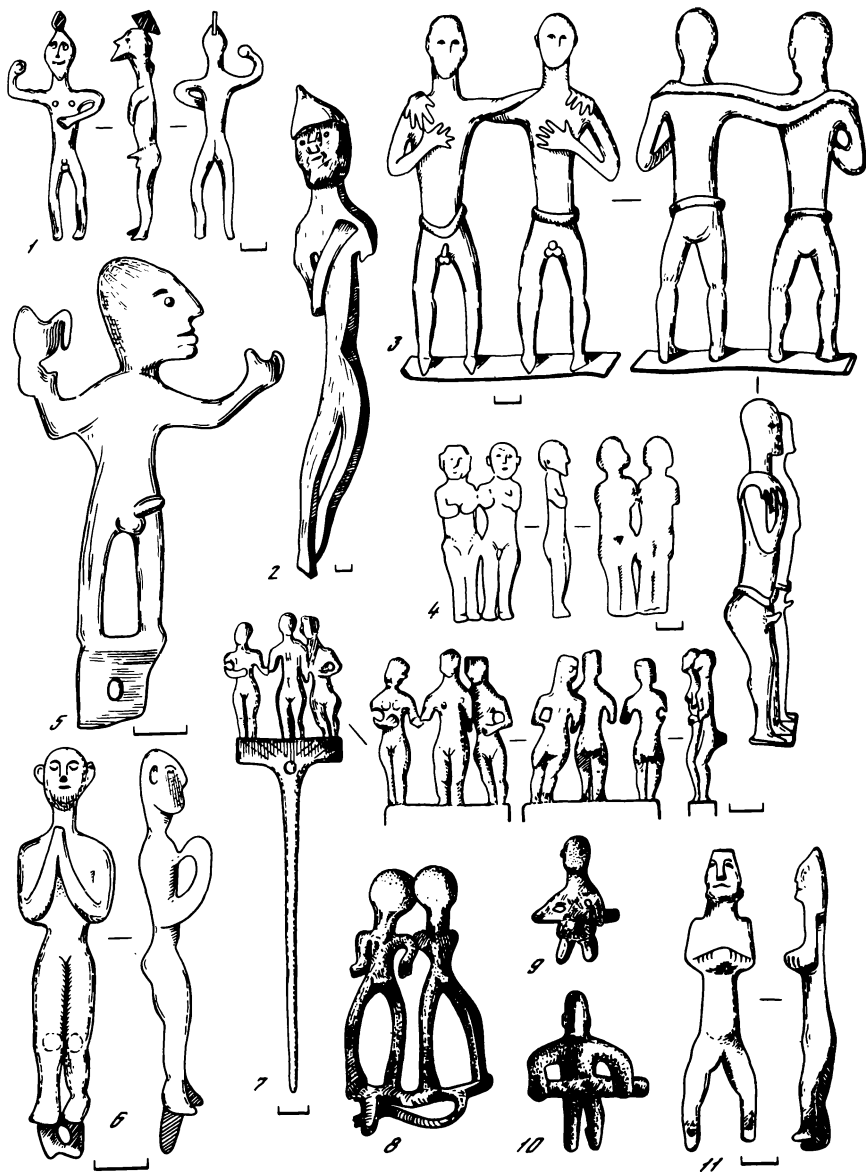

Рис. 11. Статуэтки

1—3, 7 — из Чечено-Ингушетии; 4, 6, 11 — из Дагестана; 5 — из Ставропольского края; 8—10 — из Северной Осетии; 1 — из Аргунского ущелья (по В.Б. Виноградову); 2 — сел. Шатой-Советское (зарисовка В.И. Марковина); 3 — "Побратимы", сел. Шали (по В.Б. Виноградову); 4 — "Близнецы", сел. Хосрех, святилище (по О.М. Давудову); 5 — окрестности г. Пятигорска (по А.А. Захарову); 6, 11 — точное местонахождение не известно (по А.А. Захарову, 11 — из собрания А.А. Бобринского); 7 — сел. Сержень-Юрт, могилиник, погребение 41 (по В.И. Козенковой); 8—10 — сел. Кумбулта (по П.С. Уваровой, без масштаба); 1, 3—11 — бронза; 2 — железо и бронза

Завершает серию древней пластики изображение человеческих голов. Такова находка из с. Нар. Она уже упоминалась. Это удлиненная мужская голова с небольшими несколько оттопыренными ушами (вместе с шеей 19,5 см). Узкий нос без ноздрей резко отделен от лба, придавая профилю лица хищное выражение. Затылок срезан, внутренняя часть головы полая⁹⁷.

При более детальных разработках к указанным сериям можно добавить пластику, изображающую отдельные части человеческого тела. Например, руки по локоть и ладони с хорошо выделенными пальцами, фаллические изображения и проч.

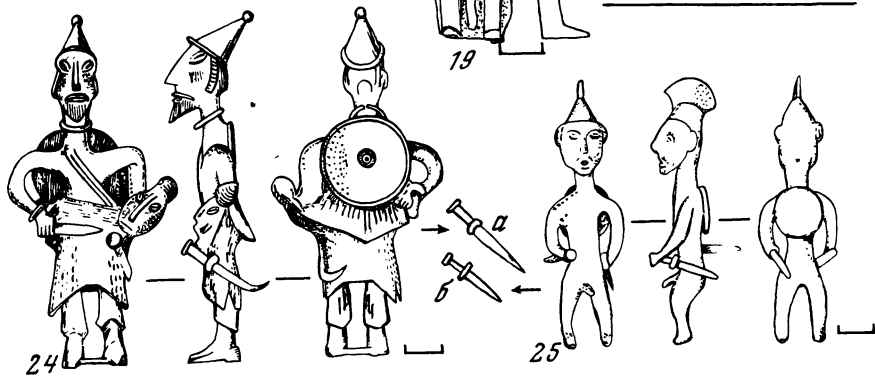
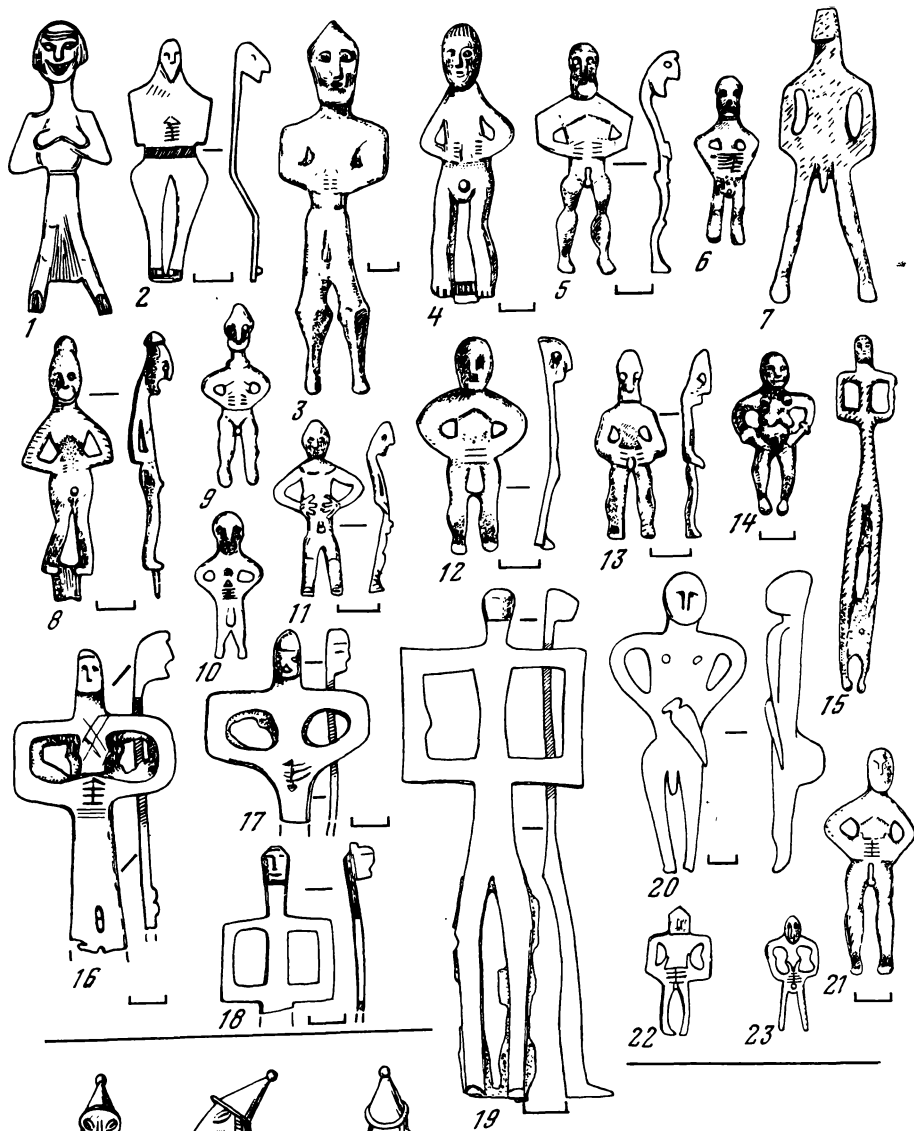
Таковы основные виды культовой пластики, происходящие с территории Северного Кавказа.

В предложенной мною предварительной классификации пластики (по сериям) взят только один принцип — положение рук у статуэток. Это объясняется тем, что независимо от мастерства в передаче движения и объемов тела все они имеют довольно стандартные позы, которые, очевидно, диктовались ритуалом. Особенно ярко выступает каноническая определенность в положении рук. Различным их манипуляциям во всех современных и древних религиях (судя по рельефам, фрескам и статуям) уделялось и уделяется большое внимание. Вспомним хотя бы бесконечные диспуты между никонианцами и старообрядцами о различных формах двуперстного и трехперстного осенения себя "крестным знамением" и о благословляющем жесте. Строгая последовательность в движении рук соблюдается и в молитвенных ракатах мусульман. Подобных примеров можно привести много.

Следует отметить и скованность поз у большинства статуэток. Они почти всегда построены по принципу равновесия — с симметрией левого и правого, положение тела и рук у некоторых лишь несколько видоизменены, развиваясь почти в одной плоскости или в едином S-видном несильном движении. Лишь у отдельных статуэток ноги переданы в позе шага, когда одна из них, опираясь на полную ступню, слегка выдвинута вперед — условность, передающая медленную поступь, хорошо прослеживаемая в торжественных древнеегипетских и древневосточных рельефах и монументах⁹⁸. Статуэтки почти лишены ракурсов, и впечатление силы, величия, порой отрешенности, диктуется лаконичностью трактовки и предельной стилизацией. Даже гротескная карикатурность отдельных деталей не мешает ощущать в этих небольших предметах (порой высотой до 37 мм) подлинную монументальность. Они словно сочетают в себе две полюсные идеи — грубую эротическую земную суть и отвлеченную надмирность, Вторая "духовная" идея реализуется также каноничностью — общей одинаковостью фигурок, явно указывая на желание воплотить в них "нечто устойчивое и неизмен-

Рис. 12. Фертобразные фигуры (1—23) и статуэтки воинов (24, 25)

1, 6, 14 — из Северной Осетии; 2—5, 7—13, 15—19, 21—24 — из Дагестана; 25 — из Чечено-Ингушетии; 20 — из Ирана; 1, 6, 14 — сел. Кобан (по П.С. Уваровой); 2, 4 — Кодорский перевал (ГМГ, N 32—15/2 и 3); 3, 7, 8, 15, 16, 19, 21 — точное местонахождение неизвестно (3, 7, 15 — с фотографии А.С. Роинова, 8 — КМД, N 2291; 16, 21 — ГМГ, N 32—15/2; 14, 19 — ГЭ, N 1781—1); 5, 17, 18 — сел. Асахо или Кидеро (собрание В.И. Долбежева, ГЭ, N 1431—12, 14, 15); 9, 10, 22, 23 — сел. Инхо (Инкохори, сбор А.Л. Млокосевич, по А.А. Захарову); 11 — сел. Хупро (сборы А.К. Сержпутовского, ГЭ, N 2089—1); 12 — из "Дидо" (сборы Ж. Мурье, 1885—1886 гг., ГЭ, N 2085—4); 13 — сел. Ретло (сборы М.П. Мищенко, МАЭ, N 5470—4); 20 — Амлах; 24 — "Воин", точное местонахождение неизвестно (КМД, N 18319, передан в 1970 г. Мойном; а — акинак этой статуэтки); 25 — "Воин", сел. Химой (собрание К.И. Ольшевского, 1887 г., с литографии Штробиндера; б — кинжал этой статуэтки); 1—6, 8—25 — бронза, 7 — железо; 1, 6, 7, 9, 10, 22, 23 — без масштаба; 2, 3, 5, 8, 11—13, 15—19, 21, 24 — зарисовки В.И. Марковина

ное, общечеловеческое и общезначимое”⁹⁹ для древнего населения, создавшего их. Пожалуй, наиболее вольными среди статуэток кажутся лишь фигурки воинов, но если вспомнить несложный перечень их почти обязательных аксессуаров, то станет заметна определенная схема, по которой они создавались.

Теперь следует в общих чертах обрисовать территорию распространения подобной пластики. В пределах Закавказья известно много таких пунктов. Это прежде всего находки из с. Казбеги (Грузия), связанные с Казбекским кладом. Обратим внимание на некоторые. Обнаженная фаллическая фигура, но с четко отмеченной кружочками грудью. Она перепоясана. На голове шлем, на ногах мягкие сапожки. Правая рука сжата в кулак и приподнята, левая подносит ко рту ритон. На спине изображена двойная спираль. К фигурке приделана петля с цепочкой (рис. 14, 5). Известна вторая подобная фигура, но более грубого литья. У нее грудь не выделена, а на ягодицах изображены одинарные спирали. К ней также прикреплена цепь. Эта вещь хранится в ГИМ (N 65—51)¹⁰⁰. Третья фигура сделана еще грубее¹⁰¹. Из Казбеги происходят также фаллические статуэтки со слегка подогнутыми ногами (поза ”в присядку”). Стоят они на пирамидах из рогатых бычьих (козлиных) голов. Расставленные руки у них приподняты, человек держит булаву молоточковидной формы в правой руке либо ритон в левой¹⁰². Высота фигур не превышает 12 см (рис. 14, 6, 7). Имеется еще одно изображение голого мужчины с булавой в правой руке и стоящего на трехъярусной пирамиде из голов. П.С. Уварова склонна приписывать ее Казбекскому кладу, хотя не исключена находка этой вещи в Кобани¹⁰³.

Несколько женственная фигура, но с фаллом и приподнятыми вперед руками известна из с. Зекари. ”У нее нет ни обуви, ни головного убора, ни пояса”¹⁰⁴. Высота ее 25 см. В Цагери найден всадник (рис. 14, 9). У коня сильно отвисла нижняя губа. На человеке — одежда с отложным воротником (полущубок?) и приостренный колпак, руки сложены на груди, ноги прижаты к крупу лошади, стремян нет¹⁰⁵. Три статуэтки обнаженных, но опоясанных женщин из семи найденных опубликовал К.Н. Пицхелаури (рис. 14, 8, 10, 11). У одной из них руки разведены в стороны, на них браслеты, на шее гривна. У других (одна изображена в высоком колпаке) руки полусогнуты на уровне груди. Происходят данные статуэтки из святилища Мелигеле I (с. Мелаани). Оно представляло собой круглую площадку. На ее возвышенной части прослежены канавки, врытые в виде контурных рисунков животных и птиц, которые были заполнены золой и обгоревшими костями овец. Площадку окружал ров двухметровой ширины (глубина 0,60 м). Здесь же в двух ямах стояли крупные сосуды с золой (одну яму окружало двойное каменное кольцо). Найденные здесь же две женские статуэтки с поясами, сформованные из глины (в позе одорации и с S-видным положением рук), были прилеплены к ушкам керамических сосудов (рис. 9, 15, 16)¹⁰⁶. Это обстоятельство дает право бронзовую пластику при изучении дополнять изделиями из других материалов.

Близкое по устройству святилище Мелигеле II содержало женские и мужские статуэтки, но они детально не описаны¹⁰⁷. Из Мелаани известен также клад, состоящий из меча, кинжалных клинков, наконечника стрелы и двух мужских обнаженных фигурок. Одна (высота до 14 см) — с распростертыми руками, в правой держит ритон, на шее — две гривны, через правое плечо перекинута перевязь. У статуэтки четко отмечены соски (рис. 10, 4). Другая (высота 7 см) — фигура опоясанного воина с гривной на шее. В левой руке щит, правая сжата в кулак и держала какой-то предмет — сохранился обломок стержня (рис. 13, 4)¹⁰⁸.

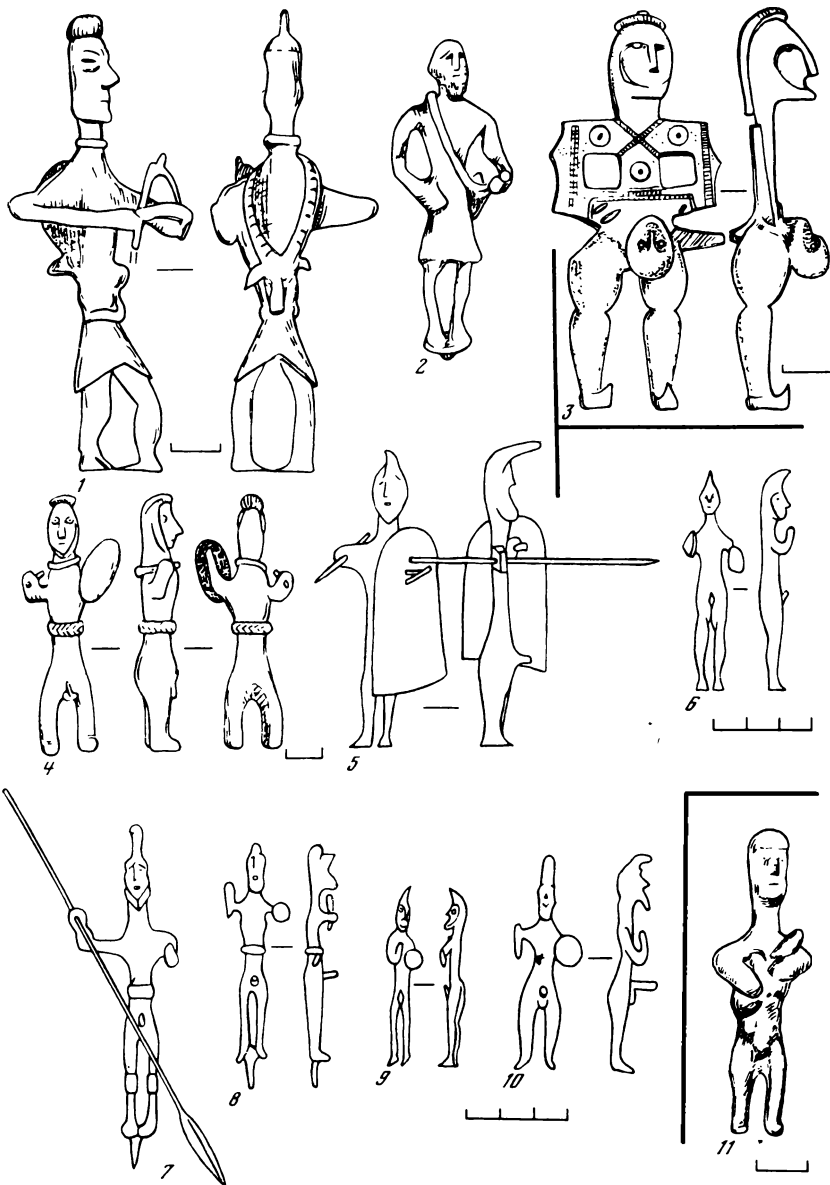

Рис. 13. Бронзовые статуэтки

1 — из Чечено-Ингушетии; 2, 3 — из Дагестана; 4 — из Грузии; 5—10 — из Армении; 11 — из Северной Осетии; 1 — Аргунское ущелье (сборы А.В. Комарова, по А.А. Захарову); 2 — гора Кидилашан (по И.В. Мегрелидзе); 3 — сел. Карата (сборы А.К. Сержпутовского, ГЭ, N 2091—1, зарисовка В.И. Марковина); 4 — Мелаани, клад (по К.Н. Пицхелаури); 5, 7, 8, 10 — сел. Паравакар, 6, 9 — сел. Айрум (5—10 — по С.А. Есянну); 11 — сел. Кобан (по П.С. Уваровой)

В погребении 3 могильника VIII—VII вв. до н.э., находящегося близ курорта Уреки (местность Цвермагала), найдена бронзовая фигура "божества (богини) с младенцем на руках" (рис. 14, 12)¹⁰⁹.

Статуэтка сложной формы (многоплановая композиция) — модель колесницы с парой коней — обнаружена на вершине горы Гохеби близ Цителицкаро в 1976 г. В боевой колеснице, вероятно, стоял воин-возница, фигура которого не сохранилась. Статуэтка "имеет два колеса со спицами, вращающимися на оси". Весьма реалистично выглядят и две лошади, впряженные в нее (длина предмета более 35 см). Вместе с колесницей были обнаружены два бронзовых наконечника копыя. Находки сделаны на обожженной площадке с ямой в центре. В ней лежал человеческий череп. Датируются эти предметы концом II тысячелетия до н.э.¹¹⁰

В районе Тбилиси на Трельском могильнике (Дигомское ущелье), в погребении 65 вместе с керамикой и цельнолитым копьём найдена плоская бронзовая пряжка (рис. 14, 15) — всадник скачет вправо, левая рука у него приподнята, правая опущена за спину. Фигура натуралистична, на предмете сохранились следы инкрустации¹¹¹. По стилю напоминает всадника из Цагери. Там же в одной из могил с погребальными залами найдено навершие ("ажурная подставка") с изображением схематичной человеческой фигуры с распростертыми и опущенными вниз руками (рис. 14, 24). Эту „богиню” относят к VIII—VII вв. до н.э.¹¹² В Боржомском ущелье у пос. Андезит найдены "изготовленные из бронзы и глины мужские статуэтки"¹¹³. Детального описания их я не знаю.

Из с. Вани (храм Ахвледиапов) происходит интересная статуэтка. В отличие от уже описанных она выкована из железа (рис. 14, 14). Это мужская, шагающая фигура (высота 32 см), но на шее ее имеется золотая спиральная гривна с насечками на концах, в ушные отверстия продеты свернутые в полтора оборота золотые сережки. Она лежала в специально сделанной скальной ямке (работы Н.В. Хоштариа, 1947 г.)¹¹⁴.

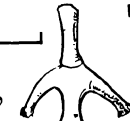
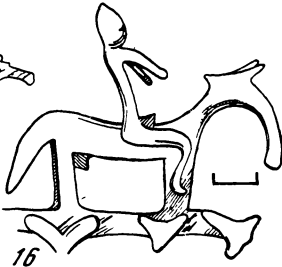
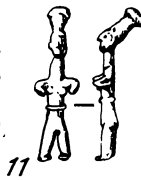
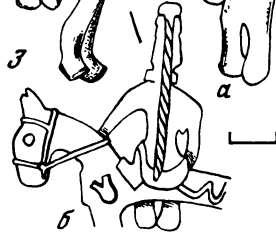
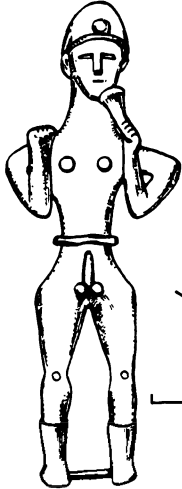
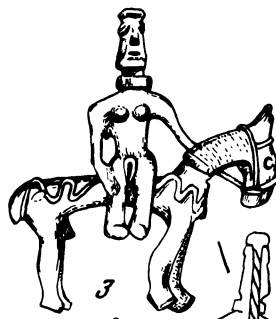
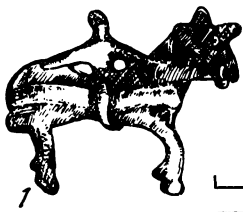
В 1914 г. у с. Персати была найдена бронзовая фигура обнаженного мужчины с намеченными сосками. Предплечья и шея у него покрыты гравированным зубчатым узором. Руки согнуты в локтях и направлены вперед, ноги на общем основании (высота предмета 32 см, рис. 10, 3). Хранится в музее г. Кутаиси¹¹⁵. Известна еще фертообразная фигура из с. Енисели в Кахетии (собрание А.К. Сержпутовского); ГЭ, N 1782—9, рис. 14, 13).

На территории Абхазии, у с. Бомборы, на так называемой Бомборской поляне в 1910—1911 гг. обнаружены бронзовые фигурки животных и птиц, прикрепленные к прорезным пластинкам, и антропоморфные изображения. Таковы

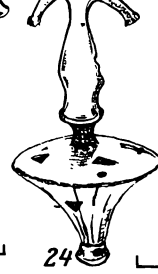
Рис. 14. Древняя пластика

1—19 — из Северной Осетии; 2, 3 — из Дагестана; 4 — из Чечено-Ингушетии; 5—18, 24 — из Грузии; 20 — из Азербайджана; 21—23 — из Армении;

1 — сел. Чми (по П.С. Уваровой); 2 — из "Дидо" (сборы Ж. Мурье 1885—1886 гг., ГЭ, N 2085-2); 3 — точное местонахождение неизвестно: а — вид сбоку, б — вид сзади, схематично (КМД, N 18314); 4 — сел. Самашки (по В.Б. Виноградову и В.И. Козенковой); 5—7 — сел. Казбеги, "Казбекский клад" (5 — ГИМ, N 65/51а; 6, 7 — по Л.Г. Цитладзе); 8, 10, 11 — святилище "Мели-Геле" I (по К.Х. Пицхелаури); 9 — сел. Цагери (по Ш.Я. Амиранашвили); 12 — Уреки (по Т.К. Микадзе); 13 — сел. Енисели (сборы А.К. Сержпутовского, ГЭ, N 1782—9); 14 — сел. Вани (железо и золото, по О.Д. Лордкипанидзе); 15, 24 — пряжка и бронзовое навершие. Трельский могильник у г. Тбилиси (по Р.М. Абрамишвили); 16, 18 — сел. Бомборы, Абхазия (16 — деталь прорезной "пластины", по Б.А. Лукину и Б.А. Куфтину, схематично); 17 — сел. Тли, могильник, погребение 244, Юго-Осетия (по Б.В. Техову); 19 — навершие булавки, сел. Кобан (Венский музей, Австрия, по П.С. Уваровой); 20 — сел. Ибрагимгаджили (по З.И. Ямпольскому); 21—23 — сел. Паравакар, Навур и Айрум (по С.А. Есяну); 6—8, 10—12 — без масштаба; 2, 3, 5, 13 — зарисовки В.И. Марковина; 1, 6, 7, 9, 12, 14, 19 — рисунки с фоторепродукций

24

24

статуэтки "винопийцы" — "нагого мужчины, восседающего свесив ноги в своеобразном кресле и пьющего из большого рога, который он держит обеими руками", схематизированная статуэтка обнаженной женщины с ребенком на руках (рис. 14, 18) и сложный по композиции предмет — изогнутая прорезная пластинка подтреугольной формы, украшенная в нижней части тупого конца тремя парами бараньих головок, к шеям которых привешены бубенчики. Сверху изображен всадник. Руки у него приподняты (держат поводья). Он обнажен. У коня сильно вытянута морда (длина предмета около 20 см, рис. 14, 16)¹¹⁶. Подобная находка была сделана в 1918 г. у с. Абгархук, но разбита. Еще одна близкая вещь хранилась в Центральном Историческом музее Украины, но на ней было два обнаженных всадника. А.Л. Лукин предполагает, что и эта вещь была найдена в Абхазии и скорее всего в Бомборах¹¹⁷.

В 1968 г. Б.В. Техов в Юго-Осетии в погребении 244 Глийского могильника вместе с фигурками лошадей обнаружил статуэтку-подвеску. Изображена нагая женщина с разведенными в стороны руками (рис. 14, 17)¹¹⁸.

На территории Азербайджана подобные находки встречены реже, чем в Грузии. Однако в конце эпохи бронзы и в самом начале раннего железа для него особенно характерны литые изображения птичек и животных¹¹⁹. Можно напомнить, что зооморфная пластика сопутствует антропоморфному литью, что позволяет надеяться на их закономерное выявление. Некоторые факты обнадеживают. В 1905 г. из окрестностей Баку и Шемахи к Я.В. Яворницкому поступили от К. Зенкевича статуэтки — три фертообразные (среди них одна мужская, рис. 2, 9—11) и в позе адорации (мужская фигура с огромными ладонями, рис. 5, 10)¹²⁰. Найдки, к сожалению, точно не документируются. Еще один факт. В одном из ялойлутепинских кувшинных погребений Мингечаура была найдена подвеска раннего типа в виде фигуры оленя, к брюшку которого прикреплен колокольчик¹²¹ — вещь, по стилю довольно близкая пластике Казбекского клада.

Из с. Моллаисаклы (Исмаилинский район) давно известна находка женского торса из обожженной глины (рис. 6, 6)¹²². Теперь же в его окрестностях найдено несколько статуэток. Особый интерес для нашей темы представляет аналогичная первой женская широкобедрая фигура с расставленными ногами и распростертыми руками (высота ее 12 см, рис. 6, 5), а также мужская голова, напоминающая нарскую находку. Голова вытянута в высоту, у нее очень крупный нос, щелевидный рот и круглые прорезы — уши, но этот предмет миниатюрен — около 6 см в высоту (рис. 9, 17)¹²³.

В с. Ибрагимгаджили обнаружены мужская статуэтка с распростертыми руками (высота около 10,5 см) и женская, у которой руки приподняты (высота не более 5 см). Обе грубо эротические, формы карикатурны и птицеподобны (рис. 6, 7; 14; 20)¹²⁴.

Пластика, найденная в Армении, изучена наимного полнее. Это сделано в основном трудами С.А. Есяяна.

Из сел Навур, Астхиблур, Айрум и Паравакар происходят преимущественно женские статуэтки, руки которых слегка приподняты (рис. 14, 21, 22). Еще большее количество фигурок, держащих в руках различные предметы (кувшины, ритоны, рыбу), найдено в с. Айрум. В основном они изображают женщин, шеи которых украшены гривнами или ожерельями (рис. 14, 23). Из с. Арцваник известно семь итифаллических фигурок (если это не подделки) с S-видным движением

рук (в правых руках у них зажат непонятный предмет). На головах — однорогие и двурогие шлемы (рис. 9, 5).

В селах Паравакар, Айрум, Норашен найдены фаллические статуэтки воинов. Один из них снабжен не только копьем, но и высоким полуцилиндрическим щитом, другие — круглыми и дисковидными щитами. В этой коллекции имеется фигурка, держащая в руке булаву (рис. 13,5—10)¹²⁵. Не воспроизводя образцы пластики, автор упоминает такие пункты, как Нор Баязет, Кайцунберд, Астхиблур, в которых была найдена скульптура, аналогичная описанной¹²⁶.

Восемь фигур высотой до 9 см из Сарыкамыша описывает С.В. Безсонов. Две с S-видным движением являются итифаллическими (сзади имеется шип, рис. 3, 3). У одной в поднятой руке "каменный топор или остаток щита" (рис. 9, 7). Третья, фаллическая, имеет на спине "складки короткой одежды", на груди — четырехугольник ("амулет"). Три следующие статуэтки одеты, но с "выступающими шипами". Еще у двух руки "отброшены в разные стороны, ноги слегка подогнуты". С.В. Безсонов рассматривает их как персонажей оргиастической сцены, указывает их "роли" в ней и осмысливает появление данных фигур как результат "непосредственного влияния хеттов на аборигенов Закавказья"¹²⁷. К сожалению, почти все эти статуэтки, кроме двух с подогнутыми ногами (рис. 2, 12), очень близки тем, которые могут быть подделками (С.В. Безсонов раскопки не производил).

Изделия из глины, обнаруженные в Кафана и Кармир-Блуре (кладовая 25), представляющие высоких бородатых мужчин (рис. 15,1)¹²⁸, позволяют более полно судить о разнообразии мелкой антропоморфной пластики, найденной в Армении. Следует отметить также находку из Нор Баязета. Это бронзовая булавка с изображением человеческой головы. Уникальная вещь, но целая серия каменных голов из Двина, Ошакана, Цовагюха, Нор Ареша и других пунктов, лица которых переданы с разной степенью реалистичности¹²⁹, позволяет и этот предмет не считать случайным или пришлым.

Сложные композиции представляют статуэтки колесниц. Две из них — это конное преследование оленя: два воина в пароконных двуколках стараются настигнуть мчащихся зверей. Еще одна статуэтка с подобной колесницей, как и предыдущие найденная в Лчашене, осложнена четырьмя птицами, сидящими на дышле. Позы коней более спокойны, фигура оленя отсутствует. Четвертая модель колесницы из Лориберда наиболее стилизована. Фигуры коней, двух возниц и оленя (козла) только лишь узнаются¹³⁰. Сложнокомпозиционные скульптурные группы, не известные на Северном Кавказе, представляют собой литые "культурные площадки" (модели реально существовавших площадок?) с множеством фигур. Они обнаружены в Нор Баязете, Мосесгехе. Эти изделия описаны С.А. Есаяном¹³¹.

Следует отметить, что всей упомянутой пластике сопутствуют обильные находки хронологически одновременных литых фигурок животных (быков, лошадей, оленей) и птиц, а также массивные каменные фаллы.

К северу от Кавказа, в пределах Поволжья (дер. Пустынково, бывш. Самарский уезд) в 1895 г. было найдено бронзовое навершие со сложной композицией: в центре ее стоит всадник, вооруженный мечом и луком в саадаке, справа — голая фаллическая фигура, слева, спиной к всаднику, еще одна обнаженная фигура, вероятно женская. По втулке навершия к коню поднимается собака (?). Этот предмет характерен для Кавказа, и предложенная для него дата VI—IX вв. н.э.¹³², очевидно, неверна.

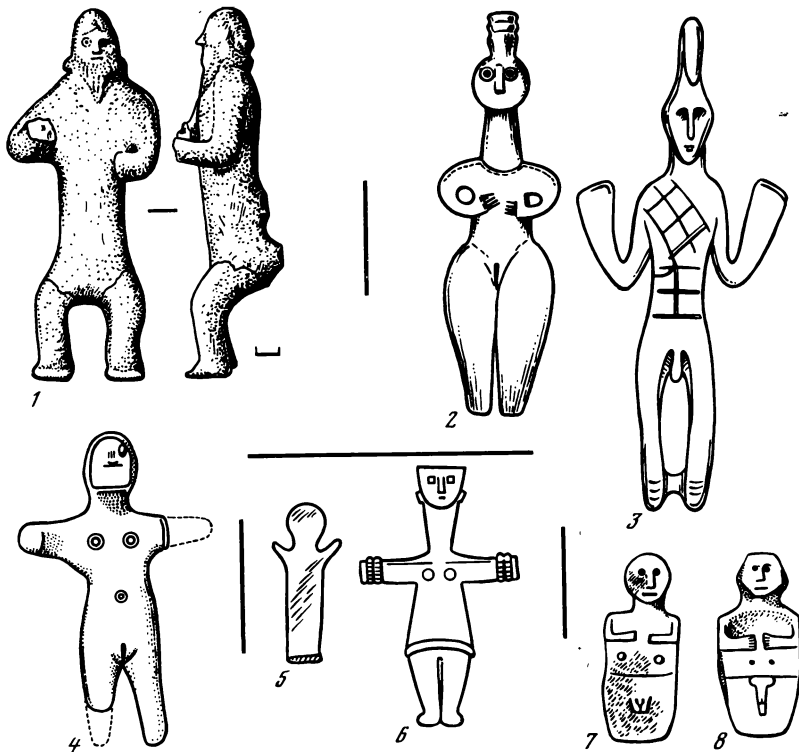

Рис. 15. Пластика

1 — с Кавказа; 2, 3 — из Ирана; 4, 5 — из Греции, 6 — с Кипра, 7, 8 — из Турции; 1 — Армения, Кармир-Блур, кладовая 28. Фигура из глины (по Б.Б. Пиотровскому); 2 — Амлах, XI—VIII вв. до н.э., глина (по Р. Гиршману); 3 — Хурвин, IX—VIII вв. до н.э., бронза (по Р. Гиршману); 4 — Олимпия, глина (по Л. Альшеру); 5 — о. Лесбос, глина (по Х.Т. Боссерту); 6 — Сускюн, глина (по И. Мельнику и Я. Филиппу); 7, 8 — Диярбек ир. Стелы из камня, высота 0,85 м (по Л. Вули)

В Западной Европе пластика интересующего нас стиля и сюжетов встречается не так уж часто. Однако она известна из целого ряда пунктов. Так, среди бронз древних иберов (Испания) встречаются обнаженные фигуры с приподнятыми руками. Они держат какие-то предметы. Такова женская нагая фигурка из Национального археологического музея в Мадриде (рис. 16, 1)¹³³. Близкие по стилю статуэтки в фертообразной позе и другие — с руками, вытянутыми вперед (известно женское изображение с птицей в правой руке), — происходят из святилища Деспеньяперрос (провинция Хаэн). Их ноги "окутывают цилиндрические юбки"¹³⁴. Именно этими юбками они напоминают грубые, столпообразные изваяния — кнаосы, что, очевидно, указывает на традиции, идущие от греческого искусства времен архаики (рис. 16, 2).

В Сардинии (местность Тети) найдена бронзовая статуэтка "шардана" — война, держащего в руках два щита. Эта вещь "варварского стиля", удивительно напоминающая фигуры воинов с территории Кавказа, также довольно миниатюрна. Высота ее 15 см (рис. 16,7)¹³⁵.

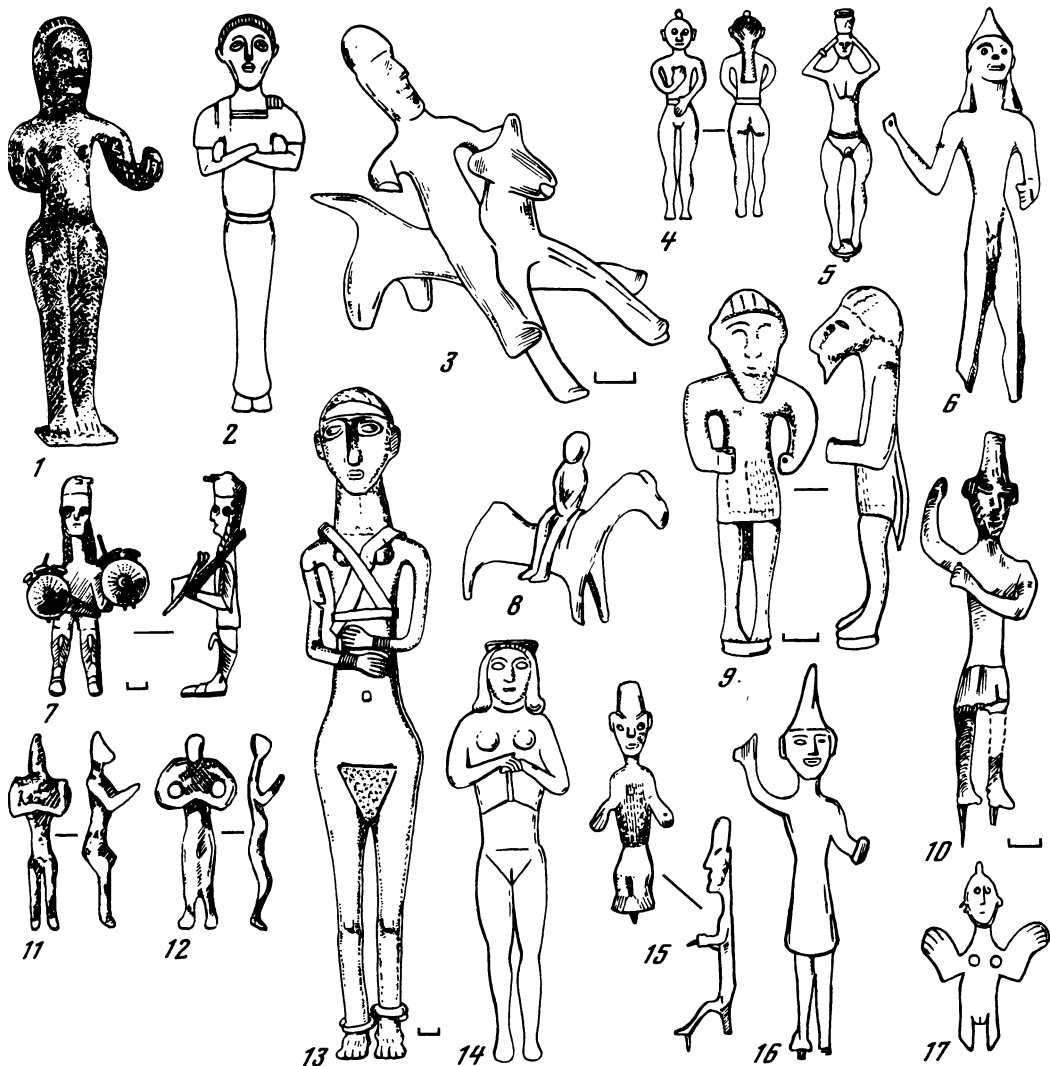

Рис. 16. Пластика

1, 2 — из Испании; 3—7 — из Италии; 8 — из Греции; 8, 11, 12, 14, 17 — из Ирана; 10 — из Литвы; 9, 13 — из Турции; 15 — из Иордании; 1 — Кордова (?). Национальный археологический музей в Мадриде (по Я. Филипу); 2 — святилище Деспеньяперрос, бронза (по А. Л. Монгайту); 3 — Виченца (по Х. Роту); 4, 5 — Новилар (по М. Гёрнесу); 6 — Афины, Акрополь (по Р. Хамману); 7 — "воин" из Тети, о. Сардиния (по М. Гёрнесу); 8 — Амлах; 9 — "хеттит" из Малой Азии (по А. М. Тальгеру); 10 — "мемельская фигурка", Клайпеда (по М. Эберту); 11, 12 — Тепе-Хиссар (III С) (по К. Шефферу и И. Алиеву); 13 — Хороз-Тепе (по Дж. Мелларту); 14 — из Ирана, откуда — ? (по Ф. Зарре); 15 — Хаюр (по И. Ядину); 16 — "сирофиникийский идол" (Лувр, по Г. Контену); 17 — Луристан (по П. Амье); 1—12, 14—17 — бронза; 13 — серебро с лентами и накладками из золота; 1, 2, 4, 5, 8, 11, 12, 14—17 — без масштаба

В Верхней Италии (Vicenza) обнаружены всадники с удлиненными головами и лицами (рис. 16,3). Эта бронза хранится в Гамбургском музее искусств и ремесел¹³⁶. Из могильников VIII—VI вв. до н.э. в Новиларе (близ Пезаро) и Вероне происходят обнаженные статуэтки с движением, близким S-видному. Некоторые из них опоясаны, а по спинам ниспадают косы (рис. 16, 4, 5)¹³⁷. Стилистически они близки кавказским.

Раскопки в Олимпии (Греция, 1937 г.) дали фигурку голого воина в остроконечном шлеме. Ладони рук у него продырявлены. В отверстия крепилось вооружение, вероятно копье и щит. Фигуре придано S-видное движение (рис. 7, б). Высота предмета 17 см. Эту вещь считают выполненной в "позднегеометрическом стиле". Некоторые изделия такого же типа хранятся в Лувре¹³⁸. Близкий по манере исполнения нагой воин найден на территории Афинского Акрополя (рис. 16, б). Датируется он VIII в. до н.э.¹³⁹. Несколько отличается от них довольно примитивная женская нагая фигура из Олимпии "геометрической эпохи" — X—VIII вв. до н.э. — с распростертыми руками (рис. 15,4, одна обломана)¹⁴⁰.

В "Herakleion Museum" (Крит, г. Ираклеон) хранится женская статуэтка в позе адорации (обломок ?) и обнаженная "амазонка", сидящая на левом боку коня. Обе сделаны из глины¹⁴¹ и очень напоминают дагестанские находки. Две обнаженные мужские фигуры VI в. до н.э., по своим позам близкие фертообразным (руки у них почти касаются корпуса), происходят с острова Самоса (высота их 19 см). Левая нога у одной статуэтки слегка выдвинута вперед, что характерно для древних скульптурных произведений¹⁴². Из Родоса известны статуэтки в позе адорации и в виде "креста" — с распростертыми руками. У них только намечена грудь, такую манеру исполнения немецкие ученые называют "стилем торса" (Rumpfstils). Эти предметы датируются XI—VIII вв. до н.э.¹⁴³. Близкая скульптура известна из Крита и Лемноса¹⁴⁴.

Таким образом, в основных районах Средиземноморья встречаются произведения пластики почти такого же облика, какие известны для Кавказа. "Геометрический стиль" и "иберийский стиль", под которые подведены некоторые из них, ничего не меняют: черты скованности, каноничность поз — вот то основное, что сближает их, и лишь отдельные детали в трактовке лиц, в аксессуарах одежды являются данью местным особенностям и художественным приемам. Эти же черты характерны и для пластики центральноевропейских стран. Так, знаменитая культовая повозка из Штреттвега (Австрия), датируемая VI в. до н.э.¹⁴⁵, заполненная множеством фигурок воинов, в деталях близка интересующей нас скульптуре. Даже центральная женская фигура, поддерживающая чашу, перепоясана, и если убрать сосуд, то это будет адорирующая женская скульптура кавказского типа. Многие из обнаженных воинов изображены в S-видном движении, нагие женщины близки уже описанным фигуркам, и даже воины-всадники напоминают изображения пеших воинов кавказской пластики.

Таким образом, и в гальштатском искусстве можно видеть знакомые черты, тщательно зафиксированные у скульптуры, найденной на Кавказе. Если обратиться от рассматриваемых серий к памятникам так называемого "раннелатенского стиля", возникшего в результате проникновения кельтских племен в среду средиземноморских и более северных стран, то и здесь можно найти нечто роднящее их с описанными образцами. Может быть, лишь бо́льшая грациозность в изображении женских тел, выразительность и разнообразие поз, самоуглубленность портретных образов делают произведения этого стиля более самобытными,

удаляющимися от некогда довольно единых — канонических образцов ("танцовщица" из Нёви-ан-Сюллиа, "герой" из Бурэ и др.)¹⁴⁶.

В поисках дальнейших аналогий обратим внимание на переднеазиатскую скульптуру. Еще А.М. Тальгрэн публиковал бронзовую фигуру бородатого мужчины с вынесенными вперед и сжатыми в кулак руками (рис. 16, 9). Происходит она из Малой Азии. На человеке короткополая одежда с фалдами ("фрак")¹⁴⁷. Возможно, руки скульптуры держали какие-то предметы. Эту вещь приписывают хеттам (хеттитам), датируя еще по меньшей мере последними веками II тысячелетия до н.э.¹⁴⁸

Еще одна мужская фигура с S-видным движением рук явно малоазиатского (хеттского) происхождения была найдена в Клайпеде. Как пишет М. Эберт, это — изображение воина "в коротком костюме и остроконечном головном уборе. Левая рука сжата в кулак, а правой он мечет (теперь утерянное) копьё" (рис. 16, 10). Данный предмет, датируемый около 1300 г. до н.э., является, по М. Эберту, "показателем оживленных торговых связей (через Кавказ) между Прибалтикой и Черноморским бассейном"¹⁴⁹. Может быть, это и так, однако, помещая эту вещь среди азиатских находок, я хотел бы только подчеркнуть ее случайность для Балтики. Следует отметить характерную деталь — описанная статуэтка имеет стержни, отходящие от ступней (для крепления к чему-то). Такие стержни, чаще соединенные вместе в единый и даже снабженный отверстием, характерны и для пластики Кавказа. Из Богазкёя (Центральная Анатолия, Турция) известна статуэтка с подобным оформлением подошв ног¹⁵⁰. Фертообразная женская фигура из Хорозтепе (Horoztepe близ Анкары) обнажена. Сделана из серебра и инкрустирована золотом. Руки с едва намеченными многовитковыми браслетами сложены на животе, грудь X-образно пересечена золотой лентой. Лобок и браслеты на ногах опять-таки отчеканены из золота. Это вещь высотой в 24,4 см, датируется около 2000 г. до н.э. (рис. 16, 13)¹⁵¹. С территории Ирана происходит несколько интересных фигур. Так, раскопки в верхних слоях поселения Тепе-Хиссар, расположенного у Дамгана (Hissar III), дали целую коллекцию антропоморфных металлических статуэток (рис. 16, 11, 12). Это нагие мужские и женские фертообразные фигуры, воины, статуэтка пахаря и др.¹⁵² Более поздней можно считать другую группу находок. Из Nurvin известна бронзовая мужская фигура в позе адорации. На голове человека — рогатый головной убор, приостренный конец которого обращен вперед. Он перепоясан, перевязь проходит и через грудь. Ноги с помощью перемычки соединены вместе (рис. 15, 3). Предмет датируется IX—VIII вв. до н.э. Две глиняные женские "фертообразные" фигурки с утрированными формами были найдены в Atlach (рис. 15, 2)¹⁵³. Из этого же пункта известна фигура воина с кинжалом на правом боку. Он обнажен, с подчеркнутыми признаками пола, но стеатопигичен и с выделенными сосками. Поза фертообразная (высота 9,2 см, рис. 12, 20). Там же найдены изображения всадника на коне и всадницы (она сидит на правом боку лошади, рис. 16, 8). Высота первой фигуры 6 см, второй — 7 см. Коня всадницы ведет обнаженный мальчик¹⁵⁴. Датируются они тем же временем. Интересны предметы из Луристана (Западный Иран). Это женские обнаженные статуэтки в позе адорации. Одна из них с огромными ластообразными ладонями (рис. 16, 17). На мужской фигуре можно видеть двурогий головной убор (прическа?). Найдены эти предметы в Rigvand¹⁵⁵. К VIII—VII вв. до н.э. относят бронзовое зеркало, на тыльной стороне которого между двумя козлами изображена роженица: голова младенца свисает вниз, руками

она придерживает груди.¹⁵⁶ Эта вещь хотя и не является скульптурой, но по стилю близка бронзовой фигуре, происходящей из Дагестана.

В ахеменидское время (VI—IV вв. до н.э.) в Иране продолжали изображать "богинь", близких описанным, но более грациозных (рис. 16, 14). Они обнажены. руки у них лежат на животе или возле груди¹⁵⁷.

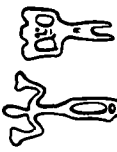

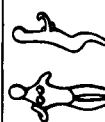
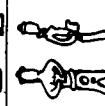
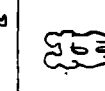
Из Бейрута (Ливан) происходят две фигурки S-видной позы (одна явно мужская) с высоким роговидным головным убором. Правая "ладонь" одной с отверстием (рис. 7, 4, 5). Возможно, в него вставлялось какое-либо оружие¹⁵⁸. Такая же статуэтка "сиро-финикийского" стиля (рис. 16, 16) хранится в Лувре¹⁵⁹. Из Гевала (Библа) — (Obelisk-Tempel) — известны "шагающие" фигуры, в том числе и матери с прижавшимся к груди младенцем. Датируются они не позже XV в. до н.э.¹⁶⁰ Из окрестностей Библа происходят и мужские статуэтки с приостренными "упорами" на ногах. Такие же упоры можно видеть и на статуэтках с S-видным движением из Minet-el-Beda и Misrife (дата такая же). Высота их 17,9 и 16,5 см. Из Гезера известны спокойно стоящие нагие женские фигуры (с прижатыми к телу руками) в высоких головных уборах. В Угарите обнаружены две фигурки (мужская и женская) — своеобразные наверхшия, отлитые из серебра, но с гривнами и передниками из золота. "Библейскому региону" принадлежит и композиция из четырёх нагих богинь, стоящих на общем основании, с руками у груди. Две имеют перевязи¹⁶¹. Стилистически они близки предметам из Библа. Мужская сидящая статуэтка из Назог (Хацор, библейский Асор, у истоков Иордана) в правой руке имеет отверстие. Эта фигура статична и близка "присевшим" с территории Кавказа. Данную вещь датируют "бронзой III" — XII—XII вв. до н.э.¹⁶² Все эти находки имеют для изучаемой темы первостепенное значение.

Итак, рассмотрен хотя и фрагментарный, но выразительный материал, которым охвачена обширная территория — все северное побережье Средиземноморья и значительная часть Передней Азии (рис. 17). Этот ареал включает огромные очаги на Кавказе, а также территорию (под некоторым вопросом) современных Болгарии, Югославии и Венгрии¹⁶³. Некогда, описывая древнюю пластику, А.А. Захаров думал, что она порождена "этническим родством народов Кавказа с народами Средиземноморья"¹⁶⁴. Это не так. Столь огромную территорию (исключая несомненно Прибалтику с единичной клайпедской находкой) могло занимать не единое по происхождению население, а общие культуры. Они охватывали грандиозное количество верующих. Совершенно прав Б.А. Рыбаков, когда намечает даже для таких эпох, как камень, широкие ареалы единых и близких верований¹⁶⁵. Отмеченный ареал с находками интересующей нас пластики, это, так сказать, горизонтальное ее распространение. Попробуем рассмотреть ее вертикальное положение во времени. Глубина его сможет показать продолжительность периода, когда такая пластика почиталась. Самые древние из описанных здесь вещей это фигурки из Тепе-Хиссар (Hissar IIIС). Слой, в котором они были найдены, можно датировать по старым данным самое малое 1800 г. до н.э.¹⁶⁶ Упомянувшиеся выше статуэтки из Угарита и "Библейского региона" относятся к XIX—XVIII вв. до н.э.¹⁶⁷ Второй половиной II тысячелетия до н.э. датируют статуэтку "сиро-финикийского стиля" из Бейрута¹⁶⁸ и XV в. до н.э. — "шагающие фигурки" из Библа¹⁶⁹. Некоторые более поздние даты уже были указаны при описании самих предметов. Можно напомнить, что основная масса находок в Европе относится к X—VI вв. до н.э. Кавказские материалы дают не менее интересные хронологические данные. Так, святилище Мелигеле I (Грузия) датируется второй по-

ловиной II тысячелетия до н.э. Его юго-западная часть была несколько потревожена вторым, более поздним святилищем Мелигеле II, датируемым уже первой половиной I тысячелетия до н.э. Как пишет К.Н. Пицхелаури, "сам факт создания Мелигеле II почти на том же месте, где ранее существовало Мелигеле I, свидетельствует о том, что люди, создавшие второе святилище, помнили о местонахождении первого. Следовательно, мы имеем здесь дело с продолжением старых местных традиций духовной культуры", которые были живы "в течение восьми столетий (XV—VII вв. до н.э.)"¹⁷⁰. О.М. Давудов относит хосрехское святилище к VIII—первой половине VII в. до н.э.¹⁷¹ Материал из святилища Согратль А.П. Круглов датировал V в. до н.э.¹⁷² Об этом же времени писал И.В. Мерелидзе¹⁷³. Оба последних автора ссылаются при этом как на аналогии на предметы из Казбекского клада. Сейчас его датируют VI—V вв. до н.э.¹⁷⁴

Итак, статуэтки датируют по всему региону от II тысячелетия до н.э. до V в. до н.э. Казалось бы, здесь что-то не так: или неверны предложенные датировки, или нами собраны несопоставимые предметы, которые нельзя помещать под одну "крышу". Однако все так, только здесь все сильно огрублено и схематизировано. Верования, в которых немалую роль играла культовая пластика, бытовали в течение столетий. Они, как и современные большие религии (христианство, мусульманство, буддизм), подчинялись своеобразным канонам. Это придавало им стойкость и гарантировало слабую изменчивость как во времени, так и по всему занятому ими пространству. Изучаемая пластика, за которой стоят определенные ритуалы, в зависимости от территории, несомненно, различалась. В статуэтках Средиземноморья заметны черты протогеометрического стиля, слабая расчлененность. Здесь скульптура, несмотря на свою миниатюрность, близка к ооанам. На территории Передней Азии такая пластика сохраняет влияние почти лишенных жизни рельефов или, наоборот, вычурность луристанских бронз, сопоставляемых специалистами с металлом Ура¹⁷⁵. Несмотря на некоторую стилистическую разнохарактерность, они едины в основных своих чертах, в самом характере поз, развороте тел, лишь детали являются тем показателем, который отличает пластику далеких друг от друга областей. Если модернизировать древние культы, то это, так сказать, "сектовые отличия", результаты разных толкований единых канонов. Вневременная застылость культовой скульптуры лишней раз подчеркивает, что так называемое язычество не было аморфным, а имело свои строгие с локальными особенностями законы и предписания. Древняя пластика сродни иконописи, которая строго подчинялась сюжету, но внутри него художник волен был творить в меру своих способностей, что и породило школы, манеры и особенности, характерные для разных эпох.

Культовая пластика возникала постепенно. Предтечей ее являются еще более древние скульптурные миниатюры, выполненные прежде всего в глине и камне. В Тепе-Хиссаре (Hissar III c) наряду с бронзовыми фигурками, напоминающими кавказские, были найдены совершенно архаические по виду алебастровые статуэтки и даже сосуды, близкие им по форме¹⁷⁶. Эти находки намечают линию преемственности между ними. Однако факты подобного сосуществования немногочисленны. Выделенные серии пластики связаны с предшествующими эпохами (неолит—энеолит — ранние ступени бронзы). Так, глиняные статуэтки в позе адорации, по-видимому, для глубокой древности не очень характерны, но известны с острова Лесбоса (ранняя бронза, рис. 15, 5), а найденные в Элевсине адорирующие женские фигурки посажены в кресла или в виде амазонок "разъезжают" на

Св. Кавказ (образцы)	Северный Кавказ (места названий)	Грузия	Азербайджан	Армения	Поволжье	Западная Европа	Передняя Азия
1 	Кавказа; Ассало; Инсо; Кидери; Ратло; „Дидо“, Чаляжо (Ниди-пашан); Хурдо, Кавдо, Камунта		Баку-Шемаха, Мингечаур			Родос; Крит (Гракмлеон)	Хурфин; Туркистан
2 	Гидатли; Кумбулта	Мелани, клад „Меле-Геле“ I	Мелани-сакли; Мбрагим-гаджили	Кадан; Сарынамыш		Олимпия; Родос	
а 	Кубачи; Гидатли; Анди; Лован		Мбрагим-гаджили	Арданик (Габделли-?); Кадан; Кадмир-Блур		Нове-пар	Мишрмаре; Биди; Бейрут
б 	Арчо; Зубий-галли; „Дидо“; Химой	Мелани, клад				Олимпия; Афины	Малая Азия; Хацор; Бейрут
в 	Севратль; Анди; Гидатли; Карата; Шатой; Шарой; Химой и др.	Вачи; Персати Грельский мог. денары; „Меле-Геле“ I		Навур; Астгаблур; Айрум; Параванар		Деспеньялер-Рос	Гезер; Уварит
з 	Анди; Кубачи; Тинди; Севратль; Цунтиниса; Кавбеге, клад Р-н.	Мелани, клад Кавбеге, клад		Айрум; Астгаблур		Мадрид	
д 	Хорез; Шали; Сербаньт - Юрт			Сарынамыш			„Библейский регион“

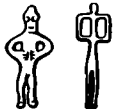

4		<i>Асаго; Киберо; Мнго; Ретло; „Дидо“; Аргунское ущелье; Кобан</i>	<i>Енисеили</i>	<i>Баку- Шемаха</i>	<i>Кармир-Блур</i>		<i>Амлаз; Анкара (Хорез-Теле); Теле-Хиссар</i>	
5	<i>Воины</i>	<i>Ретло (Кидилашан); Химой; Ичкерия; Аргунское ущелье</i>	<i>Мелани,клад</i>		<i>Паравакар; Айрум; Норамен</i>	<i>Олимпия; Сардиния (Тети)</i>	<i>Малая Азия; Луристан; Теле-Хиссар; Возазкй</i>	
6	<i>Роженцы</i>	<i>Карата</i>					<i>Луристан</i>	
7		<i>Ратлуб; Кобан</i>	<i>Уреки; Бомборы</i>				<i>библ</i>	
8		<i>Кубачи; „Дидо“; Сямашки; Чми; Кобан</i>	<i>Трельский мозг; Казбегз, клад; Цагер; Бомбо- ры; Абгарджук</i>			<i>Крит (Ираклеон); Виченца; Сардиния</i>	<i>Луристан (Амлаз)</i>	
9	 с.Нар	<i>Нар</i>	 Тли	<i>Моллаисакли</i>	<i>Куртан (тсалай); Нар Баязед (булавка)</i>			
				<i>Не учтены</i>				
10	<i>Сложные композиции</i>	—	<i>Цителницара; Бомборы; Рустаби</i>		<i>Лчамен; Лориберд; Нар Баязед; Масегсез; Кайцунберд</i>	<i>Пустынка- до</i>	<i>Штреттвез (Австрия)</i>	<i>Теле-Хиссар</i>

Рис. 17. Встречаемость статуэток отдельных серий по Закавказью, в Европе и Передней Азии

конях (позднеэладский период)¹⁷⁷. "Крестообразная" поза статуэток наиболее характерна для древности. Таковы, к примеру, мужские и женские глиняные фигурки из Кипра (рис. 15,6), Болгарии¹⁷⁸ или из иранского Туранг-тепе (близ Горгана)¹⁷⁹. Дата — III тысячелетие до н.э. Ареал пластики в подобной позе для Передней и Средней Азии хорошо изучен В.М. Массоном и В.И. Сарияниди¹⁸⁰. К эпохе поздней бронзы и железа "крестообразность", очевидно, теряет свою ритуальную необходимость и встречается редко. Положение рук у груди не менее характерно для ранней скульптуры, как и "фертообразные" позы (Спарта в Греции, Неа Никомедия в Македонии — ранний неолит; Габан в Италии — неолит; Алишар — энеолит; Стара-Загора — поздний энеолит; Эриду — ранняя бронза и т.д.). Известны среди ранней пластики изображения рожениц (Чатал-Уйюк)¹⁸¹. Если сравнивать манеру исполнения древних изделий с изучаемой пластикой, можно заметить и некоторые общие приемы в передаче частей лица, постановке и абрисе головы, пропорций тела. Так, форма глаз в виде удлиненных валиков, покатость убегающего назад лба, характерная для бронзовых статуэток из Дагестана (Арчо, Согратль и др.), близка более древней костяной скульптуре, найденной опять же где-то в Дагестане¹⁸² (КМД, инв. N 3871). Подобные преемственные черты можно подметить и в пластике Закавказья.

Отталкиваясь от древней пластики, культовая скульптура к VII—V вв. до н.э. на территории Кавказа получает полнейшее развитие. Вполне возможно, что затем, несколько позже, трансформируются верования, меняется их ареал за счет возникновения более мелких, локальных культов, и по-новому переосмысленных. Однако еще в VI—IX вв. н.э. пластика, особенно зооморфная, находила довольно широкое употребление в быту дагестанских горцев¹⁸³. В средние века человеческие фигуры, напоминающие древнюю скульптуру, но стилизованные, употреблялись в вышивках¹⁸⁴. На одном из кубачинских литых котлов можно видеть декор — адорирующую человеческую нагую фигуру (коллекция МАЭ), даже в правоверном мире мусульманства до сих пор встречаются украшения — апотропеи — в виде голы мужской фигуры в позе "ферта"¹⁸⁵.

Для интерпретации культов, связанных с интересующей нас пластикой, естественно искать письменные источники, более или менее близкие времени ее изготовления. Но на Кавказе их нет. Поиски за его пределами оказались более перспективными. Одним из основных стала Библия (книги Ветхого завета в первую очередь). Почему же именно она? Во-первых, этот источник в основных своих частях относится как раз к интересующему нас времени¹⁸⁶, так как составляющие ее основные книги были созданы в IX—VIII вв. до н.э. (Пятикнижие), редакция которых Ездрой осуществлена в V в. до н.э. В это время и несколько позже возникли книги пророков (Амоса, Исайи, Иереми и др.)¹⁸⁷.

Во-вторых, именно в книгах Библии, созданных во имя и от имени единого "сущего бога" — Яхве (элогим Jhwh), сохранились детали тех языческих культов, с которыми с полной беспощадностью расправлялись верующие иудеи. Конечно же, не следует уподобляться археологу Г. Глюку, который в своих блужданиях по древностям соответствующего времени всегда "использовал Библию как путеводитель и полностью верил ее рассказам и даже намекам"¹⁸⁸. Подобное совершенно некритическое следование рассказам Библии уже имело место в "изучении" истории Кавказа¹⁸⁹. Я далек от этого. Наоборот, общность культов зачастую шире какой-либо этнической группировки. Ф. Энгельс писал, что идеологические представления "обладают независимым развитием и под-

чиняются только своим собственным законам". Дальнейший их расцвет зависит от судеб народа, "соответственно выпавшим на его долю жизненным условиям"¹⁹⁰. Речь пойдет не о библейских верованиях, вылившихся в монотеизм, который, по Ф. Энгельсу, "исторически был последним продуктом греческой вульгарной философии более поздней эпохи и нашел свое готовое воплощение в иудейском исключительно национальном боге Ягве"¹⁹¹, а о добиблейских предстательствах, попираемых и уничтожаемых Библией (в книге "Исход" сказано: "Приносящий жертву богам, кроме одного Господа, да будет истреблен") (75, 20, 20)¹⁹².

В религиозной, в частности христианской, литературе часто употребляются слова "идол", "идолопоклонство" и проч. (от греч. — "истукан", "изображение"). Однако богословы менее всего эти термины связывали с мелкой пластикой. В двухтомном глоссарии XVII в., составленном Иозифом Лангом, в толковании слова "Idololatria" идолами названы такие "нечистые силы", как Адонис, Ваал (Баал), Молох и др.¹⁹³ В "Священной географии" Ж.-Р. Жоли (1784 г.) детально с иллюстрациями описаны способы убоя животных и жертвы (Oblation), приносимые идолопоклонниками. Здесь же можно найти даже внешний вид "драконов", "аспидов и василисков", но идолы как "памятники священной истории" упомянуты лишь суммарно¹⁹⁴. Научным изданием Библии в России для своего времени — 1797 г., можно считать ее выпуск, начатый еще по распоряжению Петра I. К книге приложены предисловие, синопсис и терминологический словарь. В нем большое место уделено "нечистым животным", идолам и истуканам с развернутыми пояснениями каждого слова, однако, в каких местах Ветхого завета они упоминаются, не сказано¹⁹⁴. И.Г. Троицкий в томе "Библейская археология" обошел молчанием все то, что связано с язычеством, им сделано описание лишь тех жертв, которые угодны "богу" (принесены по его "завету"). Не комментируются материалы интересующей нас темы и в других близких изданиях¹⁹⁶.

Как видно, долгие годы не считалось важным для библеистов разобраться во всех деталях, связанных с язычеством. Оно казалось им аморфным. Только в самое последнее время в связи с успехами научной археологии библеисты стали несколько дифференцировать интересующий нас материал. Антропоморфные "идолы" (teraphim) оказались весьма разнообразными. В Библии упоминаются изваяния, связанные с египетским, халдейским, ассирийским и другими пантеонами. Им противопоставлен живой, трепещущий, грозный и сильный Яхве (Йогова). Несомненно, в древние местные языческие культы вплетались верования соседей с их домашними "ваалами" — божками, в том числе "воюющие боги" — изображения "шагающие вперед и потрясающие оружием". Имелись особые женские идолы. Однако борьба за чистоту вероучения (во имя Яхве) способствовала уничтожению произведений древней пластики, хотя культы, связанные с ними, были живы в Палестине еще в первые века христианства¹⁹⁷.

Этот экскурс показывает, что при изучении библейских текстов как источников нужно тщательно дифференцировать материал, исходя из тех данных, которые характерны для древней мелкой пластики. Однако всякое сомнение в возможности использования Библии для наших целей исчезает, если раскрыть первые же ее страницы. В книге "Бытие" имеется рассказ о том, как Рахиль прячет от Лавана языческих идолов: "Она взяла идолов и положила их под верблюжье седло и села на них" (33, 31, 34). Как видим, размеры упомянутой

здесь пластики были невелики и совпадают с описанными оригиналами. Попробуем теперь выделить в привлекаемом источнике указания о материалах, из которых делали культовые статуэтки, определить ритуальные особенности, связанные с поклонением им, в том числе и расположение древних святилищ.

В книге "Левит" имеется призыв: "...богов литых не делайте себе" (115, 19,4), а несколько далее: "и камней с изображениями не кладите в земле вашей, чтобы кланяться перед ними" (123, 26,1). Вероятно, здесь идет речь о крупных изваяниях типа тех (мужского и женского) которые были найдены в Diyarbakir у Алалаха близ Алеппо в слое V (XVI—XV вв. до н.э.). Они достигают в высоту 0,85 м (рис. 15, 7, 8)¹⁹⁸. Эта выписка ясно указывает, что культовые действия были связаны также и с землей.

В Библии имеются указания, что "боги" делались "руками человеческими" не только из камня, но и из дерева ("Второзаконие" — 173, 4, 28; 197, 28, 36; Ис. — 713,44,17), меди, железа, серебра и золота (Дан. — 851,5,4). Эти "кумиры" представляли собой "мужчину или женщину, изображения какого-либо скота, который на земле, изображения какой-либо птицы крылатой, которая летает под небесами, изображения какого-либо (гада), ползающего по земле, изображения какой-либо рыбы, которая в водах ниже земли" (Втор. — 172,4, 16—18). И еще раз повторено почти то же самое: "...не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в водах ниже земли, не поклоняйся им и не служи им" (Там же, 174,5,8). Таков набор "идолов". Интересно, что в Чечено-Ингушетии, в с. Ведено был найден бронзовый топорик (?) в виде рыбы с открытым ртом и выпученными глазами¹⁹⁹. Он, очевидно, также использовался наряду с изучаемой пластикой для ритуальных действий.

Где же находились интересующие нас культовые места, которые во имя Яхве беспощадно уничтожались? В Библии сказано: "...все высоты их истребите" (Чис. — 165, 34, 52). И еще: "...истребите все места, где... служили богам своим, на высоких горах и на холмах, и под всяким ветвистым деревом; и разруште жертвенники их..." (Втор. — 181, 12, 2, 3). Об этом же говорится в "Книгах Царства" (3 Цар. — 336, 14, 23; 4 Цар. — 365, 16, 3) и в "Книге пророка Иезекииля" (799, 6, 13). В одной из библейских книг подчеркивается искусственный характер некоторых культовых высот (3 Цар. — 336, 14, 23). Итак, здесь упомянуты не только жертвенники, хорошо уже известные в пределах Кавказа, но и деревья, о которых еще сказано, что это были "посвященные деревья" (2 Пар. — 416, 14, 3). Возможно, в период поклонения культовой скульптуре и появились первые священные рощи и стали почитаться отдельные виды древесно-кустарниковой растительности²⁰⁰.

В "книгах" многих пророков имеются намеки на оргиастические действия и "любодейные дары", жертвоприношения, в том числе и человеческие (Ис. — 722,57,5; 727,64,3; Иез. — 817,23,37; Мих. — 882,1,7). Перед лицом своих "мерзостей" (идолов) язычники "освящали и очищали себя" (Ис. — 729,66,17). Толкователи "Книги Хаваккука", найденной в Кумране (начало VII в. до н.э.), считают, что от имени идолов выступали даже прорицатели²⁰¹.

В "Псалтыре" (датируется от X—V вв. до н.э. и до II в. н.э.)²⁰² резюмируется никчемность верований язычников. Они "надеялись на помощь своих изваяний", забывая, что "есть у них уста, но не говорят", "есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их" (590, 134, 15, 16). В

противовес положению: "все боги язычников — идолы" с пафосом восклицается: "а Господь — небеса сотворил!"²⁰³, безоговорочно веря в живую силу, могущество, справедливость и мудрость Яхве²⁰⁴. И как итог борьбы с идолопоклонниками звучат молитвословия, выражающие неприязнь к язычеству²⁰⁵.

Противопоставление "низменного" (языческого) насаждаемому во имя Яхве (Йоговы) "высшему" (иудаизму) вполне объяснимо сменой первобытнообщинной формации рабовладельческой. Это была не только борьба в сфере идеологических представлений, но и реальная, физическая борьба против новых зарождающихся порядков, когда "неимущих" можно было купить "за серебро и бедного за пару обуви" (Амос, 878, 8, 6). Если язычество было порождено "как бессилие дикаря в борьбе с природой" и вылилось в веру "в богов, чертей, в чудеса", как писал В.И. Ленин^{206а}, то позже, в период возникновения "первоначального христианства", эти факторы веры были густо дополнены "благочестивым обманом и прямым шарлатанством", "когда первостепенную роль играли чудеса", как отмечал Ф. Энгельс, "экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала и прочная мистическая колдовская чепуха"^{206б}. Вот почему, пытаясь проникнуть в суть культов, связанных с почитанием статуэток, необходимо понять главную направленность подобных верований и их оттенки. И, конечно же, рассматривать такие культы только как охватывающие чувственный, чисто личный мир женщины, как это делает М.А. Муррей, было бы более чем упрощенно²⁰⁷. Все намного сложнее. Надежды, возлагаемые на чудесную помощь статуэток, охватывали все зримое, что "на поверхности земли" и что "в воде", не исключена и их направленность в "потусторонний мир". В основе их лежит главный культ — культ плодородия. Об этом свидетельствует обнаженность большинства фигур и утрированность половых частей. Вероятно, для древних жителей нагота статуй была вполне приличной и "если что неприлично в нагой статуе, так это самый фиговый лист, а не то, что под ним скрыто"²⁰⁸. Только с появлением христианства возникло ханжеское отношение к вопросам пола, бессмысленное деление женского тела на две части — созданную богом (верхнюю) и дьяволом (нижнюю), особые пояса целомудрия и проч.²⁰⁹ Очевидно, прав А. Форель, когда говорит, что человек склонен был эротике облекать в религиозные покровы: "так вторгается в сферу половой жизни, путем вторичного образования, противоестественное влияние мистики, представляющее не что иное, как кристаллизованный продукт человеческой фантазии, возведенный в догму"²¹⁰. Та "противоестественность", о которой здесь сказано, является ни чем иным, как превратным пониманием функций собственного организма, его влияния на внешний мир. Фаллические и ктеисические культы с соответствующими изображениями, возникнув в эпоху палеолита, к изучаемому времени (эпоха бронзы — начало железа) достигают высокого развития. Женская грудь и грудные железы животных становятся эмблемой питания и роста, пупок — олицетворением физической связи между поколениями²¹¹, а половые части, вполне очевидно, символом всеильного воспроизводства. Широко известны изображения фаллов на Кавказе и в Восточном Средиземноморье²¹², среди них есть и средневековые. Большое распространение получили культы фалла и ктеис в период античности. От этого времени сохранились сотни натуралистических статуэток и соответствующих символов²¹³. И в средние века подобными рельефами украшались даже храмовые здания, а мелкая пластика служила вотивными дарами²¹⁴. Такую популярность описываемых органов можно объяснить лишь той не очень

ясной для древнего и средневекового человека производительной способностью, которой они обладали.

Леонардо да Винчи приписывал половым органам "независимую волю", которая действует "сама по себе". Фалл — своеобразное "животное", имеющее "свою душу и свой разум"²¹⁵. Близкие высказывания имеются и у Андрея Везалия²¹⁶. Не стану вдаваться в подобные детали. Если эти известные ученые XV—XVI вв. наделяли органы деторождения чудодейственными свойствами — самостоятельным мышлением, волей и буйной силой, а папская инквизиция того же времени видела в них наиболее уязвимые места для дьявольских ухищрений²¹⁷, то можно представить, как же могли относиться к ним люди древности, далекие от рациональных взглядов. Можно не удивляться, что именно эти органы, отличающие лиц разных полов, и явились основным объектом изображения, как полные таинственности и сакрального смысла. Очевидно, и женская грудь могла вызывать подобное отношение, ведь в период кормления ребенка (а у некоторых народов он длителен — 3—4 года и более) мать самым "непонятным" образом была ограждена от новой беременности. Этот факт даже у некоторых современных народов вызывает мистическое чувство страха и уважения — грудь выступает при этом всецельной подательницей не только питания, но и самой жизни²¹⁸. Естественно, что у людей, у которых нарушены причинные связи между реальным и нереальным, живой и неживой природой, рождением и смертью, боязнь потерять имеющееся и стремлением получить больше благ, невольно возникают поиски способов "воздействовать на природу и на других людей по своей воле и в желаемом направлении". Они-то, эти способы, и привели к появлению магии: заклинаний, заговоров и, наконец, молитв²¹⁹.

Своеобразным ключом для понимания древних культов являются высказывания В.И. Ленина. Он говорил: "Страх создал богов"²²⁰. И еще: "Другая причина веры в бога: человек переносит на природу представление о своем целесообразном творчестве"²²¹. Таким творчеством в данном случае были действия, производимые над культовой пластикой с надеждой, что они приведут к ответному, еще большему действию, исходящему от природы, прежде всего к изобилию продуктов потребления. У многих народов мира распространены поверья, что все, связанное с деторождением, "магически влияет на размножение растений и животных"²²². В условиях суровых гор мечта о помощи, вызванной магическим путем, далеко не праздна. Может быть, поэтому и создавались святилища на высоких вершинах и среди лесов, осеняя поля, пастбища, поселки людей и их некрополи*. Здесь проводились огневые действия, виновные очищались от недостойных племени поступков, а молодежь приобщалась к его законам и обычаям. Здесь же поминали умерших, надеясь на их помощь и защиту. Вероятно, в молитвах упоминались все "три космические плоскости": поднебесье — "верхний мир", поверхность земли — "средний мир" и водная стихия — "нижний мир", известные по фольклорным данным²²³. Задабривая жертвами богов и духов и вкушая от этих жертв, молящиеся просили у них благополучия для соплеменников, плодородия земли и высокой рождаемости в первую очередь среди скота и промысло-

* До недавнего времени гора Кидилашан (Киделашан) в Дидо, известная по находкам статуэток, почиталась как священная. См.: *Магомедов Д.М.* Некоторые результаты историко-этнографического исследования Дидо (Цунта). — В кн.: *Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг.*: (тезисы докладов). Махачкала, 1973, с. 24.

вых зверей. Жизнь людей полностью зависела от окружающего мира, и людская рождаемость в таких молитвах порою отходила на второй план.

Моления, связанные с культовыми статуэтками, были обращены к небу. Н.Я. Марр приходил к выводу, что образ женщины был связан с "водой" и с "небесами"²²⁴. В грузинском фольклоре Солнце олицетворяло женское начало, а Луна — мужское²²⁵. Но главные магические силы пластики были обращены на Землю.

С.А. Есаян считает, что женские статуэтки изображали богиню плодородия и плодovitости Анаит, "которая в период возникновения ее культа была и богиней войны... покровительницей садоводства, зерновых культур и скотоводства"²²⁶, при этом свои выводы он основывает, опираясь на работу К.В. Мелик-Пашаяна²²⁷. Вполне возможно, что для Малой Азии и Армении VII—VI вв. до н.э. это мнение верно, но здесь идет речь о более широкой территории, к тому же мне кажется, что функции Анаит указанными авторами слишком расширены.

Говоря о культовой пластике, нельзя обойтись без предположений, что статуэтки во время молебствий использовались "божественными" (брачными) парами, тем более что подобные пары известны по мифам и преданиям²²⁸. Фигуры, сочетающие в себе даже отдельные признаки обоих полов ("гермафродиты"), наподобие анатолийской Агдистис²²⁹, могли при необходимости исполнять разные культовые "роли". Более определенно Б.Б. Пиотровский рассматривает бородатые статуэтки из Кармир-Блура. Они, по его мнению, являлись богами — хранителями здоровья²³⁰. Пластика в позе адорации, возможно, была, подобно доримским пенатам, связана с обожествлением предков. В домах к их помощи могли прибегать в любое время, а когда возникала особая необходимость, приносили в святилища. Интересно, что в доурартских слоях Кармир-Блура (до VIII в. до н.э.) были найдены грубые каменные женские (?) фигуры в позе адорации. Их позой, как считал А.А. Мартиросян, имитируются "дерево или ветки"²³¹. Такой синтез не исключен, тем более что общеизвестно почитание древесной растительности на Кавказе, как и символизация, связанная с опорным столбом в доме, капители которого рассматривались опять-таки как "дерево жизни".

Фертообразные статуэтки самой позой — ладони находятся на животе или у груди — указывают на многоплановость своих функций, связанных со здоровьем и продолжением рода. Женские фигуры этой серии могли способствовать деторождению и обилию грудного молока.

Трудно говорить о всадниках и всадницах. Горцы Кавказа издавна были на коне, но изображенные люди обладают утрированными половыми признаками, а женщины к тому же украшены великолепными косами. Может быть, это те же божества плодородия, но очень спешащие. Вероятно, прав М.И. Ростовцев и другие, когда усматривали в подобных всадниках (их коней М.И. Ростовцев называл "геральдическими") не только покровителей плодородия, но и владык лошадей — животного мира²³². Возможно, они являлись спутниками путешествующих, куда бы те ни отправлялись, даже в потусторонний мир. И, наконец, фигурки воинов. По С.А. Есаяну, они могли олицетворять "бога войны, грома и молнии" (типа Тешуба-Гейшебы)²³³. Если это так, то они, очевидно, были связаны с астральными культами, неся и карательные функции ("могу казнить, могу милловать"). Такого литья известно немного. Вероятно, хранились они у жрецов и уми-

лостивливались кровавыми жертвами. В разных районах Кавказа их могли называть по-разному (Бадри, Успи, Тушоли и др.).

Не менее сложной обрядностью были освящаемы статуэтки с пирамидами из голов животных, оснащенные цепями, кубками и другими предметами. М.Я. Чиковани, например, некоторые фигуры Казбекского клада, прикрепленные к цепям, считает иллюстрирующими сказание об Амирани — прикованном "Прометее"²³⁴. Конечно, пластика с подобными сюжетами и со сложными пространственными композициями (колесницы, площадки и проч.) требовала, вероятно, больших магических и театрализованных действий. Каждый такой предмет достоин монографической интерпретации. Так, фигурка, стоящая на рогах (из Казбекского клада), почему-то рассматривается в качестве покровителя металлургии²³⁵. Это — голословное утверждение.

Здесь удалось остановиться далеко не на всех образах. Ничего не было сказано о "винопице" из Бомбор. Возможно, эта статуэтка действительно изображает божественного покровителя виноделия. Не говорилось о "побратимах" из с. Шали. Название этой пары, данное в кавычках, вполне вероятно, отвечает действительности. Побратимство было широко развито на Кавказе, и даже примирившиеся кровники становились для окружающих братьями. Может быть, этот уникальный предмет является олицетворением покровителя таких союзов. Сюжет этот требует детального изучения. Не очень ясно смысловое значение статуэтки с двумя людьми из Хосреха, обнаруженной О.М. Давудовым. Возможно, здесь изображены близнецы, рождение которых могло казаться чудодейственным (для средневековья известны записи о таких фактах даже в хрониках). Судя по мифологическим сюжетам разных народов, однополые двойни могли являться своеобразными антагонистами-соперниками. Один из них мог быть "связан" со всем хорошим и полезным, другой — со всем плохим". Однако по другим мифам близнецы могли быть воплощением двух дружественных начал, которые сопутствовали жизни фратриальных организациям племени²³⁶. Для интерпретации фигурок из Хосреха хорошо бы привлечь памятники фольклора, тем более что в Дагестане близничные культы некогда имели довольно широкое распространение²³⁷.

Не очень понятны и "три грации" — навершие булавок из Сержень-Юрта. Не являются ли они божествами трех "миров" — поднебесного, земного и водного? Такие мотивы требуют детальнейшего изучения.

Культовые действия, как предполагает К.П. Пицхелаури, сопровождались массовыми ритуальными танцами²³⁸. В процессе молений, носивших эротический характер, символические действия могли переходить в реальные оргии. Пережитки их зафиксированы в кавказской этнографии²³⁹. После завершения молитвенных служб статуэтки могли храниться в специальных нишах у жертвенников. Может быть, на их обнаженные тела накидывали тогда одежду (можно вспомнить о поясах на их голых станах, выпуклостях у бедер). Эти детали напоминают особенности более древней трипольской пластики, которую, как доказано, облачали в платья. Отдельные исследователи считают, что некоторые реалистические статуэтки Триполья могли даже иметь портретное сходство с живыми людьми²⁴⁰. Этот далеко не бесспорный факт интересен и для изучения отдельных голов, известных среди кавказского литья и скульптуры из глины и наделенных остро индивидуальными характеристиками.

Те действия, которые производились со статуэтками, были обращены как

к чувствам страха и неуверенности, так и к естественному чувству радости, ибо любая религия не только подавляет, но и в нужный момент, играя на эмоциях человека, вселяет в него уверенность в свои силы, как бы ни были абсурдны верования и связанные с ними действия²⁴¹. Этого нельзя забывать, изучая культовый материал древности.

Итак, культы, связанные с бронзовой пластикой, были весьма сложными. Они охватывали территорию, далеко уходящую за пределы Кавказа. Это были не только племенные "боги", но и более широкого региона. Их отливали преимущественно из бронзы, но делали также из глины и камня. Многие из них увидели свет не только из рук настоящих художников, но и людей, лишь более или менее способных к мастерству. Совершавшиеся культовые действия имели место по высоким горам, на искусственных холмах и в рощах. Они сопровождались огненным ритуалом, жертвоприношениями и манипуляциями эротического характера. Эти культы прежде всего были связаны с пожеланиями плодородия всему существу (полям, скоту, зверям) и успешного деторождения. Моления, обращенные к земным покровителям как универсальным оберегам и карающим силам, сочетались с молениями, предпосланными небесным божествам.

Детальное изучение культовой пластики эпохи поздней бронзы и раннего железа немислимо без тщательного осмысления пережиточных идеологических представлений, которыми уже занимались Г.Ф. Чурсин, В.В. Бардавелидзе, М.О. Косвен, Е.М. Шиллинг, Л.И. Лавров и многие другие ученые-этнографы. Только сочетание этнографических данных с разработками археологов позволит реконструировать в полной мере былые верования и культовые действия и тем самым "оживить" древнюю пластику, которая молчаливо украшает многие музеи мира. Тут могут помочь и письменные, еще не использованные источники (грузинские и армянские хроники, Коран и проч.), и богатейшие фольклорные материалы.

¹ *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки Аргунского округа. — ССКГ. Тифлис, 1868, вып. 1, с. 49—52.

² *Головинский П.И.* Заметки о Чечне и чеченцах. — ССТО. Владикавказ, 1878, вып. 1, с. 251.

³ *Аргутинский-Долгоруков Н.В.* Годовой отчет исправляющего должность секретаря Общества любителей кавказской археологии с 9 декабря 1873 г. по 1 января 1875 г. — Записки ОЛКА, Тифлис, 1875, кн. 1, с. 184.

⁴ *А.К. (Комаров А.В.).* Древние могилы в Дагестане. — Известия КО РГО, Тифлис, 1872, т. 1, вып. 4, с. 114; Он же. Пещеры и древние могилы в Дагестане. — V AC: Труды предварительных комитетов. М., 1882, с. 436, 437.

⁵ *Комаров А.В.* Краткий обзор археологических находок в Кавказском крае за 1882 г. — Известия КОИА, Тифлис, 1882, т. 1, вып. 1, с. 41, рис. Н.И. Цилюсани.

⁶ *Филимонов Г.Д.* О доисторической культуре в Осетии. — В кн.: Протоколы заседания Комитета по устройству антропологиче-

ской выставки Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1978, N 20, с. 41.

⁷ *Tallgren A.M.* Caucasian monuments: The Kazbek Treasure. — ESA, Helsinki, 1930, vol. V, p. 109—182; *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. М., 1963, с. 41—44; *Цитланидзе Л.Г.* К некоторым вопросам Казбекского клада. — МАГК, Тбилиси, 1963, т. III, с. 39—59.

⁸ *Уваров А.С.* К какому заключению о бронзовом периоде приводят сведения о находках бронзовых предметов на Кавказе. — В кн.: Труды V AC в Тифлисе 1881 г. М., 1887, с. 2—9, табл. 8—10.

⁹ *Bayern F.* Bemerkungen und Ansichten über den Kaukasus und seine vorhistorischen Verhältnisse, seine Völker und deren Industrie. — ZE, Berlin, 1882, Bd. XIV (Verhandlungen), S. 327, 328.

¹⁰ *Mourier J.* L'Archéologie au Caucase. Paris, 1887, p. 28—31.

¹¹ *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 214.

¹² *Анучин Д.Н.* Отчет о поездке в Дагестан

летом 1882 года. — Известия РГО, СПб., 1884, т. XX, вып. 4, с. 444, 445.

¹³ *Bapst G. Souvenirs de deux mission au Caucase: Fouilles sur la grande chaine. — Revue Archeologique. Paris, 1885, III serie, vol. V, p. 38—41, t. III—V.*

¹⁴ *Bapst G. Souvenirs..., p. 38—40.*

¹⁵ Укрепление Хунзах. — Кавказ, 1883, 24 августа, N 187.

¹⁶ С.Р. Из Тифлиса. — Московские ведомости, 1886, 10 мая, N 129.

¹⁷ Письмо Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе от 15 декабря 1886 г., N 35. — Архив ЛОИА, д. АК, N 6, 1886, л. 38, 39.

¹⁸ Семенов Н.С. Загадочные могилы. — Кавказ, 1887, 8 дек. N 325.

¹⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 68, 1887, л. 123 (литографированный рис. Штробиндера).

²⁰ Смирнов Я.И. Отчет о поездке по Крыму и Кавказу летом 1889 г. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 44, 1889, л. 67, об.

²¹ Каталог выставки VIII АС в Москве. М., 1890, с. 27, N 461.

²² *De Morgan J. Mission scientifique au Caucase (Etudes archéologiques-historiques). Paris, 1889, t. I, p. 179—181, fig. 204, 207.*

²³ Пантюхов И.И. О пещерах и позднейших жилищах на Кавказе. Тифлис, 1896, с. 58, 59, 142, 148, табл. XVI, 1—4, б, 7.

²⁴ Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, М., 1900, т. VIII, с. 64, 144, 148, 308, табл. XXXV—XXXVIII, IXXXIX и др.

²⁵ Уварова П.С. *Museum Caucasicum*: Коллекция Кавказского музея, обработанные совместно с учеными специалистами и изданные Г.И. Радде. Тифлис, 1902, т. 5. Археология, с. 12 и след., N 3679.

²⁶ Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Темир-Хан-Шура, 1902, вып. 1, с. 157, 158.

²⁷ ОАК за 1904 г. СПб., 1907, с. 132, рис. 244; Архив ЛОИА, ф. 1, д. 3, 1904 г., л. 170.

²⁸ Археологическая находка. — Известия КО РГО, Тифлис, 1913—1914, XXII, N 1, с. 85.

²⁹ Семенов Л.П. Памятник древнего культа Осетии (бронзовая голова идола из окрестностей селения Нар). — МИА, 1951, N 23, с. 140—143; Кастуев А.Г., Семенов Л.П. Музей краеведения Северной Осетии. Дзауджикау, 1947, с. 24.

³⁰ Каталог археологических материалов Государственного музея Грузии. Тбилиси, 1955, т. II, (1904—1920), с. 30, рис. 4—6.

³¹ ОАК за 1913—1915 гг. Пг., 1918, с. 160, 210—211; Архив ЛОИА, д. 296, 1914, л. 1—2, 15.

³² Семенов Л.П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг. — Известия ИНИИК, Владикавказ,

1928, т. I, с. 194, 195; *Он же*. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 13, 14.

³³ Захаров А.А. Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир. — ТСА, М., 1928, т. II, с. 34, 35.

³⁴ *Zakharov A.A. Materials for the archeology of the Caucasus. — Swiatowit, Warszawa, 1933, t. XV, p. 65—113.*

³⁵ *Tallgren A.M. Caucasian monuments...; Tallgren A.M. Kaukasische anthropomorphe Figuren und der vorderasiatische Kulturkreis. — JPEK. Berlin, 1930.*

³⁶ *Нессен А.А.* Работы на Сулаке. — Известия ГАИМК, М.; Л., 1935, вып. 110, с. 34, 35.

³⁷ *Круглов А.П.* Дневник Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК 1937 г. — Архив ЛОИА, ф. 2, д. 1293, 1937, с. 99, 100; *Он же*. Культурные места горного Дагестана. — КСИИМК, 1946, VVII, с. 32, 35, рис. 14.

³⁸ *Круглов А.П.* Культурные места..., с. 31, 32, рис. 11, г, д.

³⁹ *Круглов А.П.* Культурные места..., с. 32—38; *Круглов А.П. Артамонов М.И.* Отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в Дагестане в 1937—1938 гг. — Архив ЛОИА, ф. 35, д. N 35, 1938; Северокавказская I экспедиция. — КСИИМК, 1939, I, с. 28, рис. 6.

⁴⁰ *Круглов А.П.* Культурные места..., с. 38—40, рис. 15, 16.

⁴¹ *Круглов А.П.* Дневник Северо-Кавказской экспедиции..., с. 48.

⁴² *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства. Тбилиси, 1944, т. I, с. 10, 32, 42, табл. 10—13, 15—17. На груз. яз.

⁴³ *Джавахишвили И.А.* История грузинского народа. Тифлис, 1928, кн. I, с. 36 и след.

⁴⁴ *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства (1963), с. 42—44.

⁴⁵ *Мегрелидзе И.В.* Археологические находки в Дидо. — СА, 1951, XV, с. 281—291.

⁴⁶ История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 92—93 (текст Д.М. Атаева).

⁴⁷ *Марковин В.И.* Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии. — МАДИСО. Орджоникидзе, 1969, т. II, с. 74, 75, рис. 8,2; *Техов Б.В.* Раскопки в Южной Осетии. — АО 1975 г. М., 1976, с. 493, 494.

⁴⁸ *Крупнов Е.И.* Древняя история..., с. 28, 334, 363, табл. XXXVIII и др.

⁴⁹ *Исаков М.И.* Археологические памятники Дагестана (материалы к археологической карте). Махачкала, 1966, с. 74, 85 и др.

⁵⁰ *Виноградов В.Б., Марковин В.И.* Археологические памятники Чечено-Ингушетии АССР. Грозный, 1966, с. 70, 97 и др.

⁵¹ *Марковин В.И.* Материалы по археологии

горной части Восточной Чечни. — Известия ЧИНИИЯЛ, Грозный, 1966, т. VII, вып. 1 (история), с. 128—131, рис. 4.

⁵² *Марковин В.И.* В стране вайнахов. М., 1969, с. 10; 11; *Он же.* Дорогами и тропами Дагестана. М., 1974, с. 57—63; *Он же.* Культурная пластика VII—V вв. до н.э. в верованиях населения Кавказа. — В кн.: V Республиканская научная конференция по проблемам культуры и искусства Армении: Тезисы докладов. Ереван, 1982, с. 141—143, 358—359. На арм. и рус. яз.

⁵³ *Давудов О.М.* Культура Дагестана скифского времени (VII—VI вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 1969, с. 10; *Он же.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974, с. 84—94, 133.

⁵⁴ *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н.э.). Грозный, 1972, с. 214, 281, 353, 364, 383, рис. 37, 48, 57.

⁵⁵ *Кузьмина Е.Е.* Навершие с всадниками из Дагестана. — СА, 1973, N 2, с. 178—183.

⁵⁶ *Козенкова В.И.* Раскопки могильника у сел. Сержень-Юрт. — АО 1970 г. М., 1971, с. 107.

⁵⁷ *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. — САИ, М., 1982, вып. В2—5. с. 58, 69—71, табл. 25, 35, 42, 43.

⁵⁸ *Давудов О.М.* Хосрехское святилище в высокогорном Дагестане: X КЧ по археологии Северного Кавказа: Тезисы доклада. М., 1980 с. 20, 21; *Он же.* Хосрехское святилище. — В кн.: Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы I Всесоюзной археологической конференции. Кемерово, 1980, с. 277, 278, 283; *Он же.* Святилище у высокогорного селения Хосрек. — В кн.: Древние и средневековые поселения Дагестана. Махачкала, 1983, с. 43—56.

⁵⁹ Rzemislo artystyczne Dagestanu od czasów najdawniejszych do naszych dni (Katalog wystawy). Warszawa, 1970, s. 9, 24, rys. 12, 13.

⁶⁰ *Микаилова Р.* Декоративно-прикладное искусство Дагестана. — В кн.: Искусство Дагестана. М., 1981, с. 32, рис. 9, 64—67.

⁶¹ *Блэк В.Б.* Стилистическая общность пластики Южного Кавказа и хетто-хурритского круга эпохи бронзы и раннего железа (к проблеме реализма). — В кн.: Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье: Тезисы докладов конференции. М., 1981, с. 20, 21.

⁶² *Чирков Д.* Декоративное искусство Дагестана. М., 1971, с. 81, рис.

⁶³ *Уварова П.С.* Могильники..., табл. CXVIII, 22.

⁶⁴ *Zakharov A.A.* Materials..., p. 82, 84, N 79, 80; *Макалатия С.М.* Культ фаллоса в Грузии. — В кн.: Обозреватель. Тифлис, 1926, т. I, с. 127. На груз. яз.

⁶⁵ *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства, 1963, с. 43, 44.

⁶⁶ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 187, табл. XVII, 1.

⁶⁷ *De Morgan J.* Mission..., p. 179, 181, fig. 204, 207.

⁶⁸ *Круглов А.П.* Культурные места..., с. 31, 32, рис. 11 д, 12.

⁶⁹ *Zakharov A.A.* Materials..., p. 69, 71, fig. 21—37.

⁷⁰ *Vapst G.* Souvenirs..., p. 15.

⁷¹ *Массон В.М., Саруаниди В.И.* Среднеазиатская терракота эпохи бронзы: Опыт классификации и интерпретации. М., 1973, с. 59.

⁷² *Круглов А.П.* Культурные места..., с. 35, 367, рис. 14.

⁷³ *Исаков М.И.* Археологические памятники..., с. 74, N 934.

⁷⁴ *Марковин В.И.* Дорогами и тропами..., 92.

⁷⁵ *Круглов А.П.* Культурные места..., с. 36.

⁷⁶ *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., 92.

⁷⁷ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 68, 1887, л. 123.

⁷⁸ *Zakharov A.A.* Materials..., p. 83, 92, fig. 113, 114.

⁷⁹ *Исаков М.И.* Археологические памятники..., с. 74, N 933. Близкая фигурка, якобы купленная в с. Кубачи, воспроизведена А.А. Захаровым в его "Материалах" (с. 85, рис. 90, 91) и упомянута О.М. Давудовым (Культуры Дагестана..., с. 187, табл. XVII, 2).

⁸⁰ *Марковин В.И.* Материалы..., с. 129, 130, рис. 4, 8.

⁸¹ *Zakharov A.A.* Materials..., p. 93, 98, fig. 115.

⁸² *Zakharov A.A.* Materials..., p. 97, 102, fig. 126; *Марковин В.И.* Материалы..., с. 129—130, рис. 4, 10.

⁸³ *Давудов О.М.* Хосрехское святилище, с. 279, 282, рис. 1, 24; *Он же.* Святилище..., с. 55, рис. 7, 6.

⁸⁴ *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 353, рис. 37.

⁸⁵ *Козенкова В.И.* Типология..., с. 166, табл. XXXV, 7.

⁸⁶ *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки..., с. 49—52; *Zakharov A.A.* Materials..., p. 94, 104, fig. 124, находка А.В. Комарова.

⁸⁷ *Zakharov A.A.* Materials..., p. 97, 104, fig. 130, 131; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 282, 383, рис. 67, 1.

⁸⁸ *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 282.

⁸⁹ Архив ЛОИА, ф. 1, д. 68, 1887, литогра-

- фированный рис. Штробиндера; *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 281—282; *Козенкова В.И.* Типология..., с. 69, табл. XLII, 26, 29; *Ипполитов А.П.* Этнографические очерки..., с. 50—52.
- ⁹⁰ *Мезерлидзе И.В.* Археологические находки..., с. 287, 290, рис. 12; *Давудов О.М.* Культуры Дагестана..., с. 185, табл. XV, 2.
- ⁹¹ *Анучин Д.Н.* Отчет..., с. 443.
- ⁹² *Кубцын Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949, т. 1, с. 252.
- ⁹³ *Уварова П.С.* Могильники..., с. 64, рис. 59; *Доманский Я.В.* Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984, с. 75—77, табл. XXVI.
- ⁹⁴ Там же, с. 57, 117, табл. XL, 2; LVI, 8.
- ⁹⁵ *Кузьмина Е.Е.* Наверхи..., с. 179, 179, рис. 1.
- ⁹⁶ *Козенкова В.И.* Типология..., с. 69, табл. XLYII, 27; *Давудов О.М.* К датировке некоторых фольклорных сюжетов народов Дагестана. — В кн.: Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1978, с. 150, рис. 1.
- ⁹⁷ *Семенов Л.П.* Памятник древнего культа..., с. 140—142, рис. 1.
- ⁹⁸ *Матье М.Э.* Искусство древнего Египта. М., 1958, с. 42, 47, 52, рис. 19, 23; *Natann R.* Geschichte der Kunst. Berlin, 1959, B. I, S. 64, 151, u.a., Abb. 36, 143—145 u.a.
- ⁹⁹ *Флоренский П.А.* Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях. — Декоративное искусство СССР, 1982, N 1, с. 26.
- ¹⁰⁰ ОАК за 1877 г. СПб., 1874, с. 62; *Zakharov A.A.* Materials..., p. 99, fig. 133—135; *Уварова П.С.* Могильники..., с. 145, 146, рис. 125, 127, табл. LXXI; 8; *Цитланадзе Л.Г.* Археологические памятники Хеви: (Казбекский клад). Тбилиси, 1976, с. 33, табл. VII, VIII.
- ¹⁰¹ *Tallgren A.M.* Caucasian monuments..., p. 129, fig. 25, a, b, 26a; *Цитланадзе Л.Г.* Археологические памятники Хеви, с. 33, табл. VII, 3.
- ¹⁰² *Уварова П.С.* Могильники..., с. 144, табл. LI, 1; *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства (1963), с. 44, табл. 6; *Цитланадзе Л.Г.* Археологические памятники Хеви, с. 39, табл. IX.
- ¹⁰³ *Уварова П.С.* Могильники..., с. 144, рис. 124.
- ¹⁰⁴ *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства (1944), с. 67, 70, табл. 12, рис. 32, 33; *Он же.* История грузинского искусства, 1963, с. 43—44.
- ¹⁰⁵ *Амиранашвили Ш.Я.* История грузинского искусства (1963), с. 454, табл. 7, рис. 2.
- ¹⁰⁶ *Пицхелаури К.Н.* Раскопки святилища в Мели-Геле. — АО 1962 г. М., 1968, с. 299—301; *Он же.* Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV—VII вв. до н.э.). Тбилиси, 1973, с. 112, 113, табл. XXIII; XXIV; XLIV, 1—3; *Он же.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, с. 50, 51.
- ¹⁰⁷ *Пицхелаури К.Н.* Восточная Грузия..., с. 53, 54.
- ¹⁰⁸ *Пицхелаури К.Н.* Древняя культура племен, населявших территорию Иоро-Алазанского бассейна. Тбилиси, 1965, с. 83, 155, табл. XVI.
- ¹⁰⁹ *Микеладзе Т.К.* О некоторых результатах полевых исследований в зонах новостроек Колхидской низменности в десятой пятилетке. — В кн.: Археологические исследования на новейших стройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1982, с. 84, табл. XXXII, 3.
- ¹¹⁰ *Пицхелаури К.Н.* Работы Кахетской экспедиции. — АО 1976 г., М., 1977, с. 478, 479; *Он же.* Восточная Грузия..., с. 58, табл. XIII; *Пицхелаури К., Дедабришвили Ш., Бугинашвили Т., Мамаишвили Н., Чикоидзе Ц., Кобаидзе Л., Майсурадзе Б., Варашвили В., Миндиашвили Г., Абдушелишвили М.* Отчет Кахетской археологической экспедиции. — В кн.: Полевые археологические исследования в 1976 году. Тбилиси, 1979, с. 40—42, табл. XII, 1; *Лордкипанидзе О.Д.* Археология в Грузинской ССР. Тбилиси, 1982, с. 20, табл. 2.
- ¹¹¹ Тбилиси: Археологические памятники. Тбилиси, 1978, т. 1, с. 18, 122, рис. 76, табл. VII.
- ¹¹² Тбилиси..., с. 18; *Абрамишвили Р.М., Бохоцадзе А.В., Квицинадзе К.Д., Мирцхулава Г.И., Николашвили В.В., Рамишвили А.Т.* Исследования в Дигомском ущелье. — АО 1970 г. М., 1971, с. 370, 371; *Лордкипанидзе О.Д.* Археология..., с. 20, табл. 6.
- ¹¹³ *Гамбашидзе О.С., Мелитаури К.Н., Тушишвили Н.Н., Хубутиа Г.П.* Отчет о работе археологической экспедиции Боржомского ущелья 1971 г. — В кн.: Археологические исследования в Грузии в 1971 г. Тбилиси, 1972, с. 91.
- ¹¹⁴ *Лордкипанидзе О.Д.* Город-храм Колхиды. М., 1978, с. 10, 11 (рис.); *Марковин В.И.* Памятники искусства и культуры древнего Кавказа. — СЭ, 1970, N 3, с. 130, рис. 3, 1.
- ¹¹⁵ Материалы по истории Грузии и Кавказа. Тбилиси, 1941, т. II, с. 42, 43, рис. 20, 21; Архив ЛОИА, ф. А.А. Иессена папка 35/1929 г.
- ¹¹⁶ *Лукин А.Л.* Материалы по археологии Бзыбской Абхазии. — Труды отдела истории первобытной культуры ГЭ, Л., 1941, с. 62—66, табл. XVIII, 2; XIX, XXII, 1—2.
- ¹¹⁷ *Лукин А.Л.* Материалы..., с. 71, табл. XXIII, 1.
- ¹¹⁸ *Техов Б.В.* Раскопки в Южной Осетии. — В кн.: Археологические исследования в Грузии в 1969 г. Тбилиси, 1971, с. 35, 158. На груз. яз.; *Он же.* Тлийский могильник (комплексы XVI—X вв. до н.э.). Тбилиси, 1980, с. 41, рис. 105, 4; *Он же.* Раскопки Тлийского мо-

гильника. — АО 1969 г., М., 1970, с. 362, рис.

¹¹⁹ *Халилов Д.А.* Археологические памятники Западного Азербайджана в эпоху бронзы и начала железного века. Баку, 1959, с. 111—116, табл. XXIII, XXV. На азерб. яз.; *Минкевич-Мустафаева Н.В.* О датировке и хронологических этапах некоторых памятников Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. — МКАз. Баку, 1962, т. IV, с. 111 и сл.

¹²⁰ ОАК за 1905 г. СПб., 1908, с. 103, рис. 137—140.

¹²¹ *Казиев С.М.* О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях. — МКАз. Баку, 1953, т. III, с. 13—15, 34, табл. I, 5. На азерб. яз. с рус. резюме; *Ашурбейли С.Б.* Скульптура Азербайджана древнего периода и периода средневековья. — Тр. МИАз. Баку, 1956, вып. I, с. 70, 71, рис. 7.

¹²² *Пахомов Е.А.* Статуэтка из Молла-Исаклинского сельбища и ее датировка. — Изв. АЗФАН СССР, 1937, N 2, с. 26, фиг. 1, 2.

¹²³ *Османов Ф.Л.* Новые археологические находки античного времени из Моллаисаков. — МКАз. Баку, 1980, т. IX, с. 83, 87, табл. 1, 3. На азерб. яз. с рус. резюме).

¹²⁴ *Ямпольский З.И.* Статуэтки мужчины и женщины эпохи бронзы из села Ибрагимгаджи Таузского района и начальные формы религии. — В кн.: Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965, с. 94, 95, рис. 1, 2; *Кесаманлы Г.П., Ямпольский З.И.* Историко-археологический комплекс из села Ибрагимгаджи Азербайджанской ССР. — СА, 1966, N 1, с. 275, 276.

¹²⁵ *Есаян С.А., Мнацаканян М.О.* Находки новых бронзовых статуэток в Армении. — СА, 1970, N 2, с. 158—163, рис. 1—3. *Есаян С.А.* Древняя культура племен Северо-Восточной Армении (III—I тыс. до н.э.). Ереван, 1976, с. 227—230, табл. 148, 149, 151; *Он же.* Скульптура древней Армении. Ереван, 1980, с. 37, 41, 58, 59; табл. 56, 57, 59.

¹²⁶ *Есаян С.А.* Скульптура..., с. 38—40.

¹²⁷ *Безсонов С.В.* Бронзовые статуэтки из Сарыкамыша. — Известия наук и искусств ССР Армении. Ереван, 1930, N 4, с. 57—74, рис. 1—4. На арм. и рус. яз.

¹²⁸ *Пшотровский Б.Б.* Кармир-Блур. Ереван, 1952 (т. II, результаты работы 1949—1950 гг.), рис. 9, 10; *Есаян С.А.* Скульптура..., с. 34, 56, 57, табл. 51, 1—4.

¹²⁹ *Аракелян Б.Н.* Скульптура в древнейшей Армении. — ИФЖ, Ереван, 1969, N 1, с. 44—51; *Мартirosян А.А.* Город Тейшебани (по раскопкам 1947—1958 гг.). Ереван, 1961, с. 81—83, рис. 35, 36; *Есаян С.А.* Скульптура..., с. 30—32, 54—56, табл. 41—45.

¹³⁰ *Блек В.Б.* Искусство Кавказа медного и бронзового века. — В кн.: История искусства народов СССР. М., 1971, т. I, с. 39, 42, рис. 36; *Есаян С.А., Мнацаканян А.О.* О статуэтках из Лчашена. — ИФЖ, Ереван, 1975, N 2, с. 259, 260, табл. I, II; *Есаян С.А.* Скульптура..., с. 28, 54, табл. 38—40; *Деведжян С.Г.* Лори-Берд. Ереван, 1981, т. I (результаты раскопок 1969—1973 гг.), с. 27, 28, рис. 6.

¹³¹ *Есаян С.А.* Бронзовые модели культовых площадок древней Армении. — СА, 1971, N 1, с. 205—208, рис. 1; *Он же.* Скульптура..., с. 38, 39.

¹³² *Васильев И.В.* Бронзовое навершие из деревни Пустынок. — ИКЗ, Волгоград, 1975, вып. III, с. 86—92, рис. 1, 2.

¹³³ *Filip Jan.* Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. Praga, 1969, B. 2, S. 1348, Taf. 74.

¹³⁴ *Монгайт А.Л.* Иберы. — В кн.: Искусство стран и народов мира. М., 1965, т. II, с. 8—9, табл., рис. 2.

¹³⁵ *Гёрнес М.* Культура доисторического прошлого: Бронзовый век. М., 1914, с. 82, 83, рис. 39.

¹³⁶ *Roth Helmut.* Venetische Exvoto-Tafelchen aus Vicenza, Corso Palladio. — Germania, 1978, Mainz am Rhein, Jahrgang 56, I Halbband, S. 182, Taf. 25, la, b, 2a, b.

¹³⁷ *Filip Jan.* Enzyklopädisches Handbuch..., B. 2, S. 935, Abb.; *Гёрнес М.* Культура доисторического прошлого: Железный век. М., 1914, с. 35, рис. 14.

¹³⁸ *Hampe R., Jantzen U.* Die Grabung im Frühjahr 1937. — JDAI, Berlin, B. 52, N. 3—4, S. 66, 67, Abb. 29.

¹³⁹ *Hammann R.* Geschichte der Kunst, 1959, B. I, S. 455, 456, Abb. 470.

¹⁴⁰ *Alscher Ludger.* Griechische Plastik. Berlin, 1954, Bd. I, S. 13, Abb. 3.

¹⁴¹ *Sakellarakis J.A.* Heraklion Museum (Illustrated guide to the Museum). Athens, 1980, p. 91, 92, N 9305, 18505.

¹⁴² *Коровина А.К., Копейкина Л.В., Сидорова Н.А., Ходзе Е.Н., Ядурис Н.* Древнее искусство греческих островов Эгейского моря: (Каталог выставки). М.; Л., 1981, с. 82—83, рис. 72, 73.

¹⁴³ *Alscher Ludger.* Griechische Plastik, Bd. I, S. 13, Fig. 3.

¹⁴⁴ *Matz F.* Geschichte der griechischen Kunst. Frankfurt a. M., 1950, Bd. I.

¹⁴⁵ *Schmidt W.* Der Kultwagen von Strettweg. Leipzig, 1934; Enciklopedija Likovnih umjetnosti. Zagreb, 1966, т. 4, с. 335, рис.; *Монгайт А.Л.* Археология Западной Европы: Бронзовый и железный века. М., 1974, с. 181—183.

¹⁴⁶ *Монгайт А.Л.* Археология..., с. 271—274,

- рис.; Он же. Кельты. — В кн.: Искусство стран и народов мира. М., 1965, т. 2, с. 389, табл., рис. 6, 7 и др.
- ¹⁴⁷ Tallgren A.M. Caucasian monuments..., p. 123, fig. 14; Амиранишвили Ш.Я. История грузинского искусства (1944), с. 70, табл. 10, рис. 24, 26.
- ¹⁴⁸ Куфтин Б.А. Материалы..., с. 246.
- ¹⁴⁹ Ebert Max. Südrussland im Altertum. Bonn; Leipzig, 1921, S. 78, Abb. 31.
- ¹⁵⁰ Andrae W. Die Kunst Vorderasiens. — In: Schäfer H., Abdrae W. Die Kunst der Alten Orients. Berlin, 1925, S. 585.
- ¹⁵¹ Mellaart J. The Chalcolithic and Early Bronze Ages in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, pl. XXIII; Klengel Evelyn, Horst. Die Hethiter und ihre Nachbarn. Leipzig, 1968, Abb. 10.
- ¹⁵² Schmidt Erich F. Excavations of Tepe Hisar Damghan. Philadelphia, 1937, pl. 47; Schaefer Claude F.A. Stratigraphie Comparée et Chronologie de L'Asie Occidentale et (IIIe et IIe millénaires). London, 1948, p. 446, 447, fig. 33, 34; Алиев Иггар. История Мидии. Баку, 1960, т. 1, с. 161, 359, табл. 66а, 66б.
- ¹⁵³ Ghirshman R. Perse (Proto-iraniens, Medes, Achéménides). Gallimard, 1963, p. 21, 30, 38, ges. 20, 32, 48.
- ¹⁵⁴ Sept mille ans d'Art en Iran. Paris, 1962, p. 25, pl. XIV, cat 130, 131, 133.
- ¹⁵⁵ Amiet Pierre. Les Antiquités du Luristan (Collection Davis Weill). Paris, 1976, p. 96, pl. 231, 232, 237.
- ¹⁵⁶ Ghirshman R. Perse, p. 49, ges. 57.
- ¹⁵⁷ Sarre Friedrich. Die Kunst des alten Persien. Berlin, 1923, S. 29, 30, Abb. 7.
- ¹⁵⁸ Zakharov A.A. Materials..., p. 115, fig. 156.
- ¹⁵⁹ Contenau G. Manuel d'Archéologie orientale. Paris, 1927, p. 202, ges. 122.
- ¹⁶⁰ Klengel Horst. Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig, 1969, S. 41, Taf. 8, 9.
- ¹⁶¹ Biblisches Reallexikon (Herausgegeben von Kurt Galling). Tübingen, 1977, S. 105, 115, 120, 121, Abb. 30—32.
- ¹⁶² Jadin Jigel. Hazor (The Rediscovery of a Greateitael of the Bible). N.J., 1975, p. 257.
- ¹⁶³ Zakharov A.A. Materials..., p. 72, fig. 11, 12; Roth Helmut. Venetische Exvoto-Täfelchen..., S. 182 u.a.; Народни музеј Београд. Београд, 1979, с. 17—20; Здесь совершенно опущены материалы по Средней Азии, хотя на ее территории известны находки близкого типа.
- ¹⁶⁴ Zakharov A.A. Materials..., p. 65.
- ¹⁶⁵ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981, с. 73 и след.
- ¹⁶⁶ Schmidt E.F. Excavations..., fig. 168; Schaefer Claude F.A. Stratigraphie..., p. 451.
- ¹⁶⁷ Biblisches Reallexikon..., S. 120, 121.
- ¹⁶⁸ Contenau G. Manuel..., p. 202, ges. 122.
- ¹⁶⁹ Klengel Horst. Geschichte..., S. 41.
- ¹⁷⁰ Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия..., с. 53, 54.
- ¹⁷¹ Давудов О.М. Хосрехское святилище, с. 278, 283.
- ¹⁷² Круглов А.П. Культурные места..., с. 38, 40.
- ¹⁷³ Мезрелидзе И.В. Археологические находки..., с. 291.
- ¹⁷⁴ Цитландадзе Л.Г. Археологические памятники Хеви, с. 106, 107, 113.
- ¹⁷⁵ Cabmeyer P. Datierbare Bronzen aus Luristan und Kurmanshah. Berlin, 1969, S. 11, 12 u.a.
- ¹⁷⁶ Schmidt E.F. Excavations..., p. 192, 193, fig. 114, 115.
- ¹⁷⁷ Bossert H.Th. Anatolien. Berlin, 1942, S. 21, Taf. 15, 72; Качурис К.А. О позднеледских женских глиняных статуэтках. — СА, 1963, N 2, с. 144, рис. 1.
- ¹⁷⁸ Mellink M.J., Filip J. Frühe Stufen der Kunst. — In: Propyläen Kunstgeschichte in achtzehn Bänden. Berlin, 1974, Bd. 13, Taf. 143, a, b; Георгиев Г., Ангелов Н. Разкопки на селищната могила до Русе през 1950—1953 година. — ИАИ, София, 1957, т. XXI, с. 106, 107, 109, обр. 63, 64, 66.
- ¹⁷⁹ Ghirshman R. Perse, S. 1, Abb.
- ¹⁸⁰ Массон В.М., Саруаниди В.И. Среднеазийская терракота..., с. 46, рис. 9.
- ¹⁸¹ Тутлов В.С. Неолит Греции. М., 1969, с. 31, табл. 2; Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М., 1982, с. 82, рис. 47; Георгиев Г.И. Памятники первобытного общества на территории Болгарии. — В кн.: Наука и человечество. М., 1982, с. 82, рис. 15; Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1977, табл. V; XX—XXXII; LIV; Badoloni B. Scoperte di Arte neolitica al Riparo Gaban (trento). — BCSP, Brescia, 1973, B. 10, p. 61, fig.; Bittel K. Prähistorische Forschung in Kleinasien. Istanbul, 1934, S. 77, 81, Taf. IX, 4; Hoddinott R.F. The Thracians. London, 1981, p. 18, 19, fig. 7; Mellaart J. Excavations at Catal Hüyük. — Anatolian Studies. London, 1964, vol. XIV, pl. XVIII, d.
- ¹⁸² Марковин В.И., Исаков М.И. Древняя костяная статуэтка из Дагестана. — КСИИМК, 1959, 74, с. 140, 141, рис. 59; Марковин В.И. Северный Кавказ и цивилизации Древнего Востока и Средиземноморья. — В кн.: Проблемы советской археологии. М., 1978, с. 67.
- ¹⁸³ Интересно, что в Воеводине (Югославия), Гумельницах (Румыния) и в упоминавшемся Чатал-Уйюке найдены глиняные статуэтки с двумя головами и единым туловищем или со вдвоенным туловищем. Они напоминают хосрех-

- ское изображение. См.: *Brukner B., Jovanovic B., Tasic N. Praistorija Vojvodine. Novi Sad., 1974, S. 71, 499; схема VIII, рис. 44; Погожева А.П. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск, 1983, с. 110, рис. 35, 26, 27). Б.А. Рыбаков называет их "рожаницами" (*Рыбаков Б.А. Язычество древних славян*, с. 166, 167).*
- ¹⁸⁴ *Ataeva D.M.* Археологические исследования в Дидо. — СА, 1961, N 1, с. 284, 285, рис. 1; *Уварова П.С.* Могильники..., с. 316, рис. 248, 249.
- ¹⁸⁵ *Kriss R., Kriss H.H.* Volksglaube im Bereich des Islam (Amulette, Zaubersformeln und Beschwörungen). Wiesbaden, 1962, B. II, S. 105, Abb. 124.
- ¹⁸⁶ *Harding L.G.* The Antiquities of Jordan. Agenev, 1976, p. 33—35.
- ¹⁸⁷ СИЭ М., 1962, т. 2, с. 431; Настольная книга атеиста/Под ред. акад. С.Д. Сказкина. М., 1971, с. 320—327, табл. I.
- ¹⁸⁸ *Glueck N.* The River Jordan. N.J., 1968, p. 5, 6.
- ¹⁸⁹ *Maggid D.G.* Евреи на Кавказе (исторический очерк). Пг., Б.г., с. 3 и след.
- ¹⁹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 313.
- ¹⁹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 329.
- ¹⁹² Библия. М., 1976 (в ссылках указаны: страницы этого издания, затем — глава и рубрика).
- ¹⁹³ *Langi J.* Florilegii Magni, seu Polyanthaeae floribus novissimis sparsae, libri XXIII. V.I. Lugduni (Lyon), Sunp. Petri, Rovavd. M.DC. XLVIII, p. 1274—1279.
- ¹⁹⁴ *Joly Joseph-Romain.* La Géographie Sacrée, et les monuments de l'histoire Sainte. Paris, M. DCC. LXXXIV, p. 60, 61, e.a., pl. 7.
- ¹⁹⁵ Библия сиреч Книги Священного писания Ветхаго и Новаго Завета. М., 1797, с. 133, 134, 138, 139.
- ¹⁹⁶ *Троицкий И.Г.* Библейская археология. Сб., 1913, с. 422—427; *Красный Г.* Библия. — В кн.: Еврейская энциклопедия, т. 4, СПб. Б.Г., т. 4, с. 493—496; *Генкель Г.* Библейская критика. — Там же, с. 541—549.
- ¹⁹⁷ *Gray J.* Idol, Idololatriy. — In: The Interpreter's Dictionary of the Bible. An Illustrated Encyclopedia. N.J., 1962, vol. 2, p. 673—678; *Беленький М.С.* Иудаизм. М., 1966, с. 53, 54.
- ¹⁹⁸ *Wooley E.* Alalakh (An Account of the Excavations at Tell Atchana in the Nataray 1937—1949). Oxford, p. 238, pl. XLIV, a. b.
- ¹⁹⁹ *Марковин В.И.* Материалы..., с. 119, 121, рис. 2, 9.
- ²⁰⁰ *Вейденбаум Е.Г.* Священные роши и деревья у кавказских народов. — В кн.: Кавказские этюды. Тифлис, 1901.
- ²⁰¹ Тексты Кумрана, вып. I (перевод и комментарии И.П. Амузина). — ППВ, М., 1971, т. XXXIII, с. 141, 159, 202, 203, примеч. 227.
- ²⁰² Настольная книга атеиста, с. 321—322, табл. I.
- ²⁰³ Махзор ("Круг"), Варшава. Б.г. (XIX в.), т. 1, с. 25.
- ²⁰⁴ *Бейнберг И.П.* К вопросу об особенностях исторического мышления на древнем Ближнем Востоке. — КБС, Тбилиси, 1977, вып. V, с. 81.
- ²⁰⁵ Махзор, с. 7. В других молитвеновлиях имеются хвалы, обращенные к богу за "избранность" иудейского народа, "истинность" его верования и т.д. (с. 117 и др.).
- ^{206a} *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 142.
- ^{206b} *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 475.
- ²⁰⁷ *Murray M.A.* Female fertility Figures. — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. London, 1934, vol. 64, January—June, p. 93—99.
- ²⁰⁸ *Форець Август.* Половой вопрос. СПб., 1908, т. II, с. 522.
- ²⁰⁹ *Твен Марк.* Письма с земли. М., 1964, с. 13; *Feldhaus F.M.* Die Technik der Vorzeit, der geschichtlichen Zeit und der Naturvölker. Leipzig; Berlin, 1914, S. 564—566. Abb. 383—391.
- ²¹⁰ *Форець Август.* Половой вопрос, с. 315.
- ²¹¹ *Плюсс Г.* Женщина в естествознании и народоведении. СПб., 1900, т. II, с. 368, 377.
- ²¹² *Есаян С.А.* Скульптура..., с. 30, 57—58; табл. 53—55; *Макалатия С.М.* Культ фаллоса в Грузии. — В кн.: II Краеведческий съезд Черноморского побережья и Западного Кавказа: (постановления и резолюция). Батум, 1925, с. 36; *Рехвиашвили Н.* Культурный камень "гюне" (солнечный). — Вестник ГМГ, Тбилиси, 1963, т. XXIV—V, с. 191—231. На груз. яз. с рус. резюме; *Крупнов Е.И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 45—47, рис. 7; *Март Н.Я.* О лингвистической поездке в Восточное Средиземноморье. М.; Л., 1934, с. 69, 73, 74, рис. 6—9. Подобные находки известны в Дагестане, Прикубанье и т.д.
- ²¹³ *Fuchs E.* Geschichte der erotischen Kunst (Das zeitgeschichtliche Problem). München, S.a., S. 137, 141, 143, Abb. 106, 108, 111 u.a.
- ²¹⁴ Атлас по истории религии. М., 1930, с. 144—147, 192, табл. 305, 309 и др.; *Murray M.A.* Female fertility Figures..., pl. X—XII; *Wilke G.* Die Religion der Indogermanen in archäologischer Beleuchtung. Leipzig, 1923, S. 12.
- ²¹⁵ *Да Винчи Леонардо.* Анатомия (заметки и рисунки). М., 1965, с. 405—407.
- ²¹⁶ *Везалий Андрей.* О строении человеческого тела. В семи книгах. М., 1954, т. 2, с. 482—483.
- ²¹⁷ *Инститорис Г., Шпренгер Я.* Молот ведьм. М., 1932, с. 112—115.
- ²¹⁸ *Anderson P.* The Reproductive Role of the Human Breast. — Current Anthropology. Chi-

сago, 1983, vol. 24, N 1 (February), p.25—38.

²¹⁹ Косвен М.О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1953, с. 144.

²²⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 17, с. 419.

²²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 29, с. 51.

²²² Равдоникас В.И. История первобытного общества. Л., 1947, ч. II, с. 106.

²²³ Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., 1949, с. 93; Худашили М.Ш. Некоторые вопросы генезиса идеологических воззрений раннежелезного века. — КБС, Тбилиси, 1977, вып. V, с. 103.

²²⁴ Марр Н.Я. Из поездки к европейским яфетидам. — ЯС. Л., 1925, вып. III, с. 49.

²²⁵ Сургуладзе И.К. Астральная символика в грузинском народном орнаменте: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1967.

²²⁶ Есаян С.А. Скульптура..., с. 41.

²²⁷ Мелик-Пашиян К.В. Некоторые вопросы культа Анаит в новейшем толковании: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1952, с. 7—14.

²²⁸ Амиранавили Ш.Я. История грузинского искусства (1963), с. 52; Худашили М.Ш. Некоторые вопросы..., с. 102.

²²⁹ Антонова Е.В. Антропоморфная скульптура..., с. 87.

²³⁰ Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур, т. II, с. 24.

²³¹ Мартиросян А.А. Город Тейшебани, с. 67, 75.

²³² Rostovzeff M. Dieux et chevaux. A propos de quelques bronzes d'Anatolie, de Syzie

et d'Armenie. — Syria. Paris, 1931, vol. XII, p. 55—57; Амиранавили Ш.Я. История грузинского искусства, (1963), с. 51—52; Есаян С.А. Мнацаканян М.О. Находки новых бронзовых статуэток, с. 167.

²³³ Есаян С.А. Скульптура..., с. 41.

²³⁴ Чиковани М.Я. Амираниани (грузинский эпос). Тбилиси, 1960, с. 74—79.

²³⁵ Цитланадзе Л.Г. Археологические памятники Хеви, с. 110.

²³⁶ Иванов В.В. Чеч и нечет. Асимметрии мозга и знаковых систем. М., 1978, с. 86—88; Он же. Близичные мифы. — В кн.: Мифы народов мира (энциклопедия), М., 1980, т. I, с. 174, 175.

²³⁷ Халидова М.Р. Об отражении близичного культа в фольклоре народов Дагестана. — В кн.: Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг.: Тезисы докладов. Махачкала, 1980, с. 90, 91.

²³⁸ Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия..., с. 53.

²³⁹ Марковин В.И. К вопросу о язычестве и христианстве в верованиях горцев Кавказа. — Вестник КБНИИ, Нальчик, 1972, вып. 6, с. 260, 261 (указана литература).

²⁴⁰ Грязнов М.П. О так называемых женских статуэтках трипольской культуры. — АСГЭ, Л., 1964, вып. 6, с. 72—78; Мовша Т.Г. Нови дані про антропоморфну реалістичну пластичу Трипілля. — Археологія, 1973, N 11, с. 18—20.

²⁴¹ Яковлев Е.Г. Эстетическое чувство и религиозное переживание. М., 1964, с. 17, 36.

А.Л. Нечитайло

ПАМЯТНИКИ ПРИКУБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ У ИСТОКОВ р. ТЕБЕРДЫ

В свое время А.А. Иессен выделил комплексы, характеризующие археологическую культуру Прикубанья времени перехода от эпохи бронзы к железному веку, названную им прикубанской или позднекубанской, которую считал синхронной кобанской и колхидской культурам. Кроме того, он наметил членение прикубанского очага металлургии эпохи поздней бронзы на две группы: верхнекубанскую и западную — по бассейнам рек Белая, Малая и Большая Лаба¹. Образованность этих утверждений подтверждается тем фактическим материалом, которым оперировал А.А. Иессен. Вместе с тем исследователь указывал на слабую изученность памятников этой эпохи в бассейнах Верхней Кубани и ее левых притоков — Теберды, Малого и Большого Зеленчука и Урупа, особенно в их горных районах.

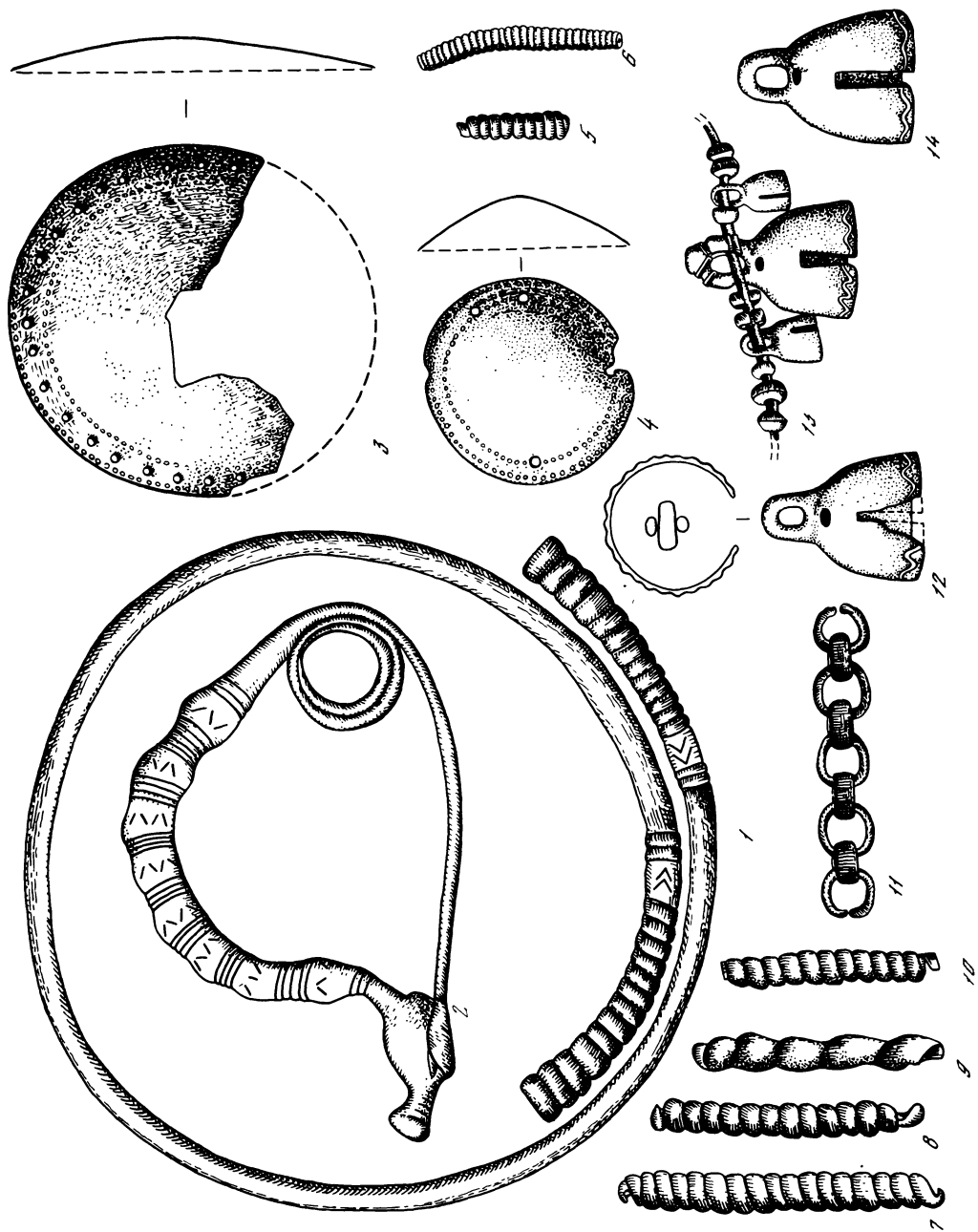
Е.П. Алексеева своими полевыми и теоретическими исследованиями час-

тично заполнила имеющиеся проблемы, открыла и раскопала ряд памятников интересующего нас времени на данной территории², однако прикубанская культура до сих пор остается наименее изученной на Северном Кавказе, что отмечает и В.И. Марковин³. И также полемичен вопрос о культурной принадлежности памятников раннего железного века Верхнего Прикубанья. Ряд исследователей включают этот район в область кобанской культуры⁴, другие склонны его рассматривать как контактную зону прикубанской и кобанской культуры⁵.

Поэтому каждый новый памятник этого периода интересен. В предлагаемой статье приведем некоторые новые данные, касающиеся верхнекубанской группы памятников. А именно материалы из двух разрушенных в 1967 г. могильников: Домбай-Ульген (в поселке Домбай) и Алибек (на "Солнечной поляне") у истоков Теберды. Частичная публикация этих материалов сделана нами в "Археологических открытиях"⁶. Сейчас можно рассмотреть их на более широком фоне и уточнить хронологические рамки.

История находки могильников такова. Летом 1967 г. при рытье котлована на левом берегу р. Домбай-Ульген строителями на полуметровой глубине был раскопан каменный ящик, накрытый сверху плитами. Положение скелета в могиле не было установлено, а вещи, сопровождавшие погребенного, собраны председателем Домбайского поселкового Совета Ю.Х.-Б. Джантотоевым и переданы в Ставропольский краевой музей. К моменту приезда в Домбай никаких следов от гробницы уже не сохранилось. Предполагаю, что строители вскрыли одну из могил грунтового могильника.

Среди инвентаря оказались: 1) височные серьги в два оборота из тонкой золотой проволоки; 2) крупная серебряная шейная гривна с утолщенными концами, заходящими друг за друга, орнаментированная нарезными кольцевыми и ломаными линиями, диаметр ее 14 см (рис. 1, 1); 3) четыре бронзовые массивные дугообразные фибулы с простой иглой. Она является продолжением дуги в два витка и составляет с нею одно целое. Приемник довольно широкий и заканчивается утолщенным выступом. Дуговые части и концы приемника украшены нарезным узором из таких же кольцевых и ломаных линий, как и на гривне. Размеры фибул 6,5×12 см (рис. 1, 2); 4) две круглые позолоченные бронзовые бляхи с пунсоном по краю, диаметр 4,6 и 7,7 см (рис. 1, 3, 4); 5) шесть бронзовых витых трубочек, три из них с позолотой. Длина от 2,5 до 7 см (рис. 1, 5—10); 6) бронзовый пояс — цепь из бронзовых позолоченных колец, длиной 65 см (рис. 1, 11); 7) 11 бронзовых колокольчиков со следами железных язычков. По краю орнаментированы рельефной волнистой линией; высота их от 3 до 3,5 см (рис. 1, 12—19); 8) 35 маленьких бронзовых колокольчиков высотой до 2 см с позолотой и со следами рифления по корпусу (рис. 1, 20); 9) 102 бронзовые золоченые бусинки, изготовленные из плоских пластинок с сомкнутыми концами (рис. 1, 21); 10) три бронзовых кольца с насаженными на них бронзовыми пластинами (рис. 1, 22); 11) бронзовая восьмеркообразная подвеска (рис. 1, 23); 12) обломок бронзового четырехгранного в сечении браслета диаметром 5 см и толщиной 0,5 см (рис. 1, 24); 13) обломок бронзовой булавки длиной 3,7 см (рис. 1, 25); 14) фрагмент кривого железного ножа с костяной рукоятью и обрывками кожи, сохранившаяся длина 8 см (рис. 1, 25); 15) три крупные темно-синие стеклянные бусины с глазками-выступами (рис. 1, 27, 28); 16) пять таких же, но мелких многоцветных бусинок (рис. 1, 29—33).

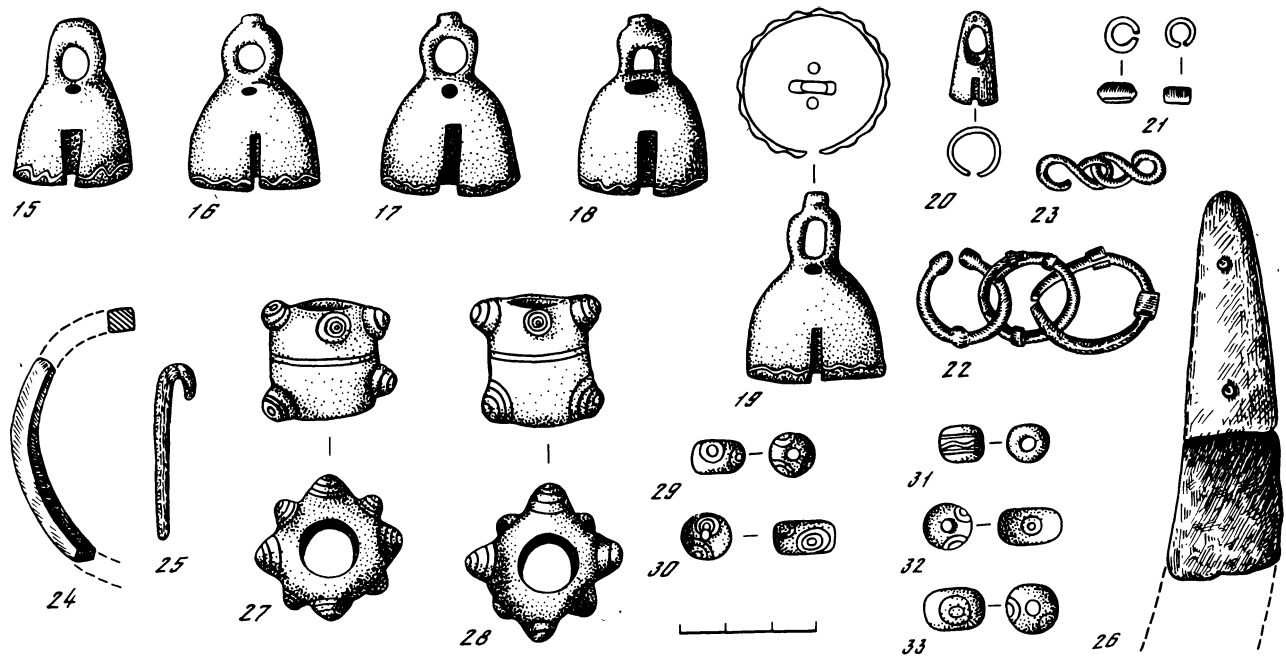

Рис. 1. Домбай-Ульгрен. Инвентарь из каменного ящика (1—33)

В том же районе, только в полутора километрах к западу от р. Домбай-Ульген, на левом берегу р. Алибек, у моста на "Солнечной поляне" при бульдозерных работах был вскрыт могильник и собраны вещи, которые подарены Ставропольскому музею В.А. Дяченко. Среди находок: 1) четыре бронзовые дуговидной формы фибулы, близкие к описанным, хотя с несколько иной композицией орнамента, выполненной в одинаковой нарезной технике. Дужка украшена полосками по пять-шесть нарезок в каждой, размещенных попеременно вертикально и горизонтально. Размеры фибул 6×10,5 см (рис. 2, 12); 2) семь браслетов из тонкой бронзовой проволоки с утолщениями на концах и по всему браслету в четырех-пяти местах. На их поверхности имеются также полосы. Диаметр 5—6 см (рис. 2, 3—5); 3) обломки от серебряной гривны с поперечными насечками на концах (рис. 2, 6); 4) фрагменты от четырех витых бронзовых трубочек (рис. 1, 7—10); 5) две серьги с заходящими концами и одна в два оборота (рис. 2, 11—13); 6) две бронзовые очковидные подвески, диаметр 4,5 см (рис. 2, 14); 7) круглая бронзовая пряжка с завернутыми концами, диаметр 4,5 см (рис. 2, 15); 8) бронзовый колокольчик, идентичный вышеописанному, с приклепанным железным язычком, высота — 4 см (рис. 2, 16); 9) 18 бронзовых бус из пластин с сомкнутыми концами (рис. 2, 17); 10) два железных лавролистных копья длиной 14,5—17 см (рис. 2, 18, 19); 11) две железные пряжки, диаметр 5 см (рис. 2, 20); 12) обломки кольчатых удил (рис. 2, 22—23).

Аналогичные вещи находили здесь и раньше: в 1954 г. на территории альпинистского лагеря Суфруджук⁷, в 1964 г. при строительстве моста через речку Алибек⁸. В 1965 г. на первой надпойменной террасе правого берега реки Аманауз, где сливаются Домбай-Ульген, Аманауз и Алибек, в обнажениях склона на глубине 1,5 м были собраны бронзовые фибула без дужки, гривна, застежка, цепь длиной 11 см, витая трубочка, серьга в полтора оборота, бусина с несомкнутыми концами и семь фаянсовых многоцветных бус. Вещи переданы в Ставропольский музей Д.С. Ланговым.

Таким образом, только в районе Домбая отмечено три пункта находок с близкими по составу вещами — Домбай-Ульген, Алибек, Аманауз. Есть известия еще об одном пункте подобных находок, где-то близ Теберды (в нескольких километрах севернее Домбая). Здесь в 1955 г. были обнаружены предметы, совершенно идентичные описанным. Они поступили в Институт археологии АН СССР⁹. Близкие комплексы найдены на Урупе¹⁰.

К сожалению, о деталях погребального обряда говорить не приходится. Можно только отметить единое топографическое расположение указанных могильников, размещение их на первых надпойменных террасах рек, близких друг другу. Кобанские могильники Кабардино-Балкарии, Осетии, Чечено-Ингушетии имеют в основном аналогичную топографию. Для них также присущи захоронения в каменных ящиках или ямах.

Представленный инвентарь весьма разнообразен, однако самую большую группу его составляют украшения. Совокупность материалов позволяет говорить о том, что вещи в основном принадлежат прикубанской культуре, хотя они сходны с позднекобанскими, что вполне естественно, так как верхнекубанский очаг металлообработки не мог существовать изолированно от соседних районов Кавказа. Это подтверждает и состав металла. Качественным анализом основных вещей (спектральный анализ Института металлофи-

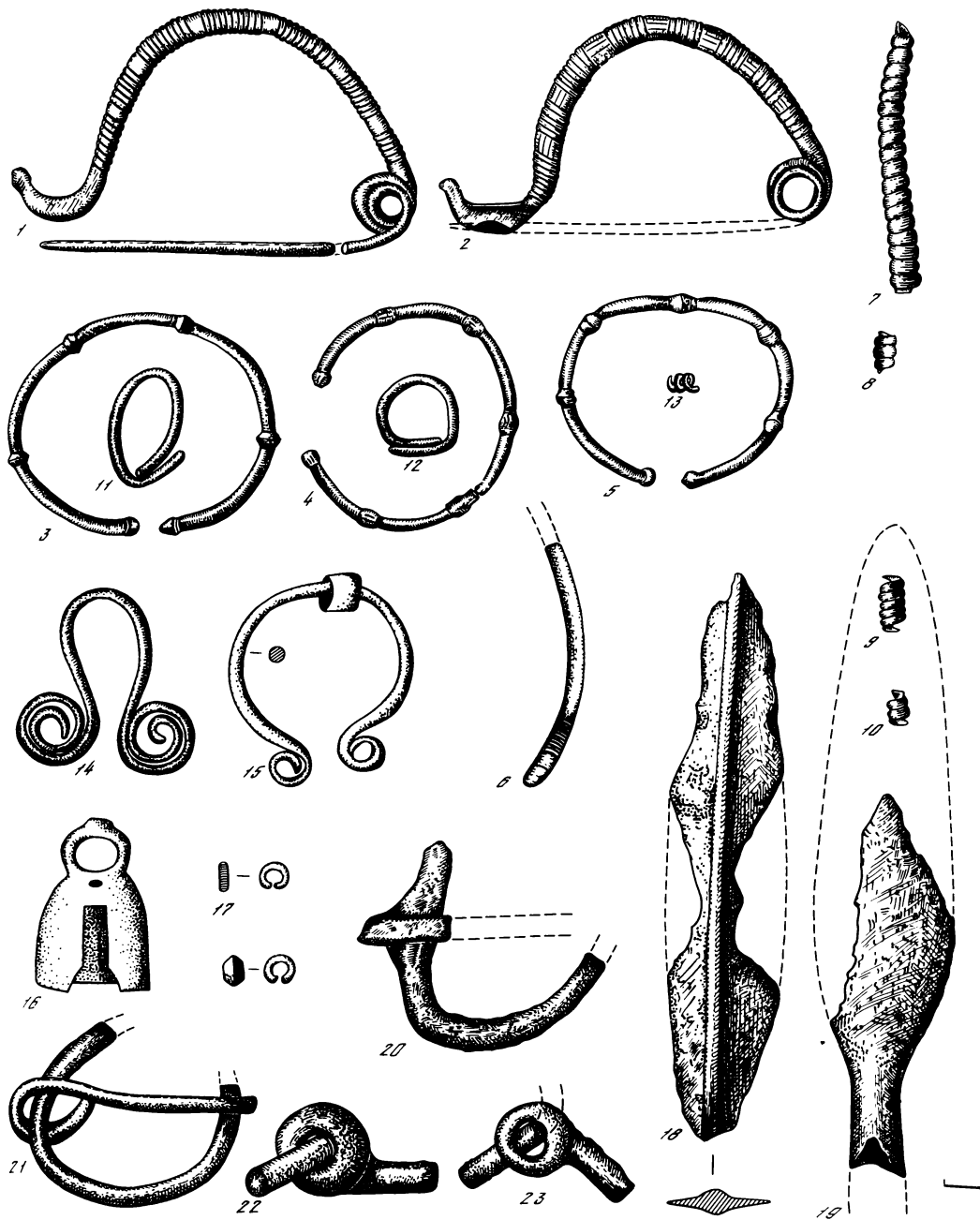

Рис. 2. Алибек. "Солнечная поляна". Вещи из могильника (1—23)

зики АН УССР), установлено, что все предметы изготовлены из оловянистой бронзы с концентрацией олова не выше 5%. Структуры фибулы, маленького колокольчика, витой трубочки и бусинки представляют собой оттяжную альфа-оловянистую бронзу. Структура большого колокольчика литая. Способ изготовления последнего — литье в форму с невысокой скоростью охлаждения, предположительно земляную. Способ изготовления фибулы — из прута-заготовки с диаметром, равным максимальному диаметру дужки; методом горячей вытяжки изготавливали иглу и приемник. Температура нагрева прута 700—750°. Способ изготовления витой трубочки тот же, только из другой заготовки и с другим диаметром. Возможно прокатка или расклепка. Обработка бусинки такая же.

Т.Б. Барцовой для северокавказской территории скифского времени выделено три очага цветной металлообработки: прикубанский, центральный и дагестанский—с их существенными различиями. В Прикубанье ею отмечено господство оловянистых бронз, в центральных и северо-восточных районах, заселенных позднекобанскими племенами, господство оловянисто-свинцовисто-мышьяковых. Проникновение оловянистых бронз на Северный Кавказ она связывает с закавказскими металлургическими очагами¹¹.

Таким образом, оловянистая бронза в предметах из Домбай-Ульген подтверждает их отнесение к прикубанскому очагу металлообработки.

Теперь постараемся показать основные элементы, разнящие и сближающие наши памятники с кобанскими. Прежде всего, рассмотрим фибулы. Среди наших находок имеется два типа фибул: один—с весьма массивными утолщенными дугами и второй—с полуовальной в сечении дугой, не меняющей своей ширины на всем протяжении. Орнаментальные мотивы почти близкие — это рационально расположенные нарезки, чередующиеся с гладкими поясками или с нарезками в виде ломаных линий или горизонтальных. Сравнивая представленные экземпляры с кобанскими, должно отметить разницу в их устройстве. Она состоит в том, что домбайские фибулы имеют два витка у основания иглы, в то время как кобанские только один. И только на одной фибуле из Тлийского могильника у начала иглы вместо одного имеется два витка¹². Кроме того, необходимо подчеркнуть, что домбайские фибулы имеют совершенно иной формы приемник, не встреченный ни на одной кобанской фибуле. Все они имеют четко выработанную форму "уточки" с утолщенным концом, в то время как у кобанских фибул приемная часть утончена, расширена и срезана с обеих сторон. Таким образом, для прикубанских фибул характерна зооморфность приемника. Несколько отличаются домбайские фибулы и деталями орнамента, хотя техника нарезок одинакова. Орнаментальные мотивы их ближе всего к позднекобанским фибулам могильника Исти-Су¹³, Лугового¹⁴ с радиально расположенными нарезками по дуге. На двух фибулах Казбекского клада¹⁵ также имеется близкий рисунок (рис. 3).

Эволюцию кавказской дугообразной фибулы на материалах Тлийского могильника четко проследил Б.В. Техов¹⁶. Домбайские фибулы не имеют прямых аналогий среди тлийских, и только в общих чертах между ними улавливается связь. Домбайские фибулы несомненно отличаются от фибул других районов Кавказа, и, вероятно, можно утверждать их местное производство в глубинных районах горного Карачая. И трудно согласиться с мнением В.И. Козенковой¹⁷, которая предполагает появление морфологического своеобразия прием-

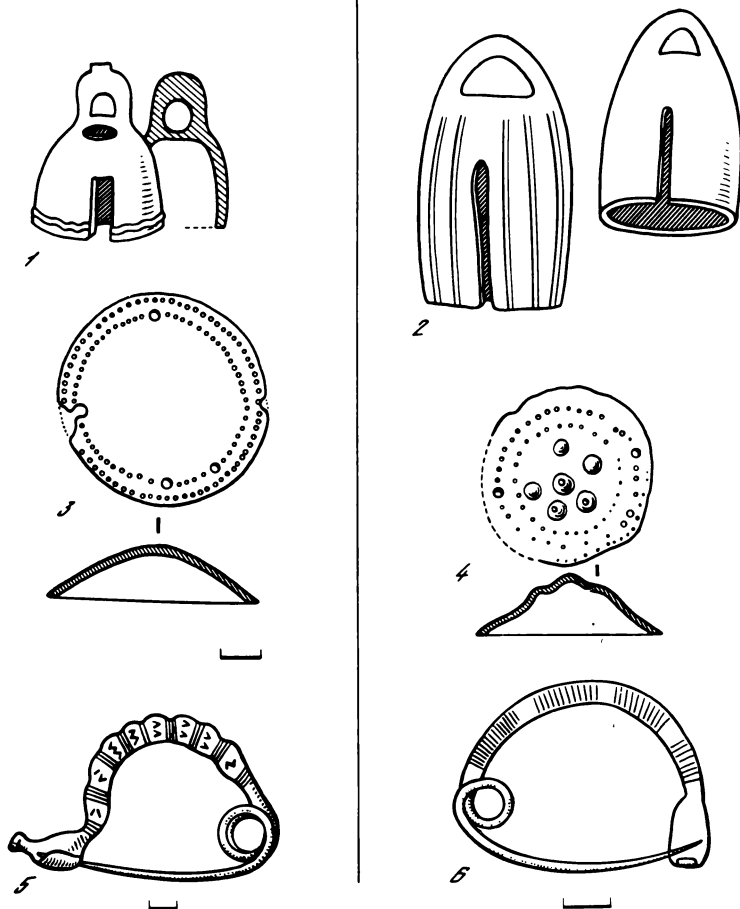

Рис. 3. Сравнительная таблица по прикубанской и позднекобанской культурам

1, 2 — колокольчики; 3, 4 — бляхи; 5, 6 — фибулы

ника у домбайских фибул под влиянием занесенных сюда в высокогорные районы фракийских и италийских образцов, которые, кстати, пока еще здесь даже не обнаружены.

Своеобразие верхнекубанского металлургического очага проявляется не только в фибулах, но и в других изделиях, например колокольчиках, бляхах и булавах, прототипы которых находим здесь же в Прикубанье, а не в соседних или совсем удаленных областях.

Следует сказать, что местные колокольчики отличаются от кобанских формой и другими деталями. Они более округлые, кобанские же имеют более вытянутые пропорции (рис. 3). Отличаются они и прорезями на тулове, здесь они более широкие; наличием отверстий на верхней части колокольчика

для прикрепления железных язычков. На казбекских¹⁸ и чегемских¹⁹ колокольчиках встречаются украшения в виде вертикального рифления, домбайские колокольчики по краю украшены волнистой рельефной линией. Такая орнаментация перекликается с узором на колокольчиках позднего этапа северокавказской культуры, обнаруженных в Усть-Джегутинских курганах²⁰. Следовательно, эти предметы имеют местные прототипы. То же самое можно сказать и о тонких бронзовых бляхах с пунсоном. Они отличаются от позднекобанских и формой и расположением пунсона. Среди позднекобанских блях чаще встречаются двувальные²¹ или круглые с конической поверхностью. Полушаровидные бляхи с отверстием в центре и пунсонным орнаментом хорошо известны в памятниках северокавказской культуры, особенно ее верхнекобанского варианта. По-видимому, отсюда и ведут свое происхождение прикубанские бляхи.

Обломок бронзовой булавки также не находит прямых аналогий среди кобанских материалов. Правда, есть близкая булавка из разрушенного погребения у Нальчика²². Подобная булавка с завернутым верхним концом найдена в Гоначхирском ущелье в 1930 г. и отнесена А.А. Иессеном к материалам местного производства²³.

Указанные находки подтверждают мнение А.А. Иессена о том, что Верхнее Прикубанье представляет район сплошного распространения предметов прикубанского очага металлургии и металлообработки. В пользу того свидетельствует и качественный анализ домбайских вещей, о чем речь уже шла выше. Этим выводам не противоречат и широкие исследования Т.Б. Барцевой. Совершенно справедливо И.М. Чеченов²⁴ проводит западную границу Пятигорского локального варианта между самыми верховьями Кумы и Кубани, а прилегающую с запада к этой границе территорию рассматривает как смешанную зону распространения материалов кобанской и прикубанской культур с преобладанием последней.

Другие из описанных предметов в основном имеют прямые аналогии не только среди кобанских вещей, но и в иных культурных группах этого периода. Например, спиральные пронизки различных диаметров из проволоки, как овальной, так и граненой, широко распространены и долго бытовали в культурах Северного Кавказа. Очкoeвидные подвески, изготовленные из круглой в сечении проволоки со спирально закрученными концами — известный тип украшений в кобанской и синхронных с нею культурах. Они встречены в ряде могильников: Верхней Рутхе, Луговом, Нестеровском, Сержень-Юртовском, Стырфазском, Тлийском и других. Пояса — бронзовые цепи также были нередки в перечисленных могильниках. В позднекобанское время на Северном Кавказе распространены и гривны с гладким стержнем со слегка утолщенным или обрубленным концом. Пластинчатые бронзовые бусы в виде скобочек, а также пояса-цепи в большом количестве имеются в погребениях Лугового могильника, датированных VI—V вв. до н.э.²⁵. К этому же времени относятся и многоцветные стеклянные бусы с глазками и роговидными выступами-шишечками. Железные предметы: нож с утолщенной спинкой, два обломка наконечников копий с лавролистным пером, по одному из которых проходит высокое ребро, фрагменты от двух железных удил — характерны для памятников скифского времени Северного Причерноморья и соседних областей и датируются в основном VI в. до н.э., хотя бытуют они вплоть до IV в. до н.э.²⁶

Итак, подводя итог, можем датировать рассмотренные погребальные комплексы концом VI—V в. до н.э. Думаем также, что найденные вещи являются изделиями местного производства и что эти находки могут подтвердить существование позднего этапа верхнекубанской группы прикубанской культуры, синхронной позднекобанской.

¹Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. — МИА, 1951, N 23, с. 119—121.

²Алексеева Е.П. Находки поздней бронзы в Карачаево-Черкесской автономной области. — СА, 1960, N2, с. 236—241.

³Марковин В.И. Степи и Северный Кавказ. — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 199.

⁴Козенкова В.И., Ложкин М.Н. Находки из погребений позднекобанской культуры в верховьях Кубани. — СА, 1981, N 4, с. 196—204.

⁵Чеченов И.М. К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры. — АЭС. Нальчик, 1974, вып. 1, с. 23.

⁶Нечитайло А.Л. Домбайские могильники. — АО 1967 г. М., 1968, с. 76, 77.

⁷Минаева Т.М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971, с. 55.

⁸Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. — М., 1971, с. 62.

⁹Козенкова В.И., Ложкин М.Н. Находки из погребений..., с. 196.

¹⁰Там же, с. 200—204.

¹¹Барцева Т.Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974, с. 15, 23.

¹²Техов Б.В. О появлении и развитии кав-

казской дугообразной фибулы. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 142.

¹³Артамонова-Полтавцева О.А. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период. — СА, 1950, XIV, с. 45, рис. 17,3.

¹⁴Мунчаев Р.М. Луговой могильник (исследования 1956—1957 гг.). — ДЧИ. М., 1963, с. 155, рис. 10,5; с. 157, рис. 12,17.

¹⁵Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, 1900, VIII, табл. XVIII, 3.

¹⁶Техов Б.В. О появлении..., с. 143, рис. 1.

¹⁷Козенкова В.И., Ложкин М.Н. Находки из погребений..., с. 199.

¹⁸Уварова П.С. Могильники..., с. 150, рис. 135—137.

¹⁹Миллер В.Ф. Терская область. - МАК. 1888, I, с. 131, табл. XXI, 12.

²⁰Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, рис. 39, 93, 94.

²¹Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960; табл. LXVII, 4.

²²Крупнов Е.И. Древняя история ..., с. 427, табл. V, 10.

²³Иессен А.А. Прикубанский очаг ..., с. 91, рис. 19.

²⁴Чеченов И.М. К вопросу о локальных ..., с. 24.

²⁵Мунчаев Р.М. Луговой могильник ..., с. 168, рис. 17,8; с. 211.

²⁶Крупнов Е.И. Древняя история ..., с. 202, 282.

ПСЕДАХСКИЙ МОГИЛЬНИК КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(по раскопкам 1976—1977 гг.)

Могильник эпохи раннего железа близ сел. Пседах Малгобекского района (Чечено-Ингушская АССР) известен в археологической науке более 80 лет. Расположенный на безлесном, северном склоне Сунженского хребта (рис. 1), юго-восточнее и выше селения, он неоднократно привлекал внимание археологов. Приоритет в открытии этого интереснейшего памятника принадлежит В.И. Долбежеву, который в 1898 г. совершал поездку по правобережью среднего течения р. Терек¹. Он собирал в том числе и около Пседаха, древние предметы, среди которых были украшения кобанского типа² (рис. 2,8).

Уточняя местонахождение древнекобанского кладбища, В.И. Долбежев отмечал, что находится оно в верстах трех к востоку от аула Кескем (ныне сел. Советское), на правом берегу ручья, близ ингушского аула Пседах. На предполагаемой площади могильника ("по водомоине близ дороги") В.И. Долбежев раскопал две грунтовые могилы (11 и 12)³. За истекшие десятилетия местность, занятая могильником, мало изменилась. Склон с могильником изоброжден дождевыми потоками. В самой глубокой водомоине (рис. 1), как и много лет назад, местные жители находят древние вещи из размытых могил.

В 1975 г. сотрудниками Чечено-Ингушского университета С.Л. Дударевым и В.А. Петренко были раскопаны еще четыре могилы VI—V вв. до н.э.⁴ (рис. 2, 1—7). Памятник был обозначен ими как "Пседахский-2 могильник"⁵, что нельзя признать удачным, поскольку этим неосновательно увеличивается число кобанских памятников в районе.

Настоящая статья посвящена публикации новых материалов, полученных в 1976—1977 гг. отрядом Института археологии АН СССР. Раскопки были произведены в связи с поступившим сигналом о продолжающихся размывах памятника. Учителем школы в сел. Пседах Р. Гардаловым в Москву были доставлены две находки, интересные для изучения кобанской культуры. Обе были обнаружены на дне промоины (рис. 3,1). Их первоначальное положение неизвестно.

1. Бронзовые двукольчатые удила. Одно звено имело на конце овальное кольцо, стержень украшен насечкой "в клеточку". Литейные швы заглажены. Длина звена 10,5 см. Второе звено более короткое, с хорошо выраженными литейными швами. На наружном конце стремечко. Стержень звена-без орнамента, овалный в сечении. Длина звена 9 см (рис. 3,3).

2. Бронзовый топор раннекобанского типа (рис. 3,4). Лезвие широкое, округлое. Обух дважды изогнут. Проушина овальной формы. Пятка обуха хорошо выражена, граненая. Поверхность топора покрыта гравированным орнаментом. Геометрические узоры сочетаются с изображением змей. Длина топора 18 см, ширина лезвия 7 см, размеры проушины 4,5×2 см.

Перед началом работ был проведен осмотр промоины и отмечены места, где обнажились остатки погребений или отдельные предметы. В ее северной верхней части была найдена игла-застежка от бронзовой фибулы и обломок сосуда с орнаментом,

Рис. 1. Вид на могильник с севера

в средней части обнаружено глиняное усеченно-коническое пряслице с вогнутым основанием (рис. 2,9—11; 3,2).

Поверхностные признаки могил не прослеживались. Только раскопами (исследовано более чем 160 кв. м) выявлено семь грунтовых погребений, расстояние между которыми превышало 8 м.

Погребение 1. Глубина захоронения от поверхности 0,45—0,5 м (рис. 3,1). Уцелела небольшая часть могилы. Погребение парное, плохой сохранности (остатки двух черепов) можно думать, что погребенные лежали на правом боку и были ориентированы на северо-восток (рис. 4,1). Руки, видимо, находились перед лицом, так как между черепами обнаружены фаланги руки (на одной фаланге — бронзовое колечко). Около черепа в северной части могилы обнаружена бронзовая спираль — украшение головного убора (рис. 5, 5—6). Такая же спираль и около второго черепа. В области шеи бронзовая гривна в виде круглого гладкого прута с раскованными и закругленными в трубочку концами (рис. 5,4). Здесь же у плеча лежала острием к черепу бронзовая булава из уплощенного в сечении стержня с навершием, свернутым в трубочку (рис. 5,7). На черепе обнаружена бронзовая панцирная пластинка, являющаяся украшением головного убора (рис. 5,3). Под черепом оказалось скопление бус. В его составе: глиняная бусина биконической формы (рис. 5,2), три сердоликовые бусины, ярко-красные и розовые, довольно грубые, одностороннего сверления, три мелкие (диаметр 0,3 см) сурьмяные бусины дисковидной формы; голубой бисер цилиндрической формы (около 200 штук). Юго-восточнее черепа обнаружены два сосуда: большая чернолощевая корчага с шаровидным туловом, плавно отогнутым венчиком и неболь-

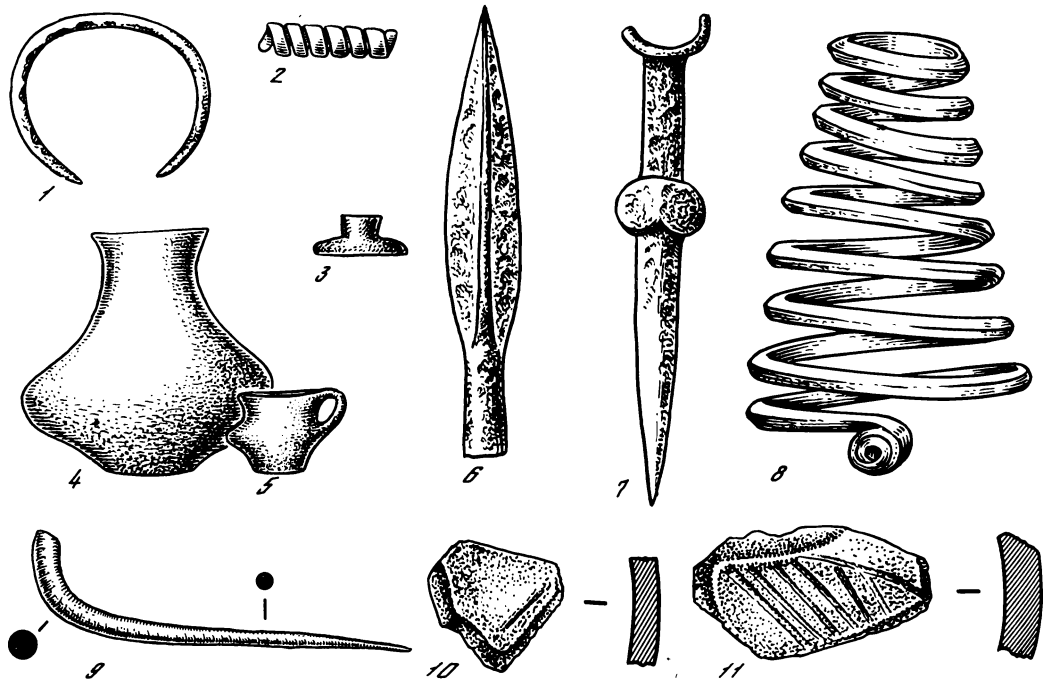

Рис. 2. Сел. Пседах. Находки с территории могильника

1—7 — предметы из разведочных раскопок С.Л. Дударева в 1975 г. (рисунок в газете "Ленинское знамя", 1975, № 121); 8 — спиральный бронзовый браслет (разведки В.И. Долбежева в 1898 г.); 9—11 — обломки фибулы и керамика (сборы в промоине в 1976 г. В.И. Козенковой и М.Х. Багаева)

шим дном (рис. 4,1; 5,8) и небольшой сосуд с ручкой и округлым туловом. Средняя часть этого сосуда украшена прочерченным геометрическим орнаментом, в виде треугольников, опущенных вершинами вниз (рис. 4,1; 5,1).

Погребение 2 обнаружено на западном краю промоины (рис. 3). Здесь на глубине 0,5 м были отмечены обломки сосуда (рис. 4,2) и глиняное пряслице (рис. 6, 1,2). Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет лежал на правом боку, скорченно, головой на северо-восток (рис. 6,1). Руки согнуты в локтях и покоились перед лицом. Под подбородком была обнаружена бронзовая привеска — "рогатая" птичка (рис. 6,7). У правого плеча лежала бронзовая булавка с витым стержнем и навершием в виде трубочки, а вторая такая же булавка — около локтевой кости правой руки (рис. 4,2; 6,10,11). В сгибе локтя найдена бронзовая бляшка (соляренный значок в виде четырехлучевой розетки, рис. 6,9), рядом — бронзовая спиралька-пронизь и бронзовая пуговица (рис. 6,13). В сгибе локтя левой руки — две уплощенно-биконические гешировые бусины (рис. 6,2,4). Такой же формы бусина, но глиняная, обнаружена у колен (рис. 6,6). Обломок гешировой бусины и трех мелких кольцевидных сурьмяных найдены в области груди. Вокруг головы, на груди и около колен, а также севернее скелета отмечено скопление голубого пастового бисера — украшение платья. За спиной скелета, около голо-

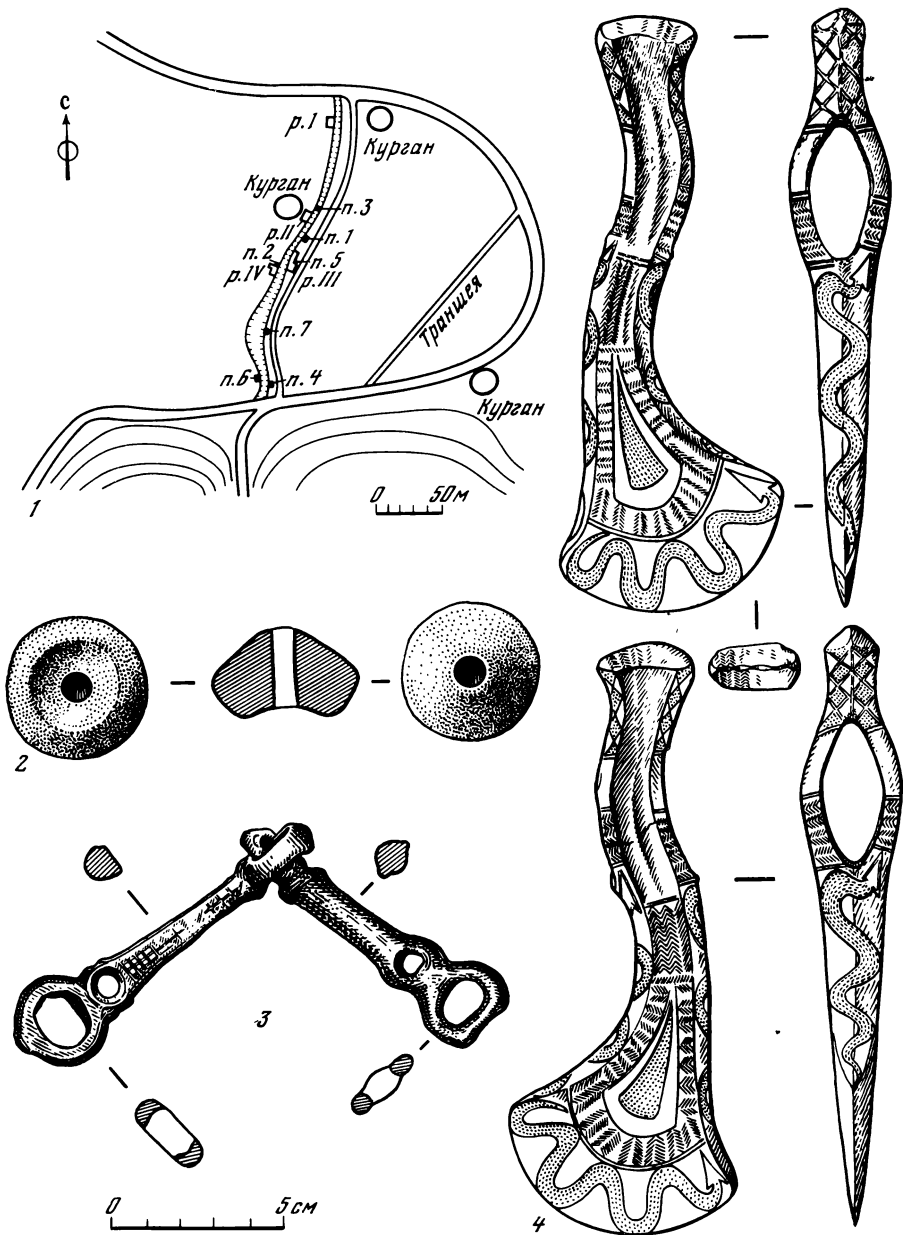

Рис. 3. План расположения раскопов 1976—1977 гг. (I—IV) и случайные находки из промонны
 1 — схема-план промонны; 2 — пряслице; 3 — удила; 4.а.б — топор кобанского типа; 2 — глина; 3, 4.а.б — бронза

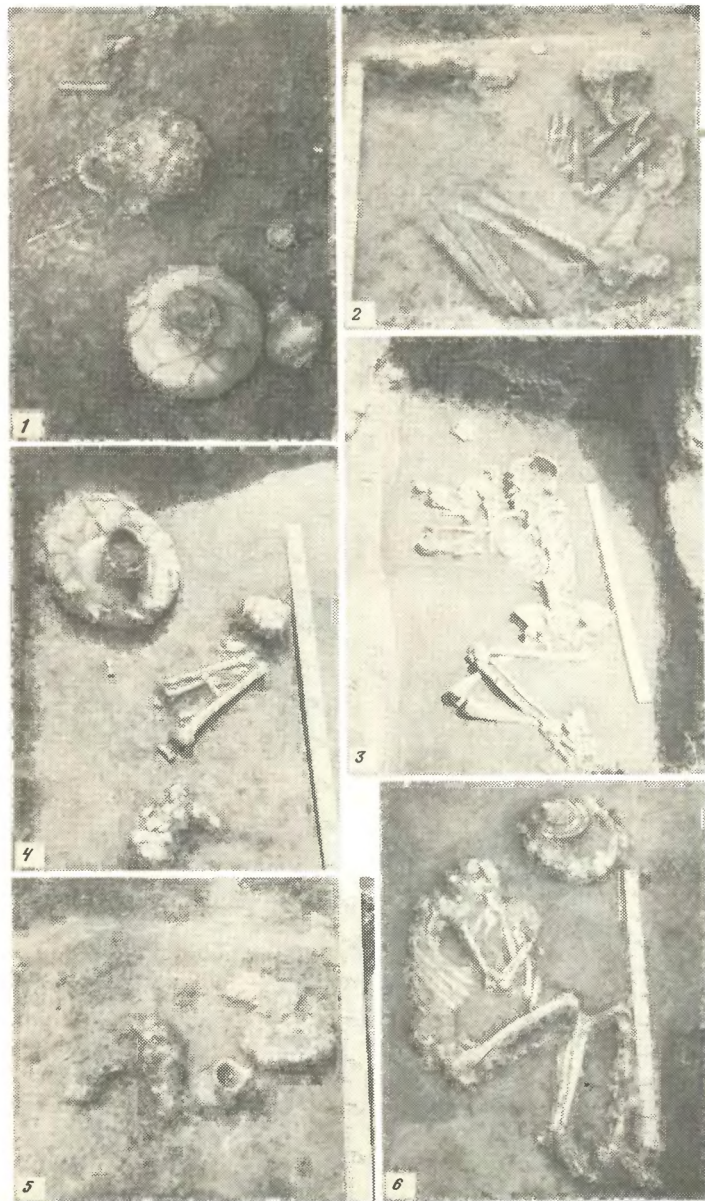

Рис. 4. Пседахский могильник. Общий вид погребений

1 — погребение 1; 2 — погребение 2; 3 — погребение 3; 4 — погребение 4; 5 — погребение 7; 6 — погребение 5

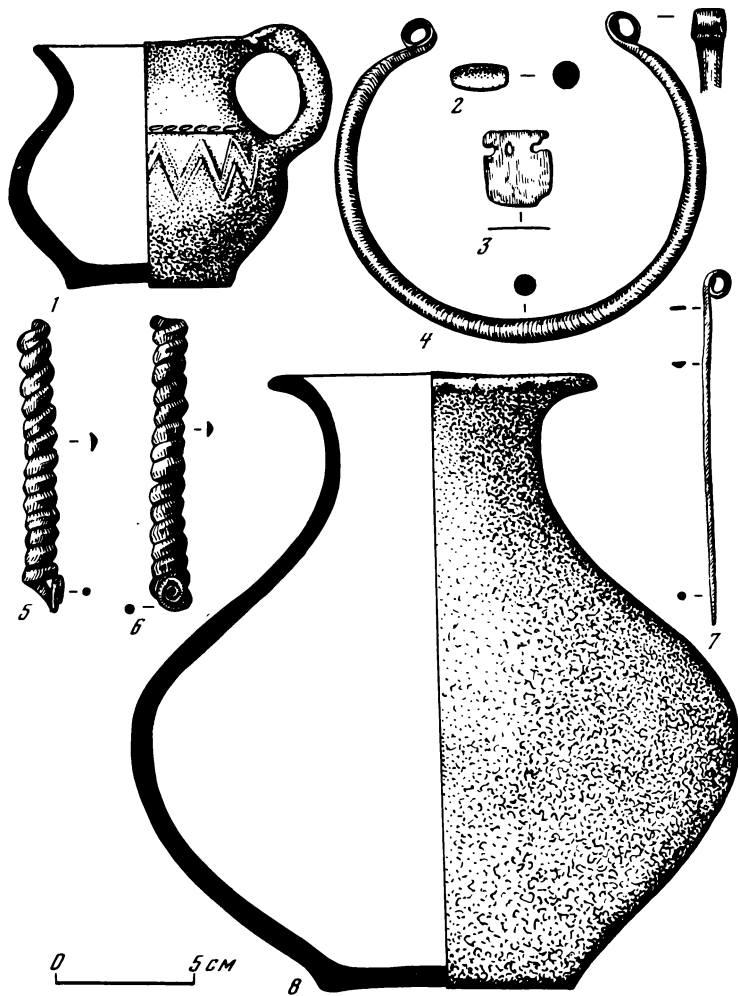

Рис. 5. Пседахский могильник. Погребальный инвентарь из могилы 1

1, 8 — сосуды; 2 — бусина; 3 — панцирная пластинка; 4 — гривна; 5, 6 — спирали — украшение головного убора; 7 — булавка: 1, 2, 8 — глина; остальные — бронза

вы лежала тонкая бронзовая бляха диаметром 7—8 см, слегка выпуклая и с петлей на обороте (рис. 6,8). Севернее черепа лежали обломки большого сосуда, чренолощенного, без орнамента, и еще одного меньшего размера. Формы их не восстанавливаются. В засыпи отмечено много мелких углей. Атропологические данные свидетельствуют, что здесь погребена была женщина в возрасте 30—40 лет. Она имела зубы со своеобразными лопатообразными верхними резцами.

Погребение 3 обнаружено на дне промоины. Глубина захоронения 1,25 м (рис. 4,3). Погребение расположено в 40 м севернее погребения 2 (рис. 3,1).

Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет хорошей сохранности (рис. 7, 1) лежал на правом боку, головой на восток, ноги слегка скорчены, ступни тесно сжаты, таз вывернут. Руки костяка согнуты в локтях и покоятся перед лицом. Череп раздавлен, но челюсти сохранились хорошо. На погребенном было довольно много украшений. На черепе и под ним лежали массивные серьги сложной формы в виде бронзового кольца с биконической подвеской (рис. 7, 25, 26; 8, 1). В области шеи и груди россыпь из бронзовых спиралек (рис. 7, 15—19, 22), мелких бронзовых плоских волют (рис. 7, 20, 21), стеклянных бус желтого и голубого цвета (рис. 7, 6—8), бронзовых бус "скобочек" (рис. 7, 10—13), голубого бисера (рис. 7, 4). В состав ожерелья были включены также черная стеклянная бусина бочковидной формы (рис. 7, 7) и две рубленные сердоликовые бусины темно-коричневого цвета (рис. 7, 14, 18). Здесь же в области груди лежали 26 мелких литых пуговиц из сурьмы (рис. 7, 2, 3, 5). На запястьях рук — бронзовые массивные браслеты с несомкнутыми концами, украшенные поперечными насечками по лицевой стороне (рис. 7, 28, 28; 8, 1). На обеих руках на фалангах среднего пальца находились бронзовые перстни со щитками в виде двух волют (рис. 7, 23, 24; 8, 1). Перед грудью и лицом скелета лежали части тушки барана: челюсти, часть черепа, кости конечностей (рис. 8, 1). Рядом положена миниатюрная плошка (рис. 7, 30; 8, 1, 3), а около сосутика оказались комочки ярко-красной охры. Они обнаружены и близ челюсти животного. Рядом с головой барана лежало глиняное пряслице (рис. 7, 29). Перед лицом, под костями рук оказался сильно раздавленный черноглиняный сосуд, форма которого неясна (рис. 4, 3; 8, 1). Фрагменты большого коричневатого сосуда, без лощения, обнаружены к востоку от головы (рис. 8, 1). Около костей левой руки находился бараний астрагал.

Антропологические определения показали, что была захоронена женщина 25—30 лет с массивным сводом черепа, с сильно стертными зубами. Особенностью строения черепа является заметная ортогнатность челюстей, которые сильно выдавались вперед.⁶

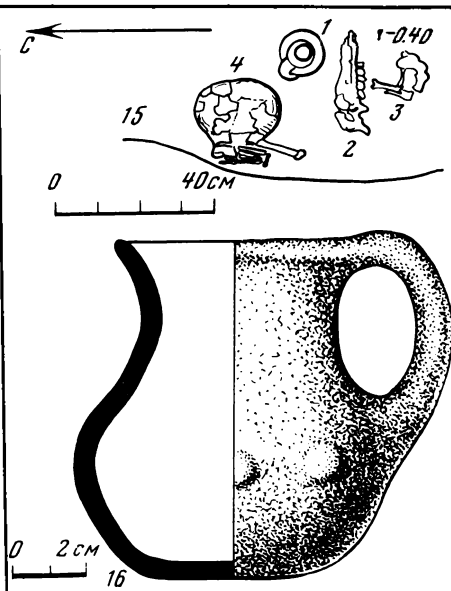
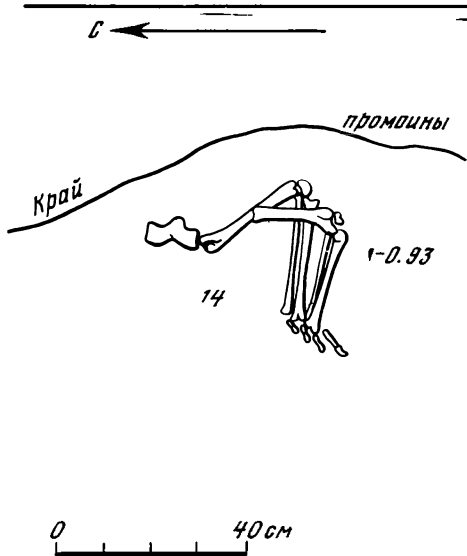
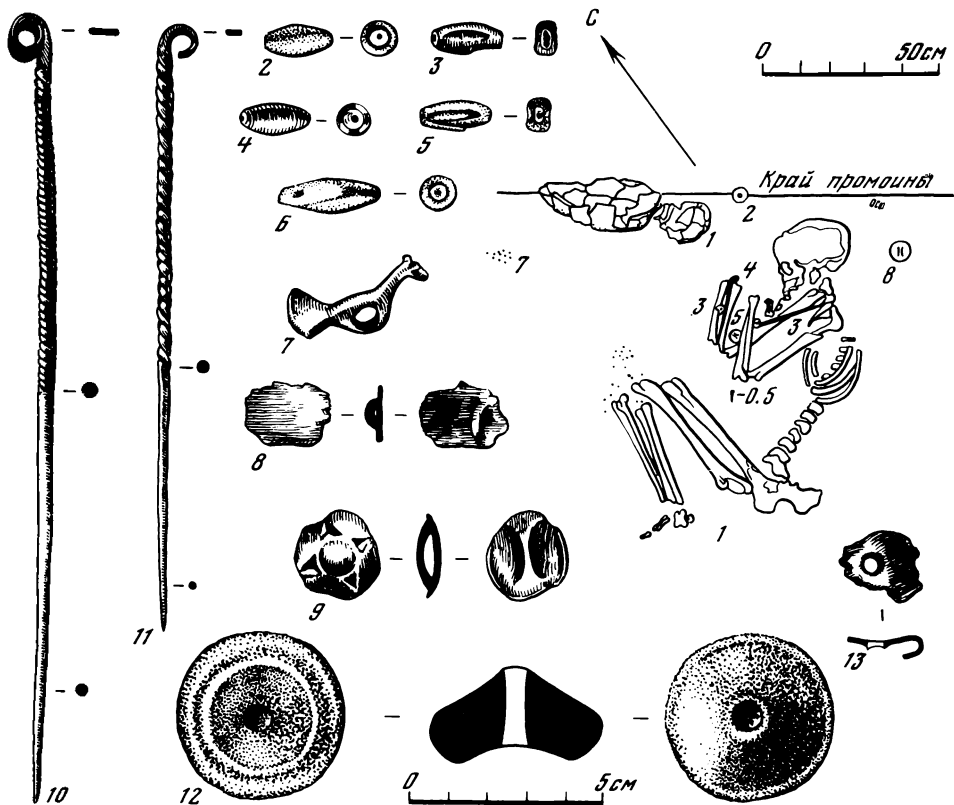
Погребение 4 обнаружено в восточной стене промонны (рис. 3, 1).

На глубине 0,7 м расчищены фрагменты черепа и кости (рис. 4, 4). Можно предполагать, что погребенный лежал скорченно, головой на северо-восток (рис. 9, 1). Около колен расчищены баночный сосуд (рис. 9, 2) и челюсть барана. Южнее ног стояла большая корчага (рис. 9, 3), чернолощенная, украшенная округлыми выступами и прочерченным орнаментом в виде ромбов. Внутри ее находилась большая серолощенная кружка (рис. 10, 4). В засыпи могилы, особенно около костей ног, отмечены угольки.

Погребение 5 обнаружено на глубине 0,74 м (рис. 3, 1). Яма не прослеживалась, но засыпь над погребением содержала известковые включения. Здесь был расчищен скелет человека, лежавший на левом боку, в слабо скорченной позе, но с сильно выгнутым позвоночником (рис. 4, б). Ориентирован

Рис. 6. Пседахский могильник. Погребенный инвентарь из могил 2, б, 7

1 — план погребения 2 (1 — керамика; 2 — пряслице; 3 — подвеска; 4 — булавка; 5 — пуговица; 6 — птичка-привеска; 7 — бусы, бисер; 8 — бляха). Предметы из погребения 2: 2—6 — бусы; 7 — привеска-птичка; 8, 9 — бляхи; 10, 11 — булавки; 12 — пряслице; 13 — пуговица; 14 — план разрушенного погребения б без вещей; 15 — план разрушенного погребения 7 (1 — керамика; 2 — челюсть свиньи; 3 — кости барана; 4 — обломки черепа); 16 — сосуд из погребения 7: 2, б, 12, 16 — глина; 3—5 — гагат; 7—11, 13 — бронза

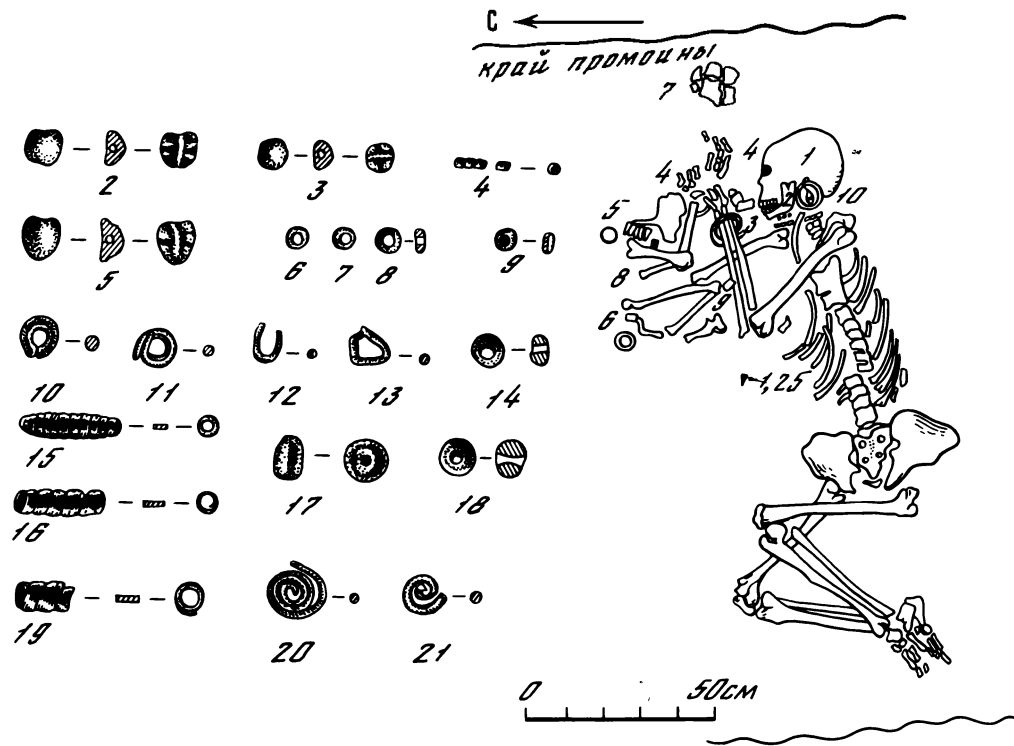

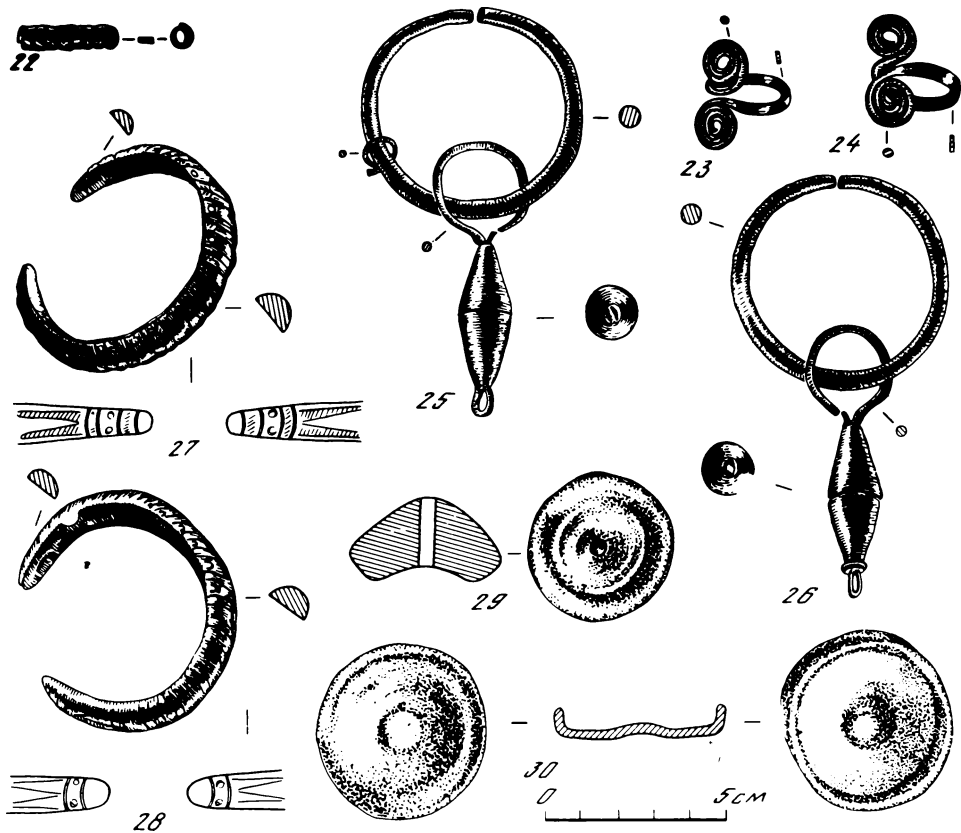
Рис. 7. Пседахский могильник. Погребальный инвентарь из могилы 3

1 — план погребения (1 — серьги; 2 — бусы; 3 — браслет; 4 — перстни; 5 — пряслице; 6 — сосудик; 7 — фрагменты сосуда; 8 — охра; 9 — бараний астрагал; 10 — спиральки); 2, 3, 5 — пуговицы; 4, 6—14, 17, 18 — бусы; 15, 16, 19, 22 — спиральки-пронизи; 20, 21 — завитки-пронизи; 23, 24 — перстни; 25, 26 — серьги; 27, 28 — браслеты; 29 — пряслице; 30 — миниатюрная плешка; 2, 3, 5, 10—13, 15, 16, 19—28 — бронза; 4 — голубая стекловидная паста; 6—9, 14, 18 — сердолик; 17, 29, 30 — глина

головой на восток. Руки согнуты в локтях, а кисти их лежали перед лицом (рис. 11, 1). Череп разрушен. Возле него и локтей отмечены деревянные угли. Около рук лежал точильный брусок с двусторонне просверленным отверстием из плотного красноватого сланца (рис. 11, 3), рядом — астрагал барана (рис. 11, 4) со следами охры. В 10—15 см к юго-востоку от черепа стояла сероглиняная корчага с тонким выпуклым нелепым валиком на горловине (рис. 4, 6; 11, 5). Сверху она была покрыта большой кружкой (рис. 11, 2). С южной стороны около корчаги лежали челюсть, ноги и часть черепа барана (рис. 4, 6).

Скелет принадлежал старой женщине 60—70 лет, с сильно источенными зубами и прямым лбом. Черепные швы полностью заросли.

Погребение 6 обнаружено в западной стенке промоины, близ погребения 4 (рис. 3, 1). Глубина от поверхности 0,93 м. Верхняя половина скелета смыта. Сохранились лишь часть таза и кости ног (рис. 6, 14). Судя по их расположению, погребенный лежал на левом боку, скорченно, головой на северо-восток. Никаких предметов не было.

Погребение 7 выявлено в восточной стенке промоины (рис. 3). Оно расположено в 37 м к северу от погребения 4. На глубине 0,4 м были расчищены остатки скелета (рис. 4, 5). Сохранился раздавленный череп и кости рук (рис. 6, 15). Можно предполагать, что скелет лежал головой на восток. Юго-восточнее черепа стоял приземистый сосуд с ручкой, украшенный по тулову выпуклыми налестками (рис. 4, 5, 6, 16). Поверхность грубая, охристо-коричневого цвета. Рядом с ним лежали челюсть свиньи и кости барана (рис. 4, 5).

Итак, исследованные новые погребения Пседахского могильника кобанской культуры, несмотря на разную степень сохранности, во многом подтвердили то, что было известно о погребальном обряде памятника⁷. В то же время они внесли и коррективы относительно деталей погребального обычая, а главное, относительно хронологии древнего кладбища. В отличие от двух могил, исследованных ранее В.И. Долбежевым, имевших каменную наброску, все семь могил, раскопанных в 1976—1977 гг., не имели или не сохранили надмогильных сооружений. Все же остальные детали обряда, тип могилы (II тип, I вариант по нашей классификации)⁸ были точно такими же, как в погре-

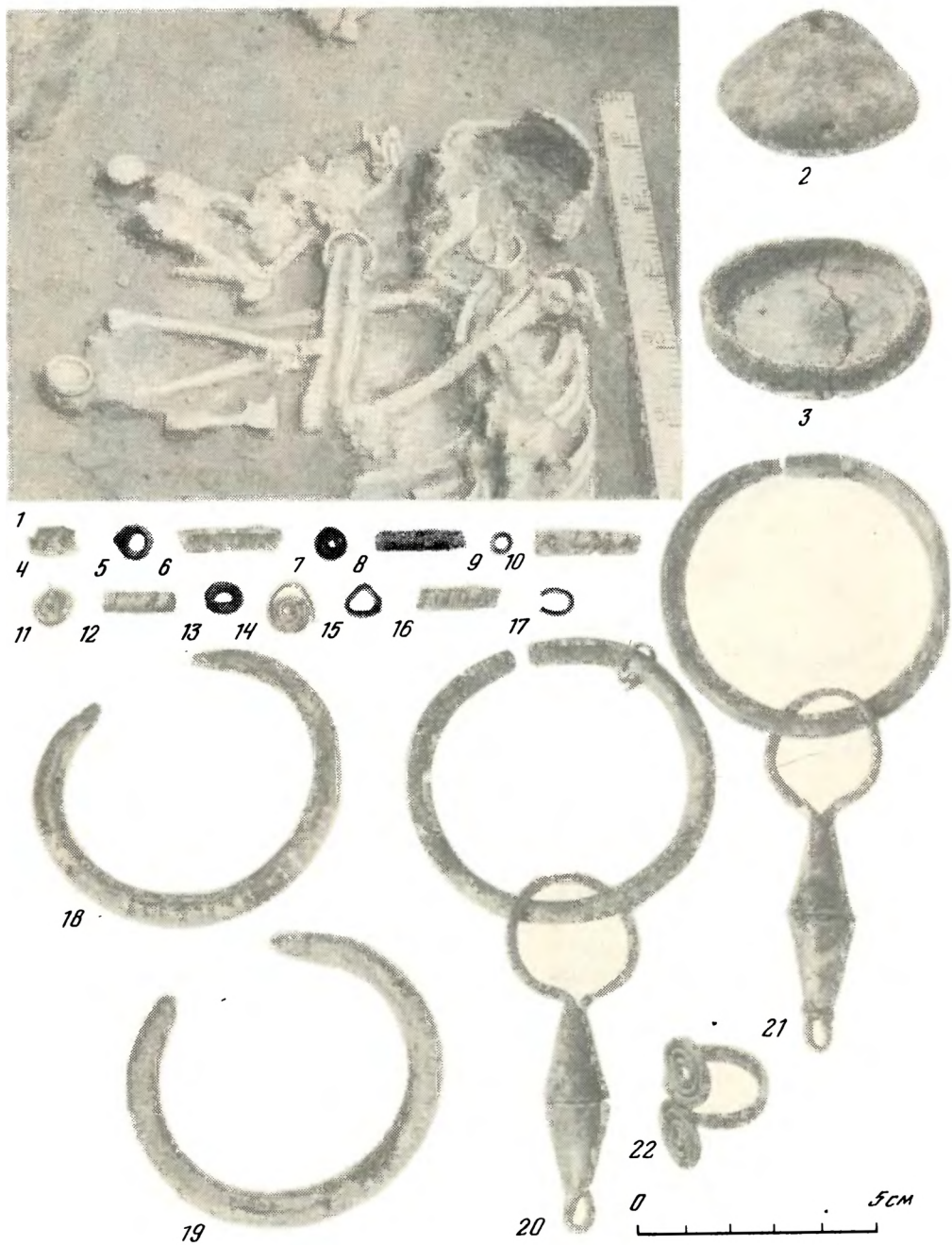

Рис. 8. Пседахский могильник. Фото могилы 3
 1 — расположение вещей in situ; 2—22 — фото вещей

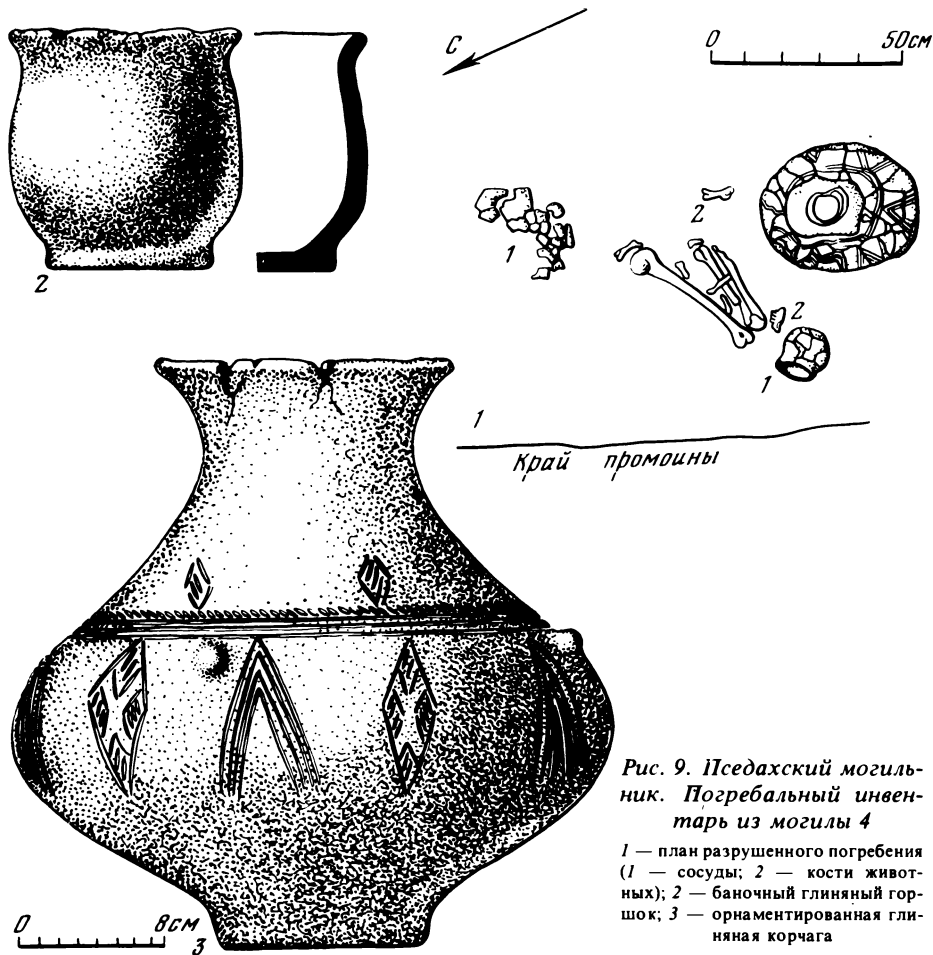

Рис. 9. Пседахский могильник. Погребальный инвентарь из могилы 4

1 — план разрушенного погребения (1 — сосуды; 2 — кости животных); 2 — баночный глиняный горшок; 3 — орнаментированная глиняная корчага

бениях 11 и 12 (раскопки 1898 г.). Из семи могил в шести обнаружены индивидуальные труположения, а в погребении 1 — парное. Прямые и косвенные данные говорят о погребениях в скорченной позе на боку. Преобладали захоронения на правом боку. Лишь в могилах 5 и 6 покойники оказались уложенными на левый бок. Там, где удалось зафиксировать особенности положения костяков, замечено, что у всех руки согнуты в локтях и кистях и покоились около лица (погребения 1—3,5), а ноги или сильно скорчены (погребения 2,6) или слегка согнуты (погребения 3,5). Таким образом, большинство деталей погребального обряда могильника характерны для погребального ритуала восточного варианта кобанской культуры⁹. Ориентировка погребенных восточная (погребения 3,5,7) или северо-восточная (погребения 1,2,4,6). Головой на восток были положены покойники и в двух могилах, раскопанных В.И. Долбежевым, а также в доследованных В.А. Петренко и С.Л. Дударевым¹⁰.

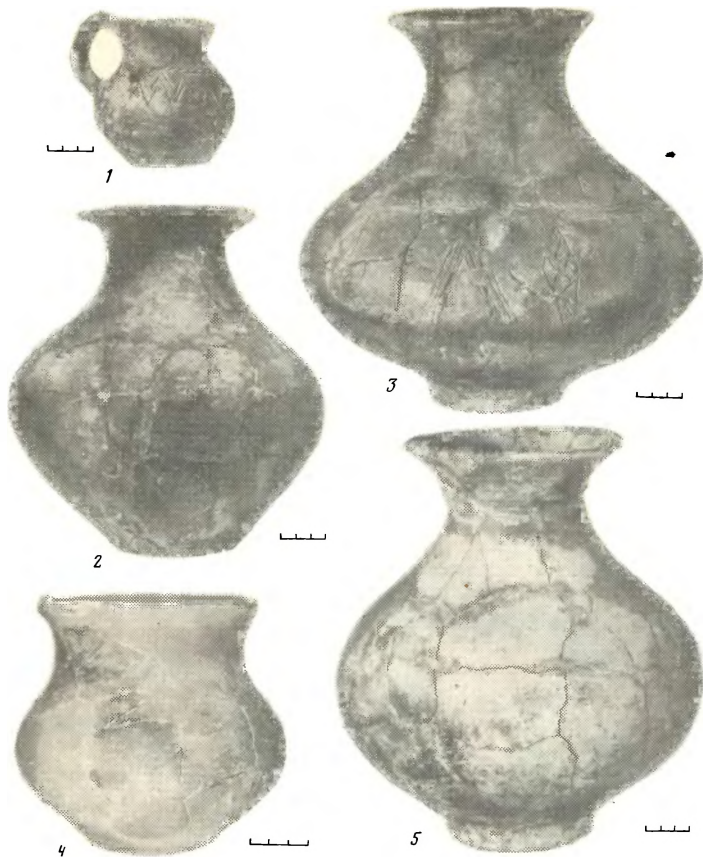

Рис. 10. Пседахский могильник. Фото сосудов из погребений
1, 2 — могила 1; 3 — могила 4; 4, 5 — могила 5

В погребениях 3 и 5 сохранились остатки заупокойной пищи (кости барана). Отмечен обычай посыпания захороненных древесными угольками (погребения 2,4,5). В погребении 3 засвидетельствован огневой ритуал, символом которого являлась охра яркого цвета. Этот обычай также играл заметную роль в обряде восточных кобанцев (могильники Сержень-Юртовский, Аллероевский-1, Урусмартановский, Исти-су, Луговой) на протяжении всей первой половины I тысячелетия до н.э.¹¹

Исследованные в 1976—1977 гг. могилы отличались разнообразием погребального инвентаря. Он состоял из глиняной лепной посуды, орудий труда, украшений. Из разрушенных могил происходят предметы вооружения и конской узды. Сосуды представлены корчагами (погребения 1—5), черпаками (погребения 1,4—6), горшком (погребение 4) и миниатюрной плошкой или мисочкой (погребение 3).

Корчаги (рис. 12, 2,3,5) двух разновидностей. К первой относится корчага

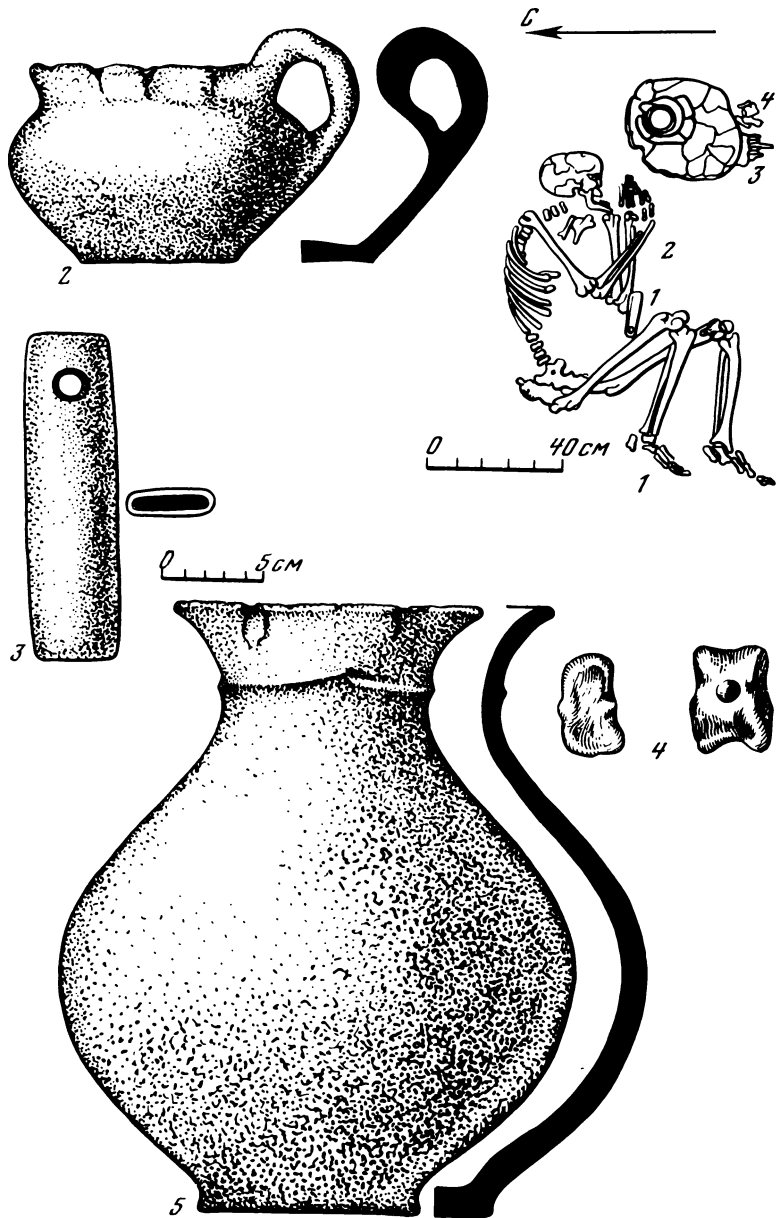

Рис. 11. Пседахский могильник. Погребальный инвентарь из могилы 5
 план погребения (1 — оселок; 2 — бараний астрагал; 3 — кости животных; 4 — сосуды); 2 — глиняная кружка;
 3 — точильный камень; 4 — астрагал; 5 — глиняная корчага

из погребения 4 (рис. 9, 3). Это высокий стройный сосуд с расширенным и приплюснуто-шаровидным туловом, узким горлом и неустойчивым дном. Венчик прямой, плавно отогнут наружу. Поверхность черная, со следами лощения. На тулове широкая зона прочерченного орнамента из заштрихованных ромбов, вписанных друг в друга углов, трех параллельных линий и пояса из семечковидных нарезок. На месте перехода от плечиков к тулову четыре выпуклых сосцевидных налепа. Высота сосуда 29,2 см, наибольший диаметр тулова 29 см, диаметр венчика 14,5 см, диаметр дна 9,5 см. Точных аналогий нет, но пропорции, элементы декора и технологические особенности напоминают корчаги из слоя X—VIII вв. до н.э. Змейского поселения центрального варианта кобанской культуры¹². Вторая разновидность корчаг представлена двумя сосудами из погребений 1 и 5 (рис. 5, 8; 11, 5). Они стройные, с шаровидным туловом, узким горлом, плавно отогнутым венчиком и узким дном. Поверхность темно-серая, лощеная. Корчага из погребения 1 (высота 23,5 см, диаметр тулова 22 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 9,2 см) без орнамента. Корчага из погребения 5 (высота 30,5 см, диаметр тулова 25 см, диаметр венчика 15 см, диаметр дна 11 см) имела посередине горла рельефный валик. Сосуды таких пропорций более обычны для ареала восточного варианта в памятниках VIII—VII вв. до н.э. (Сержень-Юртовское поселение и могильник, некоторые погребения Зандакского могильника, Бамутское поселение)¹³.

Непренной принадлежностью керамического комплекса исследованных в 1976—1977 гг. погребений являлись глиняные черпаки, близкие по форме кружкам (погребения 4,5) или приземистым кувшинчикам (погребения 1,6). Они толстостенны, с шаровидным туловом, узкой шейкой со слегка отогнутым венчиком и высокой петлевидной ручкой. Поверхность темно-серая или черная, слегка залощена (рис. 12, 18, 20; 10, 1). Лишь один из них (погребение 1) орнаментирован прочерченной двойной ломаной линией в сочетании с углубленной бороздкой и поясом косых насечек (рис. 5, 1). Черпак из погребения 6 украшен выпуклыми сосцевидными налепами. Высота сосудов от 8,2 до 9,2 см, диаметр тулова 10—13 см. В могилах черпаки помещались рядом с корчагой, как в погребении 1, но чаще прикрывали горловины крупных сосудов (погребения 4,5), что позволяет определить их назначение. Черпаки редки среди посуды восточного варианта и не похожи на пседахские. Близкие им встречены только среди керамики Змейского поселения центрального варианта (V тип, по классификации Е.И. Крупнова и Д.В. Деопика)¹⁵.

Среди сосудов погребения 4 находился также *баночный горшок* (рис. 9, 2). Изготовленный довольно грубо, он имел выпуклые бока, широкое дно и слегка отогнутый венчик. Высота (10 см) почти равна наибольшему диаметру тулова (9,5 см), диаметр венчика 9,5 см, диаметр дна 6,8 см. По пропорциям, технологическим особенностям близок некоторым горшкам, типичным для памятников восточного варианта всей первой половины I тысячелетия до н.э. (II тип, I вариант, по моей классификации)¹⁶. Таковы баночные сосуды из Змейского поселения (IV тип, по Е.И. Крупнову и Д.В. Деопику)¹⁷.

Миниатюрная плошка в форме мисочки обнаружена в погребении 3 (рис. 7, 30; 8, 3). Она имела бортики, вертикально поднимающиеся от доньшка. Венчик прямой с плоским краем. Дно вогнуто внутрь. Диаметр сосуда 4,7 см, высота 0,9 см. Тесто плотное, серого цвета. Поверхность залощена.

Рис. 12. Пседахский могильник. Фото предметов из погребений

1, 2, 5, 11—13 — из могилы 1; 3, 4, 6—9, 17 — из могилы 2; 10, 16, 20 — из могилы 5; 19 — из могилы 4; 18 — из могилы 7;
14, 15 — случайные находки из промойны

Сосудик напоминает миски кобанской культуры скифского периода (XI тип, по моей классификации). Подобные встречены на территории центрального (Ниже-Джунатский, Нартанский могильники), западного (Каррас) и восточного вариантов (Нестеровский могильник, Наурское поселение)¹⁸. Ритуальное назначение сосуда в погребении 3 доказывается наличием рядом кусочков охры.

Орудия труда в погребениях представлены двумя глиняными пряслицами (погребения 2,3) и точильным камнем — оселком (погребение 5).

Пряслица (рис. 6, 12; 7, 29; 12, 17) усеченно-биконической формы (IV тип) с вогнутым основанием. Тип этот характерен для центрального и западного вариантов первой половины I тысячелетия до н.э., в основном для предскифского периода. Диаметр пряслиц 4,2 см, высота 2,2 см. На территории восточного варианта встречены на (Сержень-Юртовском поселении, и в Нестеровском и Луговом могильниках)¹⁹.

Оселок из погребения 5 (рис. 9, 3; 10, 16) изготовлен из продолговатого, хорошо полированного каменного бруска красноватого цвета. Форма прямоугольная. На одном из концов большое отверстие двусторонне-конического сверления (II тип, по В.И. Козенковой)²⁰. Длина 13,5 см, ширина 3,8 см, толщина 1,2 см. Размеры и форма его типичны для памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железу²¹. Появление и распространение массивных точильных камней А.И. Тереножкин возводил к позднесрубной культуре и связывал с распространением железа. Однако подобные оселки встречены в Закавказье, в частности в урартских памятниках IX—VIII вв. до н.э. (из Кармир-Блура происходит оселок с нанесенными на нем клинописными знаками, точно датирующими его не позднее VIII в. до н.э.)²².

Украшения — самая многочисленная группа предметов найдены в трех погребениях, их набор довольно обычен для кобанской культуры. Это — гривна, булавки, браслеты, перстни, серьги, спирали для головного убора, привески, бляхи, пуговицы, спиральки-пронизи, многочисленные бусы.

Гривна из погребения 1 типично кобанская — из гладкого бронзового дрота диаметром 0,7 см, концы которого раскованы в пластинки и завернуты в трубочки (рис. 5, 4; 12, 13). Размеры гривны 12,5 × 13,5 см. На территории распространения памятников восточного варианта такая гривна (I тип, 1 вариант, по В.И. Козенковой) найдена в слое Сержень-Юртовского поселения среди украшений клада VIII в. до н.э.²³ и из разрушенных погребений близ селения Алпатово²⁴. Но наиболее массовые аналогии известны в памятниках XII—VII вв. до н.э. центрального и западного вариантов (Кобанский, Глийский, Верхнерутхинский, Березовский, Индустрийный-I, Инжичукунский могильники)²⁵.

Бронзовые булавки украшали костюмы погребенных в могилах 1 и 2. Относятся к одному типу стержневидных булавок с наверху, закрученным в трубочку (VI тип, по В.И. Козенковой), известному на Центральном Кавказе с XIV—XIII вв. до н.э.²⁶ Булавка из погребения 1 имела длину 13,6 см. Стержень в сечении подтреугольный (рис. 5, 7; 12, 2), что отличает ее от экземпляров кобанской культуры круглых или квадратных в сечении у вершины. Именно такие две булавки входили в комплекс погребения 3. Они длинные (16,2 и 20,4 см), с витым стержнем; конец булавок круглый в сечении, заострен (рис. 6, 10, 11; 12, 3, 4). В ареале восточного варианта аналогии имеются в материалах X—VIII вв. до н.э. (Сержень-Юртовский и

Шароевский могильники)²⁷. Обычны они и в синхронных погребениях более западных областей культуры (Змейское поселение, Кобанский, Глийский, Заюковский, Терезинский могильники)²⁸.

Браслеты входили в комплекс погребения 3. Изготовленные из бронзового выпукло-уплощенного в сечении дрота, они имели несомкнутые или слегка зауженные концы. Лицевая сторона их украшена поперечными насечками, чередующимися с елочным узором и кружками (рис. 7, 27, 28; 8, 18, 19). Размеры 5,6 × 6,7 см; ширина 0,8 см. Морфологически они относятся к X типу, по нашей классификации²⁹, и характерны для кобанской культуры позднего этапа (примерно VII—VI вв. до н.э.). В памятниках восточного варианта близкие им параллели известны в погребениях Воздвиженской на р. Аргун и из могильника близ Лермонтов—Юрта³⁰ и из Новогрозненского могильника³¹. Западнее они встречены среди случайных находок из бассейна р. Баксан.

Перстни со щитками в виде двух плоских спиралей находились на костях рук погребенного в могиле 3 (рис. 8, 1). Они изготовлены из бронзовой пластинки шириной 0,3 см. Диаметр перстней 1,5 см (рис. 7, 23, 24; 8, 22). Точно такой же перстень найден в погребении 11 (раскопки В.И. Долбежева), дата которого по железному топору и кинжалу с брусковидным навершием и бачковидным перекрестием скифоидного типа определяется VI в. до н.э.³² Хорошо известны такие перстни и в других позднекобанских памятниках VI—V вв. до н.э. (1 тип, 2 вариант, по нашей классификации)³³, в основном восточного варианта.

Серьги сложной конструкции — одна из самых примечательных находок в погребении 3. Основу конструкции составляет бронзовое кольцо диаметром 6,2 см, из круглого дрота. Концы плотно сомкнуты. На кольцо прикреплены малое колечко из тонкой проволоки и крупная биконическая привеска (V тип, вариант, 2, по нашей классификации)³⁴. Длина серьги 8 см, длина биконической составной части 5 см, при диаметре по средней линии 1,6 см (рис. 7, 25, 26). Форма украшения уникальна, но благодаря биконической привеске может быть датирована достаточно определенно. Украшения аналогичной формы Р.М. Мунчаев определяет как серьги, В.Б. Виноградов — как привески, Е.И. Крупнов также считал их серьгами, но не выделял из группы привесок³⁵. Атрибуция их как сережек определялась расположением у черепа (в области ушей) уже в Луговом могильнике (например, в погребении 110)³⁶, но особенно уточняется их место в системе украшений положением в погребении 3 Пседахского могильника (рис. 8, 1). Разные варианты биконических серег хорошо представлены в предгорных памятниках позднекобанского типа, в основном восточного варианта (Нестеровская, Луговое, станица Ассинская, поселок Новогрозненский)³⁷, но встречены они и на территории центральной группы (Нартан, Шалушки)³⁸. Датируются в пределах VI—V вв. до н.э., причем хорошо выявляется линия их развития на месте от более ранних, крупных и полых (как в Пседахе), из бронзового или золотого листа к более поздним, небольшим, скрученным из проволоки (Шалушки) или литым (Луговой). Ранняя модификация их основательно датируется рубежом VII—VI вв. — началом VI в. до н.э. набором наконечников стрел в кургане 7 в Нартане, где была найдена такая серьга, а дата поздней разновидности уточняется наборами стеклянных бус VI—IV вв. до н.э. в погребениях Лугового могильника и комплексом стрел V в. до н.э. в Шалушкинском погребении. Нельзя согласиться

с мнением В.Б. Виноградова, что биконические серьги в кобанской культуре следует рассматривать как результат влияния кочевнической моды³⁹. Ведь в ареале собственно скифской и савроматской культур их находки единичны и являются проявлением связей с переднеазиатскими областями, не без посредничества Кавказа⁴⁰. Правильность этого подтверждает и хронология тех степных памятников, в комплексах которых такие биконические серьги найдены. Они все не ранее второй половины и даже конца VI в. и позже (Бишоба, Волковцы)⁴¹, т.е. моложе, кавказских не менее чем на 50 лет.

Трубочки-спирали свернуты из бронзовой узкой ленты, треугольной в сечении. Длина трубочек 11—11,2 см, диаметр 1,2—1,3 см. На одном из концов конусовидный завиток (рис. 5, 5, 6; 12, 11, 12). Они обнаружены в погребении 1 на черепахе одного из погребенных, являлись украшением головного убора. Точные аналогии им неизвестны, но могут быть сопоставлены с более крупными цилиндрическими спиралями, неоднократно отмеченными в могильниках VIII—VI вв. до н.э. центрального варианта (Николаевский, Северное кладбище Кобани). Западнее их находки имели место в гробнице 2. Терезинского могильника (XI—VIII вв. до н.э.)⁴². В ареале восточного варианта цилиндрические спирали встречены только один раз в комплексе VII—VI вв. до н.э. из Лермонтов-Юрта⁴³.

Привеска-птичка, литая бронзовая, с отверстием для подвешивания, находилась среди украшений в погребении 2 (рис. 6, 7; 12, 7). Аналогичные привески характерны для могильных комплексов кобанской культуры с конца II тысячелетия до н.э. и до рубежа VIII—VII вв. до н.э.⁴⁴.

Бронзовые бляхи из погребения 2 представлены двумя разновидностями. Обломок тонкой, видимо, круглой бляхи, совершенно плоской и с небольшой петлей на обороте (рис. 6, 8), скорее всего, был украшением платья. Об аналогиях трудно говорить, поскольку предмет сохранился не полностью. Вторая бляха, выпукло-вогнутая в сечении, с широкой петлей, более выразительна благодаря ромбовидному соляному значку на ее поверхности (рис. 6, 9). Диаметр ее 2,2 см. Такие бляшки — характерное украшение конской сбруи VIII—VII вв. до н.э. в степных культурах и на Северном Кавказе (III тип, по нашей классификации)⁴⁵. В конкретном случае она являлась украшением костюма. Такое переиспользование ряда предметов (не по первоначальному назначению) известно в кобанской культуре. Например, в качестве привески в погребении X—IX вв. до н.э. Сержень-Юртовского могильника использовался наконечник стрелы конца II тысячелетия до н.э.⁴⁶ В качестве нашивных бляшек служили бронзовые панцирные пластинки от доспеха VIII в. до н.э. в погребениях Кисловодского и Каменноостского могильников⁴⁷. В Комаровском могильнике, в погребении 3 рубежа VII—VI вв. до н.э. — начала VI в. до н.э. обнаружены костяные грифонья головка скифского типа с ромбическим соляным значком и пронизка с треугольным орнаментом⁴⁸. Е.В. Черненко убедительно реконструирует их как части лука и горита⁴⁹, но в конкретном случае они являлись частями конской уздечки⁵⁰. Первоначальное и прямое их использование было, видимо, местным горским населением забыто. Собственно, и в самом Пседахском могильнике в погребении 1 в качестве украшения была использована тонкая бронзовая панцирная пластинка от более раннего доспеха в качестве нашивной бляшки головного убора (рис. 4, 1; 5, 3). Пластинка подквадратная, с одной закругленной стороной и тремя отверстиями

с противоположного края. Размеры 2,5 × 2,8 см (рис. 12, 1), она совершенно аналогична тем, что найдены, например, в погребении VIII в. до н.э. у Кобан-горы⁵¹.

Металлические пуговицы встречены в погребениях 2 и 3. Они разнотипны. Бронзовая пуговица из погребения 2, несмотря на повреждение, относится к известному в раннекобанских памятниках типу (I тип, I вариант)⁵². Она изготовлена из крестовидной пластины, концы которой загнуты к середине. В центре круглое отверстие (рис. 6, 13). Характерна для ранних памятников центрального варианта (Кобанский и Верхнерутхинский могильники, Змейское поселение)⁵³, и лишь эпизодически подобные встречены в памятниках X—VIII вв. до н.э. западного (Заюковский I могильник) и восточного вариантов (Сержень-Юртовское поселение, погребение 35 одноименного могильника).

Совершенно другого типа 26 пуговиц из погребения 3. Они мелкие, круглые, уплощенно-выпуклые в сечении. На обороте продольный канал для нити. Диаметр их 0,5—0,8 см (рис. 7, 2, 3, 5). Отлиты из белого хрупкого металла, видимо из сурьмы. Точные аналогии им неизвестны. Мелкие литые сурьмяные конусовидные в сечении пуговицы, с продольным каналом для нитей, таким же как и у пседахских пуговиц, входили в западнокобанский комплекс предметов примерно VIII в. до н.э. из Заюкова⁵⁴.

Спирали-пронизы для ожерелья найдены в погребении 3. Они короткие, цилиндрические, длиной 2—2,5 см, диаметром 0,6 см, изготовлены из бронзовой плоской проволоки (рис. 7, 15, 16, 19, 22). Применялись с очень раннего периода во многих культурах Кавказа. Валютообразные бронзовые пронизки также встречены только в погребении 3, где они находились в едином комплексе с бронзовыми бусами — “скобочками”, характерными для памятников позднекобанского периода (рис. 7, 20, 21).

Бусы, составлявшие ожерелья в погребениях 1—3, глиняные, каменные, гагатовые, сурьмяные, стеклянные и из стекловидной пасты. Количество бус и их разнообразие невелико. Глиняные бусы крупные, длиной 2,2 см, бочковидной (погребение 1) или уплощенно-биконической (погребение 2) формы (рис. 6, 2—5), подобные изредка встречались среди предметов кобанской культуры доскифского периода. Более примечательны такой же формы и величины бусы из гагата (I тип)⁵⁵. Они обнаружены в погребении 2 и имеют близкие аналогии в памятниках восточного варианта VIII в. до н.э., например, в кладе из Сержень-Юртовского поселения, а также в могилах рубежа VII—VI вв. до н.э. (Комаровский могильник)⁵⁶ в ареале центрального варианта. Непременным включением в ожерелья 1-го и 3-го погребений являлись рубленные сердоликовые бусы с односторонним и двусторонним коническим сверлением (рис. 7, 14, 18). В погребении 1 отмечена усеченно-биконическая сердоликовая бусина, характерная для ожерелий в погребениях VIII—VII вв. до н.э. (например, в могиле 8 в Индустрийном могильнике “Кабардинская балка”)⁵⁷. Рубленные цилиндрические бусы, подобные бусам из погребения 3, характерны для многих памятников первой половины I тысячелетия до н.э. Наиболее ранние встречены в Сержень-Юртовском и Шароевском могильниках, поздние зафиксированы в могилах скифского периода (Исти-су, Ножай-Юрт)⁵⁸. Бусы из сурьмы, обнаруженные в погребениях 1 и 2, однотипны. Это мелкие диски диаметром 0,3 см, толщиной 0,1 см. Точных аналогий нет. Стеклянные бусы входили в состав ожерелий в погребениях 1—3. Это мелкий цилиндрический бисер голубого цвета (погребение 1—2) диаметром 0,2 см и

длиной 0,1—0,3 см. В погребении 3 он изготовлен из прозрачного ярко-голубого и желтого стекла. Форма дисковидная. Диаметр бус 0,2 см, толщина диска 0,1 см (рис. 7, 6—8). В этом же погребении 3 имелась бочковидная буса из черного глухого стекла (рис. 7, 17). Бисер, видимо, применялся и для украшения одежды. Так, в погребении 2 скопление голубого и цилиндрического бисера отмечено около колен и возле кистей рук покойника. По составу бусы из погребений 1 и 2 близки между собой и отличаются от бус погребения 3. Можно полагать, что эти различия хронологического порядка.

Анализ вещей из Пседахского могильника, типологическое сопоставление их с близкими предметами, имеющими опору в датированных комплексах, позволяет установить относительную хронологию раскопанных погребений 1—7 и предположительно указать их дату. Эти могилы довольно четко распадаются на две хронологические группы. В первую, более раннюю, входят погребения 1,2,4—6; во вторую — погребение 3.

В первой — самыми ранними, не позднее VIII в. до н.э., были, видимо, погребения 4 и 6. Сосуды из них имеют массовые аналогии в материалах Змейского поселения, дата которого прочно обосновывается наличием обломка костяного псаля с отверстиями и чрезвычайно близкого псалию из Кировского поселения в Восточном Крыму. Последний входит в группу предметов сабиатовского этапа раннесрубной культуры и датируется XII—XI вв. до н.э. Еще более надежным основанием для даты является присутствие в слое Змейского поселения италийской бронзовой фибулы типа Панталича II (XI—X вв. до н.э.)⁵⁹. Близко хронологически примыкает к ним и погребение 2 из Пседаха, в котором опорой для даты в пределах VIII—VII вв. до н.э. служит бронзовая бляшка с ромбовидным солярным значком. Все же остальные предметы, особенно бронзовая привеска—птичка и витые стержневидные булавки с навершием в виде трубочки, типологически едины с самыми ранними экземплярами таких же предметов из кобанских памятников, что позволяет уточнить дату погребения 2 в пределах VIII в. до н.э. К этой же группе относятся, особенно по сосудам, и погребения 1 и 5. Более точная дата их не столь определена, но не может быть позднее первой половины VII в. до н.э.

Наконец, погребение 3, особенно по наличию крупных биконических привесок-сережек и плошечки, может быть уверенно отнесено к позднекобанскому периоду в пределах второй половины VII — начала VI в. до н.э. На некоторую архаичность комплекса погребения 3 по сравнению с точно датированными VI в. до н.э. комплексами с типологически близкими вещами, например в Нартане, как будто указывают массивные, еще близкие раннекобанским бронзовые браслеты, присутствие среди предметов украшений из сурьмы (пуговицы) и типологически более ранняя сложная форма серег с биконическими привесками.

Таким образом, нижняя хронологическая грань функционирования Пседахского могильника достаточно уверенно уточняется в пределах VIII в. до н.э., а может быть, и несколько раньше. Косвенным подтверждением этому служат и предметы из разрушенных могил. Особенно важны две находки: упомянутые выше бронзовые топор и удила. Великолепный топор с дважды изогнутым корпусом, овальной проушиной и выступающим концом обуха и широким лезвием (рис. 2, 4а—в; 12, 14) относится по всем признакам к типу I нашей классификации (тип А, по П.С. Уваровой; II тип, по Е.И. Крупнову; I тип, по Б.В. Тихову)⁶⁰. Тончайший гравированный орнамент сближает его с многими топорами

из погребений XII—X вв. до н.э. Тлийского могильника⁶¹. Самые поздние аналогии из этого же могильника относятся к IX—VIII вв. до н.э.⁶² Чрезвычайно близкие экземпляры имелись также в Кобанском могильнике⁶³.

Бронзовые удила из Пседахского могильника — уникальны по форме (рис. 2, 3; 12, 15). Прямых аналогий удилам из Пседаха нет, но форма обеих из звеньев находит самые близкие соответствия или среди развитых форм двукольчатых удил кобанского (новочеркасского) типа, или среди стремечковидных удил черноговровско-камышевахского типа, т.е. не позднее VIII в. до н.э., или же среди кольчато-стремечковидных удил начала VIII в. до н.э. из кургана Аржан⁶⁴. В целом они относятся к той немногочисленной группе "гибридных" форм конской узды самого начала I тысячелетия до н.э., которые А.А. Иессен относил к переходным "опытным формам"⁶⁵, предшествовавшим упрочению того или иного типа. Особая значимость пседахских удил в данном аспекте заключается в том, что благодаря им впервые можно говорить как о бесспорном факте о одновременном на одной территории сосуществовании двукольчатой и стремечковидной их форм, что до этого случая не наблюдалось нигде и доказывалось лишь косвенным путем.

Новые материалы Пседахского могильника показали, что историко-культурная интерпретация этого памятника также нуждается в некоторых уточнениях. Его принадлежность к кобанской культуре не ставилась под сомнение еще В.И. Долбежвым. Он считал, что "кладбище близ Пседахе могло быть оставлено потомками древних кобанцев, уже более ознакомившимися с добыванием и обработкой железа..."⁶⁶.

Е.И. Крупнов и вслед за ним я на основе детального сравнительного анализа погребального инвентаря и обряда определили место погребений 11 и 12 из раскопок Долбежева среди памятников восточного варианта второго этапа его развития (VII—IV вв. до н.э.)⁶⁷. В.Б. Виноградов отнес Пседахский могильник к правобережным восточным памятникам выделенного им только по погребальным сооружениям плоскостного варианта, уточнив дату погребения 11 началом VI в. до н.э.⁶⁸ (по кинжалу скифского типа). Теперь становится ясным, что этот могильник более правильно рассматривать воедино с памятниками центрального варианта.

Анализ нового материала с достаточной очевидностью выявил, на наш взгляд, более тесную связь Пседахского могильника не с восточным, а с центральным вариантом кобанской культуры, несмотря на некоторые черты его культурного своеобразия. Оно заключается главным образом в отчетливо различаемой здесь смешанности западных и восточных черт культуры. Причем на материалах погребений раннего этапа это явление фиксируется более четко, а разные компоненты более узнаваемы. Поздние же погребения отличаются уже сnivelированной культурой, что характерно для всех памятников позднекобанского периода. На примере культурного своеобразия Пседахского могильника хорошо прослеживается процесс постепенной утраты чистоты признаков, присущей кобанской культуре, по мере ее распространения от метрополии к периферии. На раннем этапе это происходило за счет поглощения новым пришлым компонентом местных субстратных культурных элементов. В позднекобанский период эта потеря чистоты центральнокобанских элементов раннего этапа происходила уже в силу дальнейшего саморазвития всего комплекса культуры населения, оставившего данный памятник, а также внешних влияний на эту культуру.

В заключение скажем, что хотя число известных на Пседахском могильнике захоронений и невелико (14), но оно весьма немаловажно не только для определения конкретной специфики культуры памятника, но и для некоторых общих выводов. Во-первых, четко фиксируется в предгорной полосе еще один, непрерывно и долго функционировавший древний могильник с плавной трансформацией материальной культуры от раннего (не позднее VIII в. до н.э.) времени к более позднему (не позднее начала VI в. до н.э.). Во-вторых, характер культуры Пседахского могильника довольно убедительно свидетельствует о нахождении именно в данном районе еще в самом начале I тысячелетия до н.э. границы между центральными и восточными вариантами кобанской культуры. И, наконец, особо подчеркнем, что материалы Пседахского могильника, особенно керамика и украшения, как наиболее вероятные носители этногенетической информации, не показали их принципиального отличия от материалов горных памятников кобанской культуры. Последнее обстоятельство является еще одним доказательством эфемерности и искусственности конструирования особого „плоскостного варианта”. Думается, глубоко прав Е.И. Крупнов, писавший, что ”ярко выраженные топографические особенности Северного Кавказа и связанные с ним определенные географические факторы безусловно следует иметь в виду при дальнейшей исторической интерпретации памятников материальной культуры...”, но что влияние их ”ни в коем случае не является определяющим влиянием на развитие общества”⁶⁹.

¹ОАК за 1898г. СПб., 1901. Извлечение из отчета о раскопках В.И. Долбежева в 1898 г., с. 160—165.

²Рукописный архив ЛОИА АН СССР, фонды АК за 1898 г., д. 45. Раскопки В.И. Долбежева в 1898 г., л. 14.

³ОАК за 1898 г. ..., с. 161—163.

⁴Дударев С. До новой встречи, Пседах! — Ленинское знамя, 1975, 11 окт., N 121 (5400); Петренко В.А., Дударев С.Л. Разведки памятников эпохи раннего железа в Чечено-Ингушетии. — АО 1975 г. М., 1976, с. 142.

⁵Рукописный архив ИА АН СССР, Р—1, N 5460; Виноградов В.Б., Петренко В.А., Дударев С.Л. Отчет об археологических раскопках, разведках и находках в Чечено-Ингушетии в 1975 г., произведенных археологической экспедицией ЧИГУ. — Архив ИА АН СССР с. 49; Дударев С.Л. Погребальный обряд племен Центрального Предкавказья раннежелезного века как источник по изучению первобытной идеологии. — В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 11.

⁶Определения здесь и далее произведены сотрудником Института археологии АН СССР антропологом Г.П. Романовой.

⁷Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 246, 254; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 237, 240, 241.

⁸Козенкова В.И. Кобанская культура (восточный вариант). — САИ. М., 1977, вып. В2-5, с. 20, 28 (таблица 4 по типам могил).

⁹Козенкова В.И. Кобанская культура (восточный вариант)..., с. 19—42.

¹⁰Петренко В.А., Дударев С.Л. Разведки памятников эпохи раннего железа..., с. 142.

¹¹Козенкова В.И. Кобанская культура (восточный вариант)..., с. 42, сводная таблица 12.

¹²Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры. — В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 18, рис. 3, 1.

¹³Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры (восточный вариант). — САИ, М., 1982, В2-5, табл. XLVI, 1, 4.

¹⁴Магомедов А.Р. Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры — СА, 1972, N 2, с. 116, рис. 3, 2.

¹⁵Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение..., с. 21, рис. 4, 2.

¹⁶Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 74, табл. XLVIII, 5.

¹⁷Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение..., с. 20, 21, рис. 4, 3—4.

¹⁸Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья. — СА, 1974, N 2, с. 206, рис. 6, 12; Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 78, табл. LIII, 8.

¹⁹Деопик Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение..., с. 25, 29, рис. 8, 10, 11; Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 12, табл. VI, 14—18.

²⁰ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 11, табл. V, 14, 15.

²¹ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 146.

²² Пиотровский Б.Б. Кармир-блур. Ереван, 1952, вып. II, с. 28, 54, рис. 25.

²³ Иерусалимская А.А., Козенкова В.И., Крупнов Е.И. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. — КСИА, 1963, вып. 94, с. 49, рис. 13, 3.

²⁴ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 45 (1 тип, 1 вариант), табл. XXVI, 1.

²⁵ Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода из окрестностей Кисловодска. — СА, 1981, с. 166, рис. 5, 13; с. 172, рис. 7, 15.

²⁶ Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н.э. М., 1977, с. 148—150, рис. 106, 15—22 (V тип).

²⁷ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 57, табл. XXXV, 3—4; Она же. О южной границе восточной группы кобанской культуры, СА, 1978, N 3, с. 160, 161, рис. 4, 8.

²⁸ Биджиев Х.Х., Козенкова В.И. Предметы кобанской культуры из сел. Терезе (Карачаево-Черкесия). — СА, 1980, N 3, с. 228, 229, рис. 2, 1—5; Деоник Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение..., с. 28, рис. 8, 2.

²⁹ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 48, табл. XXVIII, 1—3.

³⁰ Козенкова В.И., Кантемиров Э., Череповская О.В. Работы Северо-Кавказского отряда. — АО 1974 г. М., 1975, с. 113, 114.

³¹ Виноградов В.Б. Новогрозненский кобанский могильник VI—V вв. до н.э. — В кн.: Археологические памятники Чечено-Ингушетии. Грозный, 1977, с. 25, рис. 1, 12—13.

³² Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, с. 103, 348, рис. 32, 1, 3, 4, 6.

³³ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 39, табл. XXIV, 13; Виноградов В.Б. Новогрозненский кобанский могильник..., с. 25, рис. 1, 9.

³⁴ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 34, табл. XXIII, 8.

³⁵ Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа..., с. 294.

³⁶ Мунчаев Р.М. Луговой могильник. — В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963, с. 167, рис. 16, 1 (погребение 46/110).

³⁷ Виноградов В.Б. Новогрозненский кобан-

ский могильник..., с. 26, рис. 1, 10; с. 29, рис. 2, 10, 11, 14, 15.

³⁸ Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, с. 141, рис. 41; Нагоев А.Х. Раскопки курганов скифского времени у с. Нартан. — АО 1979 г. М., 1980, с. 119.

³⁹ Виноградов В.Б. Новогрозненский кобанский могильник..., с. 33, 34.

⁴⁰ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964, с. 141, 262; Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья..., Киев, 1968, с. 140.

⁴¹ Смирнов К.Ф. Савроматы, с. 141, рис. 10, 12; Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья..., табл. XLI, 4.

⁴² Козенкова В.И. Обряд кремации в кобанской культуре Кавказа. — СА, 1982, N 3, с. 22, рис. 7, 9.

⁴³ Козенкова В.И., Кантемиров Э., Череповская О.В. Работы Северо-Кавказского отряда, с. 113.

⁴⁴ Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н.э..., с. 166, 167; Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода..., с. 173.

⁴⁵ Тереножкин А.И. Киммерийцы, с. 174, 175; Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 31, табл. XXI, 7.

⁴⁶ Козенкова В.И. Вопросы хронологии восточного варианта кобанской культуры в свете новых раскопок в Чечено-Ингушетии. — В кн.: Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977, с. 79; Она же. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 16, табл. XI, 2.

⁴⁷ Гриневич К.Э. Новые данные по археологии Кабарды. — МИА, 1951, N 23, с. 132, рис. 10, 1.

⁴⁸ Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья..., с. 197, рис. 2, 2.

⁴⁹ Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981, с. 14, 15, рис. 6; с. 42, 43, рис. 26.

⁵⁰ Абрамова М.П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья..., с. 202, рис. 5.

⁵¹ Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И. О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода..., с. 175, 176, рис. 9, 1.

⁵² Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 38, табл. XXIV, 1.

⁵³ Деоник Д.В., Крупнов Е.И. Змейское поселение..., с. 28, рис. 8, 3.

⁵⁴ Материалы не опубликованы, фонд ГЭ, ОПИК коллекция В.П. Ренгартена 1914 г., инв. N 1321.

⁵⁵ Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 61, табл. XXXVIII, 31—34.

⁵⁶ *Абрамова М.П.* Погребения скифского времени Центрального Предкавказья..., с. 196, рис. 1, 21.

⁵⁷ *Афанасьев Г.Е., Козенкова В.И.* О неизвестных погребальных комплексах предскифского периода..., с. 168, рис. 6, 2.

⁵⁸ *Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов..., с. 61, табл. XXXVIII, 16, 17.

⁵⁹ *Тереножкин А.И.* Основы хронологии предскифского периода. — СА, 1965, N 1, с. 84; *Лесков А.М.* Кировское поселение. — В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 37, 45—56, рис. 30, 5; *Козенкова В.И.* Связи Северного Кавказа с Карпато-Дунайским миром. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 53; рис. 1, 7, 14—16.

⁶⁰ *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н.э..., с. 87, рис. 66—69.

⁶¹ *Техов Б.В.* Глийский могильник. Тбилиси, 1980, т. I, табл. 34, 1; 36, 1; 66, 1; 103, 1.

⁶² *Техов Б.В.* Глийский могильник. Тбилиси, 1981, т. II, табл. 85, 1; 125, 1.

⁶³ *Chantre E.* Recherches anthropologiques dans le Caucase. Paris, Lyon, 1886, t. II, Pl. I, 1; II, 4.

⁶⁴ *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР. — СА, 1953, XVIII, с. 52, рис. 4, 6, 9; *Тереножкин А.И.* Киммерийцы, рис. 40; *Петренко В.Г.* Комплекс VIII—VII вв. до н.э. из Ставрополя. — КСИА, 1982, вып. 170, с. 71, рис. 1; *Грязнов М.П.* Аржан Л., 1980, рис. 12, 1; 16, 1; с. 54.

⁶⁵ *Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н.э..., с. 58, 85, 86, 90.

⁶⁶ ОАК за 1898 г., СПб. 1901, с. 163.

⁶⁷ *Крупнов Е.И.* Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна Сунжи. — Тр. ГИМ, М., 1948, вып. XVII, с. 29, 30.

⁶⁸ *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время, с. 103, 234—248, 252, 386, рис. 70—3Б.

⁶⁹ *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа, с. 24.

В.Г. Петренко

О ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ РАСПРОСТРАНЕНИЯ СКИФСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЙ

До последнего времени область распространения типично скифской каменной скульптуры ограничивалась на востоке Прикубаньем¹. Кроме того, в Чечено-Ингушетии и Дагестане были известны близкие по общему облику, но мало-выразительные изваяния. Первые исследователи их, указав, что долина Акса, где они были найдены, находится на возможной дороге скифов в Переднюю Азию, отметили заметные отличия их от Прикубанских и Донских². Впоследствии одни исследователи подвергали сомнению их принадлежность скифам, считая мастными, сделанными лишь в подражание степным скифским³, вторые включали в число скифских отдельные и наиболее выразительные экземпляры⁴, третьи причисляли их к скифским⁵.

При этом территория современного Ставропольского края, расположенная между Прикубаньем и Чечено-Ингушетией, оставалась "белым пятном" на карте распространения каменных изваяний скифского типа⁶.

Нами были изучены пять "каменных баб" с территории Ставропольского края и близлежащих районов Ростовской области. Они происходят из станций Манычской и Воровсколеской, из с. Александровского, еще два (местонахождение точно неизвестно) хранятся в Ставропольском и Кисловодском музеях. Этими находками охвачен ареал от Сальских степей до предгорий Кавказа. Так как ни одна из них не публиковалась, считаю необходимым дать их подробное описание⁷.

Каменное изваяние из Кисловодского музея (рис. 1, 1) не имеет определенного паспорта, но скорее всего, происходит из окрестностей города. Изваяние выполнено из желто-серого плотного песчаника. Фигура имеет вид столба, высотой 180 см, шириной 30—40 см, толщиной 20 см, с выделенной головой и слабо обозначенной шеей (рис. 2, 1). Лицевая часть головы круглая, плоская, без каких-либо признаков проработки деталей. На голове изображен шлем полусферической формы со слабо вогнутой затылочной частью, наглухо соединенной с верхом. У ушей показаны подтреугольные вырезы, разделяющие назатыльник от щечников (рис. 2, 2, 3). Определить тип шлема достаточно трудно, тем более что лицевая его часть, как и лицо изваяния, не показана. По очертаниям и характеру ушного выреза, скорее всего, изображен коринфский шлем⁸. На шее обозначена гладкая гривна, ровно обрезанные чуть расширенные концы которой сзади вплотную подходят друг к другу (рис. 2, 4). Спереди она спускается на грудь, оставляя шею свободной. Туловище вверху несколько расширено и показаны округлости плечей, а далее — гладкий, овальный в сечении столб, лишенный каких-либо изображений. Это изваяние относится к скифским по характеру абриса, наличию гривны и шлема.

В 1976 г. в поле к северо-востоку от станицы Воровсколесской Курсавского района трактористом А. Жаворонковым была выпажана из кургана каменная баба, которую определили как половецкую⁹. При осмотре места находки в 1981 г. оказалось, что она была найдена на большем из трех курганов, расположенных цепочкой по возвышенной гряде. По-видимому, первоначально стояла на вершине насыпи. Изваяние выполнено из светло-серого песчаника, общая высота его 1 м, ширина 27 см, толщина 18 см (рис. 1, 2; 3, 1, 2, 3). Фигура попорчена, особенно пострадала голова — отбита затылочная часть. Общие очертания изваяния столбобразные, с выступающей головой, нижняя часть, вкапывавшаяся в землю, более тонкая, конец ее закруглен. Лицо хорошо моделировано. Глаза и нос исполнены в технике барельефа. Нос прямой, чуть расширяясь книзу, доходит до выпуклой линии усов. Глаза крупные, миндалевидные, над ними от носа рельефной низкой полосой очерчены брови. Через середину глаза от носа к наружному уголку прорисованы полосы, по-видимому обозначающие сомкнутые веки. Усы отмечены углубленной линией, они широкие, подковообразной формы, немного утоньшающиеся к свисающим вниз концам. На месте подбородка — выбоина. Статуя изображает мужчину-воина в защитном доспехе, на голову его надет шлем, очертаниями повторяющий форму головы. Над переносицей имеется небольшой выступ, от которого чуть приподнятый над глазами край шлема, выделенный барельефным ободком, проходит по овалу лица. Такой же, но более высокий и широкий валик идет от выступа над переносицей к затылку. С боков, на уровне ушей начинаются прорисованные тонкими резными линиями параллельные полосы, которые спускаются от ушей к подбородку. Слева этих полос 12, а до шеи — 7; справа их 13, до шеи — также 7, с боков линия полос, утоньшающаяся, доходит до усов, под подбородком изваяние оббито, но, по-видимому, ниже они не спускались. Изображен, несомненно, шлем кубанского типа. Боковые линии показывают, вероятно, ту часть шлема, которая делалась из кожи или войлока и покрывалась сверху металлическими пластинками для защиты затылка и щек. Присутствие таких деталей у шлемов кубанского типа предполагали многие исследователи скифского оружия по наличию отверстий на нижних обрезах шлемов¹⁰.

На шее воина изображена гладкая, округлая в сечении гривна. Грудь показана

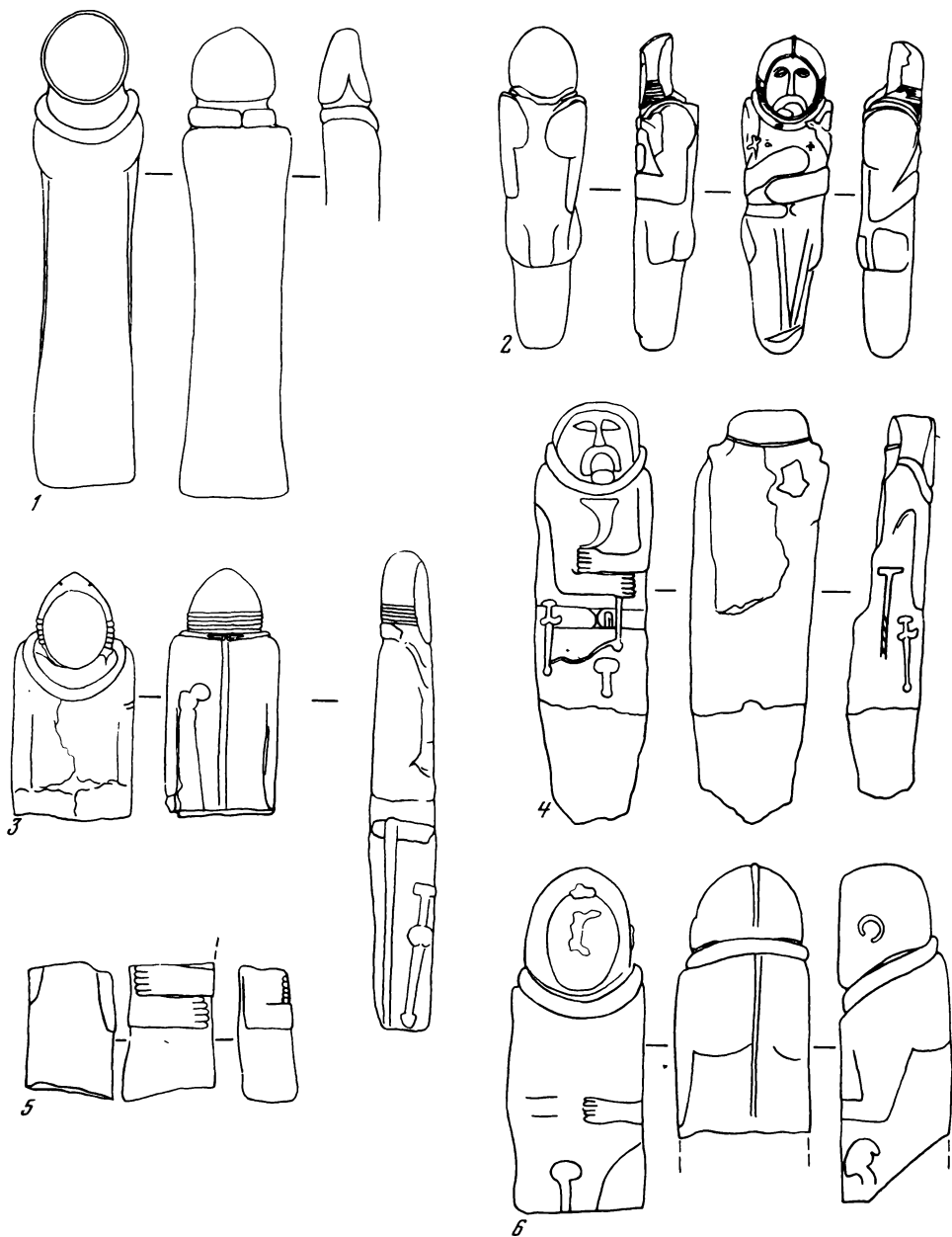

Рис. 1. Каменные изваяния Ставрополя

1 — из Кисловодского музея; 2 — из станицы Воровколесской; 3 — из Ставропольского музея; 4 — из села Александровского; 5 — из кургана 1 у хутора Красное Знамя; 6 — из станицы Манычской

Рис. 2. Изваяние из Кисловодского музея
1 — вид спереди; 2, 3 — вид сбоку; 4 — вид сзади

в виде небольших выпуклин с кружочками в центре. Руки сложены на животе, при этом левая согнута почти под прямым углом и лежит над поясом, а правая, согнутая под острым углом, положена над левой наискосок — от пояса к груди. Обе руки изображены в этой части очень примитивно, без проработки кистей, последние обозначены с помощью некоторого расширения. Верхняя часть рук моделирована более четко, со спины подчеркнуты лопатки, трактованные как продолжение предплечий. Подобное изображение рук без пальцев известно еще на двух изваяниях: об одном — из Ставропольского музея, VI в. до н.э. (рис. 1, 3) — будет сказано ниже; второе, неизвестного происхождения, хранится в Киевском историческом музее (рис. 4, 1—4)¹¹. Эта круглая столбообразная скульптура с тем же иконографическим типом лица, что и на публикуемой, имеет сложенные одна над другой (правая над левой) согнутые под прямым углом руки, кистям которых придана усеченно-пирамидальная форма. От плеч этого изваяния спереди отходят овальные выступы, на спине также очерчены овальные, почти сходящиеся крупные лопатки. По-видимому, в данном случае как на воровсколесской, так и на киевской статуях показаны одетые на воинов кожаные панцири, оплечья которых вырезаны из одного куска кожи с панцирем, у воина из станицы Воровсколесской, прикрывая только плечо и часть спины, а на киевском изваянии всю спину и часть груди. Реконструкция подобных доспехов на основе статуй из с. Ольковчик и Краснодарского музея была предложена М.В. Гореликом¹². Выпуклости на груди, по его мнению, это изображение пластин сфероконической формы, усиливающих защитные свойства доспеха. Именно такие некрупные выступы имеются и на публикуемом изваянии. На воровсколесском воине был одет кафтан или кожаный панцирь, обозначенный тремя выступами сбоку на бедрах и в задней части статуи. Эта нижняя часть панциря была подрезана так, что образовывала как бы фалды, вероятно, для более удобной посадки на лошадь. В талии фигура утоншена, и на ней не очень четко обозначен широкий пояс,

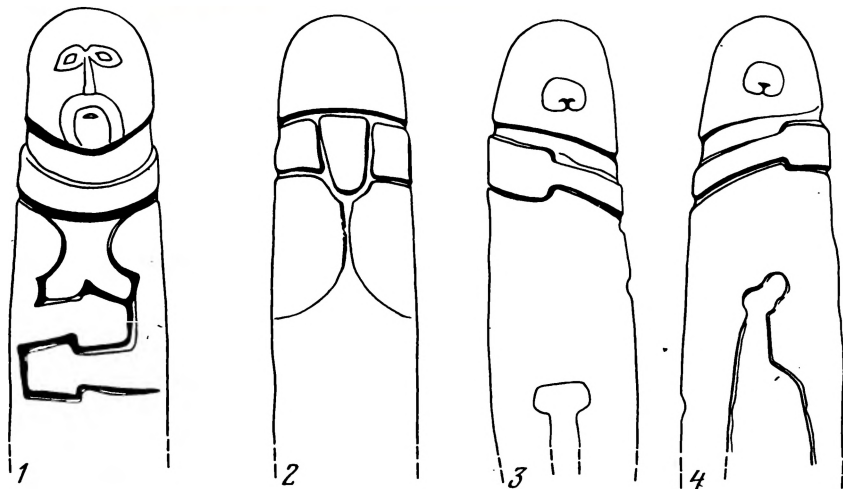
*Рис. 3. Изваяние из станицы
Воровсколеской*

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку; 3 —
вид сзади

*Рис. 4. Изваяние из Киевского
исторического музея*

1 — вид спереди; 2 — вид сзади; 3, 4 —
вид сбоку

имеющий закругленные концы, вплотную подходящие друг к другу. В нижней части изваяния от пояса вниз идет какое-то слабое заглабление, удлиненно-конической формы неясного назначения.

Каменная баба из Ставропольского музея (рис. 1, 3) неизвестного происхождения, приобретена музеем в начале века. Выполнена из серого песчаника. Изображен

воин с оружием. Изваяние сильно оббито, пострадала передняя часть и лицо. Нижняя часть скульптуры, по-видимому, утрачена, в настоящее время она вкопана в землю по руки (высота ее в таком виде 123 см, рис. 5, 1, 2). Судя же по сохранившейся в архиве музея фотографии (рис. 6), общая высота ее равнялась примерно 230 см, ширина 58 см, толщина 15 см. Изваяние имеет стелообразную форму с выделенной головой и руками, выступающими в локте за край плиты, шеи нет, плечи находятся на уровне подбородка. Все изображения выполнены плоским и слегка закругленным рельефом. Детали лица не просматриваются. На голове изображен шлем сфероконической формы. На вершине конуса имеется незначительное овальное заглабление длиной 10 см, шириной 6 см, по бокам от него с четырех сторон просверлены четыре округлых углубления, очерчивающие в центре головы квадрат 16×16 см; диаметр передних углублений 1,5 см, задних — 1 см, глубина около 1,5 см. Каково назначение этих углублений, определить трудно, возможно, вершину шлема венчал султан, как это имело место на шлемах Передней Азии и Месопотамии. Среди наших древностей возможность существования такого украшения Б.З. Рабинович предполагал для шлема из кургана 2 у станции Келермесской¹³.

От уровня глаз до подбородка на шлеме обозначены рельефно выступающие полосы шириной 2—2,5 см, проходящие от края лица, где они имеют овальные закругления, назад. На затылке таких выпуклых полос пять, они доходят до гривны, которая лежит на шее (рис. 5, 2). Спереди эти полосы спускаются до уровня подбородка. Ввиду попорченности изваяния они плохо просматриваются, особенно справа, слева же спереди видны 10 рельефных полос (рис. 5, 1). Этот шлем может быть сопоставлен с вышеописанным шлемом статуи из станции Воровсколесской, где те же полосы обозначены не рельефом, а гравировкой — узкими прочерченными линиями. Помимо этой детали, отличие шлемов состоит и в отсутствии на воровсколесском конического выступа в центре и углублений вокруг него, а также в том, что на ставропольском нет валиков вокруг лицевого края шлема и ребра от лобной части к затылку, но и этот шлем, скорее всего, следует отнести к шлемам кубанского типа. Верхний лицевой край шлема в публикуемом изваянии может отсутствовать по той же причине, что и детали лица. Шлем же кубанского типа, без верхнего валика и имеющий конический выступ, был найден в упомянутом выше кургане 2 у станции Келермесской из раскопок Н.И. Веселовского. Кстати, по бокам и над задней вырезкой этого шлема проходит горизонтальное ребро, весьма похожее на выпуклые полосы нашего шлема.

На воине изображена массивная гривна, которая сзади лежит на шее, с боков на плечах, а спереди спускается на грудь, отступая от опущенного подбородка на 10 см. Гривна гладкая, в сечении округлая, сзади имеет уплощенные и за этот счет расширяющиеся, ровно обрезанные концы, вплотную подходящие друг другу, на концах их выбиты треугольные углубления (рис. 5, 2). Руки опущены вниз, плотно прижаты к бокам, согнуты в локтях под прямым углом и положены одна на другую (левая над правой). Кисти рук, как и в воровсколесском изваянии показаны слабым расширением и заovalенностью края. На предплечье левой руки прочерчены две параллельные черточки длиной по 4 см на расстоянии 1,5 см одна над другой. Древность этих черточек, однако, вызывает сомнение. Сзади создается впечатление, что воин одет в куртку прямого покроя, на которой через середину спины от плечей и поясу идет слабо заглабленная вертикальная полоса

Рис. 5. Изваяние из Ставропольского музея

1 — вид спереди; 2 — вид сзади

шириной около 4 см. На талии прочерчена горизонтальная полоса, по-видимому верхняя граница пояса. Слева, непосредственно примыкая к руке и выступая вверх за уровень обозначенной линии руки, изображен горит, в этой части имеющий подтреугольную форму. Он оканчивается сверху крупной орлиной головой. Близкой формы горит изображен на упоминавшемся изваянии из Киевского музея (рис. 4, 4). У него верхний конец заканчивается крупной головой, похожей по общим очертаниям на орлиную. Такая же крупная орлиная голова изображена с левого бока и на ниже

описываемом изваянии из станицы Манычской. Справа, ниже пояса на ставропольском изваянии изображен топор с закругленной короткой боушной частью и длинным прямым и широким лезвием, срезанным наискось. Ручка топора тонкая и длинная, опущена вниз. За топором, на том же боку изображен меч в ножнах, оканчивающихся округлым расширением (рис. 1, 3)⁶. Он имеет прямое брусковидное навершие, почковидное перекрестие и клинок с параллельными лезвиями. По классификации А.И Мелюковой, мечи такой формы относятся к I типу I отдела и датируются VII—VI вв. до н.э.¹⁴.

В с. Александровском до 1979 г.¹⁵ на Больничной улице стояла каменная баба, привезенная в 30-е годы из Киселевой балки, где она была найдена при распашке поля (рис. 1, 4; 7, 1—3). Изваяние общей длиной 160 см, шириной 45—47 см, толщиной 20—30 см имеет стеллообразную форму со слабо выделенной головой, при этом плечи подняты до уровня ушей, а подбородок опущен на грудь. Задняя сторона стелы гладкая с большой выбоиной в верхней части спины. Нижний конец стелы не обработан и несколько сужен. На голове углубленной полосой сзади показан край короткого шлема или шапки полусферической формы.

Спереди край головного убора едва обозначен слабовыпуклым утолщением. Лицо хорошо моделировано. Рельефными линиями очерчены удлиненные крупные глаза подтреугольной формы, большой нос расширяется книзу, усы подковообразной формы свисают и ровно обрезаны у подбородка овальной формы, контур лица круглый, лоб низкий. Под подбородком и на плечах обозначена гладкая широкая гривна. Плечи слабо выражены, руки согнуты в локте под прямым углом и положены параллельно одна над другой (левая над правой). В верхней части они сравнительно тонкие, особенно правая, которая вся простерта

Рис. 6. Изваяние из Ставропольского музея, фото из архива

в одной плоскости. Кисти рук хорошо проработаны, все пять пальцев лежат по одной линии, но мизинец и большой несколько короче остальных. По-видимому, пальцы показаны согнутыми во втором суставе, в этом случае обозначенные размеры и положение оправдано. Между гривной и большим пальцем левой руки по центру фигуры помещено изображение небольшого ритона с широким устьем и узким концом, загнутым вправо. В правой руке воин держит нагайку с длинной рукоятью, которая внизу завершается круглым расширением. Хлыст нагайки, изгибаясь, отходит вправо, доходя до меча. Под ногой изображен фалл. Рукоять нагайки на талии пересекает широкий гладкий пояс, заоваленные

*Рис. 7. Изваяния из села
Александровского*

1 — вид спереди; 2 — вид сбоку; 3 — вид сзади

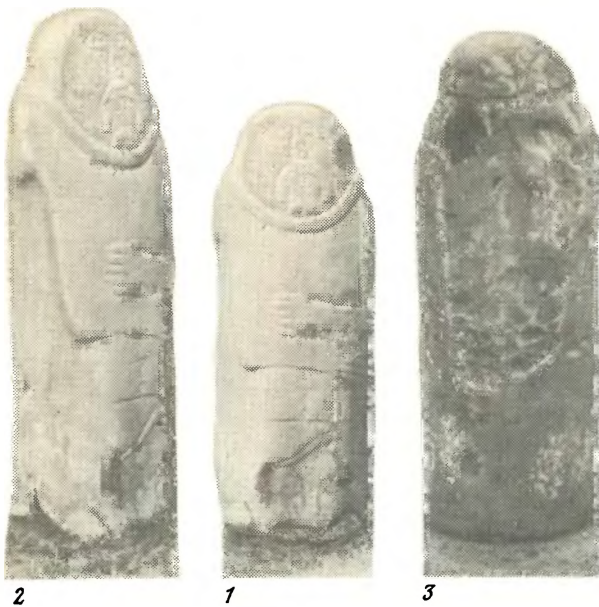
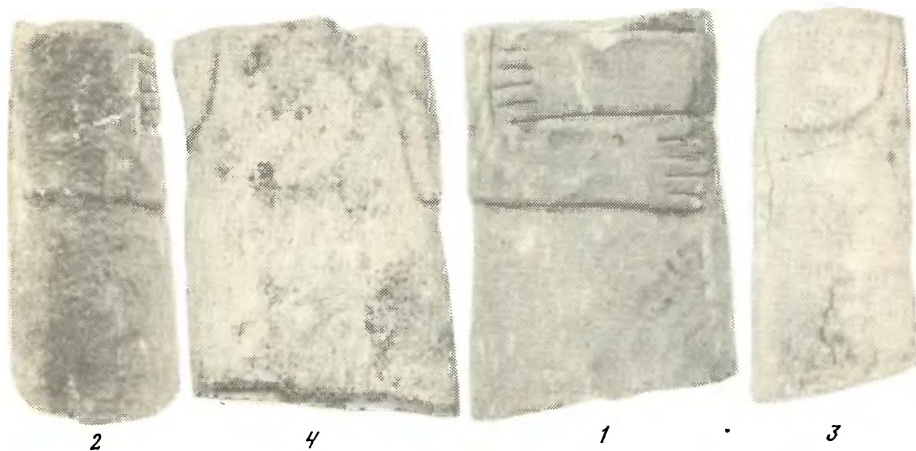

Рис. 8. Фрагмент изваяния из кургана 1 у хутора Красное Знамя

1 — вид спереди; 2, 3 — вид сбоку; 4 — вид сзади

концы которого вплотную подходят друг к другу. У левого конца пояса прочерчена арковидная фигура, вероятно обозначающая пряжку. С правого бока, за локтем руки изображен небольшой топор на длинной, опущенной вниз рукоятке. Топор имеет вид молотка, обушная часть которого немного короче лезвийной. На нижней части рукоятки показана обмотка в виде ленты, идущей по спирали. На поясе, заходя под локоть правой руки, укреплен кинжал в ножнах, которые оканчиваются округлым расширением. Он имеет очень слабо суженный книзу клинок и бабочковидное перекрестье. Поскольку кинжал показан в ножнах, то и перекрестье его, по-видимому, закрыто ножнами, устье которых повторяет

перекрестье кинжала, а большой размер правого крыла его, скорее всего, обозначает лопасть для прикрепления к поясу примерно того же типа, как на келермесском мече¹⁶. Навершие кинжала просматривается плохо, оно, скорее всего, широкое, брусковидное, с заовальными краями. В этом случае кинжал относится ко 2 типу I отдела, по классификации А.И. Мелюковой, и датируется VI — первой половиной V в. до н.э.¹⁷ Акинак не подвешен, а непосредственно прикреплен к поясу, так как навершие его находится над поясом, а рукоять и перекрестье с боковой лопастью — на поясе, пересекая его вертикально.

При раскопках кургана 1 у хут. Красное Знамя был обнаружен обломок каменного изваяния. По сведениям строителей, имелся и другой фрагмент с головой, но он был выброшен. Имеющийся фрагмент длиной 40 см, шириной 28 см, толщиной 16 см составляет среднюю часть изваяния стелообразной формы. В верхней части обозначены руки, сложенные одна над другой (правая над левой) в одной плоскости (рис. 1, 5; 8, 1—4). Руки массивные, спереди обозначены параллельными линиями, кисти почти не выделены, все пять пальцев показаны в одной плоскости и, вероятно, согнуты, как на александровской стеле. Руки изображены также с боковых плоскостей и сзади, где показан прямой изгиб в локте. Хотя данный фрагмент и небольшой, но характерное изображение рук не оставляет сомнений в том, что это часть типичного скифского изваяния. Дата его, скорее всего, соответствует дате сооружения кургана — VII в. до н.э.

В 1971 г. Манычский отряд Донской экспедиции обнаружил каменную бабу во дворе школы станицы Манычской (рис. 1, б)¹⁸. Изваяние выполнено из мелкозернистого гранита серого цвета. Высота изваяния до уровня земли, в которую оно врыто, 125 см, т.е. по размерам оно примерно такое же, как изваяние из с. Александровского. Оно имеет стелообразную форму с выделенной головой, плечи находятся на уровне подбородка. Лицевая часть плоская, с выбоинами, но край лица четко очерчен. Детали лица сейчас не просматриваются, хотя находчики указывали, что они различали как будто удлинненно-овальный глаз и прямой нос. Слева на голове двойным кружком с разрывом показано ухо или, скорее, наушник. На голове, вероятно, обозначен шлем кубанского типа, так как через середину затылочной части проходит рельефная выпуклая бороздка. На шею изображена гладкая широкая гривна. Руки согнуты под прямым углом, но верхняя их часть показана раструбом, повернутым основанием к плечу, а спереди рука идет над поясом по направлению к другой руке, с которой она соприкасается пальцами на середине живота. Все пять пальцев показаны в одной плоскости. Сзади обозначены лопатки. По-видимому, и здесь воин изображен в панцире с оплечьями. Через центр спины по позвоночнику проходит заглубленная полоса шириной 2 см. Сбоку и спереди под руками плохо просматривается широкий пояс, и под ним обозначен фалл. У левого бока виден верхний конец горита, оканчивающийся крупной стилизованной головой орла.

Итак, с территории Ставрополя мы располагаем пятью целыми каменными изваяниями скифского типа и одним фрагментом. Рассмотрим их на фоне всех скифских, распространенных в степной полосе Причерноморских степей¹⁹ от Дуная до Дона и на Кубани. Скифские каменные изваяния уже не раз были предметом специального исследования целого ряда ученых²⁰. Наиболее обобщено этой темой в последнее время занимались П.Н. Шульц и Е.А. Попова²¹. П.Н. Шульцем было предложено хронологическое деление скифских изображений и выделены их локальные группы, но они оказались слабо аргументированными, на что

уже обращала внимание Е.А. Попова²², и в дальнейшем не будут учтены. Для сравнения взяты все доступные по изданиям каменные изваяния с территории от Дуная до Прикубанья. К сожалению, публикация изваяний далеко не всегда достаточно полно отражает все необходимые детали, что мешает возможности использовать их как сравнительный материал.

Изобразительные средства, которыми пользовались мастера, изготавливавшие статуи, различны, каждая из них индивидуальна. Тем не менее можно выделить и ряд приемов, которые, с одной стороны, позволяют безошибочно отнести каждую из статуй к скифским и, с другой — выделить те каноны, которые существовали для данного вида монументального искусства в определенные хронологические периоды. По общему облику или, вернее, абрису все изваяния могут быть разделены на шесть типов.

Первый тип. Изваяние имеет вид стелы с заovalенной верхней частью, голова не выделена, она отделена от туловища лишь с помощью гривны, которая проходит по нижнему краю лица. Известны две скульптуры этого типа из Сибиоары и Грушевки²³.

Второй тип. Изваяние имеет вид стелы или столба, на котором выделена голова, подчеркнутая изображением гривны, шея отсутствует, плечи прямые или покатые, подняты до уровня рта, подбородок опущен на грудь. Статуи этого типа появляются в VI в. до н.э. (Воровсколеская, Бесскорбная)²⁴ и встречаются до V—IV вв. до н.э. (Калиновка)²⁵.

Третий тип. Изваяния стеловидной или столбообразной формы иногда стоят на четырехугольном основании. Голова выделена и отделена от туловища шеей, показанной гладкой полосой между лицом и гривной или же закрыта гривной, но подбородок при этом всегда находится выше уровня плеч. Изваяния этого абриса появляются с начала VI в. до н.э. (Эрделевка)²⁶ и бытуют до IV в. до н.э. (Днепропетровск 2²⁷, Елизаветовская²⁸).

Четвертый тип. Изображение частей человеческого тела (лицо, руки) прочерчено на плоской плите, форма которой случайна и не подчиняется абрису человеческой фигуры. Известна одна такая плита, изображение на которой датируется VI—V вв. до н.э. (Днепропетровск)²⁹.

Пятый тип. Статуарные изваяния. Они имеют вид круглой скульптуры с выделенными деталями фигуры. Этот тип появляется в V в. до н.э. (Краснодар 1), бытует до IV—III вв. до н.э. (Черноморское)³⁰ в районах, близких к центрам греческой цивилизации (Кубань, Крым), и несет на себе влияние греческой скульптуры. То же можно сказать и о *шестом типе*, имеющем вид стелы с барельефным изображением на ней человеческой фигуры (Чайка)³¹. Оба последних типа не самостоятельны и не могут характеризовать собственно скифскую скульптуру, поэтому не будут учтены при дальнейших сравнениях.

Три первых типа изваяний, являющиеся ведущими в скифской скульптуре, появляются одновременно в VI в. до н.э. и бытуют до IV в. до н.э. на всей территории степей от Дуная до Ставрополя, и лишь с V в. до н.э. возникают новые типы, сделанные под греческим влиянием, когда и в других видах скифского искусства (например, в "зверином стиле") особенно отчетливо прослеживается это влияние.

При ваиянии человеческой фигуры овал лица обычно подчинялся общему абрису скульптуры, но манера изображения черт лица каноническая. Среди сохранившихся лиц можно выделить несколько типов. Тип первый составляют

лица с крупными миндалевидными, иногда подтреугольными глазами, прямым, немного расширяющимся книзу носом, доходющим до усов подковообразной формы, концы которых опущены вниз. В деталях этот тип различается наличием или отсутствием бровей, обозначением зрачков или век, наличием или отсутствием рта и выделенного овалом подбородка.

Среди ставропольских изваяний он представлен на статуях из станицы Воровсколесской и с. Александровского, которые датируются соответственно: первое — VI в. до н.э., а второе — VI — началом V в. до н.э. Этот же тип лица мы находим на изваяниях из Сибиоары VI в. до н.э. (Добруджа), из Киевского исторического музея — VI—V вв. до н.э., из с. Ольховчик (Донецк) — не позже V в. до н.э. Изваяния с этим типом лица изображают обычно наиболее полно вооруженных воинов. Из пяти учтенных нами статуй у четырех были изображены оплечья и нагрудные бляхи. Они свидетельствуют о каком-то, вероятно кожаном, панцире или куртке, тем более что в двух случаях был изображен и сам доспех (Воровсколесская, Ольховчик). На пяти были широкие боевые пояса. На четырех изваяниях изображены шлемы. Из наступательного оружия у четырех показаны мечи, у трех — топоры, у трех — колчаны. У трех изваяний в руках можно видеть нагайку (в двух случаях одной формы — Ольховчик и Александровское), чем подчеркивалась принадлежность изображенного лица к всадничеству. Ритон высечен только один раз. На всех изваяниях изображены гривны, в двух случаях — витые. Две статуи имеют признаки мужского пола.

Как развитие этого типа следует рассматривать лицо изваяния из Терновки³² конца V в. до н.э., на котором изображен прямой нос, выпуклые брови, подтреугольные глаза и усы, но в глазницах показан круглый глаз, а усы имеют трапециевидную форму с заостренными концами. Этот воин также одет в доспех с оплечьями, подпоясан боевым пластинчатым поясом, вооружен мечом и луком и в руках держит ритон.

Второй тип лица: брови и нос очерчены двумя едиными линиями, верхняя очерчивает дуги бровей, сходящиеся на переносице, вторая — прямой нос, от углов которого идет нижняя линия бровей; глаза крупные, миндалевидной формы, под носом одной линией показан рот. Этот тип известен на одном из наиболее ранних изваяний VI в. до н.э. (Эрделевка)³³ и отличается от первого только отсутствием усов и линией бровей, сходящихся на переносице.

Третий тип лица: глаза круглые, обычно мелкие, нос изображен в виде петли, концы которой иногда заходят за глаза, образуя брови, рот в виде черточки. Появился на изваяниях с начала V в. до н.э. (Медерово)³⁴ и был распространен на широкой территории до IV—III вв. до н.э. (Днепропетровск)³⁵. Как вариант его — лица с бородой.

Второй и третий типы на территории Ставрополя не встречаются.

Тип четвертый — безликий, лицо без деталей. В этот тип могли попасть и изваяния со стершимися от времени чертами и недообработанные экземпляры. Однако полное отсутствие каких-либо черт лица на изваяниях с хорошо проработанными прочими деталями позволяют предполагать правомерность существования его как особого типа. На Ставрополье к нему относятся изваяния Кисловодского и Ставропольского музеев и, возможно, из станицы Манычской. Подобного облика статуя известна с территории Прикубанья — из станицы Бесскорбной³⁶. Возможно, этот тип окажется локальной особенностью ранней хронологической группы предкавказских изваяний.

Изображение рук на стелах также может быть сведено к нескольким типовым положениям.

Руки согнуты под прямым углом и сложены на животе параллельно одна другой, левая над правой или правая над левой. Как вариант может рассматриваться и такое положение рук, когда одна находится над другой параллельно друг другу, но при этом правая согнута под острым углом, а левая — под тупым.

Обе руки согнуты в локте под прямым углом и направлены друг к другу так, что пальцы их сближаются.

Правая рука согнута под острым углом и держит ритон, левая согнута под тупым углом и направлена к мечу или держит его. Как исключение в этом положении обе руки бывают согнуты под тупым углом или под прямым.

Правая или левая рука согнута под острым углом и держит ритон, соответственно вторая рука опущена вниз по боку к мечу или гориту.

Датировка каменных изваяний обычно производится по имеющимся на них изображениям оружия, и прежде всего мечей. Исходя из этого, мы можем выделить группу наиболее ранних изваяний с мечами, имеющими брусковидное навершие и почковидное перекрестье I типа, I отдела, по классификации А. И. Мелюковой³⁷, датирующихся концом VII—VI вв. до н.э. Мечи этого типа были изображены на статуях из Ставропольского музея, из станицы Бесскорбиной (Прикубанье), а также на найденных у дер. Надежда (Крым), у сел Станишино (Херсонская область), Эрделевка (Кировоградская область). Изваяния с мечами с брусковидным навершием и бабочковидным или сердцевидным перекрестьем 2 типа I отдела, по той же классификации, известны из сел Александровского (Ставрополье), Ольховчик (Донецкая область), возможно, Грушевки, Днепропетровска (1), Семеновки (Северное Причерноморье), Кировоградского музея, Ступина и Сибиоары (Добруджа). Как отмечает А. И. Мелюкова, основным временем распространения мечей этого типа являются VI — первая половина V в. до н.э., хотя отдельные экземпляры в несколько измененном виде и встречаются изредка в погребениях конца V—IV вв. до н.э.³⁸ Представляется наиболее вероятным, что на изваяниях должны были изображаться ведущие формы оружия той эпохи, в которую они создавались. Следует также отметить, что на Центральном и Северном Кавказе мечи этого типа появляются не позже конца VII в. до н.э. К концу VI—V в. до н.э. могут быть отнесены стелы из Медеро, Нововасильевки и Первомайска с мечами 2 типа II отдела. Не ранее V в. до н.э. датируются изваяния с мечами 1 типа II подотдела с когтевидным навершием и бабочковидным перекрестьем из Краснодара, Калиновки и Днепропетровска (2); концом V в. до н.э. — меч из Терновки 2 типа того же отдела и, наконец, VI—V вв. до н.э. датируется статуя неизвестного происхождения из Киевского музея с мечом 4 типа I отдела с брусковидным навершием и прямым перекрестьем.

Изваяния, не имеющие мечей, как правило, не поддаются точной датировке. Единственным исключением является Воровсколеское, на котором оказался изображенным шлем кубанского типа со всеми характерными деталями, дата которого определяется VII — началом VI в. до н.э.

Приведенные мною датировки в большой степени повторяют уже имеющиеся в работах П. Н. Шульца, Е. А. Поповой, Н. Л. Членовой и многих других исследователей, однако я считала нелишним привести конкретные даты для каждого случая, указав, какие именно типы мечей на них изображены. Исходя из этих дат,

мы можем попытаться определить аксессуары и изобразительные приемы, которые были свойственны антропоморфной скульптуре определенного времени. Изваяниям раннего времени было свойственно изображение прямыми линиями массивных рук со слабо выделенными кистями, пальцы на которых расположены в одной плоскости или вовсе отсутствуют. Это отмеченные выше 1, 2, 3-й типы положения рук. С конца V в. такое положение и изображение рук никогда не встречалось.

С V в. до н.э., во-первых, меняется сама форма рук, они обычно более тонкие с расставленными пальцами, правая при этом согнута под острым углом и держит на груди ритон, левая согнута под тупым углом, обращена к мечу или держит его. Это тип 4.

Безликие статуи, поддающиеся датировке, известны только для конца VII—VI в. до н.э. В это же время появляются и изваяния с первым типом лица. В V в. до н.э. он встретился один раз в измененном варианте. Второй тип лица известен также в одном случае на статуе VI в. до н.э. В V и V—IV вв. до н.э. господствующим является третий тип лица.

Изображение фалла явление нечастое, встречено оно на изваяниях как VI, так и V в. до н.э. Большинство изображений шлемов приходится на ранний период. Это шлемы кубанского типа (Воровсколеская, Ставропольский музей), предположительно кубанского типа (Сибюара, Красный Маныч) и античные шлемы (Кисловодский музей, Ольховчик, возможно, Александровское). По поводу шлема на статуе из Ольховчика имеются два мнения. Одно — это аттический шлем IV—III вв. до н.э., второе было высказано М.В. Гореликом, занимавшимся реконструкцией доспеха. Он считает, что здесь изображено скифское оголовье, основу которого составляет греческий шлем, а им в равной мере мог быть как аттический, так и халкидский³⁹. Поэтому при датировке данного изваяния шлем не может служить определяющим фактором. По форме же меча оно относится к VI—V вв. до н.э. Изображение ритона на стелах раннего периода встречается редко, при этом он помещается или над рукой (Александровское), или между руками (Станишино, Эрделевка), которые как-то плохо держат его. С V в. до н.э. ритон — неизменный аксессуар, помещается он уже в руке, при этом в поздних изваяниях — обязательно в правой. Также в противоположность ранним изваяниям, где меч изображался укрепленным на поясе отдельно от руки, на поздних он всегда в руке или непосредственно под рукой.

Боевые топоры высечены всегда справа, рукоятью вниз и встречены только на ранней скульптуре не позже V в. до н.э., это же относится и к изображению нагайки. Ранним изваяниям присущи крупные гориты, в ряде случаев оканчивающиеся большой головкой орла, скорее всего завершающей закрытый горит, а не торчащий из него лук, как это было обычно для поздних изображений.

Гривны — неизменный атрибут, но в VI и VI—V вв. до н.э. в большинстве случаев они массивные, гладкие или витые, поздним изваяниям более присущи узкие гладкие и витые, а иногда многовитковые, что в значительной мере соответствует находкам гривен в погребениях. Пояса ранних изображений обычно гладкие, широкие, в ряде случаев имеющие скругленные концы, вплотную подходящие друг к другу. С V в. до н.э. появляются наборные пояса из продольных и поперечных полос и узкие, гладкие.

Панцирный доспех довольно трудно поддается реконструкции, тем не менее наличие нагрудных блях и оплечий, повторяющих сзади форму лопаток, довольно

часто встречается на стелах раннего периода, воспроизводя, по-видимому, кожаный панцирь, возможно усиленный металлическими пластинами. Изображение чешуйчатого панцирного доспеха появляется только на статуарных изваяниях.

Из вышесказанного можно заключить, что форма и аксессуары скифской каменной скульптуры изменяются главным образом во времени. Никаких локальных особенностей проследить не удастся, напротив, для определенного времени можно говорить о стандартизации на широкой территории от Дуная до Предкавказья, что отразилось в канонизации типов лица, положения рук и наборе аксессуаров. При этом ставропольские каменные изваяния органически входят в круг ранее известных скифских ранней хронологической группы, и им присущи все те особенности, которые свойственны и другим одновременным антропоморфным изображениям на широкой территории степей от Дуная до Дона и Прикубанья. Следует также отметить, что ареал ранних изваяний соответствует топографии наиболее выдающихся памятников скифской архаики, таких, как Литой курган (Кировоградщина), Золотой, Ильичевский курганы (Крым), Бабы, Рожновский, Томаковский, Никопольский и другие курганы (Нижнее Приднепровье), курган у слободы Криворожье (Донец), Келермесские, Костромской, Ульские курганы (Прикубанье), Краснознаменские курганы (Ставрополье). Интересно отметить, что с конца V в. до н.э. территория распространения их несколько сокращается. Большинство изваяний этого времени происходят из районов Нижнего Днепра, Буга и Крыма. Представляется, что это не случайное явление. По-видимому, ареал скифской скульптуры VII—V вв. до н.э. отражает топографию скифских племенных объединений с местами ставок, где сосредоточивалась общественная и религиозная жизнь, совершались захоронения, при которых отправлялись определенные культы, и одним из элементов последних была установка статуи вождя-родоначальника на его могиле. В V в. до н.э. происходит консолидация скифских племен, создается политическое объединение с центром на Нижнем Днепре, вокруг которого группируются аристократические могильники. В этот период большинство каменных изваяний сосредоточивается именно в этом районе. Ставрополье же к концу V в. до н.э. оказывается покинутым скифами.

Интерпретация стел из Чечено-Ингушетии и Дагестана впервые была предложена В.И. Марковиным и Р.М. Мунчаевым. Они объединили все стелы в одну группу на основании близости расположения памятников, единства техники и исполнения и схожести отдельных изображений и датировали на основании формы акинака со стелы из Галайты VI—V вв. до н.э.⁴⁰ Несколько неопределенную позицию занял в интерпретации аксайских стел В.Б. Виноградов, считая, что галайтинская стела была "свергнута с погребального сооружения степняков" и употреблена в оформлении местной гробницы как мечь пришельцам, и в то же время рассматривая ее вместе с другими аксайскими изваяниями как явление сугубо местной ичкеринской традиции, возникшей не позднее VI в. до н.э. в подражание степным скифским каменным бабам⁴¹. Точку зрения В.И. Марковина и Р.М. Мунчаева поддержал и развил М.Х. Багаев, который опубликовал еще четыре стелы, обнаруженные им на могильнике Галайты 2⁴². По его мнению, все аксайские стелы оставлены одной этнической группой, а именно скифами, осевшими в данном районе в VI в. до н.э. по возвращении из Передней Азии. Также интерпретирует ичкеринские стелы и С.В. Махортых⁴³, связывая их со

скифским монументальным искусством времени после переднеазиатских походов и датируя вслед за вышеперечисленными авторами VI—V вв. до н.э. Новым в его построениях является попытка разделить стелы на два вида: каменные плиты с рельефными изображениями и изваяния со скульптурными чертами. Отмечая схематизм изображений на ичкеринских стелах и отсутствие ряда черт, свойственных скифской скульптуре, С.В. Махортых объясняет это тем, что рассматриваемые изваяния являются одними из самых ранних, датируя их при этом VI—V вв. до н.э.

Попытаемся еще раз рассмотреть имеющиеся к настоящему времени изваяния скифского типа с территории Чечено-Ингушетии и Дагестана. Всего в настоящее время известно 9 экз. Заранее оговариваясь, что мне они были доступны только по публикациям, я исследую их, опираясь на рисунки и описания В.И. Марковина, Р.М. Мунчаева и М.Х. Багаева. Вопреки точке зрения этих исследователей я присоединяюсь к мнению С.В. Махортых о неоднородности учтенных изваяний. Однако в классификации я несколько расхожусь с С.В. Махортых. Мне представляется, что выделяются три типа стел. Два изваяния (Замни-Юрт, Дагестанские огни) имеют общий абрис (тип третий, по предложенной выше классификации) и отдельные изобразительные приемы (положение согнутых под прямым углом и направленных друг к другу рук, тип лица, а также наличие круглых бляшек на груди и широкого пояса) несомненно близкие скифской скульптуре. Однако отсутствие характерных аксессуаров (меч, ритон, гривна и т.п.) и слабая выразительность перечисленных выше черт, как мне кажется, оставляют открытым вопрос о культурной принадлежности данных изваяний, не говоря уже о возможности сколько-нибудь точного датирования. Вывод Н.Л. Членовой об увеличении со временем количества деталей, изображаемых на изваянии⁴⁴, к которому как будто присоединяется С.В. Махортых, требует дальнейшей проверки. Изменяется, как было показано выше, не количество, а набор деталей, поэтому определять древность изваяний по отсутствию на них необходимых деталей едва ли приемлемо.

Особняком стоит изваяние из с. Мескеты, которое несет на себе как ряд черт, объединяющих его со скифской скульптурой, так и своеобразные изображения. Со скифскими изваяниями его сближает абрис, положение рук, кружки на груди, наличие меча и пояса. Однако и среди перечисленных черт имеются некоторые особенности. Абрис изваяния близок выделенному выше во второй тип с той разницей, что он здесь в значительной степени подчинен форме плит, а под "только намеченным" лицом отсутствует гривна. О типе лица судить трудно, так как в описании сказано, что "оно не имеет деталей", на рисунке же изображены частично брови, нос и рот неопределенной формы. Положение рук, согнутых под прямым углом под грудью, обычно для раннескифских изваяний, но форма их на мескетинском не ясна. В то же время ряд деталей данного изваяния, скорее всего, следует связывать с изображениями на оленных камнях. Так, узкие пояса, расчерченные горизонтальными полосами, и положение оружия параллельно поясу известны на оленных камнях⁴⁵ и не встречаются на скифских изображениях. И, наконец, на изваянии имеется еще одна интересная деталь. В верхней части спины его изображен квадрат, разделенный надвое вертикальной полосой, а внутри него прочерчено 12 горизонтальных полос. По мнению Р.М. Мунчаева и В.И. Марковина, таким образом изображали "косу, сложенную в волнистую прическу"⁴⁶. Это объяснение маловероятно, особенно если связывать изваяния со скифами, так как последние кос не носили и на скифских изваяниях они не изображались. Более

вероятно сопоставить его с близким рисунком "елочки" на олеуных камнях, расположенном также, как правило, на спине, выше пояса и объясняемым исследователями как изображение позвоночника и ребер⁴⁷. Изваяние из Мескеты не может быть уверенно датировано по изображенному на нем мечу, навершию и перекрестью которого авторы публикации отказались как-либо определить⁴⁸. Учитывая все изложенные обстоятельства, представляется, что эта стела была изготовлена в местной среде, что определило соединение на ней различных изображений, заимствованных как со скифских изваяний, так и с оленных камней, что могло произойти только в переходный период, а именно в VII в. до н.э. Незнанием канонов, по-видимому, объясняется и изображение меча справа налево и над поясом.

И, наконец, совершенно справедливо С.В. Махортых выделяет в особую группу стелы из селений Галайты и Бети-Мохк⁴⁹. Выполненные на плоской плите подчетыреугольной формы, эти стелы по форме плиты и технике исполнения имеют только одну аналогию в Северном Причерноморье, это стела из Днепропетровского музея, относящаяся к V—IV вв. до н.э. Для подавляющего большинства скифских изваяний характерен иной тип изображения, при котором форма плиты, хотя и грубо, воспроизводит общий облик человеческой фигуры.

Со скифской скульптурой ранней хронологической группы их объединяют следующие изобразительные приемы: тип лица, близкий первому типу скифской скульптуры, положение рук второго типа, наличие широкого гладкого носа и характерного кинжала, подвешенного к нему. На первой галайтинской стеле изображен акинак с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем; того же типа акинак оказался и на обломке стелы из погребения 1 могильника Галайты⁵⁰. По классификации А.И. Мелюковой, этот тип относится к VI — началу V в. до н.э.⁵¹ Кинжал, изображенный на целой плите из того же погребения 1, по-видимому, имел не сердцевидное, как пишет М.Х. Багаев, а антенное навершию и почковидное перекрестье. Время мечей этого типа по скифским аналогиям определяется VI в. до н.э.⁵², по савроматским — VI—V вв. до н.э.⁵³ На Центральном Кавказе они встречаются, как и мечи предыдущего типа, в погребениях VII—VI вв. до н.э.⁵⁴ И, наконец, особый интерес представляет акинак, изображенный на стеле из погребения 8, могильника Галайты 2, перекрестье которого, скорее всего, может быть сопоставлено с перекрестьями кинжалов предскифского периода типа найденных в кургане у села Белоградц, в погребении 2 Высокой Могилы и в погребении 1921 г. Каменноостского могильника⁵⁵. Все эти погребения относятся к самому концу предскифского периода и датируются VII в. до н.э. Наличие такого перекрестья при обычном брусковидном навершии, по-видимому, все же указывает на ранний возраст изображенного на стеле меча, и стела может быть отнесена к концу VII в. до н.э.

Учитывая большую близость изобразительных приемов, употребленных при создании галайтинских стел, компактность их нахождения, а также вышесказанное о датах изображенных на них кинжалов, мы можем предполагать, что время создания всех стел должно укладываться в относительно небольшой промежуток времени в пределах конца VII—VI в. до н.э.

Вопрос, кому же принадлежали галайтинские стелы, решается, на мой взгляд, в настоящее время в пользу какой-то местной племенной группы, а не скифов. В пользу этого говорит схематизм изображений, невнимание к деталям (отсутствие кистей рук на стеле из погребения 8, предельно схематическое изображение

рук и пояса на стеле из погребения 1), отсутствие такого обязательного для раннескифских изваяний аксессуара, как гривна, своеобразие в изображении деталей лица (усов, носа). Кроме того, скифские стелы воздвигались на курганах особо почитаемых лиц, а не многим членам одного коллектива, включая детей. Здесь же из одного разрушенного могильника происходят пять стел, причем одна из них несомненно относилась к детскому погребению, о чем говорят ее размер (47 см), отсутствие пояса и меча⁵⁶. Наличие усов, скорее всего, отражало просто схему изображения лица мужского пола. Эта же детская стела, найденная в грунтовой могиле, где были погребены взрослый и ребенок, позволяет предполагать, что и остальные стелы этого могильника были не принесены откуда-то, а использованы вторично в более поздних захоронениях того же грунтового могильника, как полагает и их исследователь М.Х. Багаев. Вторичное использование стел в погребениях, отделенных сравнительно небольшим промежутком времени, известно и в скифском мире⁵⁷, и соображения, высказанные М.Х. Багаевым по этому вопросу вполне правомерны⁵⁸, а многообещающее заявление С.В. Махор-тых о том, что этот "обряд" имеет "глубокий" смысл, уходящий корнями в мировоззрение первобытного человека", применительно к данной ситуации никак не доказано и не раскрыто⁵⁹.

Подводя итог, следует отметить, что область распространения типично скифских каменных изваяний, объединенных изобразительными приемами и набором аксессуаров, в настоящее время может быть определена в пределах степей Северного Причерноморья, Подонья, Прикубанья и Ставропольского плато. Распространение единых форм монументальной скульптуры на этой территории свидетельствует в пользу культурного единства племен, обитавших здесь во второй половине VII—VI и, возможно, начале V в. до н.э. Каменные изваяния скифского типа, найденные за пределами этой территории, отличаются рядом своеобразных черт и не могут рассматриваться в качестве собственно скифской скульптуры, это памятники, возникшие в местной среде под несомненным воздействием скифского искусства.

¹Шульц П.Н. Скифские изваяния: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 218 сл.

²Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. — СА, 1964, N 1.

³Шульц П.Н. Скифские изваяния, с. 223; Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 277.

⁴Попова Е.А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры. — СА, 1976, N 1, с. 108 и сл.

⁵Членова Н.Л. О связях северо-западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху. — Studia Thracia, Sofia, 1975, I, с. 81 и след.; Багаев М.Х. Новые каменные изваяния из Чечено-Ингушетии. — В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 135.

⁶Попова Е.А. Об истоках..., с. 120, карта.

Известно лишь о находке каменной бабы из Пятигорья. В 1938 г. в Пятигорский музей было привезено каменное изваяние, обнаруженное близ станицы Боргустанской при разрушении кургана. Е.И. Крупнов по форме изображенного на нем кинжала относил его к изваяниям скифского типа VI—V вв. до н.э. (Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 279). В 1950 г. все статуи Пятигорского музея были уничтожены, случайно сохранилась только голова якобы Боргустанской стелы (Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 37). По сведениям В.А. Кузнецова (Кузнецов В.А. Тюркские изваяния из Пятигорья. — В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, вып. I, с. 69 и след.), голова, сохранившаяся в музее, принадлежала половецкому изваянию из района Пятигорья. Статуя же из станицы Боргустанской иная, но, по его мнению, также половецкая. Того же мнения относительно статуи из станицы

Боргустанской придерживается и С.А. Плетнева (Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. — САИ, М., 1974, Е4-2, с. 102, N 1080).

⁷Так как многие скульптуры закопаны в землю во дворах музеев, общие их размеры и детали нижних частей остались не выясненными.

⁸Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968, с. 76, рис. 40, типы шлемов.

⁹Загорюлько Н. Каменная баба. — Призыв, 1976, 16 окт. N 124(3194).

¹⁰Рабинович Б.З. Шлемы скифского периода. — ТОИПК, Л., 1941, т. I, с. 107; Мелюкова А.И. Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1-4, с. 76; Черненко Е.В. Скифский доспех, с. 79.

¹¹КИМ Б2274. Приношу глубокую благодарность Л.Н. Романику (за разрешение опубликовать изваяние) и С.Г. Ковпаненко (выполнившему рисунок скульптуры).

¹²Горелик М.В. Реконструкция скифского доспеха по каменным изваяниям. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 266 сл.

¹³Рабинович Б.З. Шлемы..., с. 107, табл. III; V, 1.

¹⁴Мелюкова А.И. Вооружение скифов, с. 47.

¹⁵В 1979 г. каменная баба была перевезена к кургану 8 Краснознаменского могильника, где и экспонируется вместе со скифскими курганами.

¹⁶Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи. — В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1980, с. 12.

¹⁷Мелюкова А.И. Вооружение скифов, с. 49 сл.

¹⁸Благодарю С.А. Плетневу, передавшую мне все данные, касающиеся каменной бабы из ст. Маньской.

¹⁹Следует отметить, что вопреки мнению Е.А. Поповой (Попова Е.А. Об истоках..., с. 120) на территории распространения лесостепных культур скифского времени не было найдено ни одного каменного изваяния скифского типа. Изваяние, хранящееся в Киевском историческом музее, на которое ссылается Е.А. Попова, происходит из села Семеновка Херсонской области (Шульц П.Н. Скифские изваяния, с. 227). Происхождение второго неизвестно. Таким образом, как совершенно справедливо отмечал П.Н. Шульц, каменные изваяния являются характерной чертой культуры собственно скифских степных племен.

²⁰Миллер А.А. Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом. — ИРАИМК, Л., 1926, IV; Passek T., Latyhnine B. Sur la question de "Kamennye baby". — ESA, Helsinki, 1929, IV; Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея. — СА, 1952, N 2.

²¹Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья. — В кн.: Античное общество. М., 1967, с. 225 сл.; Он же. Скифские изваяния; Попова Е.А. Об истоках...

²²Попова Е.А. Об истоках..., с. 118.

²³Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья, с. 229, рис. 3, 4.

²⁴Навротский Н.И. Каменное изваяние воина из станицы Бесскорной. — АО 1970 г. М., 1971, с. 109.

²⁵Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы..., с. 188.

²⁶Ястребов В.Н. Каменная баба. — ТМАО, М., 1886, т. XI, вып. 11, с. 87.

²⁷Passek T., Latyhnine B. Sur la question..., fig. 3.

²⁸Миллер А.А. Новый источник..., с. 102, рис. 2, 3.

²⁹Passek T., Latyhnine B. Sur la question..., fig. 2.

³⁰Шульц П.Н. Скифские изваяния Причерноморья, с. 230, рис. 5, 7.

³¹Шульц П.Н. Скифское изваяние, найденное у городища Чайка. — В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1965, с. 325.

³²Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы..., с. 189; Граков Б.Н. Скифы, М., 1971, табл. XI.

³³Ястребов В.Н. Каменная баба, с. 87.

³⁴Бокый Н.М. Скифский курган у села Медерово. — СА, 1974, N 4, с. 266, рис. 2.

³⁵Passek T., Latyhnine B. Sur la question..., fig. 3.

³⁶Навротский Н.И. Каменное изваяние..., с. 109.

³⁷Мелюкова А.И. Вооружение скифов..., с. 47 и след.

³⁸Там же, с. 50.

³⁹Горелик М.В. Реконструкция скифского доспеха..., с. 269.

⁴⁰Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Каменные изваяния..., с. 158.

⁴¹Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 37, 38, 277.

⁴²Багаев М.Х. Новые каменные изваяния скифского времени из Чечено-Ингушетии. — В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 128 и след.

⁴³Махортых С.В. Об ичкеринских скифских стелах. — В кн.: Археология и краеведение — ВУЗу и школе. Грозный, 1981, с. 29 и след.

⁴⁴Членова Н.Л. О связях..., с. 84, 85.

⁴⁵Членова Н.Л. О связях..., с. 86 и след., рис. VI. ...; Она же. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы. — КСИА, 1966, вып. 107, с. 51, 52, рис. 15, 1.

⁴⁶Марковин В.И., Мунчаев Р.М. Каменные изваяния..., с. 158.

⁴⁷Членова Н.Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-

этнической принадлежности. — В кн.: Археология и этнография Монголии. Новосибирск, 1978, с. 73—75.

⁴⁸ *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Каменные изваяния..., с. 158.

⁴⁹ *Махортых С.В.* Об ичкеринских скифондных стелах..., с. 30.

⁵⁰ *Марковин В.И., Мунчаев Р.М.* Каменные изваяния..., с. 163; *Багаев М.Х.* Новые каменные изваяния..., с. 129.

⁵¹ *Мелюкова А.И.* Вооружение скифов, с. 50.

⁵² Там же, с. 53, 54.

⁵³ *Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов. М., 1961, с. 16 и след., рис. 2.

⁵⁴ *Техов Б.В.* Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н.э. М., 1980, с. 57 и след.

⁵⁵ *Тереножкин А.И.* Киммерийцы. М., 1976, с. 27, 35, 126.

⁵⁶ *Багаев М.Х.* Новые каменные изваяния...

⁵⁷ *Кубышев А.И.* Работы Херсонской экспедиции. — АО 1979 г. М., 1980, с. 293.

⁵⁸ *Багаев М.Х.* Новые каменные изваяния..., с. 135 и след.

⁵⁹ *Махортых С.В.* Об ичкеринских скифондных стелах..., с. 30, 31.

М.П. Абрамова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ III—I вв. до н.э. ПРЕДГОРНОЙ ЗОНЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

За последнее время в результате планомерных раскопок и случайных находок на территории центральных районов Северного Кавказа было выявлено большое количество комплексов, относящихся к последним векам I тысячелетия до н.э. Изучение материалов этих комплексов, в первую очередь ранних комплексов Нижне-Джудатского могильника, позволяет выделить ряд признаков, характерных для погребений этой территории в III—I вв. до н.э. Среди керамики это группа ритуальных сосудов, миски-курильницы, специфических форм сосуды с гальками и сосуды с целью. Характерным для этого времени является наличие керамики закавказских форм (влияние традиций Кавказской Албании). В оружии — это преобладание мечей и кинжалов с серповидным навершием, наличие в погребениях наконечников копий, втульчатых наконечников стрел, колчаных крюков. Среди другого инвентаря наиболее характерны пряжки с неподвижным язычком, бронзовые зеркала (дисковидные или чаще — с валиком по краю и ручкой-штырем), а также большое количество бус, среди них преобладают мелкие бусы, применявшиеся для обшивки краев одежды. Характерной особенностью погребений этого времени является наличие заупокойной пищи (чаще всего это часть барана, положенного иногда с ножом, в ряде случаев в миске), а также кусков мела, серы и кремня.

Погребения с такими признаками характерны для территории от Чечено-Ингушетии на востоке до Кабардино-Балкарии на западе, включая, очевидно, и Северную Осетию. Отсутствие там ярко выраженных аналогичных комплексов объясняется, скорее всего, малоизученностью.

К этой же территории относится, по-видимому, и район Кавминвод, где могильники данного времени неизвестны, однако среди катакомбных погребений на р. Юце и опубликованных А.П. Руничем, погребение 2 содержит набор керамики, характерный для комплексов последних веков до нашей эры. Подтверждает эту дату и наличие в могиле сосуда с гальками².

Погребения с отмеченными признаками, расположены главным образом в пред-

горной зоне и не типичны для гор. Поэтому можно сказать, что эти особенности характерны для материальной и духовной культуры тех групп местного населения, которые жили в зоне, доступной для влияния северных кочевых ираноязычных племен. Однако говоря о местном характере населения этого района, необходимо учитывать несомненно имевший место с древности факт оседания здесь представителей различных кочевников, поэтому местное население этой зоны всегда в какой-то степени было разнотничным по сравнению с населением горных районов.

Большая часть отмеченных признаков рассматривается обычно как характерные сарматские черты, что используется для доказательства сарматизации местного населения или массового оседания на этой территории кочевых сарматских племен. Однако внимательное рассмотрение позволяет дифференцировать данные признаки, выделив среди них местные черты и элементы степных влияний. Причем при изучении процесса сарматизации местного населения особую роль играет уточнение времени первого появления того или иного признака на исследуемой территории, а также его количественных показателей в различные периоды.

С этой точки зрения материалы северокавказских памятников сарматского периода (III—I вв. до н.э.) представляют несомненный интерес. Рассмотрим под этим углом зрения некоторые из выделенных нами признаков для погребений указанного периода.

Наличие местных, несарматских признаков подтверждается в первую очередь при рассмотрении керамики, что уже отмечалось³. Найденные в погребениях этого времени ритуальные сосуды (сосуды с гальками и сосуды с цепью) говорят о том, что население, оставившее эти памятники, придерживалось местных кавказских культов. Так, например, сосуды с цепью встречаются только в центральных районах Северного Кавказа. Из 20 известных мне подобных сосудов 17 происходят из Кабардино-Балкарии и три — из Чечено-Ингушетии. Из них лишь один сосуд найден в курганном погребении⁴, все остальные — в грунтовых могильниках.

Обряд положения цепи в сосуд неизвестен на Северном Кавказе в предшествующее время, однако случаи нахождения цепей в погребениях,кладах и культовых местах широко известны в кобанское и скифское время, причем в скифское время культ цепи был наиболее характерен для памятников территории Кабардино-Балкарии⁵. Отсюда же происходит и подавляющее большинство сосудов с цепью последних веков до нашей эры.

При рассмотрении оружия, мечей и кинжалов III—I вв. до н.э. наблюдается переплетение кавказских и сарматских черт как в их форме, так и в местоположении их в могиле. Мечи и кинжалы этого времени имеют различные навершия: брусковидные (в IV — начале III в. до н.э.), серповидные, антенные и кольцевые. Перекрестья только прямые, либо вообще отсутствуют. Все мечи без перекрестья, независимо от формы навершия, рассматриваются К.Ф. Смирновым как поздние дериваты северокавказских мечей так называемого синдо-меотского типа⁶. Наличие прямого перекрестья — явно сарматская черта, поскольку оно не характерно ни для скифского оружия, ни для местных образцов.

Что касается наверший, то мечи с брусковидными навершиями являются несомненно кавказскими; местными, по-видимому, можно считать и мечи с антенными навершиями. Мечи такого типа у сарматов наиболее характерны для VI—V вв. до н.э. и доживают до IV в. до н.э.⁷ Они неизвестны в сарматских памятниках III—I вв. до н.э., хотя эпизодически встречаются позже — на рубеже и в первых веках нашей эры⁸. На Северном Кавказе мечи и кинжалы с антенными навершиями продолжают

бытовать и после IV в. до н.э., причем наиболее ранние из них (мечи из Чегемского кургана-кладбища⁹ и Коба-Башинского склепа¹⁰) имеют такой признак северокавказских мечей, как отсутствие перекрестья.

Типы мечей с серповидными и кольцевидными навершиями складывались, по-видимому, параллельно и у сарматов, и на Кавказе, так как в той и другой области они имеют свои прототипы. Однако для мечей с кольцевым навершием более вероятно их сарматское происхождение. Несмотря на то что ранние экземпляры таких мечей происходят с Северного Кавказа, где они датируются скифским временем (кисловодский и нальчикский мечи)¹¹, распространение их здесь начинается лишь с I в. до н.э., в то время как у сарматов мечи такого типа отчетливо фиксируются в Заволжье уже с III в. до н.э.¹² Распространение их на Кавказе следует либо полностью связать с влиянием или проникновением сюда сарматов, либо допустить параллельное развитие этого типа мечей на Кавказе и в Заволжье, учитывая при этом вероятность происхождения кольцевых наверший от антенных, наличие в материалах Северного Кавказа мечей с антенным навершием в последних веках до нашей эры, тесное взаимодействие в Предкавказье сарматской и кавказской культур.

Таким образом, при рассмотрении мечей и кинжалов последних веков до нашей эры прослеживается сочетание сарматских и кавказских черт, причем оно присуще в равной степени погребениям как курганным, так и бескурганным могиловым и не зависит от формы могилы (катакомба или грунтовая яма). Более того, все мечи, найденные в курганах, имеют кавказский облик (без перекрестья). Значит уже в последних веках до нашей эры у местных племен исследуемой территории и у кочевавших здесь или на прилегающих землях сарматов была единая культура, объединившая сарматские и кавказские черты. Это подтверждается и при рассмотрении местоположения мечей и могиле.

Как известно, у скифов мечи, как правило, находились в могиле справа от погребенного и лишь в отдельных случаях — слева¹³. Такое же положение мечей характерно и для сарматских погребений на сарматской и прохоровской стадии¹⁴.

Несмотря на то что в скифское время на Северном Кавказе господствует скорченное положение костяков и местоположение кинжалов далеко не всегда поддается определению, имеющиеся материалы позволяют говорить о том, что здесь в это время мечи и кинжалы лежат обычно слева от костяков¹⁵, хотя бывают и исключения¹⁶. Такая традиция сохранялась на Северном Кавказе и в сарматское время у населения горных районов (Карца, Западное кладбище Кобани)¹⁷.

В памятниках предгорий и плоскостной зоны последних веков до нашей эры наблюдается сочетание кавказских и сарматских традиций при некотором преобладании последних. Так, из 11 случаев с зафиксированным положением меча или кинжала в шести случаях они лежали справа от костяка, в четырех — слева и в одном — перед скорченным костяком. Такая же смешанная картина прослежена и Н.И. Сокольским при изучении боспорских мечей: положение мечей поперек туловища связывается с погребальным обрядом синдов; слева — греческий обряд и справа — скифский¹⁸. По-видимому, на Боспоре, так же как и в центральных районах Северного Кавказа, могло быть переплетение различных традиций, которые при смешанном составе населения выполнялись не так строго.

Некоторые категории северокавказского оружия последних веков до нашей эры носят явно кавказский облик. Это наконечники копий, не характерные для сарматских племен, а также наконечники стрел. В погребениях этого времени центральных районов Северного Кавказа встречаются только железные втульчатые наконечники

стрел, тогда как у сарматских племен бронзовые втульчатые наконечники заменяются во II в. до н.э. железными черешковыми. Причем втульчатые наконечники характерны на Северном Кавказе не только для грунтовых могильников, связываемых с местным этносом, но и для погребений в курганах, в том числе и в тех, которые расположены по Ставропольской возвышенности, где можно предположить обитание кочевых сарматских племен. Господство в подкурганых погребениях кавказских по происхождению наконечников стрел говорит о том, что население, основу которого, вероятно, составляли ираноязычные кочевники, обитало в этих районах уже длительное время и было по культуре в большей степени кавказцами, чем сарматами.

Что касается размещения стрел в могиле, то преобладает положение их у левой ноги, что соответствует способу ношения колчана у скифов и сарматов. В северокавказских погребениях скифского времени колчан чаще всего, видимо, помещался перед погребенным, лежавшим скорченно на боку, однако в ряде случаев зафиксировано его размещение слева от костяка (Нестеровский, Каррас, Гойта), т.е. такой обычай существовал на Северном Кавказе и до прихода туда сарматов.

Характерной особенностью погребений последних веков до нашей эры являются бронзовые зеркала: с валиком по краю и ручкой-штырем (сарматские по происхождению), а также дисковидные двух типов. Из последних зеркала с вертикально отогнутым бортиком можно считать по происхождению меотскими. Наиболее распространены были зеркала с валиком по краю, подавляющее большинство которых происходит с территории Кабардино-Балкарии и Ставрополя. На обеих территориях их находят, главным образом, в грунтовых могильниках, т.е. они характерны здесь для оседлого населения и подтверждают его значительную сарматизацию. В то же время в более восточных районах (Чечено-Ингушетия) эти сарматские зеркала найдены, главным образом, в подкурганых погребениях, тяготеющих к плоскостным районам и связанных, по-видимому, с кочевым или полукочевым населением.

Значительная степень сарматизации населения подтверждается тем, что подавляющее большинство зеркал всех типов найдено в могилах в разбитом состоянии. Известно, что обычай преднамеренной порчи зеркал перед положением их в могилу характерен для религиозных воззрений сарматских племен, поэтому тот факт, что из зеркал, найденных на Кавказе, разбитыми были не только зеркала I типа (сарматские), но и зеркала других типов, говорит о широком распространении этого обычая среди населения центральных районов Северного Кавказа.

И последний признак, это наличие в погребениях напутственной пищи. Эта деталь обряда была одинаково характерна как для грунтовых, так и курганных могильников на всей исследуемой территории. В подавляющем большинстве случаев это были кости барана, часто вместе с ножом, иногда помещенные в миску. Реже встречаются кости крупного скота, главным образом коровы. В восьми погребениях найдены целые тушки барана, в трех из них — обезглавленные.

Положение в могилу обезглавленной туши барана характерно для савроматской культуры. Однако необходимо сказать, что К.Ф. Смирнов отмечал отсутствие обезглавленных туш баранов в погребениях южных районов распространения савроматских племен — на левом берегу Дона, на Маныче, в междуречье Кумы и Терека¹⁹, т.е. в районах Предкавказья. Вместе с тем целые тушки барана встречаются в памятниках Северо-Восточного Кавказа скифского времени (Хабардинский, Алероевский могильники)²⁰, причем в Дагестане обычай положения в могилу целой

туши барана, иногда обезглавленной, доживает до первых веков нашей эры²¹. В это время такой обряд известен и в Прикубанье²². Поэтому нахождение целых туш баранов в могильниках центральных районов Северного Кавказа можно рассматривать как общекавказский обычай.

Что касается вообще обычая преимущественного использования в качестве напутственной пищи мяса барана, то он находит ближайшие аналогии у сарматов. Однако необходимо при этом учитывать тот факт, что этот обычай был распространен на территории центральных районов и в предшествующее — кобанское, а особенно в скифское, время. Так, в Каменномостском, Чегемском, Карраском, Комаровском, Нижне-Джулатском, Терском могильниках были найдены кости животных, и во всех случаях это были кости барана. Более широко кости животных представлены в памятниках восточных районов — Чечено-Ингушетии и Дагестана, где эту черту обряда можно, по-видимому, рассматривать как пережиток традиции более раннего времени, поскольку кости животных были обязательной принадлежностью погребений каякентско-хорочеевской культуры²³.

В целом можно говорить о том, что предпочтение в использовании в качестве заупокойной пищи мяса барана было характерно и для местного населения предгорных и плоскостных районов центрального Предкавказья скифского времени. Поэтому в памятниках сарматского времени этот обряд не должен рассматриваться только как свидетельство продолжающейся сарматизации местного населения и тем более как свидетельство проникновения сюда новых сарматских групп; в такой же степени он может быть рассмотрен как пережиток более раннего времени.

С этой точки зрения особо следует остановиться на таком признаке, как положение жертвенной пищи в сосуд (в большинстве случаев в миску). Надо отметить, что такой обычай был совершенно нехарактерен для сарматских племен вплоть до рубежа нашей эры. На Северном Кавказе обряд положения заупокойной пищи в сосуд был распространен в скифское время на всей его территории. Обычай этот несомненно кавказский. У сарматов миски с костями животных появляются лишь в первых веках нашей эры, причем распространяются они преимущественно в южных районах сарматской территории (Калмыкия, Астраханская область и др.), что можно объяснить влиянием северокавказских традиций.

Таким образом, из рассмотренных нами признаков, характерных для погребений последних веков до нашей эры центральных районов Северного Кавказа, многие несут кавказский облик (керамика, некоторые предметы вооружения), хотя есть в культуре населения этого района и явно сарматские черты (некоторые типы мечей и зеркал). В целом же можно говорить о значительном своеобразии культуры населения предгорной и плоскостной зон этого района по сравнению с культурой горных районов и тем более северных сарматских областей. Рассмотренные особенности выявляют различия и в культуре населения центральных районов по сравнению с их восточными соседями — племенами, жившими в центральных районах Чечено-Ингушетии и в культуре которых скифо-сарматские черты прослеживаются не столь явно, как у племен (в том числе и оседлых) центрального Предкавказья. Однако выявленные свидетельства степных влияний в культуре населения предгорной и плоскостной зон центрального Предкавказья III—I вв. до н.э. говорят не столько о начавшемся, как это считается, в III в. до н.э. мощном процессе сарматизации местного населения, сколько о продолжающихся со скифского времени длительных и постоянных взаимных контактах кавказских племен и ираноязычных кочевников, что не исключало и факта оседания последних на этой территории.

¹ В качестве аналогий привлекались данные из раскопок могильника Ханкальского городища 2 в Чечено-Ингушетии и Чегемского "кургана-кладбища" в Кабардино-Балкарии (материалы не опубликованы), а также материалы из разрозненных погребений центральных районов Северного Кавказа.

² *Рунчи А. П.* Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы. — СА, 1961, N 1, с. 268, рис. 2, 6—12.

³ *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени. — СА, 1979, 2, с. 31—44.

⁴ *Мунчаев Р. М.* Отчет о работах III отряда СКАЭ в 1966 г. — Архив ИА, Р-1, д. 3293, с. 155(39).

⁵ *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 252.

⁶ *Смирнов К. Ф.* О мечях синдо-меотского типа. — КСИА, 1980, вып. 162, с. 42—44.

⁷ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов. — МИА, 1961, N 101, с. 18, 19; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. — САИ, 1963, вып. Д1-10, с. 33

⁸ *Шатовалов Г. О.* Сарматские похоронки поблизу с. Новолучаньске. — Археология, 1973, N 8, с. 85, 86, рис. 4, 1; *Скрипкин А. С., Мамонтов В. И.* Об одном новом типе позднесарматских кинжалов. — СА, 1977, N 4, с. 285—287, рис. 2; *Федоров-Давыдов Г. А.* Позднесарматский биметаллический кинжал из Барановского могильника. — СА, 1980, N 2, с. 235—238, рис. 1, 2.

⁹ *Смирнов К. Ф.* О мечях синдо-меотского типа, с. 44, рис. 3, IV, а.

¹⁰ *Алексеева Е. П.* Памятники меотской и сармато-аланской культуры Карачаево-Черкессии. — Тр. КЧНИИ ЯЛ. Ставрополь, 1966, вып. V, с. 151, 152, рис. 9, 2.

¹¹ *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 108.

¹² *Смирнов К. Ф.* Курганы у с. Иловатка и

Политотдельское Сталинградской области. — МИА, 1959, N 60, с. 320; *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры, с. 34; *Хазанов А. М.* Очерки военного дела «сарматов». М., 1971, с. 9, 10.

¹³ *Мелюкова А. И.* Вооружение скифов. — САИ, 1964, вып. Д1-4, с. 63.

¹⁴ *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов, с. 28; *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 116.

¹⁵ *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 407, 416; *Виноградов В. Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ..., с. 349, рис. 33; с. 354, рис. 38; *Марковин В. И.* Скифские курганы у с. Гойты (Чечено-Ингушетия). — СА, 1965, N 2, с. 165, рис. 5, 1.

¹⁶ *Акритас П. Г.* Отчет об археологической экспедиции КБНИИ в Чегемском ущелье летом 1960 г. — Архив ИА, Р-1, д. 2109, с. 22.

¹⁷ *Долбежев В. И.* Журнал раскопок, произведенных в Терской области в 1891 и 1892 гг. — Архив ЛОИА, ф. 1, д. 13 за 1891 г. (Западное кладбище Кобани, мог. 6) и ф. 1, д. 16, 1892 г. (Карца, могильник на Лесной поляне, погр. 3).

¹⁸ *Сокольский Н. И.* Боспорские мечи. — МИА, 1954, N 33, с. 129.

¹⁹ *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 101.

²⁰ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967, с. 38; *Виноградов В. Б.* Отчет о полевых работах I отряда СКАЭ в 1968 г. — Архив ИА, Р-1, д. 3757, с. 29.

²¹ *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа..., с. 124, 126.

²² *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у ст. Усть-Лабинской. — МИА, 1951, N 23, с. 189; *Каменецкий И. С.* Население нижнего Дона в I—III вв. н.э.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1965, с. 322.

²³ *Марковин В. И.* Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969, с. 40.

КУРГАННЫЙ КОМПЛЕКС САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ БАССЕЙНА р. КИРПИЛИ

В 1974 г. восточнее ст. Новоджерелиевской, на правой террасе р. Кирпили были обнаружены два погребения. Река Кирпили является одной из степных рек правобережья Кубани. В древности она являлась крупной рекой, которую возможно отождествлять со страбоновским Малым Ромбитом. По обеим берегам р. Кирпили в ее нижнем течении расположены многочисленные меотские городища и курганы¹. Наиболее ранние относятся к древнеямной культуре².

Проведенное нами обследование места находки вышеупомянутых двух погребений показало, что на данном месте ранее находился курган, срытый во время земляных работ. Основное погребение относится к эпохе бронзы и сопровождалось лепным сосудиком. На расстоянии 3,5 м к востоку от него находилось впускное погребение, расположенное на уровне погребенной почвы. Обе могилы были разрушены. На дне могил прослеживался коричневый тлен — остатки подстилок. Во второй могиле сохранились *in situ* кости стопы и сдвинутая со своего первоначального положения нижняя челюсть человека. Судя по ним, скелет был ориентирован головой на северо-запад (или запад-северо-запад). Находившиеся в могиле вещи были вынуты колхозниками, и установить место нахождения каждого предмета по отношению к скелету не представлялось возможным*.

При скелете был найден следующий инвентарь: мелкие штампованные золотые нашивные бляшки, бронзовое зеркало, мегарская чаша, два серебряных сосуда — килик и круглодонная чаша, стеклянная двуручная чаша, бронзовая италийского производства сковородка типа айлесфорд, три бронзовых сарматских котла, три серебряных фалара, два малых серебряных фалара с изображением головы льва и таких же, но гладких, большой бронзовый колокольчик, железный канделябр и железные поделки конусовидной формы, глиняный кружальный горшок. Перейдем к более детальному рассмотрению погребального инвентаря.

Керамика. Мегарская чаша сферической формы с прямым краем и рельефным орнаментом из горизонтальных поясов, разделенных линиями. Под поясом из крупных пальметт идет пояс из пятилистников, между которыми расположены группами три рельефные точки (рис. 1, I). Чаша покрыта жидким матовым черно-серым лаком с графитовым оттенком, местами переходящим в коричневый. Нижняя часть чаши отсутствует. Глина серая, плотная, с мелкими блестками слюды. По форме, характеру глины и лака чаша может относиться к малоазийским центрам и датируется II в. до н.э. Мегарские чаши, как отмечал Д. Б. Шелов³, являются хорошим датирующим материалом.

На Кубани находки мегарских чаш относительно редки. Фрагменты их были найдены на Краснодарском городище и Старокорсунском втором, целая чаша найдена в одном из шенджиевских курганов (Теучежский район). Некоторое исключение в этом отношении составляет Елизаветинское городище, в слоях которого фрагменты "мегарских" чаш встречаются значительно чаще, чем на меотских городищах. Здесь в могильнике была найдена чаша с клеймом "Кирбей"⁴.

* Все найденные предметы были доставлены в Краснодарский музей.

Горшок коричневый, плотной без примесей глины, лощеный, изготовлен на гончарном круге, венчик отогнут наружу. По плечикам идет полоса волнистого орнамента, ограниченного желобками. Дно на низкой кольцеобразной ножке. Высота горшка 29 см, диаметр венчика 14,5 см, диаметр дна 11 см (рис. 1,2). Необходимо отметить, что его форма, фактура и орнаментация не характерны для меотской керамики.

Металлические сосуды. Серебряный килик на низкой профилированной ножке с поднятыми вверх и изящно изогнутыми в виде буквы П ручками (рис. 1,3). Тулово гладкое, по краю идет узкая полоса с изображением листьев, ограниченная точками. Ножка украшена растительным орнаментом со следами позолоты. Высота килика 6 см, диаметр по верхнему краю 9,5 см. Сохранность плохая, часть стенок и дно рассыпались, ножка отпала. Наиболее близким нашему килику является серебряный килик одвийского некрополя из могилы II в. до н.э.⁵

Чаша полусферической формы, гладкая, с округлым дном, диаметр 12 см, высота 7 см (рис. 1,4). Близка серебряной чаше из Артюховской гробницы. М. И. Максимова считает, что время появления чаш полусферической и конусовидной формы в эпоху эллинизма определяется примерно серединой II в. до н.э.⁶ Серебряные же сосуды Артюховского кургана она датирует третьей четвертью II в. до н.э.⁷

Бронзовая сковородка типа айлесфордской с длинной горизонтальной ручкой. Стенки слегка выпуклые, венчик горизонтальный, дно плоское. Края ручки утолщены и загнуты внутрь, конец отломан. Размеры сковородки: диаметр по верхнему краю 2,6 см, высота 6 см, длина ручки 17 см, ширина 3 см (рис. 1,5). Аналогичная сковородка найдена в кургане хут. Алитуб (Аксацкий район Ростовской области) в женском погребении II в. до н.э.⁸ На Кубани в настоящее время их известно еще три экземпляра: ст. Воронежская, хут. Элитный⁹ и беспаспортная находка, поступившая в Краснодарский музей в 70-х годах. Бронзовые сковородки данного типа с длинной горизонтальной ручкой получили в литературе название айлесфордских по месту находки их в Англии у д. Айлесфорд близ г. Кента. Они найдены в Италии, Англии, ФРГ, ГДР, Чехословакии и Польше¹⁰. Местом производства их является Италия. На основании находки во впускном погребении кургана у хут. Алитуб В. П. Шилов считает, что начало выпуска этих сосудов можно отнести ко II в. до н.э., и отмечает, что "это отнюдь не исключает производства их и в I в., вплоть до 50 г. до н.э."¹¹

В погребении найдено три бронзовых котла сарматского типа. Один из них более крупный, два — небольшой величины с яйцевидным туловом, с двумя ручками, на поддонах (последние не сохранились). Ручки украшены тремя цилиндрическими выступами со шляпками. По верхней части тулова идет "веревочный" рельефный пояс, у одного котла завязанный узелком (рис. 1,6). Поддоны были припаяны, у второго котла поддон, кроме того, был прикреплен тремя заклепками, которые хорошо прослеживаются внутри котла. На обоих котлах в нескольких местах имеются латки из бронзовых припаянных пластин. Наружная поверхность котлов сильно закопчена. Размеры первого котла: высота корпуса (без поддона) 9 см, диаметр по верхнему краю 24 см, диаметр дна 6 см, высота ручек 3,5 см. Один из котлов разбит, высота корпуса 24 см. Третий котел такого же типа, но более крупный с округлым туловом, поддон не сохранился. Высота тулова 37 см, диаметр по верхнему краю 40 см. Котлы данного типа характерны для сарматской культуры и являются частой находкой в богатых сарматских погребениях¹². Джерелиевские котлы по форме должны быть отнесены ко второму типу, по Н. А. Боковенко,

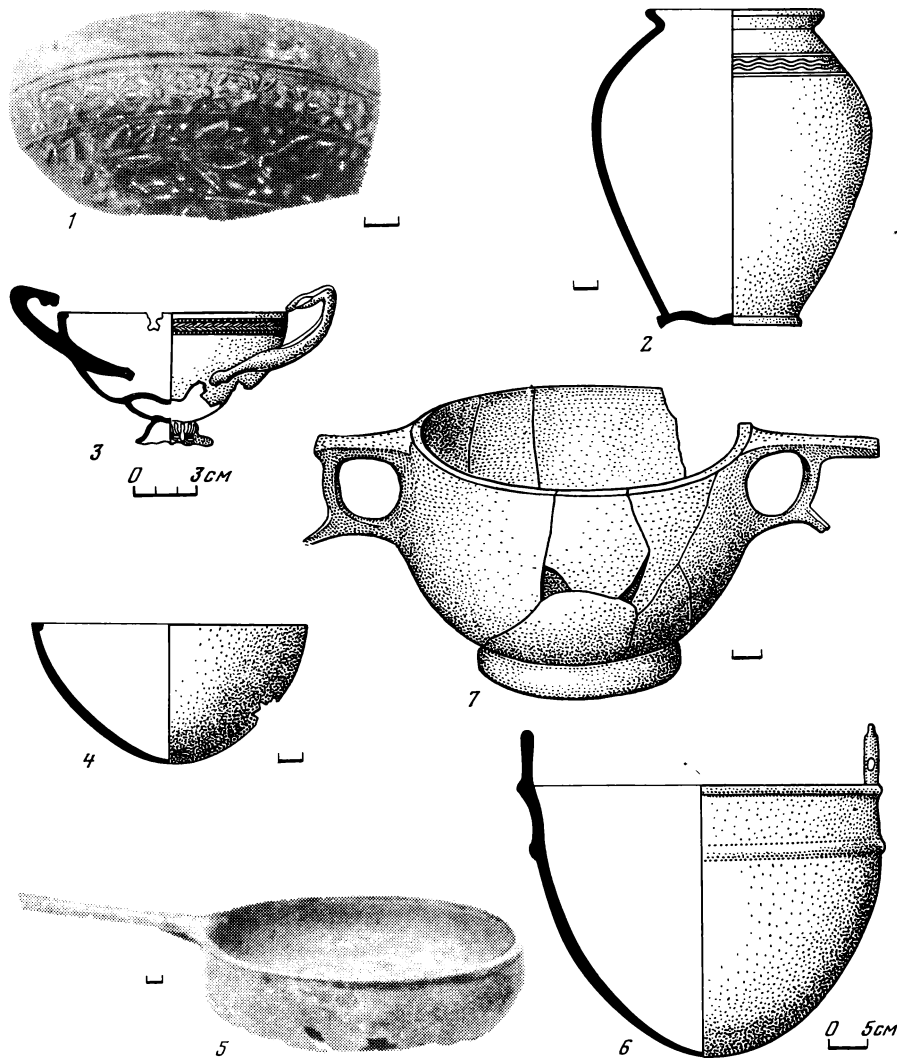

Рис. 1. Предметы сарматского времени. Бассейн р. Кирпили (1—6)

который датирует его I в. до н.э. — I в. н.э.¹³ По-видимому, нижнюю границу надо несколько удревить, сдвинув во II в. до н.э., так как на правобережье Кубани котлы данного типа были найдены в погребениях II в. до н.э. (хут. Элитный и др.).

Стеклянная чаша из литого обточенного стекла с двумя ручками, имеющими горизонтальные площадки, на низкой кольцевой ножке типа канфара (рис. 1,7). Высота ее 8,5 см, диаметр 11 см, диаметр дна 7 см. В эпоху позднего эллинизма в Прикубанье поступает относительно много стеклянных сосудов из литого обточенного стекла, среди которых преобладают чаши вышеописанного типа. К.Ф. Смирновым отмечено 17 мест находок стеклянных сосудов по нижнему и сред-

нему течению р. Кубани¹⁴. К этому списку в настоящее время можно добавить еще целый ряд находок, в основном в богатых впускных сарматских погребениях II в. до н.э. (хут. Элитный, ст. Старонижнестеблиевская, хут. Бойко-Понура и др.). К.Ф. Смирнов на основании топографии подобных находок считает, что, являясь продукцией мастерских Египта или Сирии, они попадали на Северный Кавказ через Закавказье, минуя греческие колонии Северного Причерноморья. Импорт этого стекла в Прикубанье, по К.Ф. Смирнову, шел по меото-колхидской дороге¹⁵. В.В. Кропоткин считает, что эта гипотеза не подкреплена фактическим материалом и вероятнее всего стеклянные сосуды из литого стекла поступали на Северный Кавказ из городов Боспора¹⁶. По-видимому, последний автор прав, что подтверждается топографией находок последних лет. Да и существовала ли вообще меото-колхидская дорога как сухопутный караванный торговый путь?

Из украшений были найдены *золотые нашивные, штампованные бляшки*. Они мелкие, геометрических форм и четырех разновидностей — круглые с выпуклиной в центре, треугольные с тремя выпуклинами и точечным орнаментом по краю, лунницы и удлиненной формы бляшки с ребристой поверхностью и вдавленными на концах кружками. Находились в области груди скелета и в древности были нашиты на материю, о чем свидетельствуют имеющиеся по краям отверстия.

Бронзовое зеркало прохоровского типа с уплощенным валиком по краю диска, умбовидной выпуклостью в центре и длинным боковым заостренным штырем для деревянной рукоятки. Диаметр диска 13 см, длина штыря 3,5 см. Зеркала данного типа являются характерными для сарматских погребений Нижнего Поволжья¹⁷, бытовали с рубежа IV—III вв. и во II в. до н.э. на всей сарматской территории¹⁸. Известны они и в крымских погребениях II в. до н.э.¹⁹ Аналогичное зеркало с валиком по краю и ручкой штырем встречено в погребении 2 кургана 3 хут. Верхнего (Кореновский район Краснодарского края, раскопки А.А. Нехаева, 1978 г.).

Фалары. В погребении найдено три серебряных больших фалара и восемь малых (бляхи). Большие фалары полусферической формы, с высоким рельефом и широким горизонтальным бортиком-рантом. Фалары украшены четырьмя симметрично расположенными вертикальными орнаментальными полосами (ширина 2 см), с нанесенными на них волтами, идущими в два ряда и разделенными продольной полосой с поперечными насечками; у одного фалара добавлены еще и кружки, внизу конуса идет рельефный веревочный валик, отделяющий его от края — ранта. Такой же валик расположен наверху, ограничивая вершину конуса. Последняя у двух фаларов гладкая, у третьего — украшена пальметкой. Вышеописанные орнаментальные полосы концами своими упираются в веревочные валики. По горизонтальному краю их — зубчатый бордюр в виде треугольников, разделенных вертикальной полосой. По краю имеется четыре симметрично расположенных отверстия, в которых сохранились серебряные гвоздички (заклепки) для прикрепления железных петель и для продевания ремней. У некоторых гвоздичков с нижней стороны сохранились кусочки железа. Орнаментальные полосы были позолочены, следы позолоты прослеживаются также и по краю фалара. Диаметр фаларов 14 см, высота 6—7 см (рис. 2). Малых фаларов (блях) найдено восемь, трех типов. Две парные серебряные плоские бляхи украшены головою льва в углублении. Голова льва дана в низком рельефе, стилизована, морда сильно вытянута. Стилистически изображения на бляхах не идентичны — у одной грива у льва более гладкая (рис. 2,3), у другой — более волнистая (рис. 2,4). Сверху и внизу головы льва имеются отверстия с бронзовыми

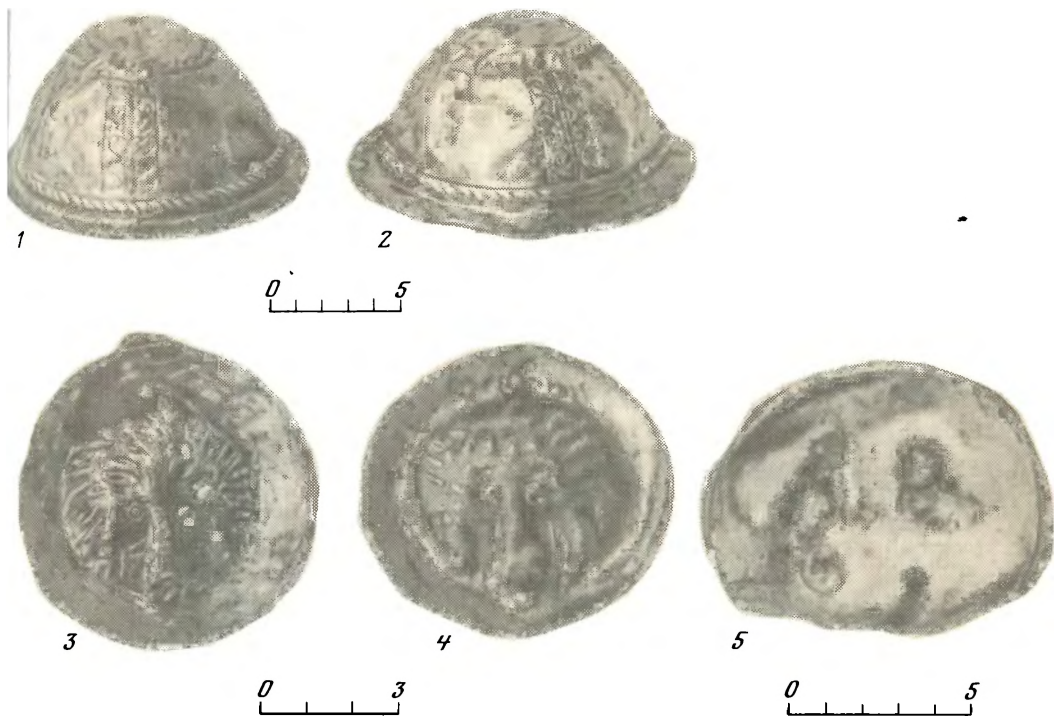

Рис. 2. Предметы сарматского времени. Бассейн р. Курпили (1—5)

заклепками для прикрепления к железной петле, служившей для продевания ремня. Диаметр блях 6 см. Две бляхи — серебряные, плоские со слегка утолщенным и отогнутым книзу краем, внешняя поверхность украшена двумя полушаровидными выпуклостями — серебряными пуговками на бронзовых штифтиках (заклепках). На одной бляхе имеются дополнительно два симметрично расположенных штифтика (без головок) для прикрепления с нижней стороны железной петли. Две бляхи сохранились относительно хорошо, две другие распались на мелкие кусочки. Диаметр блях 8,5 см. Совершенно аналогичные серебряные бляхи с двумя выпуклостями происходят из Антиповской находки (курган у дер. Антиповки Воронежской области). И. И. Гущина датирует комплекс II — началом I в. до н.э.²⁰

Третий тип серебряных блях представлен двумя парными, почти плоскими бляхами с гладким горизонтальным краем, отделенным от основного поля бляхи валиком. Они украшены орнаментом, в виде колеса. От центрального кружка отходит восемь двойных полос в виде спиц, упирающихся во внешний валик, имитирующий обод. По краю имеются четыре симметричные серебряные заклепки, с нижней стороны которых сохранились части железных пластинчатых петель, крестообразно расположенных, для продевания ремней. Диаметр блях 6,5—7 см.

Серебряные фалары, служившие украшением конской сбруи, известны из целого ряда богатых погребений сарматской конной аристократии. В основном они найдены на Украине и в Ростовской области (так называемые клады из Старобельска, Таганрога, Янчокрака, Галича, Федуловский, комплекс из кургана у хут. Бу-

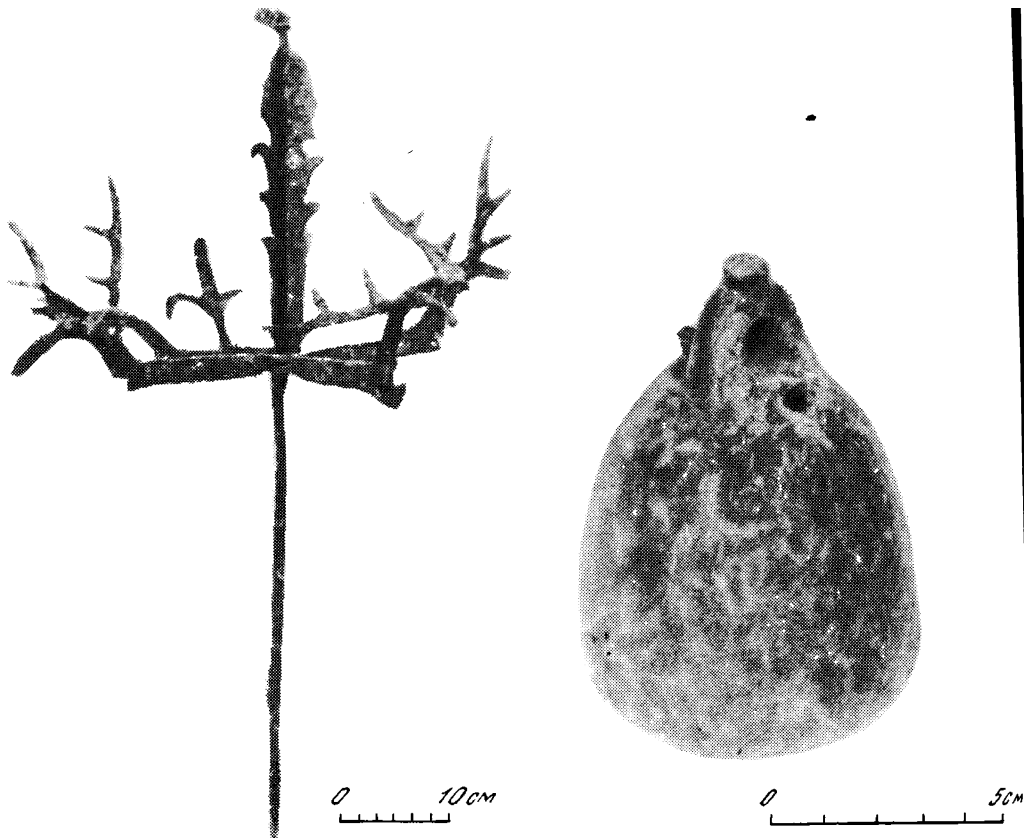

Рис. 3. Железный канделябр. Бассейн р. Кирпили

Рис. 4. Бронзовый колокольчик. Бассейн р. Кирпили

лаховка и др.). Находки фаларов известны и на Кубани (ст. Воронежская, г. Кореневск, станицы Воздвиженская, Даховская, Северский курган), а также на Таманском полуострове (станицы Старотиторовская, Ахтанизовская).

Новоджерелиевским фаларам наиболее близки по типу, размерам и отчасти по орнаментации бортика фалары из Янчокракского клада и из кургана сел. Булаховка. Они имеют такую же полусферическую форму и горизонтальный край, украшенный зигзагообразной линией, образующей треугольники, или полукружками. Отличием является орнаментация фаларов. Булаховские фалары В.И. Костенко датирует концом II — началом I в. до н.э. Янчокракский клад И.И. Гущина склонна относить к I в. до н.э., отмечая, что наиболее поздней находкой в этом комплексе является ручка от италийской бронзовой кастрюльки. Но, как показал В.П. Шилов, данного типа сковородки известны у сармат Подонья во II в. до н.э.²³ По-видимому, Янчокракский клад правильнее датировать второй половиной или концом II в. Таганрогский и Старобельский клад К.В. Тревер датирует II в. до н.э.²⁴, антиповская находка относится к концу II — началу I в. до н.э. и находка у хут. Клеменковско-

го — ко II в. до н.э.²⁵ Все это дает основание Новоджерелиевские фалары датировать второй половиной II в. до н.э.

Железный канделябр. От него сохранилась нижняя часть витого стержня на четырех прогнутых ножках и верхняя часть стержня, оканчивающаяся своего рода "навершием". Последнее состоит из трех сваренных вместе вертикальных пластин, по краю которых идут по три клювообразно загнутых выступа, наверху оканчивающиеся конусовидной "шапкой" со стержнем сверху. На месте перехода стержня в "навершие" прикреплены четыре горизонтально расположенные крестообразные пластины, оканчивающиеся схематическими головами оленей на длинных шеях и с ветвистыми рогами. Пластины были украшены вертикальными стержнями, посредине имеющими кружок, от которого в стороны отходят загнутые вниз птичьи головки (сохранились только на одной пластине). По-видимому, наверху прикреплялась чашечка (светильник) для масла (рис. 3). Аналогичный железный канделябр с такими же изображениями оленей с ветвистыми рогами на концах горизонтальных пластин найден в 1979 г. в погребении 10 кургана хут. Песчаный (Тбилисский район Краснодарского края)²⁶. В станице Владимирской в 1958 г. был разрушен земляной склеп, в котором среди прочего инвентаря был встречен железный канделябр. От него сохранилась нижняя часть гладкого стержня на трех ножках, железная чашечка (светильник) и центральная часть "навершия", сваренная из трех вертикальных пластин с боковыми зубринами²⁷. Более простые канделябры, но также украшенные фигурками оленей, известны из Краснодарского могильника на юго-западной окраине города (два канделябра были найдены вне погребения)²⁸ и из могильника аула Ленинохавль (Теучежский район Адыгейской автономной области)²⁹.

И, наконец, в новоджерелиевском погребении был найден большой бронзовый колокольчик с петлей, имеющий наверху пуговку. Язычок был железный и продевался в два отверстия, расположенные по сторонам петли. В одном отверстии сохранилась верхняя часть язычка. Высота колокольчика 11 см (рис. 4).

Большинство предметов, найденных в погребении, укладывается в рамки II в. до н.э. Это мегарская чаша, серебряные сосуды, котлы, италийская сковородка, стеклянная чаша, зеркало и фалары. Таким образом, анализ инвентаря позволяет датировать новоджерелиевское погребение II в. до н.э., вернее, второй его половиной.

Территория, где был расположен курган, в древности была заселена меотами, свидетельством чему являются многочисленные городища по берегам р. Кирпили. Во II в. до н.э. в степную часть правобережья Кубани начинают интенсивно проникать сарматские племена (сираки), что нашло отражение в появлении впускных погребений II в. до н.э. в курганах эпохи бронзы. Погребения эти, а их открыто сравнительно много, принадлежат представителям богатой верхушки сарматских племен. В эту группу должно входить и новоджерелиевское погребение, которое по инвентарю и обряду погребения, насколько возможно его реконструировать, является типичным сарматским.

¹ Анфимов Н.В. Меотские поселения Восточного Приазовья. — КСИИМК, 1950, XXXIV, с. 85—96.

² Анфимов Н.В. Раскопки на Кубани. — АО 1971 г. М., 1972, с. 141.

³ Шелов Д.Б. Находки в Танансе "мегарских" чаш. — В кн.: Античные древности Подонья-Приазовья. М., 1969, с. 220.

⁴ Городцов В.А. О результатах археологических исследований Елизаветинского городища и могильника в 1934 г. — СЭ, 1935, 3, с. 74, рис. 2.

⁵ ИАК, СПб., 1903, VIII, с. 61, табл. IV, 2, N 88 (находка 1901 г.).

⁶ Максимова М.И. Артюховский курган. Л., 1979, с. 81, рис. 26.

⁷ Максимова М.И. Артюховский курган, с. 72.

- ⁸ Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. М., 1975, с. 141, рис. 52, 1.
- ⁹ Анфимов И. Н. Погребальный комплекс II в. до н.э. у хут. Элитного (Краснодарский край). — См. статью в настоящем сборнике.
- ¹⁰ Шилов В. П. Очерки по истории..., с. 141, 142, где указана соответствующая литература.
- ¹¹ Шилов В. П. Очерки по истории..., с. 142.
- ¹² Максимов Е. К. Сарматские бронзовые котлы и их изготовление. — СА, 1966, N 1, с. 51 и след.; Боковенко Н. А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе. — СА, 1977, N 4, с. 228 и след.
- ¹³ Боковенко Н. А. Типология..., с. 233.
- ¹⁴ Смирнов К. Ф. Северный курган. М., 1953, с. 17.
- ¹⁵ Там же, с. 22.
- ¹⁶ Кротошкин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии н.э. М., 1967, с. 87.
- ¹⁷ Синицын И. В. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947, с. 17; Он же. Древние памятники в Низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). — МИА, 1960, N 78, с. 162, рис. 21, 8; 39, 11; Шилов В. П. Очерки по истории..., с. 121; Он же. Калининский курганный могильник. — МИА, 1959, N 60, с. 436, рис. 43.
- ¹⁸ Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974, с. 26.
- ¹⁹ Гущина И. И. О сарматах в Юго-Западном Крыму: (По материалам некоторых могильников I—IV вв.) — СА, 1967, N 1, с. 49, 50, рис. 3, 1.
- ²⁰ Гущина И. И. Случайная находка в Воронежской области. — СА, 1961, N 2, с. 245, 246, рис. 2; Либеров П. О. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — САИ, М., 1965, вып. Д1-31, табл. 26, рис. 4.
- ²¹ Гущина И. И. Янчокражский клад. — В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 43 и след., рис. 2.
- ²² Костенко В. И. Комплекс с фаларами из сарматского погребения у с. Булаховка. — В кн.: Курганные древности степного Поднепровья (III—I тысячелетия до н.э.). Днепрпетровск, 1978, с. 78, и след., табл. 1.
- ²³ Шилов В. П. Очерки по истории..., с. 142.
- ²⁴ Тревер К. В. Памятники греко-бактрийского искусства. М.: Л., 1940, с. 38.
- ²⁵ Яценко И. В. Ранние сарматские погребения в районе Северного Донца. — КСИА, 1962, вып. 89, с. 42 и след.
- ²⁶ Ждановский А. М. Исследования в Тбилиском районе Краснодарского края. — АО 1979 г. М., 1980, с. 107.
- ²⁷ Материал не издан, хранится в Краснодарском музее.
- ²⁸ Анфимов И. Н. Меотский могильник на западной окраине Краснодара. — В кн.: Наш край: Материалы по изучению Краснодарского края. Краснодар, 1960, с. 166, рис. 11.
- ²⁹ Ждановский А. М. О погребальном обряде ранней группы захоронений Ленинохабльского могильника. — В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 49. По непонятным причинам автор называет канделябр "железным светильником на четырех ножках".

И. Н. Анфимов

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС II в. до н.э. У ХУТ. ЭЛИТНЫЙ (Краснодарский край)

В ноябре 1977 г. при строительстве рисовых чеков на правом берегу р. Кубань, к юго-западу от хут. Элитный Красноармейского района (западнее станицы Красноармейская), на землях колхоза им. Мичурина, было разрушено древнее погребение. Большая часть погребального инвентаря была извлечена из грунта, при этом многие вещи сильно повреждены. Часть найденных предметов была передана в сельсовет станицы Красноармейская, откуда и сообщили о находках в Краснодарский краевой краеведческий музей.

Место находки было осмотрено автором настоящей статьи и проведено исследование обнаруженной могилы. По словам рабочих, на данном месте до начала работ был небольшой бугор, возможно, от сильно распаханной курганной насыпи. К моменту обследования следов кургана уже не прослеживалось. Погре-

бение располагалось на глубине 1,1 м от современной дневной поверхности, в слое плотного аморфного чернозема; следы могильной ямы или остатки погребального сооружения не прослеживались.

Скрепером были раздавлены и частично уничтожены керамические сосуды и большой бронзовый котел. Рабочими были извлечены из грунта обломки-железного меча, разбитая стеклянная чаша, чернолаковый сосудик, золотые украшения, шейная гривна, браслет, подвеска в форме подковки, фибула-брошь, штампованная бляшка-медальон. Вместе с этими предметами были расчищены остатки человеческого скелета и скопление мелких фрагментов от бронзовых сосудов. От скелета сохранились только обломки полуистлевших костей черепа и конечностей. В результате проведенной расчистки могилы, а также со слов рабочих удалось отчасти восстановить обряд погребения.

Скелет лежал на спине вытянуто и был ориентирован головой на юго-запад или юго-юго-запад. В области черепа находились золотая шейная гривна, золотая подвеска и золотой медальон. Шейная гривна изготовлена из полых трубок, спаянных в шесть рядов и скрепленных на концах четырьмя обоймами (рис. 1, 1—2). Концы трубочек спереди украшены чеканными пластинами с изображениями вытянутых стилизованных голов хищников (волков). Гривна состоит из двух частей. Задний сегмент подвижно закреплен и соединяется с основной частью при помощи петелек, в которые вставлены штифты, изготовленные из круглой в сечении золотой проволоки; на одной стороне сегмента концы штифта загнуты и закреплены наглухо, на другом — штифт съемный и служит запором. Ширина гривны 1,7 см, диаметр 14 см. Золотая подвеска подковообразной формы изготовлена из квадратного в сечении дрота, несколько сужающегося к концам, к которым припаяны круглые шишечки; в центре подвески припаяна небольшая петелька (рис. 1, 6). Расстояние между концами подвески 1,9 см, высота 1,7 см.

Круглый медальон изготовлен из тонкого золотого листа с рельефным штампованным изображением мужского лица анфас, обрамленного длинными вьющимися волосами. По краю пластины идет орнамент в виде узких треугольников, имитирующих лучи, что позволяет отождествлять данное изображение с Гелиосом (рис. 1, 4). Верхний край вытянут и загнут в виде петельки. Диаметр медальона 2,5 см, диаметр петли 0,5 см.

На предплечье левой руки, в области запястья, был найден золотой браслет в два оборота, изготовленный из квадратной в сечении витой проволоки. Концы его расплющены и оформлены в виде стилизованных змеинных головок, украшенных гравированным орнаментом в виде поперечных поясков, дугообразных линий и точек (рис. 1, 5). С нижней стороны к ним припаяны проволочные петельки, которыми закрепляли браслет на руке. Диаметр браслета 7,7 см, диаметр проволоки 0,2 см.

В области верхней части груди, с правой стороны, лежала фибула-брошь полусферической формы, изготовленная из тонкого золотого листа (рис. 1, 3). В центре ее имеется углубление, в которое была вставлена половинка круглой сердоликовой бусины светло-коричневого цвета, расколотой вдоль продольной оси. Поверхность фибулы была покрыта четырьмя концентрическими орнаментальными поясами, выполненными в технике филигрании. Ряды орнамента расположены в следующем порядке (от центра к краю щитка): верхний пояс состоит из листьев аканфа, второй и четвертый — украшены волютами (орнамент "бегущая волна"), третий — овами. По периметру припаяна круглая в сечении проволока с мелкими

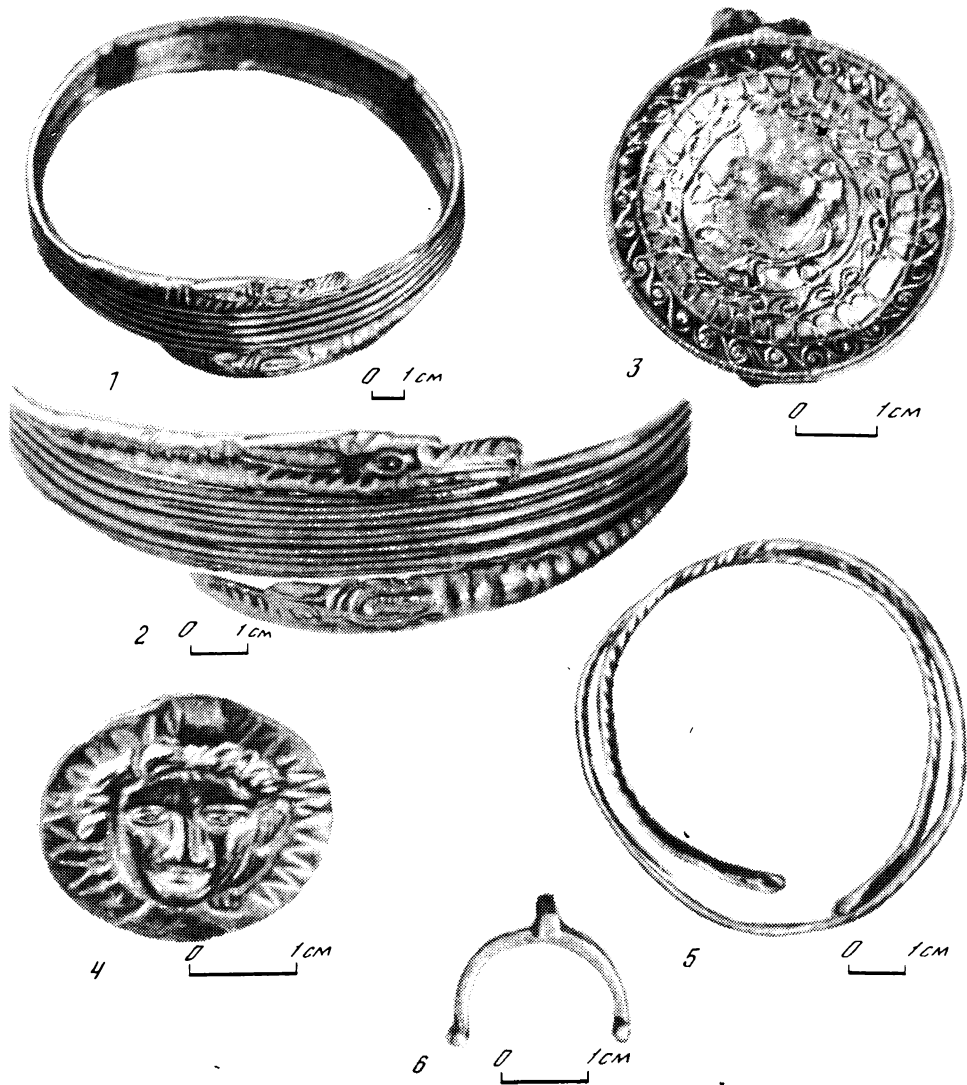

Рис. 1. Предметы II в. до н.э. из золота (1—6). Хутор Элитный (3, 4, 6, — несколько увеличены)

поперечными насечками. С нижней стороны щитка фибулы сохранились остатки пружины двойной железной иглы, концы которой зажаты в приемнике, изготовленном из золотой прямоугольной пластинки. Диаметр фибулы 4,2 см, высота 1 см.

Слева от погребенного, на уровне бедер лежал железный меч с прямым перекрестьем и обоюдоострым клинком, плавно сужающимся к острию (рис. 2, 1). Клинок в верхней части переходит в черенок рукоятки прямоугольной формы. Навершие рукоятки или вообще отсутствовало, или не сохранилось, так как металл окислился и меч распался на куски. Верхняя часть черенка рукоятки, а также

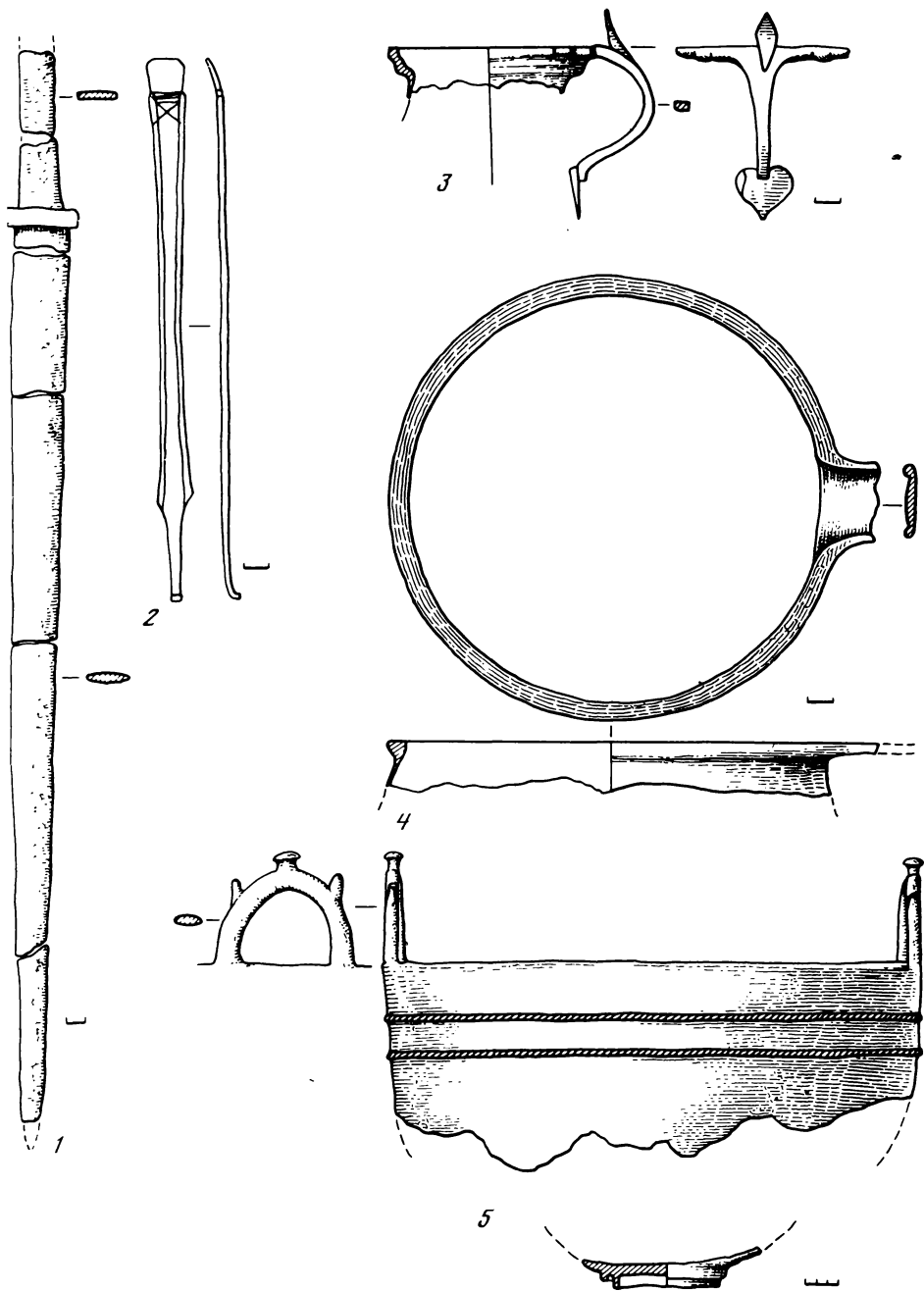

Рис. 2. Изделия из железа (1) и бронзы (2—5). Хутор Элитный

острие клинка не сохранились. Длина черенка рукоятки 9,8 см, ширина 2,7 см; длина перекрестья 4,5 см, ширина 1,2 см; длина сохранившейся части клинка 55 см, ширина клинка у основания 3,6 см.

В области ног были расположены бронзовые сосуды, двуручный котел, одноручный кувшин и сковородка. Здесь же находились кости конечностей коровы и овцы, от которых сохранились отдельные обломки. Не исключено, что кости животных лежали в котле или поблизости от посуды, так как были покрыты окислами меди.

Массивный литой котел на поддоне имеет две петлевидные ручки, каждая из которых украшена тремя выступами: центральный выступ грибовидной формы, два боковых — в виде усеченного конуса. Верхняя часть тулова украшена рельефным орнаментом в виде двух горизонтальных витых шнуров. Поддон был приварен к нижней части сосуда. Котел был раздавлен и частично уничтожен скрепером, что не дает возможности установить его размеры и форму отдельных частей (рис. 2, 5).

От бронзовой сковородки типа айлесфорд сохранился только обломок ручки и мелкие фрагменты края и днища. Она имела невысокие стенки, которые, слегка закругляясь, переходили в плоское дно, слегка утолщенный, нависающий наружу горизонтальный край и длинную пластинчатую ручку (рис. 2, 4).

Бронзовый кувшин, изготовленный из тонкой листовой бронзы, был сильно фрагментирован. Он имел массивный закругленный венчик, обрамленный сверху и снизу горизонтальными бороздками. В целом виде сохранилась только литая, плавно изогнутая ручка, у которой концы верхней дужки охватывающей венчик, стилизованы в виде лебединых головок, а атташ имеет сердцевидную форму листа.

В верхней части ручки имеется удлиненно-ромбический выступ, поднимающийся над краем сосуда (рис. 2, 3).

Местоположение в погребении ряда предметов установить не удалось. Большинство из них ("мегарская" чаша, стеклянный кубок, бронзовый инструмент, несколько керамических сосудов), за исключением одноручного чернолакового кувшинчика, сохранилось в обломках.

Кувшин имеет слегка расширяющуюся книзу тулова на низкой кольцевой ножке. Невысокое горло отделено от плечиков желобком, раздута в верхней части и имеет боковой слив (рис. 3, 2). Ручка и верхняя часть сосуда покрыты тусклым темно-коричневым эллинистическим лаком. Глина плотная, хорошо отменная, светло-оранжевого цвета.

"Мегарская" чашка (сохранилось пять фрагментов) имела округлое дно, украшенное розеткой, и прямой гладкий венчик, плавно переходящий в стенки тулова, украшенные тремя горизонтальными полосами растительного орнамента (пальмовые листья, побеги, розетки и т.д.), выполненного в невысоком рельефе (рис. 3, 3). Глина серая, плотная, с включениями частиц слюды. На поверхности чашки местами сохранилось лаковое покрытие. Лак жидкий, черного цвета, с легким графитовым блеском, местами переходит в красно-коричневый.

От стеклянной двуручной чаши сохранились обломки стенок, низкого кольцевого поддона и одной ручки. Чаша отлита из бесцветного стекла, поверхность обточена. Стенки сосуда слегка утолщаются к горизонтальному краю, ручка вертикальная, имеет два выступа, соединенных дуговидной перемычкой (рис. 3, 1).

Из данного погребения происходит бронзовый инструмент, состоящий из длинной плоской ручки, сужающейся в верхней части и переходящей в узкий загнутый стержень (обломан). Нижний конец слегка изогнут и имеет вид плоской, закруглен-

ной на конце лопаточки. На ручке с лицевой стороны нанесена узкая канавка, окаймляющая ее с боков и снизу; в нижней ее части выгравирован значок Х-образной формы (рис. 2, 2). Длина инструмента 21,7 см, ширина до 1,5 см.

Вокруг разрушенного погребения были собраны обломки четырех керамических сосудов, изготовленных на гончарном круге. Три сосуда представлены мелкими фрагментами стенок и днищ. Четвертый сосуд плоскодонный, с расширенным в средней части туловом, покатыми плечиками, плавно переходящими в невысокое горло, и отогнутым наружу валикообразным венчиком (рис. 3, 4). На горле и плечиках нанесены три пары горизонтальных линий. Глина серая, грубая, с включениями частиц мела и слюды. Высота сосуда 27,5 см, диаметр дна 11,6 см, диаметр тулова 24 см, диаметр венчика 8 см.

В вышеописанном погребальном комплексе значительное место занимают изделия импортного производства, относящиеся к различным группам инвентаря. Это бронзовая италийская посуда, стеклянная чаша, эллинистическая чернолаковая керамика, некоторые украшения.

Сковородка типа айлесфорд относится к группе италийских бронзовых сосудов, попадавших к населению степей Прикубанья и Подонья со II в. до н.э.¹ Подобная сковородка найдена в 1974 г. в курганном комплексе второй половины II в. до н.э. на правом берегу р. Кирпили близ станицы Новоджерелиевской. Бронзовый кувшин по форме ручки и венчика почти совершенно идентичен кувшину, происходящему из богатого сарматского женского погребения конца I в. до н.э. Калиновского курганного могильника. В.П. Шилов отмечает, что подобные кувшины южноиталийского производства встречаются в погребальных комплексах начиная с конца II в. до н.э.²

Стеклянный двуручный кубок литого обточенного стекла пополняет сводку таких сосудов, найденных в Прикубанье в могилах родоплеменной знати. В свое время К.Ф. Смирнов, изучая вопрос о распространении стеклянных чаш сирийско-египетского производства на юге СССР, выделил несколько типов этих сосудов, указал на пути их ввоза на северо-западный Кавказ и уточнил время их бытования на этих территориях³. Чаша из погребения у хут. Элитный относится к первому типу, по классификации К.Ф. Смирнова, к так называемым "скифосам", и по пропорциям и форме наиболее близка к сосудам, найденным в комплексах второй половины — конца II в. до н.э. (Северский курган⁴, Сусловский курган у станицы Ярославская⁵). "Мегарская" чаша, судя по ее форме, составу и цвету глины, качеству лака, орнаменту, должна быть датирована также II в. до н.э.⁶ Не противоречит этой дате и позднеэллинистический кувшинчик (рис. 3, 2).

Золотая фибула является разновидностью богато украшенных брошей овальной или круглой формы, получивших широкое распространение в Прикубанье в среде местной знати начиная со II в. до н.э.⁷ Данная фибула, судя по орнаментации, являлась изделием греческого мастера, хотя она выполнена несколько грубо. Очевидно, эта брошь, так же как и медальон с изображением головы Гелиоса, была изготовлена боспорскими ювелирами.

В ином стиле изготовлена шейная гривна. Изображение голов хищников, скорее всего волков, является характерным для искусства сарматских племен. Характер стилизации, удлинённость пропорций, детали оформления пасти, глаз, ушей указывают на сарматское происхождение этих изображений. Серия подобных украшений, совпадающих с гривной хут. Элитный в деталях конструкции и изображения, происходит из Ахтанизовского кургана⁹. Сходство настольно велико,

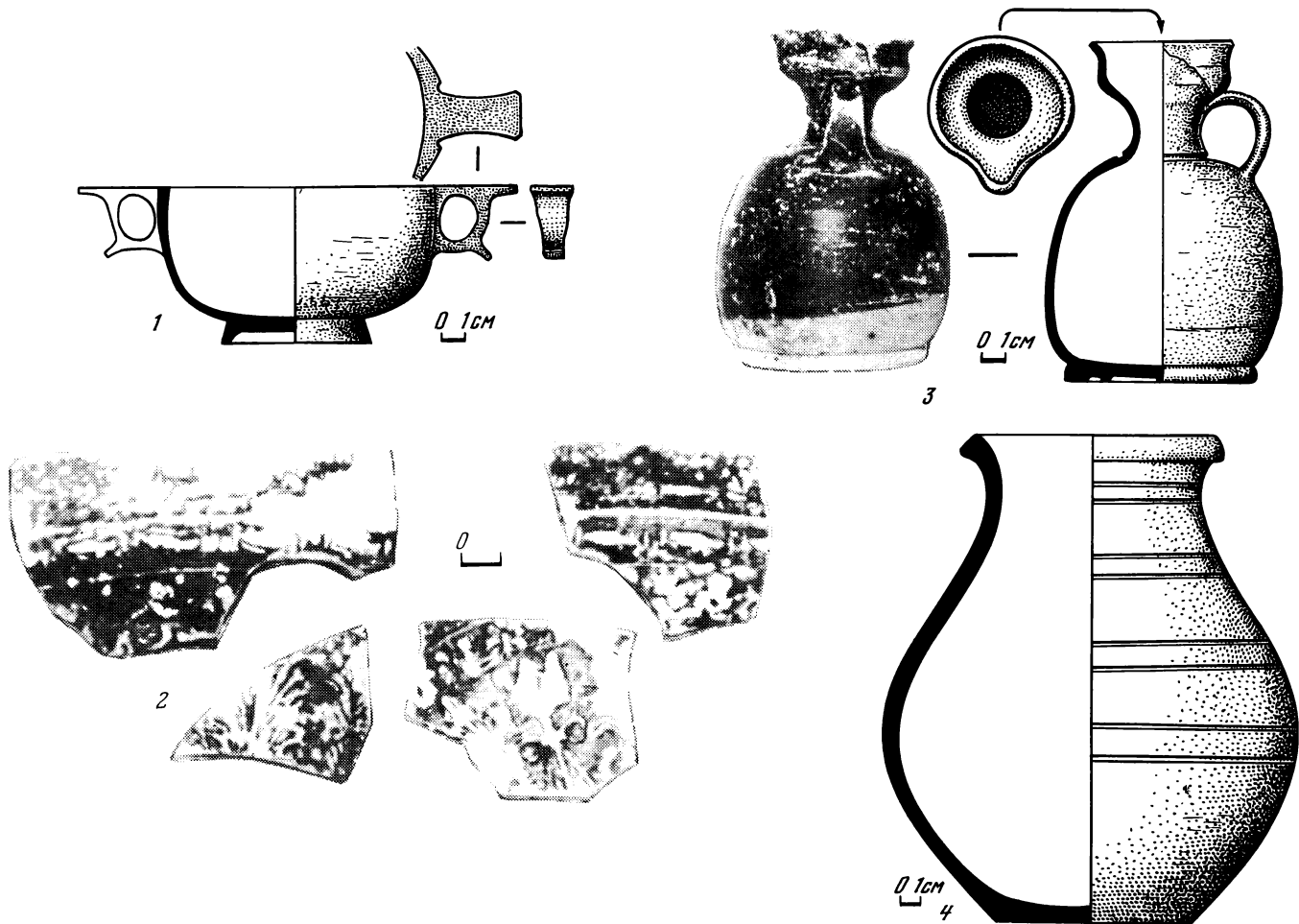

Рис. 3. Сосуды из стекла (1) и глины (2—4). Хутор Элитный

что позволяет ставить вопрос не только об одновременности бытования этих украшений, но и об изготовлении их в одном производственном центре. Говоря о сарматском происхождении этого типа украшений, следует отметить, что еще К.Ф. Смирнов отмечал генетическую преемственность шарнирных золотых гривен Ахтанизовки от украшений савроматской эпохи¹⁰.

Бронзовые литые котлы и мечи вышеописанного типа также обычно относятся к сарматской культуре. Данный котел, по классификации Н.А. Боковенко, относится ко второму типу, который датируется им I в. до н.э. — I в н.э.¹¹ и локализуется в основном в области Подонья и Прикубанья. Меч, несмотря на то что нельзя с уверенностью судить о форме верхней части рукояти, по форме и длине клинка, а также перекрестья может быть со значительной долей уверенности отнесен к первому типу мечей с прямым перекрестьем без металлического навершия¹². Данный экземпляр меча представляет переходный вариант от более ранних мечей прохоровского времени к мечам без навершия и перекрестья первых веков нашей эры.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет датировать погребение у хут. Элитный временем не позднее последней четверти II в. до н.э.

II в. до н.э. — это время, когда в степи правобережья Кубани начинается сильная инфильтрация сарматских племен (сираков), которые "спускаются к югу до Кавказских гор" (Страбон). Постепенно они вклиниваются в среду аборигенного меотского населения. В археологических памятниках это отразилось в появлении сарматских впускных погребений в курганах эпохи раннего металла степной полосы Прикубанья. Наиболее интересными являются погребения родо-племенной знати в кургане станицы Динской, в кургане близ хут. Бойко-Понура, станиц Старонижестеблиевской и Новоджерелиевской, г. Кореновска. К ним примыкает и вышеописанное погребение хут. Элитный. Все они могут быть объединены в одну группу, общим признаком для которой является погребальный обряд — использование курганов эпохи бронзы для захоронения, форма могилы, преобладание южной и юго-западной ориентировки и характерный набор инвентаря, в который входят бронзовые сарматские котлы, стеклянные литые сосуды, "мегарские" чаши, оружие — длинные мечи, большие наконечники копий, железные трехгранные втульчатые наконечники стрел, бронзовая италийская привозная посуда, серебряные сосуды и золотые украшения — гривны, серьги, браслеты, фибулы-броши со вставками из полученных камней, штампованные нашивные бляшки. В отдельных погребениях встречены бронзовые зеркала прохоровского типа и серебряные фалары. Данные курганные комплексы датируются в основном II в. до н.э. и по набору инвентаря являются типичными для сарматской культуры¹³.

¹ Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975, с. 141 и след.

² Шилов В.П. Очерки ..., с. 143.

³ Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953.

⁴ Там же, табл. I; II.

⁵ ОАК за 1896 г. СПб., 1897, рис. 278.

⁶ Лосева Н.М. Об импорте и местном производстве "мегарских" чаш на Боспоре. — МИА, 1962, N 103, с. 19.

⁷ Смирнов К.Ф. Северский курган, с. 29.

⁸ Мальвицкая Л.Я. Сарматский звериный

стиль: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1967, с. 18.

⁹ ОАК за 1900 г. СПб., 1901, с. 108—109.

¹⁰ Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964, с. 144.

¹¹ Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе. — СА, 1977, N 4, с. 232, 233.

¹² Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М., 1971, с. 15 и след.

¹³ Волков И.Г. Об этнической принадлежности впускных погребений в курганах бронзового века правобережья Кубани. — VIII КЧ (тезисы докладов). Нальчик, 1978, с. 35, 36.

ИЗ ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА
(середина VII — первая половина VIII в.)

Обсуждение вопросов, связанных с локализацией упоминаемых письменными источниками раннесредневековых городов Дагестана, а также с изучением маршрутов арабских походов, направленных к этим городам, продолжается и поныне. В последние годы, когда на Северо-Восточном Кавказе был выявлен целый ряд крупных средневековых городищ, стало возможно заново соотнести свидетельства письменных источников о географическом положении раннесредневековых городов Дагестана с соответствующими археологическими и топонимическими данными. Обрисованная на этой основе картина¹ в ряде случаев заметно расходится с устоявшимися представлениями об их местоположении, однако ее достоверность может быть подтверждена новыми фактами. Выявлению их и посвящена предлагаемая статья, поставившая своей задачей собрать в письменных источниках сведения о географических пунктах, через которые проходили маршруты данных походов, и картографировать их, сопоставляя с местоположением тех археологических памятников, где ныне эти города локализируются. По нашему мнению, такой подход должен способствовать как уточнению существующих представлений о действительных масштабах этих походов в раннесредневековый Дагестан, в оценке которых еще нередко значительные расхождения между специалистами², так и подтверждению достоверности локализации располагавшихся на его территории городов.

Основными источниками по данному вопросу являются труды армянских и арабских авторов. К сожалению, свидетельства армянских летописцев, обычно хорошо осведомленных о перипетиях политических событий на Кавказе, в данном случае крайне скудны. Выгодно отличаются в этом отношении арабские источники, однако достоверность сообщаемых ими сведений и фактов нередко требует дополнительных подтверждений. Содержащиеся в этих источниках сведения долгое время передавались устно в виде полупоэтических сказаний и были записаны значительно позднее самих событий. Такие авторы, как Белазури и Якуби, критически относились к дошедшим подобным образом сведениям, отбирая лишь достоверные, тогда как труды других, как, например, Табари, отличаются "полным отсутствием критики, удивительным даже для того времени" (В.В. Бартольд), соединением почерпнутых из разных источников данных почти без попыток определения их сравнительной достоверности. Ибн ал-Асир в изложении событий до X в. пользовался трудом Табари, сведения которого он, однако, перерабатывал и излагал по-своему. Сказанным и объясняются противоречия и неточности в освещении событий середины VII — первой половины VIII в.³ Особенно присущи они сведениям о ранних походах (средины VII в.), которые были, по оценке В.В. Бартольда, "частью легендарно приукрашены, частью полностью вымышлены"⁴. А это определяет необходимость проверки сообщений арабских авторов путем сравнения их, как это рекомендовал В.В. Бартольд⁵, со свидетельствами других источников, в нашем случае армянских, а при отсутствии такой возможности — хотя бы посредством критического сопоставления сообщений различных арабских авторов об одном и том же событии.

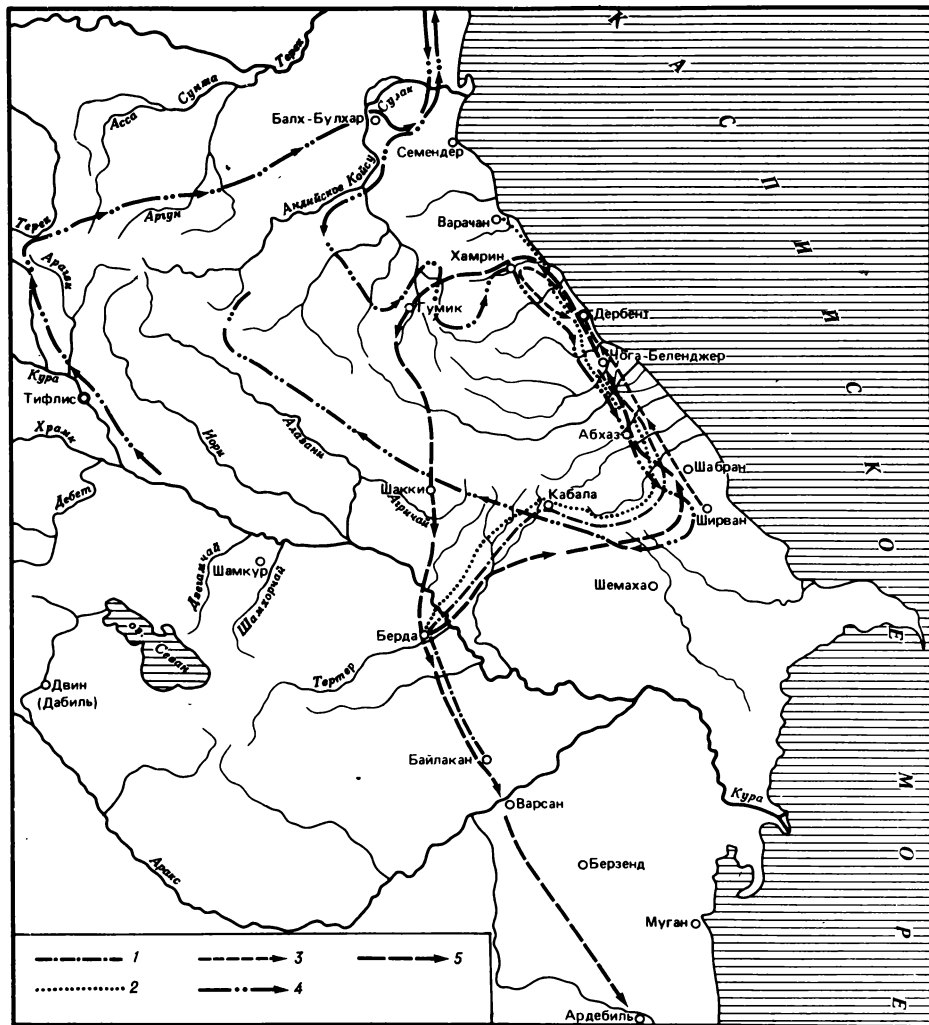

Рис. 1. Карта маршрутов арабских походов в Дагестан в середине VII — первой половине VIII в.

1 — поход Салмана ибн Рабиа на Беленджер в 653 г.; 2 — первый поход Масламы ибн Абдал-Малика в 715 или 717 г.
 3 — поход Джарраха ибн Абдуллаха ал-Хаками в 722/723 гг.; 4 — второй поход Масламы ибн Абд ал-Малика в 725—732 гг.; 5 — поход Мервана ибн Мухаммеда в 735—739 гг.

С учетом сказанного обратимся непосредственно к затронутой теме (рис. 1). В середине VII в. состоялось два арабских похода, которые принято связывать с Дагестаном, а в первой половине VIII в. — еще не менее четырех. Самый ранний из них (642 г.) был направлен против города, названного Балами "Дербендом Хазарским". Поскольку, начиная с VIII в., это наименование прилагалось к дагестанскому Дербенту, в специальной литературе сложилось и стало традиционным представление о том, что данный поход был направлен именно против

названного города, а последовавшие за ним события происходили на территории Дагестана⁶. Но если картографировать приводимые Балами сведения о географическом положении этого города и других географических объектов, упомянутых в связи с данным походом, приходится признать, что для подобного представления нет достаточных оснований.

По Балами, "Дербенд Хазарский" располагался в горной стране, изобиловавшей естественными проходами, где-то между ("против", "в стороне") Реем и Ираком, в непосредственной близости от Азербайджана, в конце границы, отделявшей его от Хамадана и проходившей также через города Абхар (Abhar) и Зенджан (Senghan)⁷. Всем этим данным полностью отвечает местоположение горной области ал-Джибал в Иране, где, помимо Рея и Хамадана, находились также упомянутые Балами "пограничные" города Абхар и Зенджан⁸. В таком случае "Дербенд Хазарский" следует искать в северной части этой области, которую В.В. Бартольд называл "горы к северу от Хамадана". Этот горный район непосредственно граничит с Азербайджаном и Северным Ираком (ал-Джазирой), куда ведет несколько путей, пролегающих через естественные проходы в горных цепях ("Дербенды" и "ал-бабы" нашего источника). В средние века главным городом здесь был Динавер⁹, кстати сказать подвергшийся набегу хазар еще во время Кавада¹⁰. В четырех днях пути к северу от Динавера находился другой средневековый город — Шахризур¹¹, название которого близко напоминает имя упомянутого Балами правителя "Дербенда Хазарского" — Шехризор (Шехрияр, Шехризад)¹². Возможно, за этим совпадением скрывается ключ к загадке "Дербенда Хазарского". Поскольку через Шахризур (вероятно, от "шахр и джар" — "город" или "страна прохода") шел путь к Динаверу, можно полагать, что именно им и воспользовались хазары для своего набега, вследствие чего соответствующий горный проход ("джар" или "дербенд") стал некоторое время называться "хазарским".

Подобное определение местоположения "Дербенда Хазарского" подтверждается и другими сообщениями Балами. По его данным, на завоевание этого города халиф Омар направил три отряда: из Азербайджана, Джазиры и Басры. Последний прошел также через Ахваз¹³ (являвшийся в средние века столицей Хузистана¹⁴). Поскольку никаких других пунктов к северу от Ахваза на пути этого отряда не названо, можно полагать, что он пересек границы Хузистана и Хамадана по долине р. Керхз (минуя город Хамадан, завоеванный арабами позже рассматриваемых событий — в 645 г.¹⁵), верховья которой находятся в интересующем нас районе — в отрогах Загроса на севере Хамадана.

При описании событий 642 г. Балами приводит также некоторые географические сведения о более северных областях. По его сообщению, "в конце Азербайджана" (очевидно, на его северной границе) начинаются дороги, ведущие в страну хазар, где он упоминает "большой город Хазар" и "самую большую дорогу" — "Баб ал-Абваб"¹⁶. Ориентируясь на данные Белазури (Баладзори)¹⁷, можно полагать, что город Хазар — это Кабала¹⁸, тогда как "Баб ал-Абваб", вероятно, Дербентский проход в Дагестане. Примечательно, что оба они помещены Балами к северу не только от "Дербенда Хазарского", но и от Азербайджана, под которым средневековые авторы подразумевали только территорию юго-западного Прикаспия.

Интересно и другое сообщение Балами о том, что за Дербендом, пройдя Рус, Джухран и Арран, находится царство и множество городов, называемые Беленджер, а далее — стена Александра, Яджудж и Маджудж, сооруженная на восточной

границе Зулкарнайном¹⁹. Этой стеной средневековые арабские географы долгое время считали дербентские укрепления в Дагестане²⁰. Следовательно, страна Беленджер располагалась, согласно этим данным Балами, к югу от дагестанского Дербента, т.е. там, где, по свидетельству средневековых армянских авторов, находилось княжество Чор-Джор²¹. Последнее нами отождествляется со страной Беленджер, наименование которой интерпретируется как двухкорневая композиция, где иранский атрибутив "боланд" присоединен к древнему названию этой страны и прохода — "джор"²².

Как свидетельствует Балами, вскоре после завоевания "Дербенда Хазарского" (еще при Омаре, т.е. в 643 или 644 г.) один из арабских отрядов во главе с Абд ар-Рахманом ибн Рабиа совершил успешный поход против Беленджера, проникнув в ту страну на 200 фарсахов²³. Расстояние от горного района на севере области Хамадан до низовий Самура с прилегающими к ним районами Азербайджана, если отложить его по средневековым трассам, составляет примерно 1000—1200 км. Это близко соответствует данным нашего источника (200 фарсахов) и тем самым еще раз подтверждает правомерность предлагаемого истолкования сообщаемых им географических сведений.

Однако достоверность самих этих сведений не может быть проверена и подтверждена путем их критического сопоставления с соответствующими сообщениями других авторов. Приведенная у Балами обширная географическая номенклатура отсутствует в тех разделах арабского текста Табари²⁴, где говорится о завоевании ал-Баба. Крайне неопределенны и сведения о его местоположении. Насколько можно судить по ним, "страна ал-Баба" — это изобиловавшая проходами горная область, находившаяся севернее Азербайджана (по Табари, направившийся туда арабский отряд "вышел из Азербайджана"), но вблизи Армении и ал-Армана (Аррана — ? — В.К.). После захвата ал-Баба арабские отряды совершили оттуда набеги на "жителей гор, окружавших Армению": Мукан, Тифлис и горы ал-Лан²⁵. Аналогичные сведения о положении "пограничного" города ал-Баба сообщает и Ибн ал-Асир²⁶. Из этих данных вытекает, что по представлению Табари и следовавшего за ним Ибн ал-Асира, город и страна ал-Баб располагались где-то между Иранским Азербайджаном, Муганью и Тифлисом, т.е. вне пределов Дагестана, много южнее дагестанского Дербента.

В отличие от Балами, оба названных автора свидетельствуют, что дар-Рахман предпринял против Беленджера не один, а два похода. В ходе первого, состоявшегося при халифе Омаре, арабская конница будто бы достигла города ал-Байда (Бадз — ?) в 200 фарсахах от Беленджера²⁷. Второй, за кончившийся разгромом арабов и гибелью самого Абд ар-Рахмана, имел место, по данным Табари и Ибн ал-Асира, уже во времена халифа Османа. О нем подробнее говорится ниже.

Из приведенных данных явствует, насколько велики расхождения источников по поводу событий 642—644 гг. Более достоверными нам представляются свидетельства Балами, в основном соответствующие сложившимся в исторической науке представлениям об арабских завоеваниях во времена Омара: считается установленным, что северные границы захваченных к тому времени халифатом территорий не выходили за пределы нынешнего Иранского Азербайджана²⁸. Достоверно и то, что в последние годы правления Омара уже имели место отдельные набеги арабов и на страны Закавказья²⁹. Эти часто удачливые, но кратковременные и разрозненные военные акции не привели к утверждению здесь арабского господства, хотя и подготавливали почву для последовавших вскоре завоеваний.

К их числу следует, по-видимому, относить и поход Абд ар-Рахмана на Беленджер в 643 или 644 г., исключив при этом возможность достижения уже в то время города ал-Байда, что отмечалось и другими исследованиями³⁰.

Второй поход арабов на Дагестан состоялся в конце правления халифа Османа (по Табари, на девятом году его правления — в 653 г.)³¹. Сведения арабских авторов о его маршруте более конкретны, хотя и не лишены расхождений. По Белазури, арабский отряд во главе с Салманом ибн Рабиа двинулся по приказанию халифа Османа в Арран, где занял Байлакан и Берда'а, откуда прошел к переправе через Куру (вблизи места слияния ее с Араксом), а затем занял Кабалу (здесь он заключил мир с местными жителями и правителями, среди которых упомянуты царь Ширвана и остальные цари гор, жители Маската и Шабирана и города Баба-Дербента). Но, как только Салман выступил (из Кабалы. — В.К.), "жители заперли его за ним, а хакан встретил его со своей конницей за рекой Беленджер. Здесь был (Салман) убит с четырьмя тысячами мусульман"³².

Аналогичный маршрут похода Салмана приводит и Ибн ал-Факих: Байлакан — города Аррана — переправа через Куру — завоевание Кабалы. "Затем встретил Хакан со своей конницей за рекою Беленджером, и был он (Салман) убит... с 4000 мусульман"³³.

Якуби называет следующие пункты маршрута Салмана: Армения — Байлакан—Берда'а — Ширван — земля Маскат (где был заключен мир с местными жителями и правителями), после чего хакан "встретил Салмана во главе многочисленной армии за рекою Беленджером и убил его и всех, кто был с ним, а их было четыре тысячи"³⁴.

Немало интересных фактов о сражении под Беленджером сообщает Табари, не приведший, однако, никаких сведений о маршруте данного похода. По его сообщению, в 32(652—653) г. "был назначен (командовать. — В.К.) над проходами Беленджера" Салман ибн Рабиа, но поход против этого города возглавил Абд ар-Рахман ибн Рабиа. Арабы достигли Беленджера и осадили его, причем с обеих сторон применялись метательные машины. В бою погиб Абд ар-Рахман, удалось спастись лишь части арабских воинов, которых вывел Салман³⁵.

Две версии рассказа об этом событии приводит Ибн ал-Асир. Согласно одной из них, отряд Салмана, захватив Байлакан и Берда'а, перешел Куру и завоевал Кабалу (где заключил мир с местными жителями и правителями). О последовавших за этим событиях ничего не сообщается³⁶. Другая, расцвеченная легендарными деталями версия повествует о походе Абд ар-Рахмана "по направлению к Беленджеру" и его гибели, но не называет никаких географических ориентиров, по которым можно было бы составить представление о маршруте.

По иному обрисованы масштабы этого похода у других арабских авторов. Так, по Ибн ал-Азему, отряд Муслима (по другой версии Салмана) ибн Рабиа, выйдя из Куфы, прошел Армению — Байлакан (Билган) — Берда'а — Бадшерван (Баджарван) — переправу через Куру — Ширван — Шабран — Маскат, где к нему прибыли местные правители. Затем город Баб ал-Абваб "хазарский город Бергу" (вероятно, Таргу) — окрестности Беленджера (по другой версии — Булхара), где состоялось сражение, в котором погиб арабский отряд и его предводитель³⁷.

По "Дербенд-наме" этот поход, возглавляемый тремя военачальниками — Ибрагимом, Салманом и Рабиатулом Бахили, велся из Азербайджана в Дербент, севернее которого, на р. Дарваг-чай, произошло сражение между многими тысячами хазар и 40 арабскими богатырями, погибшими здесь вместе с Салманом

и Рабиатулом Бахили. Это событие отнесено источником к 662 г. (а не к 653 г.)³⁸.

Наконец, по сообщению Масуди, Сулейман (Салман) ибн Рабаи завоевал "в ранние дни ислама" город Семендер³⁹.

Как видим, сведения источников о маршруте и масштабах похода Салмана существенно расходятся. Уже отмечалось, что наиболее достоверными специалисты признают свидетельства ранних арабских авторов. Согласно их данным, маршрут похода Салмана может быть обрисован следующим образом: Байлакан—Берда'а (Белазури, Якуби, Ибн ал-Факих) — переправа через Куру — Кабала (Белазури, Ибн ал-Факих) — Ширван — Маскат (Якуби) — р. Беленджер (Белазури, Якуби, Ибн ал-Факих). Ни один из упомянутых авторов не сообщает о достижении Салманом Дербента. Основываясь на этом, а также на сообщении Ибн ал-Факиха о нахождении могилы Салмана "за рекою Беленджером у Баб ал-Аббаба"⁴⁰, можно полагать, что упомянутая река располагалась между Дербентом и Маскатом. Этим данным полностью соответствует местоположение реки Гюльгеры-чай в Южном Дагестане, современное название которой "Гюльгеры" может быть выведено из ее средневекового наименования "Беленджер"⁴¹. На северном берегу этой реки находится Белиджинское городище Топрах-Кала — один из крупнейших памятников сасанидского строительства на Восточном Кавказе, отождествляемое с городком Чога-Чола армянских источников, а нами и с Беленджером арабских источников⁴². Очевидно, именно в его окрестностях и произошло роковое для отряда Салмана сражение.

Более поздние арабские авторы всячески стремились преуменьшить значение постигшей Салмана неудачи. Балами вообще умалчивает об этом походе. Табари приписывает руководство им Абд ар-Рахману, а не Салману. То же делает и Ибн ал-Асир, сообщающий также о захвате Салманом городов Байлакана, Берда'а и Кабалы как об отдельной успешной акции. В других источниках утверждается, будто во время этого похода арабам удалось не только овладеть Дербентом, но и проникнуть к северу до р. Дарваг-чай ("Дербенд-наме") или даже до города Булкара (ошибочно называемого также Беленджером) на р. Сулак (Ибн ал-Азем), где они и потерпели поражение. А по утверждению Масуди, поход Салмана завершился даже завоеванием Семендера, т.е. был вполне успешным. Нетрудно убедиться, что все эти сведения отличаются от сообщений ранних арабских авторов; различаются они и между собой. Все это придает им крайне недостоверный характер.

Неудача похода Салмана заметно пошатнула позиции арабов на Восточном Кавказе. Албанский князь Джеваншир вскоре вступил в византийское подданство, продолжавшееся по 667 г., когда он принял вассальную зависимость от халифата. Это позволило Агвани сохранять еще некоторое время определенную самостоятельность, окончательно утраченную в конце VII в. при князе Вараз-Трдате⁴³. Однако прошло еще немало времени, прежде чем арабы возобновили свои походы на Дагестан. По сообщению Моисея Каганкатваци, в 698 г. Махмет II прибыл в Армению, а оттуда "по стране агванцев вступил в Чога"⁴⁴. Однако Себеос⁴⁵ и Якуби⁴⁶ связывают этот поход только с Арменией, вследствие чего сообщение Моисея Каганкатваци нельзя считать бесспорным. Специалисты нередко относят к Дагестану сведения Табари о походах Масламы ибн Абд ал-Малика в 707/708 и 709/710 гг. против "ал-Баба в области Азербайджана"⁴⁷, совершенно упуская из виду, что эта область находилась намного южнее Дагестана.

Первый поход Масламы на Дагестан состоялся, по данным армянских авторов, в 715 или 717 г.⁴⁸ По свидетельству Гевонда, армия Масламы достигла "ворот каспийских", разбила "войска гуннские, занимавшие город Дербент". Частично разрушив стены и башни этого города, арабы двинулись затем к "гуннскому городу Таргу". Сюда же прибыл хазарский хакан с огромным войском. Перед превосходящими силами неприятеля Маслама решил отступить. Чтобы обмануть противника, в арабском лагере были разведены большие костры и оставлена "лагерная утварь, наложницы, слуги и другая челядь". Отступавшим по бездорожью арабским воинам пришлось "вырубать лес" и "пробивать себе дорогу", но все же им удалось благополучно возвратиться⁴⁹.

Аналогичным образом характеризует этот поход и Моисей Каганкатвацци: "Мслиман (Маслама. — В.К.) прибыл, разорил Дарбанд, вступил в Хазарию, но не мог уже оттуда выйти. Он покинул весь свой лагерь со всем имуществом, оставив в арьергарде даже свой гарем. Тыл его прикрывал Ераншагик-Вачаган из агванских патрициев... Бросившись за ним в погоню, хазары были побеждены и обращены в бегство. Так спасся Мслиман"⁵⁰.

Средневековые арабские авторы стремились замолчать или сгладить постигшую Масламу неудачу. Белазури, Якуби и Табари ничего не сообщают об этом походе. Балами и Ибн ал-Асир включают некоторые сведения о нем в рассказе о втором, более удачном походе Масламы, состоящемся в 725—732 гг. По Балами, армия Масламы, в которую входили и отряды "горных князей", прошла мимо Баб ал-Абваба, где в крепости находилась тысяча хазарских воинов, а затем последовательно миновала оставленные жителями города Хуснаин и Беленджер, прибыла в Дербент, оттуда в Семендер, где тоже не было жителей, а затем — навстречу хакану, шедшему с большим войском. Узнав об этом, Маслама приказал воинам зажечь огни, снять палатки и возвратился в город Баб ал-Абваб⁵¹.

Как сообщает Ибн ал-Асир, войска Масламы завоевали города и замки в стране хакана, подчинились ему и "народы, жившие за Беленджером". Но, после того как он убил и сына хазарского хакана, все они выступили против него в огромном количестве. Узнав об этом, Маслама, который "был уже за Беленджером", "приказал своим войскам развести огонь, а потом, бросив палатки и обоз, пустился обратно в путь со своими войсками безо всего. При этом Маслама послал вперед слабых, а храбрых оставил позади. И прошли они множество "станций", делая по две "станции" вместо одной, пока не дошли еле живы до ал-Баб ал-Абваба"⁵².

Наконец, по "Дербенд-наме", войско Масламы, пройдя Ширван и Маскур (Маскат) и переправившись через Рубас, подошло к Дербенту, в цитадели которого находился трехтысячный хазарский гарнизон. С помощью изменника арабам удалось после долгой осады ворваться в цитадель. Маслама приказал разрушить крепостные стены и башни Дербента, после чего оставил этот город и вернулся в Сирию. Этот поход ошибочно отнесен к 682 г.⁵³

Вероятно, об этом же сообщении упоминает и византийский хронист Феофан: "Маслама ходил войной на Турцию и, перешедши за Каспийские ворота, испугался и воротился назад"⁵⁴.

При сравнении приведенных данных обращает на себя внимание совпадение целого ряда сообщаемых ими фактов: взятие и частичное разрушение Дербента (Гевонд, М. Каганкатвацци, "Дербенд-наме"), встреча с войском хакана и поспешное отступление Масламы из лагеря с разведенными в нем кострами (Гевонд, М. Каганкатвацци, Балами, Ибн ал-Асир), брошенным имуществом (Гевонд, М. Ка-

ганкатваци. Ибн ал-Асир) и гаремом (Гевонд, М. Каганкатаваци). Что же касается географической номенклатуры, то она, за исключением упоминаний Дербента (Баб ал-Абваба), совершенно не совпадает. При этом обрисованный Балами маршрут похода Масламы: Баб ал-Абваб — Хусаин — Беленджер — Дербент — Семендер — при любом варианте локализации этих городов выглядят алогично: трудно признать достоверным и его сообщение, будто все эти города, кроме Дербента, были оставлены жителями. Крайне неопределенно указание Ибн ал-Асира о месте встречи Масламы с хаканом — "уже за Беленджером". Более конкретны сведения современника описанных событий Гевонда, который называет на пути Масламы севернее Дербента один лишь географический пункт — "гуннский город Таргу". Он надежно локализуется ныне на месте одноименного городища на среднем течении р. Гамри — озень. Этот город был центром располагавшегося здесь небольшого политического образования — "страны Хамрин", вследствие чего в некоторых средневековых источниках он выступает также и под именем "Хамрин"⁵⁵. Будучи первым к северу от Дербента крупным средневековым городом, он действительно мог стать объектом захватнических устремлений Масламы.

Итак, поход Масламы в 715 или 717 г. первоначально привел к успеху: арабы захватили Дербент и даже частично уничтожили или повредили его укрепления, но их дальнейшее продвижение на север было приостановлено у города Таргу на р. Гамри-озени, откуда войску Масламы пришлось спасаться бегством. После этой неудачи арабы были вынуждены покинуть и Дербент.

И не случайно их следующий поход, состоявшийся в 722—723 гг. под руководством Джаррах ибн Абдуллаха ал-Хаками, тоже начался далеко на юге. По Белазури, Джаррах выступил из Берда'а и, последовательно переправившись через Куру и Самур, направился "в страну хазар", сразился с жителями области Хамрин (Хамзин), напал на жителей Гумика, затем "повернул назад" и остановился в Шекке (Нухе), а его армия провела зиму в Берда'а и Байлакане. Позднее хазары перешли ар-Рас, Джаррах сразился с ними "в степи Варсана", хазары отступили к Ардебилю, арабы их настигли, и в завязавшейся здесь битве погиб Джаррах и все, кто был с ним⁵⁶.

Как сообщает Якуби, Джаррах вторгся в страну турок, завоевал Беленджер, дошел до р. Рубас, позднее он выступил и дошел до р. ар-Ран, где сразился с сыном хакана и обратил его в бегство, затем, преследуя самого хакана, достиг р. Дебиль в области Азербайджана, где они сразились и Джаррах с многими воинами погиб в битве. С финалом этого рассказа совершенно не согласуются приводимые далее Якуби сообщения о походе Джарраха против алан в 724/725 гг. и о том, что он будто бы убил "царя турок" в 730/731 гг.⁵⁷ Последние сообщения представляются позднейшей интерполяцией.

Согласно Балами, как только Джаррах вошел в Армению, хазары отступили оттуда в Баб ал-Абваб. Следуя за ними, он прошел Берда'а, переправился через Куру и стал лагерем в долине р. Рудабар (Рубас). Затем, миновав покинутый жителями Баб ал-Абваб, он достиг страны Нарван (в 6 милях от Баб ал-Абваба), где встретился с армией сына хакана. Здесь произошло сражение между ними, которое хазарами было проиграно, и они бежали, преследуемые Джаррахом; он прошел через города Хасин и Берау (Бергху, Иергху, очевидно, Таргу), с жителями которых заключил мир. Оттуда, по сообщению источника, Джаррах пришел к хазарскому городу Беленджеру и захватил его с огромной добычей, затем направился к Семендеру, но, получив предупреждение о грозившей с тыла опасности,

повернул назад в Шекки. Перезимовав здесь, Джаррах направился через Берда'а — Байлакан—Варсан к Ардебиллю. Хазарский хакан направил туда же своего сына с трехсоттысячным войском. В происшедшей битве арабы потерпели поражение, а Джаррах погиб⁵⁸.

По Табари, Джаррах совершил в 722/723 гг. поход в землю тюрков, захватил Беленджер и прилегающие к нему крепости, много пленных. В 723/724 гг. он совершил поход на алан, дошел до городов и крепостей, расположенных позади Беленджера. А в 730/731 гг. в сражении с тюрками близ Ардебилля Джаррах погиб со своими воинами⁵⁹.

По данным Ибн ал-Асира, Джаррах прошел Берда'а, переправился через Куру и, сделав остановку, не доходя Баб ал-Абваба, прошел затем через этот оставленный жителями город и достиг р. ар-Ран, где произошло сражение с хазарами. Хазары потерпели поражение и бежали. Джаррах прошел через Хусаин и город Яргуа (Таргу) к Беленджеру и взял его, захватив огромную добычу. Затем проследовал он к замку Олугбендер, откуда был вынужден возвратиться и перезимовать в местности Мли. Роковое для Джарраха и его воинов сражение произошло, согласно Ибн ал-Асиру, в 730/731 гг. возле Ардебилля⁶⁰.

Согласно "Даренд-наме", Джаррах прошел через Ширван и Мушкюр (Маскат), переправился через р. Рубас и, миновав Дербенд, остановился у р. Дарваг-чай. Здесь состоялось его сражение с сыном хана, который был разбит и отступил сначала в крепость Анджи, а затем — в Балх. Джаррах продвинулся сначала в Каякент, оттуда — в Тарху, затем взял штурмом крепость Анджи, после чего возвратился в Дербент, где оставил свое войско, а сам отправился в Сирию⁶¹.

При сопоставлении сообщений разных источников о походе Джарраха выявляются расхождения между ними в изложении отдельных исторических и географических фактов. Одним из примеров фактологических расхождений являются разные определения места и времени столкновений между арабами и хазарами. По свидетельству ранних авторов, Джаррах вступил в сражение с хазарами уже после возвращения из Дагестана: согласно Белазури, после зимовки в Шекки — в степи Варсана и у Ардебилля, по Якуби, после взятия Беленджера сначала с сыном хакана у р. ар-Ран (по Ибн Хордадбеху, один из притоков Аракса⁶²), а затем с самим хаканом на р. Дебиль, приведенное к гибели Джарраха. Не вяжутся с этими сведениями, а потому представляются недостоверными последующие сообщения Якуби о новом походе Джарраха против алан и о его победе над "царем турок". У Балами "география" этих событий выглядит иначе: место первого сражения Джарраха с сыном хакана он "передвигает" далеко на север, на территорию Дагестана, в страну Нарван, что в 6 милях от Дербента, место второго сражения между ними указывает прежнее — окрестности Ардебилля. Табари называет только место гибели Джарраха и его отряда — вблизи Ардебилля, но, вероятно, не без влияния "второго" сообщения Якуби отделяет семилетним промежутком вторжение Джарраха в Дагестан от его гибели. Согласно Ибн ал-Асиру, первое сражение Джарраха с сыном хакана произошло севернее Дербента на р. ар-Ран (по В.Ф. Минорскому, в данном случае ал-Вак или Дарвак⁶³), второе — у Ардебилля, хронологический разрыв между ними он также определяет в семь лет. "Дербенд-наме" сообщает лишь о первом сражении, состоявшемся на берегу р. Дарваг-чай. Среди всех этих данных наиболее предпочтительными представляются сведения Белазури и "первое" сообщение Якуби, поскольку они совпадают со свидетельством еще одного средневекового источника, совершенно незави-

симого от арабской историографии. Речь идет о следующем сообщении Моисея Каганкатваци: "Джаррах во второй раз по Абхазии вступил в Хазарию. На другой год выступил сын владетеля хазарского и убил Джарраха"⁶⁴. Выражение "второй раз" употреблено в данном отрывке, вероятно, потому, что несколькими строками выше автор рассказывает о первом "вступлении в Хазарию" арабов во главе с Масламой. Упомянутая источником "Абхазия", как убедительно показал С.Т. Еремян, одно из названий страны Маскат⁶⁵. Под этим именем она нередко выступала и позднее. По данным арабских географов, из Ширвана в Абхаз было два дна пути, из Абхаза в Джасар-Самур (плотина на Самуре) — 12 фарсахов, из Джасар-Самура в Баб ал-Абваб—20 фарсахов⁶⁶. Как видим, Абхаз находился ближе к Самуру, чем Дербент. По мнению С.Т. Еремяна, он располагался в районе нынешней Кубы⁶⁷. Итак, из сообщений М. Каганкатваци следует, что Джаррах "вступил в Хазарию" с юга и что его встреча с сыном хакана состоялась на следующий год, т.е. вопреки утверждениям поздних арабских историков ни во время его пребывания в Хазарии, ни через 7 лет после этого. Этим самым утверждается достоверность сведений Белазури и Якуби, согласно которым это событие произошло после взятия Беленджера и зимовки в Шекки, т.е. на следующий год после похода в Дагестан.

Различия географического порядка проявляются главным образом в определении местоположения города Беленджера. По Якуби, отряд Джарраха сначала завоевал Беленджер, а затем достиг р. Рубас, что полностью соответствует рассмотренным выше данным о местоположении этого города к югу от Дербента, в междуречье Рубаса и Гюльгеры-чая (р. Беленджер), на месте Беленджерского города Топрах-Кала. Однако более поздние авторы "перемещают" этот город к северу от Дербента, располагая его между городами Таргу (Берау, Боргху, Яргуа) и Семенджером (Балами) либо Олубендером (по другому чтению — Вабандаром или Ванандаром⁶⁸), что не может не вызвать сомнений. По этой или какой-то иной причине сведения обоих названных авторов о местоположении Беленджера не включены В.Ф. Минорским в реконструируемый им маршрут похода Джарраха, который он целиком построил на длинных Балазури⁶⁹. Представляется необходимым дополнить их достоверными, с нашей точки зрения, данными других авторов, с учетом которых маршрут этого похода мог быть следующим: Берда'а — р. Кура (Белазури, Балами, Ибн ал-Асир) — Ширван — Маскат ("Дербенд-наме") или Абхаз (М. Каганкатваци) — с. Самур (Белазури) — Беленджер (Якуби) — р. Рубас (Якуби, Балами, "Дербенд-наме") — Баб ал-Абваб (Балами, Ибн ал-Асир) или Дербент ("Дербенд-наме") — Нарван (Балами) — ар-Ран (Ибн ал-Асир) или Дарваг-чай ("Дербенд-наме") — Хасин (Балами, Ибн ал-Асир) или крепость Гумри ("Дербенд-наме") — Таргу (Берау, Бергху, Иергху по Балами, Яргуа — Ибн ал-Асир) — Хамрин⁷⁰ — Гумик (Кумух — Белазури) — зимовка в Шекки (Белазури, Балами) — первое сражение с хазарами "в степи Варсана (Белазури) или на р. ар-Ран (Якуби) — второе сражение и гибель Джарраха — Ардебиль (Белазури, Балами, Табари, Ибн ал-Асир) или р. Дебиль (Якуби).

Как видим, и этот удачно начавшийся поход кончился разгромом арабского отряда и гибелью его предводителя. Ответная акция арабов была направлена на то, чтобы вытеснить хазар из Азербайджана и Аррана. Начался новый поход, во главе которого вновь встал Маслама ибн Абд ал-Малик. По сообщению Белазури, успешно провел военные действия против хазар на территории Азербайджана Саид ибн Амру ибн Асвад ал-Джураш. Это вызвало недовольство Мас-

ламы, который отстранил Саида и даже заключил его в тюрьму города Берда'а. С Масламой заключили мир "цари гор" (среди них — Ширваншах, Лираншах, Табасараншах, Филаншах и правитель Маската), и он отправился к городу Бабу, осадил и захватил его после того, как рабы отравили запасы воды в водохранилище, а оборонявшие крепость хазары покинули ее. Маслама развернул в Баб ал-Аббабе бурную строительную деятельность⁷¹.

Согласно Якуби, Маслама заключил Саида в тюрьму города Кабалы (откуда он был потом отправлен в Берда'а). Отсюда Маслама двинулся в Ширван, достиг Маската, его отряды продвинулись в страну лакзов и Табасаран, с которыми заключили мир. "Затем пустился и шел, не встречая никого, пока не достиг Варсана. И встретил хакана — "царя хазар". В походе участвовало несколько правителей завоеванных стран, начальником авангарда был Мерван ибн Мухаммед⁷².

По Балами, Маслама прибыл в Ширван, где расправился с Саидом ибн Амру, а затем двинулся к Баб ал-Аббабу. Как уже отмечалось, в описание дальнейшего маршрута средневековый автор включил сведения, относящиеся к первому походу (они рассмотрены выше), тогда как ко второму походу, по нашему мнению, относятся лишь сообщения Балами о взятии Баб ал-Аббаба после отравления воды в источнике, о строительной деятельности Масламы в этом городе и, вероятно, об успешно проведенной арабами битве с войском хакана, в которой участвовал Мерван ибн-Мухаммед⁷³.

Согласно Табари, в 730/731 гг. Маслама, следуя за тюрками, прошел ал-Баб, а в 731/732 гг. завоевал города и крепости и подчинил тех, "кто был за горами Беленджера". Затем Маслама запер ал-Баб и "укрепил то, что там находилось"⁷⁴.

Как уже отмечалось, Ибн ал-Асир относит к 731/732 г. события, связанные с первым походом Масламы.

Сведения арабских источников об этом походе дополняются ценными свидетельствами кавказских авторов. По Моисею Каганкатваци, в 732 г. "Мслиман вторично выстроил Дербенд"⁷⁵. Армянские историки Гевонд и Вардан описывают поход арабов в "страну гуннов" и взятие их столицы города Варачана. Но в отличие от Якуби они связывают эту акцию с именем Мервана, а не Масламы⁷⁶. Кажущееся противоречие этих сообщений разъяснил С.Т. Еремян, справедливо отметивший, что Мерван захватил Варачан, будучи начальником авангарда арабской армии, возглавлявшейся Масламой⁷⁷. Им же обрисован и маршрут данного похода⁷⁸, принимаемый нами с незначительными дополнениями:

(Белазури) — Кабала (Якуби) — Ширван (Якуби, Балами) — Маскат (Якуби) — Баб ал-Аббаб (Белазури, Балами, Табари, М. Каганкатваци) — Варсан (Варачан — Якуби, Вардан). Город Варачан ныне локализуется на месте Урцекского городища вблизи г. Избербаша⁷⁹. Между ним и Дербентом на приморской равнине нет ни одного сколько-нибудь значительного раннесредневекового городища или поселения (они располагались только в полосе предгорий). Таким образом, археологически подтверждается сообщение Якуби о том, что арабский отряд "шел не встречая никого" до самого Варачана.

После этого первого полностью успешного похода арабов, наместником в Армении и Азербайджане был назначен Мерван ибн Мухаммед, который также осуществил военные акции против хазар, затронувшие и территорию Дагестана. Согласно Белазури, Мерван начал свой поход из области Кисала между Берда'а и Тифлисом. Сам он вступил в землю хазар "со стороны Аланских ворот", а части своего войска приказал двигаться со стороны Баб ал-Аббаба. На своем пути

Мерван встретил и взял в плен находившихся в земле хазар славян, а затем приблизился к хакану, который, очутившись на грани разгрома, заключил с Мерваном мир и принял ислам. Затем Мерван вступил в "землю Престола", подчинил ее владетеля, заключил мир с ним и с жителями Тумана. Далее он вступил в Зирихгеран и заключил мир с его владетелем, а оттуда — во владения Хамзин, где после месячной осады взял и разрушил замок его правителя, первоначально отказавшегося заключить мир на условиях Мервана. Дальнейший путь Мервана проходил через Синдан (Масдар) — Табасаран — Филан — к крепости лакзов, овладев которой, он захватил затем крепость владетеля Ширвана и двинулся в сторону дуданийцев и нанес им жестокое поражение⁸⁰.

По Якуби, маршрут похода Мервана проходил через замок "царя Престола", Туманшаха и землю Зирихгеран, затем он сразился с жителями Хамзина, завоевал большую часть этой страны и остался в городе ал-Бабе. Поход Мервана в страну тюрков Якуби упомянул отдельно под 735/736 гг.⁸¹

Как свидетельствует Балами, Мерван отправился в Армению из Сирии, остановился в местности Кезал, вблизи Берда'а. Покорив Армению, он двинулся через ущелье Баб ал-Лан к Семендеру, куда прибыл арабский отряд из Баб ал-Абваба. Находившийся в Семендере хан отступил оттуда. Преследуя его, Мерван "оставил Семендер в тылу", достиг р. Сиклаб. Здесь и далее произошло два сражения, где арабы вышли победителями. Хакан заключил с Мерваном мир и принял ислам. Мерван вернулся в Баб ал-Абваб и перезимовал там. Следующей весной он предпринял поход на страну Семер (Серир). Пройдя через город Шекки и крепость Ами, которые он разрушил, Мерван достиг сильно укрепленной резиденции царя Серира и после длительной (в течение года) осады хитростью овладел ею. Оттуда он двинулся к крепости Химран и захватил ее, жестоко расправившись с защитниками, а затем завоевал всю "страну Химранскую" и возвратился в Баб ал-Абваб. Следующей весной Мерван завоевал резиденцию одного из горских правителей — Описа, а затем отправился в Азербайджан, где воевал с жителями Мукана и Гиляна⁸².

Табари сообщает о нескольких военных акциях во время наместничества Мервана. В 735 г. Мерван послал два отряда, один из которых захватил три крепости ал-Лана, другой дошел до страны Туманшаха и заключил с ним мир. В 733/738 гг. отряд во главе с Исхаком ибн Муслимом ал-Укайли завоевал крепости Туманшаха, а сам Мерван совершил поход в землю тюрков. Наконец, в 738/739 гг. — поход Мервана в страну "владельца трона" (Сахиб ас-Серир) и подчинение его своей власти⁸³.

Ибн ал-Асир приводит сведения об этих событиях и по Балами и по Табари, несколько изменяя их в деталях. Под 732/733 гг. он излагает близкую Балами версию рассказа о походе Мервана в страну хазар, но почти ничего не говорит о его маршруте, ограничившись констатацией, что Мерван направился в страну алан и оттуда "дошел до конца" страны хазар. Затем Мерван совершил поход в страну "владельца Престола", заключил мир с жителями Тумана, вторгся в Зирихгеран и захватил страну Хамзин. Далее он без боя овладел Согданом, осадил и взял крепость владетеля ал-Лакза, покорила крепость Ширван и нанес поражение дуданийцам. Но следом за этим рассказом Ибн ал-Асир вновь излагает те же события, однако, уже за Табари и в несколько иной хронологической последовательности. Под 735/736 гг. приведен рассказ о посылке двух отрядов — против ал-Лана и Туманшаха, под 736/737 гг. — о походе в землю царя Варниса,

а под 738/739 гг. — о вторичном походе против Туманшаха. В 737 г. по этой версии Ибн ал-Асир Мерван "вступил в страну аланов и шел по ней до тех пор, пока не вышел из нее в страну хазар. Он прошел мимо Беленджера и дошел до ал-Байда, в котором живет хакан, но хакан бежал от него". К 738/739 гг. отнесен поход Мервана к крепости "владельца Престола", вслед за которым он прошел через укрепленные замки Гумик и Хайзах, после чего был заключен с ним мир. Далее через землю Азрубетран Мерван прошел в землю Туман, а оттуда вторгся в землю Хамзин и разорил ее, после чего пришел в землю Ме(а)сдара, занял Гиран, заключил мир с Табасараном и Филаном⁸⁴.

Сравнивая приведенные данные, нетрудно выявить немало расхождений между ними в изложении событий, происшедших при наместничестве Мервана. Весьма возможно, что им был осуществлен не один, а несколько походов, последовательность и хронология которых во многом остаются неясными. Предпринимаемая нами попытка обрисовать ход этих событий основана на данных Белазури, дополняемых сообщениями других авторов. Согласно этим данным, Мерван начал свою деятельность наместника с похода против хакана, пройдя главными силами через Дарьял (Белазури, Балами, Ибн ал-Асир) и направив один из отрядов через Баб ал-Абвab (Белазури, Балами). В стране хазар он встретил сначала славян (Белазури, Ибн ал-Асир) — р. Сиклаб (Балами), а затем приблизился к хакану (Белазури, Балами), находящемуся в ал-Байда (Ибн ал-Асир), и заключил с ним мир. Следующий этап деятельности Мервана — пород во внутренний горный Дагестан. По Белазури и Ибн ал-Асиру, он вступил в страну Серир ("землю Престола" — современная Авария⁸⁵), возвращаясь из похода против хакана. В таком случае он мог пройти в глубь дагестанских гор по долинам Сулака и его притоков. Согласно Балами, Мерван возвратился из Хазарии в Баб ал-Абвab, где перезимовал, и оттуда прошел затем в Серир, двигаясь с юга через Шекки и Ами (Гумик?), т.е. по тому же самому пути, которым незадолго до того воспользовался Джаррах. Из Серира, по данным Белазури, Якоби, Балами и Ибн ал-Асира, путь Мервана прошел через Туман (Кумух) — Зирихгеран (Кубачи)⁸⁶ и Хамрин (Хамзин), оттуда — в Шандан (Синдан — Белазури, Согдан — Ибн ал-Асир) — Табасаран—Филан (Белазури) — затем, согласно Белазури и Ибн ал-Асира, он захватил крепости владельцев ал-Лакза и Ширвана и направился в страну дуданийцев (дидойцев?). Как видим, маршрут похода (точнее, продолжавшихся несколько лет походов Мервана) охватил Центральный Кавказ, степи Северо-Западного Прикаспия до низовий Волги, а также центральную (Серир, Туман, Зирихгеран, Хамрин, Шандан) и южную (Табасаран, Филан, Лакз) части территории Дагестана и прилегающие районы Ширвана. Только в результате этого похода арабам впервые удалось подчинить себе на некоторое время большинство раннесредневековых государств на территории Дагестана и нейтрализовать Хазарию — своего главного соперника на Кавказе.

В заключение подведем некоторые итоги. Один из результатов предпринятой нами попытки критически сопоставить между собой сообщаемые разными источниками географические сведения о маршрутах арабских походов в Дагестан в середине VII — первой половине VIII в. и соотнести их с соответствующими археологическими данными, является попытка по-новому, более конкретно, обрисовать действительные масштабы связанных с ними событий. Выясняется, что растянувшаяся почти на целое столетие экспансия арабов в раннесредневековый Дагестан сопровождалась для них многими трудностями и неудачами.

В результате первых походов — Абд ар-Рахмана ибн Раба в 643 или 644 г. и Салман ибн Раба в 659 г. — арабы смогли достичь лишь междуречья Рубаса и Гюльгары-чая, где располагался Беленджер, однако неудача Салмана не позволила им закрепиться даже здесь — в самой южной части Прикаспийского Дагестана. Новые военные акции были предприняты спустя более 60 лет. За это время арабам удалось укрепить свои позиции в Закавказье, тогда как силы хазар были отвлечены далеко на север, где все это время им пришлось вести ожесточенную борьбу с булгарами⁸⁷. Этим обстоятельством, вероятно, и воспользовались арабские полководцы Маслама и Джарраха. Первому из них удалось в 715 или 717 г. не только овладеть Дербентом, но и продвинуться на север вплоть до города Таргу на р. Гамри-озень. Но сюда подоспел и хакан со своим войском. Маслама уклонился от сражения и отступил, оставив врагу свой обоз и даже гарем. Успешно начался и поход Джарраха, которому удалось не только взять и разграбить Беленджер, но и продвинуться на север до р. Гамри-озень, а затем беспрепятственно проникнуть по этой превосходной естественной магистрали во внутренний Дагестан и возвратиться оттуда через горные перевалы в Закавказье. Спустя небольшое время туда же пришли и хазары во главе с сыном хакана Берджилом и наголову разгромили Джарраха. Лишь после этих двух подряд неудачных для арабов походов они все же переломили ход событий. Сначала Масламе (в 725—732 гг.) удалось вновь захватить Дербент и укрепиться в нем, а командовавшему его авангардом Мервану совершить отсюда успешный поход на Варачан (Урцекское городище около г. Избербаша). Затем (в 735—739 гг.) Мерван, развивая наметившийся успех, прошел Дарьяльским ущельем (в обход изобиловавшего укрепленными городами и крепостями Прикаспийского Дагестана) в хазарские степи и тем самым вынудил хакана выйти из борьбы. После этого он поочередно подчинил небольшие политические образования Дагестана, тем самым распространив на некоторое время власть халифата и на них.

Более сжато основные этапы рассмотренного процесса могут быть представлены следующим образом: первое проникновение к Беленджеру — в крайнюю южную часть территории Дагестана (середина VII в.) — завоевание Дербента и первое проникновение к северу от него до города Таргу (715 или 717 гг.) — завоевание Беленджера и первое проникновение по долине р. Гамри-озень (мимо Таргу) в горный Дагестан (722—723 гг.) — укрепление в Дербенте и завоевание Варачана (725—732 гг.) — поход на Хазарию и временное подчинение небольших политических образований Дагестана (735—739 гг.). Рисуемой таким образом картине полностью соответствует наша схема местоположения раннесредневековых городов Дагестана, в соответствии с которой ставшие объектами арабских завоеваний города Беленджер, Таргу и Варачан последовательно локализованы на месте Белиджинского городища Топрах-Кала к югу от Дербента, городища Таргу на р. Гамри-озень и Урцекского городища вблизи гор. Избербаша, а непосредственно не затронутые этими событиями города Семендер и Булхар — еще севернее, соответственно на месте Махачкалинского и Верхнечирюртовского городиш⁸⁷.

Как известно, эта схема не является единственной. Другие исследователи локализуют Беленджер на месте Верхнечирюртовского городища на р. Сулак, Таргу — на месте нынешнего сел. Тарки вблизи г. Махачкалы, а Варачан — на месте Урцекского городища⁸⁸. Однако подобное определение их взаиморасположения неизбежно влечет за собой и признание другого весьма немаловажного

обстоятельства, а именно: зафиксированное источниками последовательное завоевание Беленджера, Таргу и Варачана могло произойти в таком случае лишь при условии движения арабов с севера на юг, что ни исторически, ни географически не соответствует реальному ходу рассмотренных событий.

Таким образом, с уточнением маршрутов арабских завоевательных походов мы получаем еще один важный критерий для суждения о взаиморасположении раннесредневековых городов Дагестана и вместе с тем о достоверности существующих ныне схем их локализации.

¹ Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу. — В кн.: Древности Дагестана. Махачкала, 1974, с. 181—231; Он же. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера. — Там же, с. 232—235. С нашими разработками в основном согласился С.Т. Еремян (письмо С.Т. Еремяна автору от 18.I 1975 г.), а В.И. Абаев признал убедительными приведенные в них этимологии топонимов (письмо В.И. Абаева автору от 14. II 1974 г.).

² Примером этого могут служить различные оценки маршрута похода Джарраха в 722/723 гг., высказанные М.И. Артамоновым (История хазар. Л., 1962, с. 205—209) и В.Ф. Минорским (История Ширвана и Дербенда в X—XI вв. М., 1963, с. 123, примеч. 68).

³ Развернутую характеристику трудов средневековых арабских авторов см.: Бартольд В.В. Соч. М., 1963, т. I, с. 46—51; Крачковский И.Ю. Избранные соч. М.; Л., 1957, т. I, IV, с. 151—156; Беляев В.И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении. — В кн.: Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л., 1939, т. I, с. 12—39.

⁴ Бартольд В.В. Дербент. М., 1965, т. III, с. 421.

⁵ Бартольд В.В. К истории арабских завоеваний в Средней Азии. М., 1964, т. II, ч. 2, с. 381.

⁶ См., например: Dunlop D. The History of the Jewish Khazars. Princeton (N.J.), 1954, p. 46—49.

⁷ Dorn B. Beitrage zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Volker aus morgenlandischen Quellen. IV. Tabari's Nachrichten über die Chasaren, nebst Auszügen aus Hafis Abri, Ibn Aasem el-Kufy u.a. — Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Petersburg, SPb., 1844, VI ser., t. VI, S. 452, 497, 498; см. также: Дорн Б. Известия о хазарах восточного историка Табары/Пер. П. Тяжелова. — ЖМНП, 1844, ч. XLIII, N 7, 8, с. 8.

⁸ Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Kitab Talqis al-asar wa adjaib al-malik al-kahhar/Издание текста, перевод, предисловие, примечания и приложения Э.М. Буниятова. М., 1971, с. 62, 68, 73; Бартольд В.В. Рей и Хамадан. Соч. М., 1971, т. VII, с. 130—139; Он же. Горы к северу от Хамадана. — Там же, с. 198—202.

⁹ Бартольд В.В. Горы к северу от Хамадана, с. 198.

¹⁰ Баладзори. Книга завоевания стран/Пер. П.К. Жузе. Баку, 1927, с. 5; Из "Тарих-ал-Камиль" Ибн ал-Асира/Пер. П.К. Жузе. Баку, 1940, с. 9.

¹¹ Бартольд В.В. Горы к северу от Хамадана, с. 198. По ал-Бакуви, Шахразур — обширная область в ал-Джибале. В ней есть города и села. См.: Бартольд В.В. Книга..., с. 75.

¹² Dorn B. Beitrage zur Geschichte..., S. 454, 501; Дорн Б. Известия..., с. 10.

¹³ Dorn B. Beitrage zur Geschichte..., S. 453, 454, 500; Дорн Б. Известия..., с. 10.

¹⁴ Бартольд В.В. Луристан и Хузистан. — Соч., т. VII, с. 184, 186.

¹⁵ Бартольд В.В. Рей и Хамадан, с. 138.

¹⁶ Dorn B. Beitrage zur Geschichte..., S. 452, 497, 498; Дорн Б. Известия..., с. 8.

¹⁷ Баладзори. Книга завоевания..., с. 5.

Бартольд В.В. Хазары. — Соч. М., 1968, т. V, с. 597; Крымский А. Страницы из истории северного или кавказского Азербайджана. — В кн.: Сб. статей, посвященный С.Ф. Ольденбургу. Л., 1934, с. 295, 296; Еремян С.Т. Идеология и культура Албании III—VII вв. — В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, с. 323; Артамонов М.И. История хазар, с. 127; Минорский В.Ф. История Ширвана..., с. 37.

¹⁹ Dorn B. Beitrage zur Geschichte..., S. 457, 503, Anm. 25; Дорн Б. Известия..., с. 13.

²⁰ Крачковский И.Ю. Избр. соч., т. IV, с. 140, 141; Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 134—135; см. также: Тарихи Дербенд-наме/Под ред. Алиханова-Аварского. Т. Физлис, 1898, с. 156—158.

²¹ Еремян С.Т. Экономика и социальный строй Албании III—VII вв. — В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, с. 309 и след.; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959, с. 206—214; Мамедов Т.М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам. Баку, 1977, с. 37, 40.

²² Котович В.Г. О местоположении..., с. 199—215, 218.

²³ Dorn B. Beitrage zur Geschichte..., S. 457, 503; Дорн Б. Известия..., с. 14.

- ²⁴ *Annales quos scriptit Abu Djafar Mohammed Ibn Djafar at — Tabari*/Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879—1901. Пользуюсь случаем выразить свою признательность А.Р. Шихсаидову за любезно предоставленную возможность использовать сделанный им новый перевод выдержек из труда Табари. О причинах расхождения между Табари и Балами см.: *Артамонов М.И.* История хазар, с. 24, 25.
- ²⁵ *Tabari. Annales...*, Ser. I, t. V, S. 2663—2665.
- ²⁶ "Тарих-ал-Камиль"..., с. 13, 14.
- ²⁷ *Tabari. Annales...*, Ser. I, t. V, S. 2665, 2668. "Тарих-ал-Камиль"..., с. 14. Город ал-Байда обычно локализуется в низовьях Волги. См.: *Артамонов М.И.* История хазар, с. 178, 211.
- ²⁸ Всемирная история. М., 1957, т. III, с. 109, 110, 137, карта на с. 111. См.: *Беляев Е.А.* Арабы, ислам и арабский халифат. М., 1966, с. 176, карта.
- ²⁹ *Еремян С.Т.* Армения в период арабских завоеваний. — В кн.: Очерки истории СССР, III—IX вв., с. 480; *Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д.* Грузинские земли в VII—IX вв. — Там же, с. 503.
- ³⁰ *Dunlop D.* The History..., p. 50.
- ³¹ *Tabari. Annales...*, Ser. I, T. V, S. 2889.
- ³² *Баладзори.* Книга завоевания..., с. 13, 14. Прохазарская ориентация жителей Кабалы, вероятно, объясняется тем, что в этом городе долгое время находился хазарский административный центр. См.: *Крымский А.* Страницы из истории..., с. 298.
- ³³ *Ибн ал-Факих.* Из "Книги о странах"/Пер. Н.А. Караулова. — СМОМПК, Тифлис, 1902, XXXI, с. 27, 29.
- ³⁴ *Якуби.* История/Пер. П.К. Жузе. Баку, 1927, с. 5.
- ³⁵ *Tabari. Annales...*, Ser. I, t. V, s. 2889—2893.
- ³⁶ "Тарих-ал-Камиль"..., с. 19.
- ³⁷ *Dorn V.* Beitrage zur Geschichte..., S. 491—493, 596—598; *Дорн Б.* Известия..., с. 93—97; *Kazem-Beg Mirza A.* Derbend-Nameh. — Mémoires de l'Acad. Imp. des Sciences de St. Petersburg, SPb., 1851, T. VI, p. 618—622. Тарихи Дербенд-наме, с. 128—132.
- ³⁸ *Kazem-Beg Mirza A.* Derbend-Nameh, p. 493—498; Тарихи Дербенд-наме, с. 62—68.
- ³⁹ *Минорский В.Ф.* История Ширвана..., с. 192.
- ⁴⁰ *Ибн ал-Факих.* Из "Книги о странах", с. 13.
- ⁴¹ *Котович В.Г.* О местоположении..., с. 211, 212.
- ⁴² Об этом памятнике см.: *Башкиров А.С.* Изучение памятников старины. — ДС. Махачкала, 1927, т. III, с. 235, 236; о его интерпретации см.: *Еремян С.Т.* Экономика и социальный строй..., с. 304; *Тревер К.В.* Очерки..., с. 263, 264; *Буниятов З.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, с. 41, 42, примеч. 19; *Шихсаидов А.Р.* Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969, с. 30, 31; *Котович В.Г.* О местоположении..., с. 197—199 и сл.
- ⁴³ *Буниятов З.* Азербайджан..., с. 74—79, 102—107.
- ⁴⁴ История агван Моисея Каганкатвацц/Пер. К. Патканова. СПб., 1861, с. 259.
- ⁴⁵ История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века/Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862, с. 12, 13.
- ⁴⁶ *Якуби.* История, с. 5, 6.
- ⁴⁷ *Tabari. Annales...*, Ser. II, T. II, S. 1200, 1217; *Артамонов М.И.* История хазар, с. 203; *Буниятов З.* Азербайджан..., с. 107, 108.
- ⁴⁸ История халифов..., с. 27; Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозвищу — писателя XI столетия/Пер. Н. Эмина. М., 1864, с. 96.
- ⁴⁹ История халифов..., с. 27, 28.
- ⁵⁰ История агван..., с. 260, 261.
- ⁵¹ *Dorn V.* Beitrage zur Geschichte..., S. 479—484, 531—537; *Дорн Б.* Известия..., с. 79—85.
- ⁵² Из "Тарих-ал-Камиль"..., с. 29, 30.
- ⁵³ *Kazem-Beg A.* Derbend-Nameh, p. 504—507; Тарихи Дербенд-наме, с. 71—73.
- ⁵⁴ *Артамонов М.И.* История хазар, с. 216, примеч. 64.
- ⁵⁵ *Котович В.Г.* О местоположении..., с. 220—228.
- ⁵⁶ *Баладзори.* Книга завоевания стран, с. 16.
- ⁵⁷ *Якуби.* История, с. 6, 7.
- ⁵⁸ *Dorn V.* Beitrage zur Geschichte..., S. 461—470, 510—530; *Дорн Б.* Известия..., с. 18—25, 67—69.
- ⁵⁹ *Tabari. Annales...*, Ser. II, T. III, S. 1453, 1462, 1530.
- ⁶⁰ "Тарих-ал-Камиль"..., с. 23, 24, 26.
- ⁶¹ *Kazem-Beg A.* Derbend-Nameh, p. 517—520; Тарихи Дербенд-наме, с. 74—77.
- ⁶² *Ибн Хордадбех.* Книга путей и царств/Пер. Н.А. Караулова. — СМОМПК, Тифлис, 1903, XXXII, с. 19.
- ⁶³ *Минорский В.Ф.* История Ширвана..., с. 125, примеч. 46.
- ⁶⁴ История агван..., с. 261
- ⁶⁵ *Еремян С.Т.* Страна "Махелония" надписи Кааба-и-Зардушт. — ВДИ, 1967, N 4, с. 54, 55; ср. также: *Алиев И.Г., Асланов Г.М.* К вопросу о проникновении на территорию Азербайджана племен сармато-массагето-аланского круга в первые века нашего летоисчисления. — МАДИСО, Орджоникидзе, 1975, т. III, с. 75—77.
- ⁶⁶ *Ал-Истахри.* Из "Книги путей царств"/Пер. Н.А. Караулова. — СМОМПК, Тифлис, 1906, XXIX, с. 31; *Ибн Хаукаль.* Из "Книги путей и царств"/Пер. Н.А. Караулова. — СМОМПК, Тифлис, 1908, XXXVIII, с. 101.
- ⁶⁷ *Еремян С.Т.* Страна "Махелония"..., с. 55.

- ⁶⁸ Артамонов М. И. История хазар, с. 207, 208.
- ⁶⁹ Минорский В. Ф. История Ширвана..., с. 132, примеч. 68.
- ⁷⁰ И крепость Хасин, и город Таргу надежно локализируются в долине р. Гамри-озень (см.: Котович В. Г. О местоположении..., с. 221—223). Следовательно, сведения Балами и Ибн ал-Асира о достижении Джаррахом названных городов совпадают с данными Балазури, называющего в этом случае "землю Хамрин".
- ⁷¹ Баладзори. Книга завоевания..., с. 16, 17.
- ⁷² Якуби. История, с. 6, 7.
- ⁷³ Dorn B. Beitrage zur Geschichte..., S. 481—484, 534—538; Дорн Б. Известия..., с. 82—86.
- ⁷⁴ Tabari. Annales..., Ser. II, T. III, S. 1506, 1530, 1560, 1562.
- ⁷⁵ История агван..., с. 261.
- ⁷⁶ История халифов..., с. 80, 81; Всеобщая история Вардана Великого/Пер. Н. Эмина. М., 1861, с. 95.
- ⁷⁷ Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу. — ЗИВАН, 1939, т. VII, с. 141.
- ⁷⁸ Еремян С. Т. Моисей Каланкатуйский..., с. 140.
- ⁷⁹ Котович В. Г. О местоположении..., с. 191, 192 и сл.
- ⁸⁰ Баладзори. Книга завоевания..., с. 18, 19.
- ⁸¹ Якуби. История, с. 7.
- ⁸² Dorn B. Beitrage zur Geschichte..., S. 484—490, 539—546; Дорн Б. Известия..., с. 86—93.
- ⁸³ Tabari. Annales..., Ser. II, T. III, S. 1573, 1635, 1667.
- ⁸⁴ "Тарих-ал-Камиль"..., с. 30—33.
- ⁸⁵ История Дагестана. М., 1967, т. I, с. 123, 124.
- ⁸⁶ История Дагестана, т. I, с. 126.
- ⁸⁷ Артамонов М. И. История хазар, с. 171—175, 189—192.
- ⁷⁷ Котович В. Г. О местоположении..., с. 182—188; Он же. Археологические данные к вопросу о местоположении Семендера, с. 236—255.
- ⁸⁹ Магомедов М. Г. Верхнечирюртовское городище. — УЗ ИИЯЛ, Сер. общест. наук, Махачкала, 1969, т. 19, кн. 2, с. 147—167; Он же. Древние и средневековые оборонительные сооружения Дагестана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1970, с. 9; Он же. Древние политические центры Хазарии. — СА, 1975, N 3, с. 63—74; Федоров Я. А., Федоров Г. С. К вопросу о южной границе Хазарии. — Вестник МГУ, история. М., 1970, N 3, с. 82—96, рис. 2.

А. А. Кудрявцев

О СТЕКЛОДЕЛИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА (VI—X вв.)

Большое значение в развитии стеклоделия имеет наличие песка, причем ценность его тем выше, чем меньше он содержит окислов железа и имеет в значительном количестве окиси натрия и кальция. При этих условиях легче было получить чистое и прозрачное стекло, с меньшими затратами соды и извести, повышающих растворимость "шихты". Запасы песка и извести, которые "вводились в стекольную шихту, также и в виде молотых чистых разновидностей известняков"¹, в Дербенте были не ограничены, а щелочи могли добывать из золы растений (древние финикийцы добывали соду из золы водорослей и сделали ее предметом экспорта)².

Помимо сырьевой базы, производство стекла требует больших профессиональных навыков, печей специальных конструкций, способных создавать высокие температуры (до 1500°), и ряд технологических приспособлений³. Однако многочисленные находки стеклянных изделий на памятниках Кавказа античного периода⁴ позволяют предполагать их весьма древнее и местное производство. В средневековое время эта отрасль ремесла переживает период качественного и количественного изменения.

Период VI — начала VIII в.

Стеклянные изделия представлены в слоях Дербента сасанидского периода относительно небольшим количеством экземпляров.

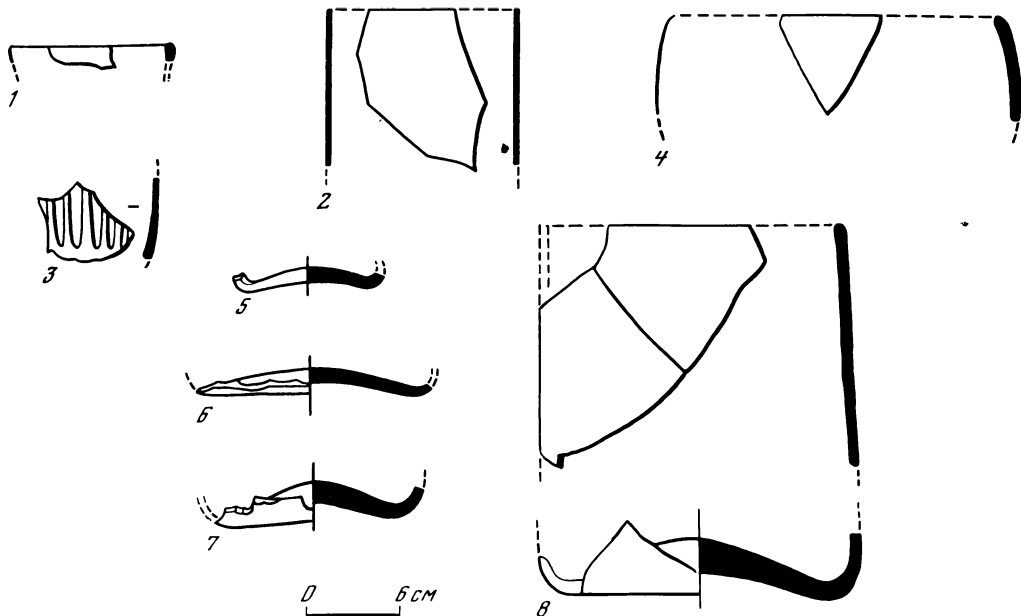

Рис. 1. Стекланные стаканы и чаши Дербента IV — начала VIII в. (1—8)

Всю стеклянную посуду Дербента того времени можно разделить на пять видов: цилиндрические прямые стаканы; округлые, полусферические чаши; маленькие узкогорлые сосуды с расширяющейся кверху слегка конусовидной горловиной; узкогорлые сосуды с расширяющейся к основанию горловиной; широкогорлые сосуды с округлыми вертикальными ручками.

Стаканы. Эти сосуды являются наиболее распространенным видом стеклянных изделий, обнаруженных в раннесредневековых слоях Дербента. Они в основном схожи между собой и имеют тулово с прямыми стенками, однако некоторые отличия в деталях позволили выделить среди них три варианта: строго цилиндрической формы; несколько расширяющиеся кверху; чуть суженные в верхней части. Все они имеют прямой, утолщенный верхний край и однотипное вогнутое дно, без поддона (рис. 1). Диаметр стаканов 4,5—6 см, реже — 9,5—10 см, высота от 8 до 11,5 см, толщина стенок 0,1—0,25 см, дно утолщено от 0,3—0,4 см до 0,6—0,8 см. Стекло прозрачное — зеленоватое, слегка голубоватое или иногда почти бесцветное. Значительно реже встречаются изделия оливково-зеленоватого цвета. В основном обнаруженные экземпляры гладкие, но встречаются и орнаментированные изделия. Край сосудов обычно не обработан. Преобладают три типа орнаментального мотива, в основном геометрического характера: 1) каннелюрный в виде сильно вытянутых вертикальных полос с округлыми торцами, напоминающий орнамент дорогих металлических чаш; 2) вдавленный геометрический в виде согнутых равносторонних или несколько вытянутых шестиугольников, иногда овалов или кругов; 3) точечный в виде двойных соприкасающихся ромбов, образующих геометрический узор (рис. 1; 2).

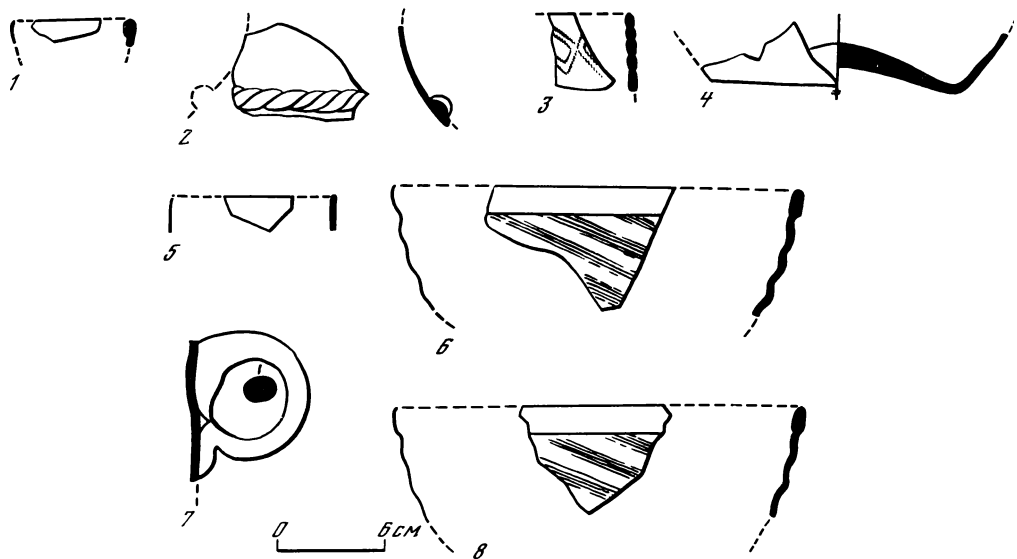

Рис. 2. Стекланные чаши и сосуды Дербента VI — начала VIII в. (1—8)

Подобная орнаментация отмечена на стеклянных изделиях из погребальных памятников районов Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья, Закавказья. Так, орнамент, обозначенный как тип 1, находит себе аналогии в сирийских стеклянных чашах первых веков нашей эры, обнаруженных в кургане у с. Даховская⁵ (Адыгейская область), в сарматском погребении в Волгоградской области, в погребениях Урбнисского могильника⁶, и стаканов из погребений IV—V вв. Харакса⁷, Цебельды⁸, Пантикапея⁹, в бокалах с территории Кавказской Албании¹⁰. Орнамент типа 2 находит себе аналогии в орнаментации кубков из могильников III—IV вв. с. Ранжеево¹¹ и фрагментов кубка из богатого погребения IV—V вв. в Херсонской области. Отмечено также совпадение цвета и качества стекла с сосудами из могильников в Харакса¹³, Цебельды¹⁴, Херсонеса¹⁵.

Формы, аналогичные дербентским раннесредневековым изделиям этого типа, бытовали в стеклянной посуде памятников Кавказа¹⁶, Северного Причерноморья¹⁷, Ближнего Востока¹⁸. Поверхность большинства изделий иризирована.

Пока трудно достаточно обоснованно утверждать, сколь высок был уровень стеклоделательного производства в раннесредневековом Дербенте и в какой степени город мог удовлетворять спрос за счет местной продукции. Среди рассматриваемого вида изделий, несомненно, имеются привозные образцы, это особенно касается стаканов с орнаментом и сосудов из оливково-зеленоватого стекла, которые являлись предметами импорта из стран Переднего Востока (Сирия, Египет)¹⁹. Но в слоях Дербента этого периода встречаются стаканы, несколько отличные от первых по форме, оформлению края сосуда и качеству стекла. Подобные изделия не находят себе аналогий среди известных на Кавказе и в Восточной Европе импортных позднеантичных и раннесредневековых стаканов. Наличие их среди стеклянных изделий Дербента,

а также находки в слоях города стеклянных шлаков и двух фрагментов бракованных сосудов, которые вряд ли могли служить предметом импорта²⁰, позволяет говорить о местном производстве этого вида стеклянной посуды.

Чаши. Представлены в Дербенте в основном сосудами полусферической формы. Можно выделить среди них два типа изделий, отличающиеся формой и обработкой края: полусферические с прямым, утолщенным за счет перегиба наружу краем (рис. 2, б, 8); полусферические с несколько загнутым внутрь, невыделенным краем (рис. 1, 1, 4). Чаши первого типа имеют диаметр по венчику от 11 до 12 см. Края у них не обработаны. Стекло светло-зеленое, прозрачное, хорошего качества. Поверхность чаш выпукло-вогнутая, волнистая, направление волн вертикальное, под значительным углом (около 30—40°), что придает им богатый декоративный вид. Толщина стенок достигает 0,15 см, толщина края около 0,3 см. Поверхность чаш иризована.

Чаши второго типа имеют диаметр венчика 10—11 см, верхний край чуть утолщен и зашлифован. Стекло голубоватое, почти бесцветное, прозрачное. Орнаментация отсутствует, толщина стенок 0,2 см, края — 0,25 см. Поверхность изделий иризована. Представляется вероятным, что чаши первого типа, отличающиеся большой сложностью производства, являлись привозными изделиями.

Маленькие узкогорлые сосуды составляют наиболее многочисленную группу дербентской стеклянной посуды. Они довольно однотипны по форме и представлены изделиями с узкой цилиндрической горловиной, чуть расширенной к венчику. Округлое вздутое тулово у них с однотипным вогнутым дном, почти всегда без поддона. Изделия несколько отличаются по оформлению верхнего края: Выделяются два типа: с прямым, чуть утолщенным зашлифованным краем (рис. 3, 2—4); с загнутым внутрь или наружу необработанным (рис. 3, 5—7).

Диаметр горловин 3—5 см, высота до 7—8 см, стекло зеленое или голубоватое, прозрачное, иногда почти бесцветное и темно-зеленое, порой почти черное, малопрозрачное в ряде случаев с пузырьками. Орнаментация обычно отсутствует, хотя имеется один экземпляр из зеленоватого прозрачного стекла с белой нитью в виде горизонтальных витков. Толщина стенок 0,15—0,2 см, донца несколько утолщены и достигают 0,2—0,45 см. Поверхность изделий обычно иризована.

Подобные сосуды бытовали в раннесредневековый период и нехарактерны для стеклянных изделий I—IV вв.²¹, а небольшие сосуды с утолщенным зашлифованным краем получают распространение с VI в.²² Близкие аналогии этот тип дербентских изделий находит в материалах раннесредневековых памятников Дагестана²³, Кавказа²⁴, Северного Причерноморья²⁵, Средней Азии²⁶, Переднего Востока²⁷.

Крупные узкогорлые сосуды представлены среди стеклянных изделий Дербента всего тремя фрагментами. Это довольно высокие горловины диаметром 5—6 см, расширяющиеся к основанию (рис. 3, 13). Стекло прозрачное хорошего качества, чуть зеленоватого оттенка, без следов иризации. Один из сосудов орнаментирован по основанию горловины толстым наклепным витым жгутом (рис. 2, 2). Сосуды этого типа находят аналогии в стеклянных изделиях раннесредневековых памятников Средней Азии²⁸ и Кавказа²⁹.

Сосуды с ручками встречены в слоях раннесредневекового города во фрагментарном состоянии, не позволяющем четко судить о их форме. Возможно это были кружки или бокалы с вертикальной ручкой округлой формы (рис. 2, 7;

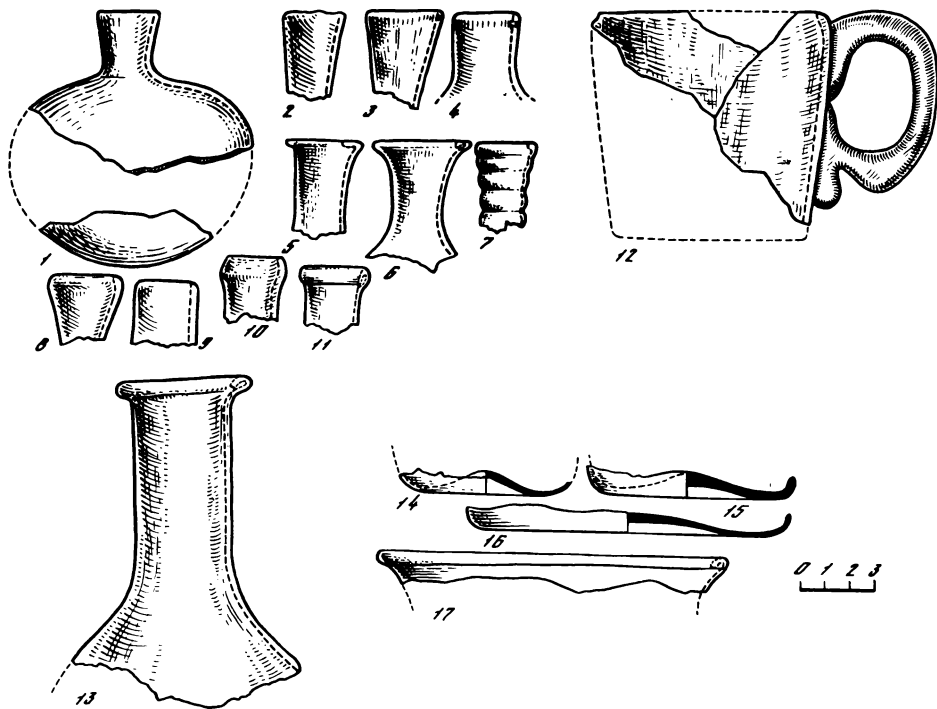

Рис. 3. Стекланные сосуды Дербента VI — начала VIII в. (1—17)

3, 12). Один, более массивный, конец ручки крепился к прямому, невыделенному краю сосуда, другой — к тулову. Вероятно, могли существовать изделия и с двумя ручками. Стекло хорошего качества, снаружи темно-коричневого цвета, явившегося, видимо, следствием сильной иризации его поверхности. Сосуды с подобными ручками известны в весьма незначительном количестве среди находок Таманского городища³⁰, аналогии им на других памятниках неизвестны³¹.

Анализ типов стеклянных изделий раннесредневекового Дербента позволяет сделать некоторые выводы о развитии стеклоделия в городе в первый период его экономического становления. Целый ряд дербентских сосудов имеет, несомненно, импортное происхождение, особенно тонкостенные рифленые чаши, некоторые типы стаканов, крупные сосуды. Часть стеклянных изделий имеет местное происхождение. В этом убеждает определенная специфичность форм и качества стекла, а также наличие фрагментов бракованных изделий, находки в слоях города этого времени шлаков с остеклованными участками и отдельных кусочков спекшейся стеклянной массы. Видимо, к местным изделиям прежде всего надо отнести менее прозрачные сосуды, зеленых, голубоватых, зелено-голубоватых оттенков, что связано с наличием в сыром материале примесей железа³² или меди³³, придающих стеклу указанные оттенки. Создание прозрачного, обесцвеченного стекла требовало более высокой технологии производ-

ства и профессионального уровня мастерства, умения мастера-стекольщика бороться с примесями и сводить до минимума их содержание в "шихте".

На первом этапе развития стеклоделия в Дербенте это было, видимо, не под силу. Сосуды изготовляли в основном методом выдувания в форму или свободного выдувания, о чем свидетельствуют донца сосудов. Одним из достижений дербентских стеклоделов этого времени, свидетельствующем о прогрессе в развитии их ремесла, было умение обрабатывать край сосуда.

Исследования позволяют говорить, что в раннесредневековом Дербенте существовало производство стекла и этот вид городского ремесла достиг определенного прогресса. Однако не слишком многочисленные находки, их качество и простота форм позволяют считать, что в период VI — начала VIII в. данный вид ремесла значительного развития еще не получил. Более ощутимый прогресс в стеклоделии наметился во второй период экономического развития Дербента — с III в., когда оно стало играть более заметную роль в экономике города.

Сходный путь развития стеклоделательного производства характерен и для многих средневековых городов Средней Азии³⁴, Кавказа³⁶, Переднего Востока³⁶.

Период VIII—X вв.

Второй период развития стеклоделательного ремесла в Дербенте относится к VIII—X вв, производство которого в этот период значительно возросло, и количество находок в слоях этого времени увеличивалось более чем в 4,5 раза (около 190 изделий). Одной из отличительных особенностей развития стеклоделия на данном этапе является освоение ремесленниками выпуска не только стеклянной посуды, но и разнообразных украшений. Это было связано с широким распространением поливной керамики, технология изготовления глазурей для которой во многом совпадала с процессом производства стекла.

Наибольшее распространение в это время получило производство столовой посуды, сосудов различных размеров и назначения, и украшений. В количественном отношении они распределены следующим образом: посуда — 134 фрагмента, браслеты — 33 штуки, кольца — 4 штуки, бусы — 16 штук, вставки к перстням — 4 штуки.

Столовая посуда представлена чашами, стаканами, рюмкообразными сосудами на ножках, узкогорлыми сосудами, изделиями с широкой горловиной, которая изготовлялась техникой выдуваний в форму, когда мастер-стеклодув набирал в трубку стеклянную массу и выдувал шар, которому придавал путем несложных операции вытянутые очертания, а затем помещал его в разъемную форму. Через некоторое время изделие извлекали из формы, сушили и обрабатывали путем откола лишней массы на донышке, шлифовки верхнего края и наружной поверхности.

Чашы. Этот вид стеклянных изделий представлен в основном сосудами полусферической формы с вогнутыми внутрь дном без кольцевой ножки (рис. 4, 4, 6; 5, 3). Здесь можно выделить два варианта изделий, отличающиеся друг от друга формой и способом обработки края сосуда: полусферические чаши с прямым или несколько отклоненным наружу валикообразным венчиком, образованным за счет перегиба верхнего края сосуда и прижатия его к стенке (край при этом может быть прижат вплотную или между ним и

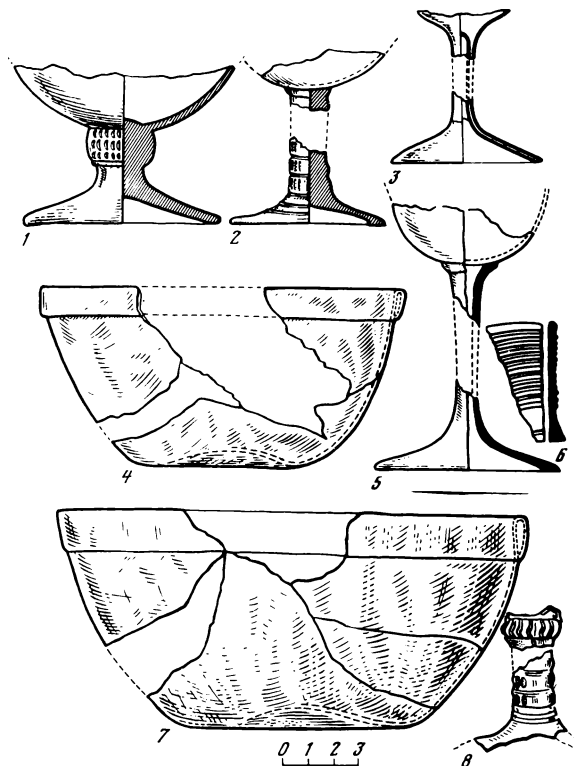

Рис. 4. Чаши и рюмкообразные сосуды Дербента VIII-X вв. (1—8)

стенкой остается просвет); полусферические чаши с прямым или слегка отклоненным внутрь невыделенным, иногда несколько утолщенным венчиком.

Изделия первого варианта представлены чашами средних размеров с диаметром венчика от 10 до 16 см, края его обычно не обработаны. Стекло прозрачное, чаще тонкое, зеленоватого или желтоватого цвета, иногда с отливом вишнево-фиолетового оттенка. Качество его обычно высокое. Декор отсутствует.

Чаши второго варианта мало чем отличаются по качеству и цвету стекла от первого, но здесь изделия порой более толстостенны, верхний край их несколько утолщен и зашлифован, диаметр его колеблется у сосудов этого варианта в пределах 9—14 см.

Ближайшие аналогии дербентские стеклянные чаши находят среди посуды ряда городищ Средней Азии и Кавказа, таких, как Ниса³⁷, Варахша³⁸, Оренкала VIII—X вв.³⁹, средневековая Кабала⁴⁰ и памятников Крыма VIII—IX вв.⁴¹

Стаканы, обнаруженные в слоях средневекового Дербента VIII—X вв., сходны с аналогичными изделиями раннесредневекового периода. По форме тулова можно выделить два варианта: с чуть конусообразным или округленным туловом, несколько расширенным кверху (рис. 5, 19, 20); с прямым, чуть расширенным ко дну туловом, с четко выделенной нижней гранью (рис. 5, 18, 21).

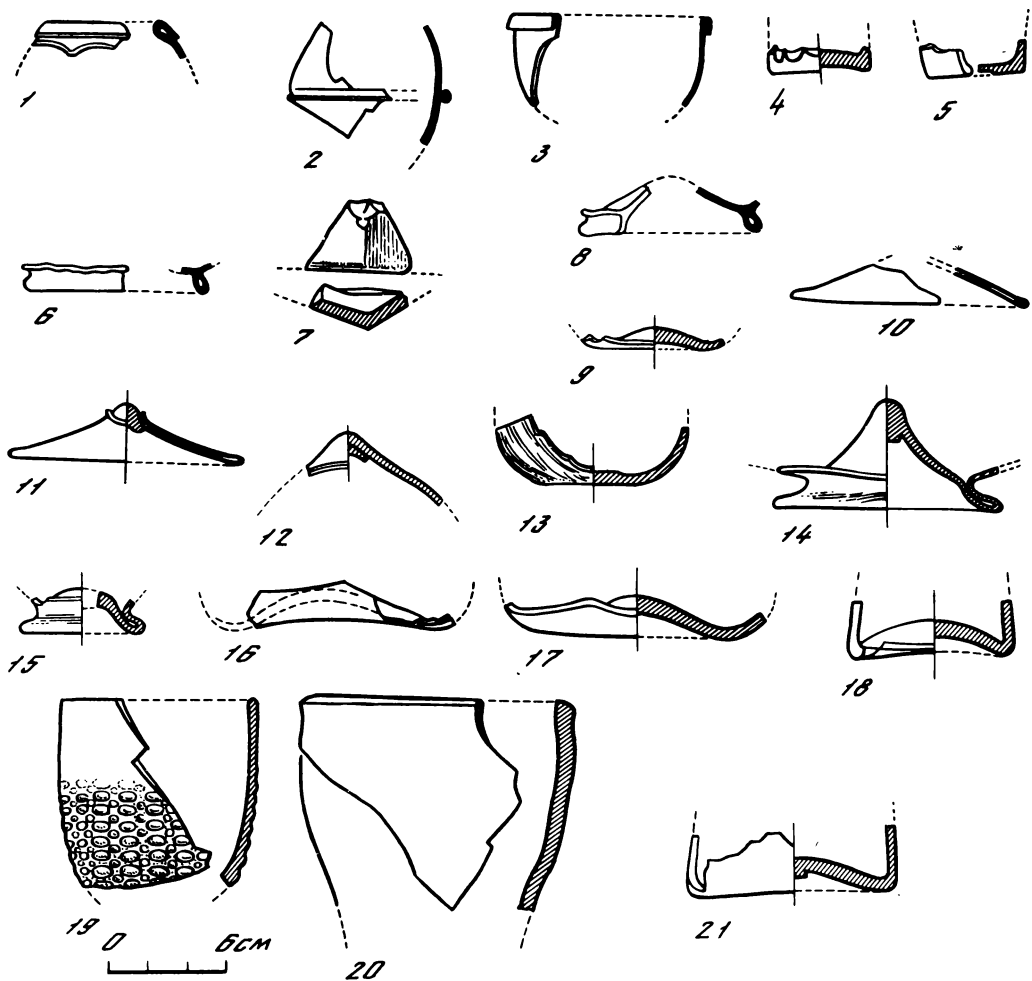

Рис. 5. Стекланные чаши, стаканы и сосуды Дербента VIII-X вв. (1—20)

Диаметр сосудов обоих вариантов достигает 6—12 см, высота 8—16 см, толщина стенок 0,15—0,35 см.

Стекло зеленоватое, желтоватое, порой с вишневым оттенком, иногда буровато-коричневое, в отдельных случаях почти бесцветное, с легкой голубизной. В основной массе оно прозрачное, но встречаются отдельные фрагменты бурого и зеленого непрозрачного стекла.

Край сосудов обычно чуть утолщен или совсем не выделен, но зашлифован. Нередко стаканы орнаментированы. Декор довольно прост. Это — налпнные жгуты, прямые или волнистые, иногда украшенные защипами; штампованный орнамент, нанесенный еще на неостывшее изделие, когда вогнутость рисунка снаружи соответствует выпуклости внутри; вдавленно-рельефный орнамент, полученный

при вдувании в форму. В двух последних случаях применялся геометрический орнамент в виде сетки, кружков, овалов и других фигур.

Подобная орнаментация сосудов широко встречается на стеклянных изделиях средневековых памятников Кавказа⁴² и Средней Азии⁴³. Следует отметить, что в средневековый период стаканы как вид стеклянных изделий не получили, видимо, широкого распространения в стеклоделательном производстве Кавказа⁴⁴ и среди материалов этого времени находки их немногочисленны.

Рюмкообразные сосуды представлены в материалах Дербента VIII—X вв. в большинстве случаев фрагментарно. Выделяются два варианта изделий: на низких массивных сплошных ножках, с круглым донцем, вогнутым во внутрь (рис. 4, 1, 2); на более высоких полых ножках, с круглым вогнутым донцем, составляющим одно целое со стержнем ножки (рис. 4, 3, 5).

Сосуды первого варианта более толстостенны и в большинстве случаев из темно-синего, зеленого, коричневато-бурого непрозрачного или полупрозрачного стекла. Рюмки на полых ножках более тонкостенны, стекло зеленоватое, желтоватое, иногда бесцветное, прозрачное.

Несмотря на относительную малочисленность подобных изделий в Дербенте, они служат показателем высокого уровня развития стеклоделательного производства. Сам бокал состоял из двух частей: верхнего резервуара и ножки на донце, и для изготовления его требовались две сложные операции. Ножка и поддон выполнялись из одного комка стеклянной массы и крепились к резервуару кусочком горячего стекла. Порой ножка украшалась вдавленно-рельефным или штампованным орнаментом.

Подобные сосуды несколько напоминают рюмкообразные сосуды позднеантичного и раннесредневекового времени памятников Северного Причерноморья и Кавказа, а более близкие параллели находят они среди средневековых стеклянных изделий Восточного Кавказа⁴⁶, Ближнего Востока⁴⁷, Средней Азии⁴⁸ и Крыма⁴⁹, хотя в их деталях имеются значительные различия. Производство сосудов этого типа, видимо, не было широко освоено в средневековом Дербенте, и находки их немногочисленны, довольно редки они и на средневековых памятниках Переднего Востока и Средней Азии⁵⁰.

Узкогорлые сосуды составляют наиболее многочисленную группу дербентской стеклянной посуды, весьма разнообразную по размерам, форме горловины, венчика и приемам орнаментации, делятся на большие, средние и маленькие сосуды.

Большие представлены в основном изделиями с округлым шаровидным или слегка вытянутым туловом, плавно переходящим в очень высокую цилиндрическую или слегка конусовидную горловину, расширенную к основанию (рис. 6, 12—15). Они имеют горловину высотой 15—21 см, при диаметре ее от 3 до 5 см, диаметр тулова 12—18 см и несколько различаются по оформлению верхнего края: одни имеют прямой, совершенно невыделенный, зашлифованный край, а другие изделия отличаются несколько утолщенным или расширенным венчиком. Стекло сосудов разнообразное: зеленого или буро-коричневого цвета, непрозрачное или чуть зеленоватое, голубоватое, почти бесцветное, прозрачное.

Сосуды порой орнаментировались с помощью вертикально или горизонтально прикрепленных накладных жгутов, налепов и валиков, иногда украшенных защипами или насечками. Эти наклепные украшения наносились в горячем виде на еще мягкий сосуд. Рельефно-вдавленный орнамент использовался очень редко.

Подобная орнаментация широко применялась в средневековый период в

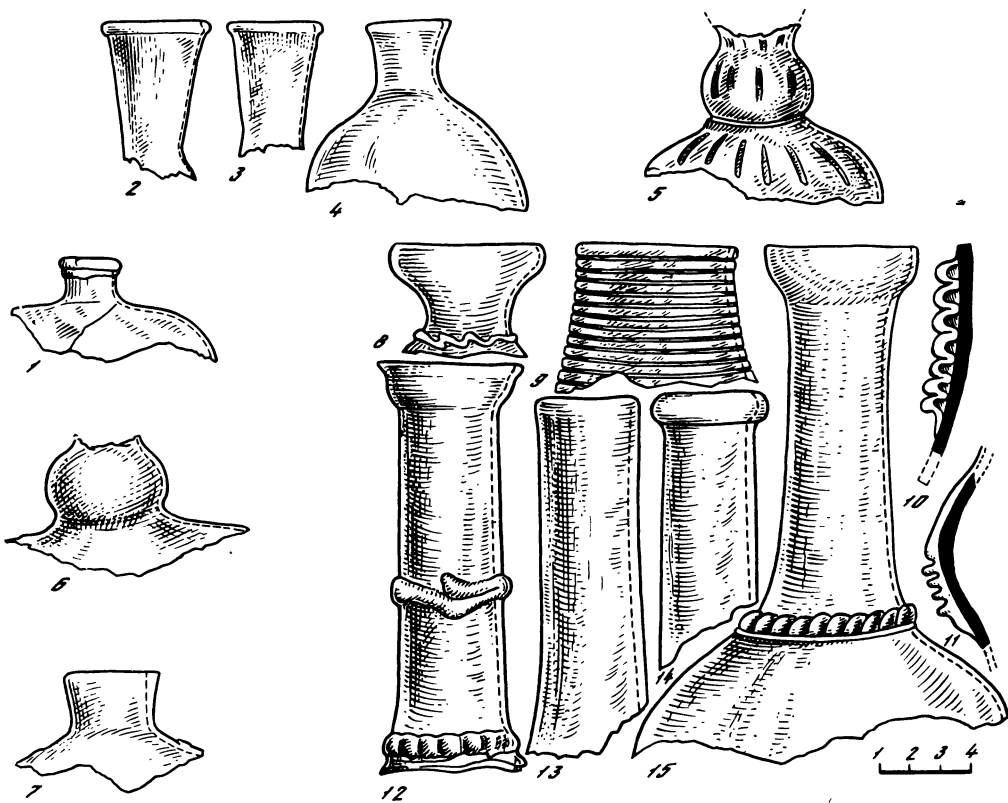

Рис. 6. Стекланные сосуды Дербента VIII-X вв. (1—15)

стеклоделии Кавказа⁵¹ и Средней Азии⁵², а крупные узкогорлые сосуды находят себе аналогии среди материалов средневековых городищ Оренкалы⁵³, Кабалы⁵⁴, Нисы⁵⁵, Афрасиаба⁵⁶.

Средние узкогорлые сосуды наиболее многочисленны. По форме они мало чем отличаются от крупных, диаметр тулова их 8—12 см, высота горловины 5—8 см, и здесь наряду с прямыми цилиндрическими сосудами встречаются конусообразные и несколько расширенные в верхней части (рис. 6, 8, 9, 14; 7, 3, 5). Изделия этой группы орнаментировались значительно чаще, чем крупные сосуды. Это были накладные жгуты, валики, налепы, наносимые в горячем виде на еще мягкий сосуд. Жгуты делались волнистые, или украшались защипами и насечками. Рельефно выделенный орнамент использовался редко. Подобные сосуды находят аналогии в посуде памятников Кавказа⁵⁷ и Средней Азии VIII—X вв.⁵⁸

Маленькие сосуды или флакончики имеют невысокую или средних размеров горловину высотой 2—4 см и диаметром 2,5—3,5 см. По ее форме удалось выделить три варианта: с вздутой или сильно утолщенной горловиной у венчика (рис. 6, 5, 6); с конусообразной или воронкообразной (рис. 6, 2—4); с прямой цилиндрической невысокой горловиной, от которой почти горизонтально расходятся стенки тулова (рис. 6, 1, 7).

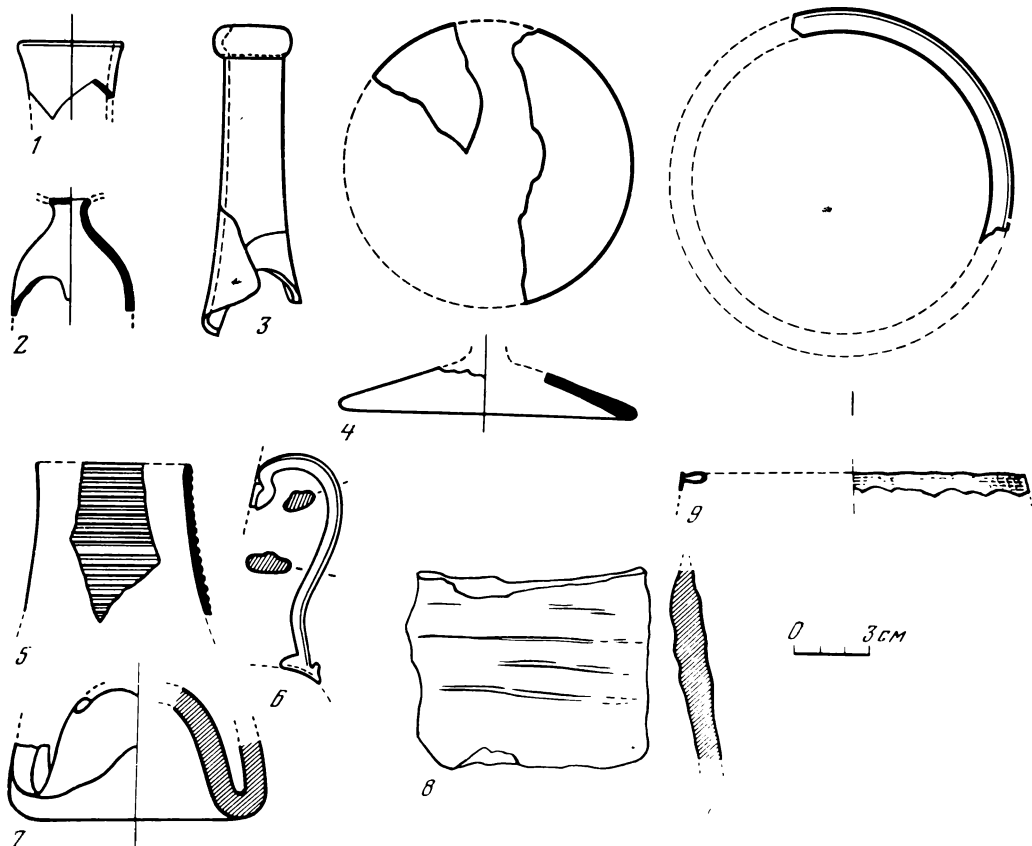

Рис. 7. Стекланные сосуды Дербента VIII-X вв. (1—9)

Стекло маленьких сосудов, как правило, непрозрачное, темно-зеленого, черного, темно-голубого, буро-коричневого цветов. Орнаментация на них либо отсутствует, либо довольно проста — в виде накладного жгута. Однако наряду с подобной отмечены и более сложные приемы украшения сосудов, обычно это изделия первого варианта из черного стекла, к которому были добавлены крошки молочно-белого, образывавшего при выдувании тонкие белые, иногда голубовато-белые продольные нити. Подобные приемы отмечены на изделиях средневековых памятников Азербайджана⁵⁹. Маленькие стеклянные сосуды находят довольно широкие параллели среди аналогичных изделий Кавказа⁶⁰ и Средней Азии⁶¹.

Широкогорлые сосуды составляют очень небольшую часть стеклянной посуды средневекового Дербента. Пока обнаружено только семь фрагментов подобных изделий. Изготовлены они в основном из зеленого, светло-желтого, коричневатого полупрозрачного или прозрачного стекла. Фрагментарность находок не позволяет судить о наличии на них орнаментации, лишь на одном обломке имеется жгут округлого сечения, наклепанный в горячем состоянии на еще неостывший сосуд. Жгут опоясывал по горизонтали туловище изделия.

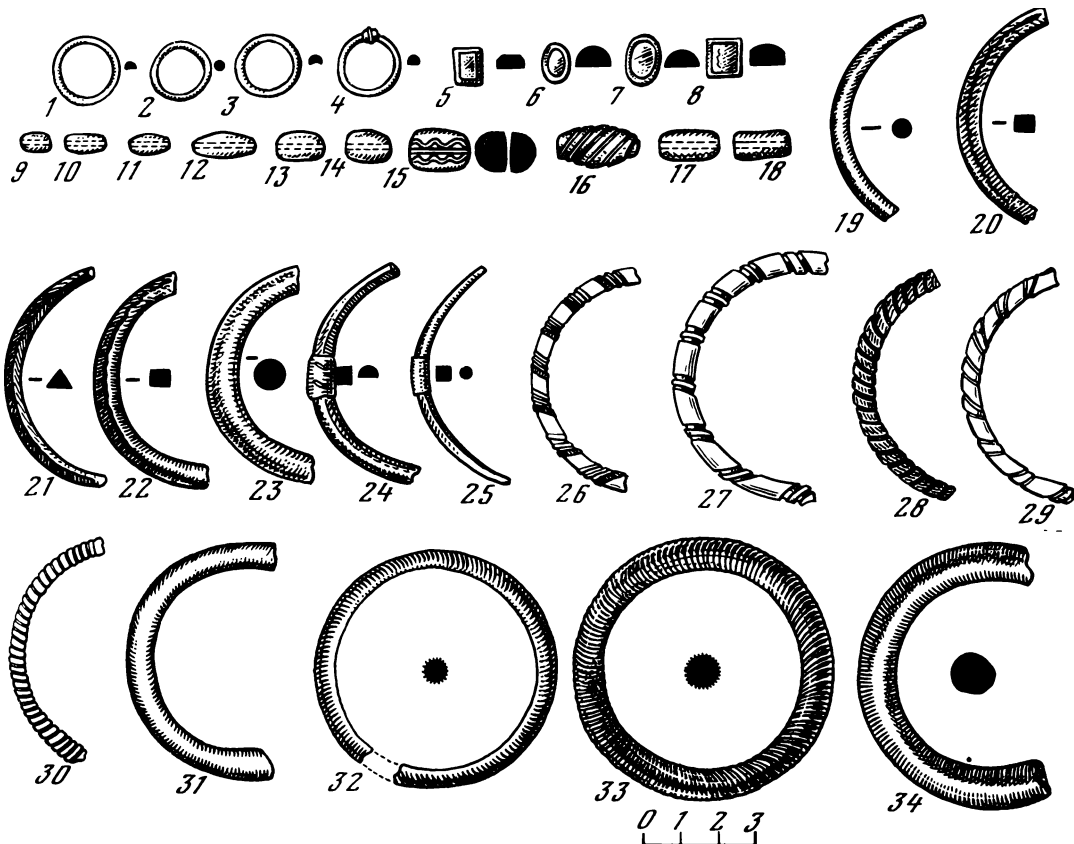

Рис. 8. Стекланные украшения Дербента VIII-X вв. (1-34)

Украшения из стекла в слоях Дербента VIII—X вв. представлены браслетами, кольцами, бусами. Следует отметить, что они за исключением небольшого количества бус и вставок-глазков к перстням, не встречаются в раннесредневековых слоях города, что свидетельствует о новом качественном шаге вперед в развитии стеклоделия на втором этапе.

Браслеты. Хронологически появление их в Дербенте, по данным стратиграфии, опирающейся на богатый керамический и нумизматический материал, относится к периоду IX—X вв. Пока не обнаружено ни одного достоверно датированного браслета VIII в., хотя это и не исключает возможности их производства уже во второй его половине.

Появление стеклянных браслетов в Закавказье ряд исследователей относит к VIII—X вв.⁶², в то время как для Северного Кавказа, Причерноморья и Руси наиболее ранней датой считается IX—X вв.⁶³, а отдельные специалисты говорят только о середине X в.⁶⁴ Ю.Л. Шапова, опираясь на тщательно разработанную С.А. Плетневой хронологическую (стратиграфическую) шкалу, считает временем появления браслетов в Тмутаракани IX в.⁶⁵

Всего в слоях VIII—X вв. Дербента обнаружено 33

Таблица 1

Слой	Время	Круглые	Прямоугольные	Плоско-выпуклые	Крученые	Всего
I	VIII — начало IX в.	2	—	—	—	2
II	IX—X вв.	14	2	8	7	31
Всего:		16	2	8	7	33

летов (общее количество браслетов в слоях VIII—XIII вв. — 77 шт.) различной сохранности. По форме сечения их можно разделить на круглые, прямоугольные, плоско-выпуклые, крученые (рис. 8, 19—34).

Распределение типов браслетов по форме в слоях Дербента VIII начала IX в. и IX—X вв. отражено на таблице 1.

Изготовление браслетов выполнялось путем вытягивания жгута в горячем виде из расплавленной стекловидной массы и скрепления концов обрезанного до нужного размера куска в кольцо определенного размера. Плоско-выпуклые браслеты изготовлялись также весьма просто: вытянутый жгут в горячем состоянии раскладывался на ровной поверхности, обычно на тщательно обработанной каменной плите, благодаря чему он принимал округло-каплевидную форму сверху и плоскую с внутренней поверхности, после чего концы его скреплялись. Более сложным было изготовление прямоугольных и крученых браслетов. Для изготовления первых пользовались специальными фигурными трубками, с помощью которых делалась необходимая заготовка, которая потом подправлялась до необходимой формы. Вторые изготовлялись путем кручения заготовки, причем обычно это были специальные рифленые заготовки. Концы жгута скреплялись между собой в горячем виде. Браслеты, найденные в слоях Дербента IX—X вв., имеют два способа скрепления концов дрота: путем накладки одного на другой и заглаживания (рис. 8, 22, 23); соединение с помощью шипцов в единое целое и придающих браслету в месте замка квадратное сечение (рис. 8, 24, 25).

Наибольшее распространение в VIII—X вв. получили браслеты более простых форм, круглого и плоско-выпуклого сечения, изготовление которых не требовало никаких дополнительных приспособлений. Они составляют около 73%, в то время как квадратные составляют всего 6%, а крученые — около 21%.

Браслеты, обнаруженные в слоях этого времени, имеют синее, голубовато-молочное, желтовато-коричневатое, черное стекло, большинство из них покрыты пленкой иризации или радужного налета, однако браслеты из черного стекла, как правило, чистые.

Орнаментация на браслетах отсутствует, но крученые изделия украшены в двух случаях витой беловато-молочной или голубоватой нитью, а в одном — полосой золотисто-желтого цвета, прочно соединившейся с основой (рис. 8, 26, 27, 29). Браслет с подобной "росписью" является, скорее всего, предметом восточного импорта и, подобно сходным браслетам из Саркела, имеет византийское происхождение⁶⁶.

Отмечая появление в Дербенте конца VIII—X вв. украшений из стекла в виде разнообразных браслетов, следует подчеркнуть, что в этот период изделия аналогичных форм и технологии изготовления, широко бытовали во

многих средневековых городах Кавказа⁶⁷, Поволжья⁶⁸, Северного Причерноморья⁶⁹, Древней Руси⁷⁰.

Кольца в отличие от браслетов представлены в небольшом количестве. Они изготовлены путем вытягивания очень тонкого дрота, концы которого в горячем виде соединены щипцами. Место соединения их украшено бугорком, который покрыт слоем светло-серого состава, расписанного красной краской или заглаженного (рис. 8, 1—4). Подобный способ соединения концов жгута (правда, без раскраски) широко применялся в средневековых стеклоделательных мастерских Закавказья⁷¹, откуда эти кольца попадали иногда в Северное Причерноморье (три закавказских стеклянных кольца известны из слоев Тмутаракани)⁷².

Бусы изготовляли путем вытягивания тонкого стеклянного жгута, который потом раскатывали и обвивали им тонкий стержень, отверстие от которого служило для продевания нити. Не исключено, что для производства бус использовали заготовки браслетов (круглых или плоско-выпуклых, возможно, отходы от их производства), разрезавшиеся на короткие куски, в которых протыкались отверстия⁷³. Использовался и метод навивки, однако бусы, изготовленные подобным путем, представлены единичными экземплярами. Основная масса бус шаровидной, эллипсоидной, цилиндрической, биконической, многогранной формы, встречаются многочастные бусы и стеклянные разделители (рис. 8, 9—18). Изготовлены они в большинстве случаев из непрозрачного стекла коричневатого-красного, черного, голубовато-молочного, зеленого цвета, но встречаются и прозрачные зеленоватые или желтоватые бусы.

Следует отметить, что в Дербенте не встречено ни одного экземпляра глазчатых и очень редки другие бусы ближневосточного происхождения. Это представляется странным, учитывая тесные контакты города с крупнейшими центрами Переднего Востока и обилие подобного ближневосточного импорта в материалах синхронных памятников Восточной Европы, в том числе Северного Кавказа и многих районов Дагестана⁷⁴. Любопытно, что подобная картина отмечена и для Тмутаракани, где подобные бусы найдены в очень небольшом количестве⁷⁵. Наряду с бусами в слоях Дербента обнаружено несколько прямоугольных и овальных стеклянных вставок-глазков для колец или перстней. Они черного и темно-зеленого цвета из непрозрачного стекла.

Изделия, подобные дербентским стеклянным бусам и вставкам, отмечены в материалах слоев VIII—X вв. городищ Кабалы⁷⁶ и Оренкалы⁷⁷. Сведения о наличии в Кабале глазчатых бус отсутствуют, а в описании бус Оренкалы хотя и упоминается об их наличии, но не сообщается количественное соотношение⁷⁸.

Исследование стеклянных изделий Дербента, относящихся к VIII—X вв., показало, что в этот период стеклоделие города сделало большой шаг вперед. Произошло явное развитие этого вида ремесла. Дербентские стеклодувы освоили изготовление прозрачного стекла, расширили ассортимент выпускаемой стеклянной посуды, значительно возросло ее количество. Ярким показателем развития стеклоделия в Дербенте и его качественного роста служит появление в слоях этого периода стеклянных браслетов, колец, бус и вставок, положивших начало производству разнообразных украшений из стекла. Одной из особенностей стеклянных изделий Дербента этого времени является простота их оформления, что способствовало удешевлению продукции, и почти полное отсутствие сре-

ди них дорогостоящего ближневосточного импорта, который составляет всего 8% от общего количества находок стекла, что служит показателем уровня местного стеклоделия, видимо целиком обеспечивавшего рынок. В этот период дербентские ремесленники освоили и успешно применяли наиболее простые и экономически выгодные технологические приемы изготовления стеклянных изделий, широко распространенные в крупнейших экономических центрах Переднего Востока, Кавказа, Средней Азии: для стеклянной посуды — технику выдувания в форму, для украшений — технику вытягивания жгута и навивки.

¹Качалов Н. Стекло. М., 1950, с. 50.

²Свейшников М. Тайны стекла. Л.; М.: 1940, с. 6.

³Дербент является пока единственным памятником Дагестана, где обнаружены остатки стеклоделательного производства и стеклоплавильная печь, заполненная застывшей стекломассой. См.: Исаков М.И. Археологические памятники Дагестана. — МАД. Махачкала, 1959, т. I, с. 206; Кудрявцев А.А. Территориальное развитие и застройка Средневекового Дербента в свете новых археологических данных. Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980, с. 10.

⁴Угрелидзе Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли. Тбилиси, 1947, с. 6, 8; Аракелян Б.Н. Гарни I. Ереван, 1951, с. 59—69; табл. 25,3; Гагюшидзе Ю. Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964, с. 72—74; Сагинашвили М.Н. Стеклянные сосуды Урбнисского могильника. Тбилиси, 1970, с. 87, 88, 93; Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л.: 1959, с. 171, 172; Нуриев А.Б. О производстве стекла в древней Шемахе. — МКА, Баку, 1965, т. VI, с. 15; Рзаев Н.И. Художественное стекло Кавказской Албании. — Изв. АН Азерб. ССР. сер. обществ. наук, 1964, N 5, с. 91—101; Он же. Искусство Кавказской Албании. Баку, 1976, с. 147—160; Османов Ф.Л. Стеклянные изделия из городища Кабалы. — МКА, Баку, 1964, т. V, с. 158.

⁵Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. — V в. н.э.) — САИ, М., 1970, вып. Д1—27, с. 101, рис. 73,4; 74, 7, 10.

⁶Сагинашвили М.Н. Стеклянные сосуды ..., табл. II.

⁷Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды из могильника Харакса. — В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 184, 185, рис. 1, 4; 2, 10.

⁸Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды..., с. 185 рис. 2, 11, 12.

⁹Там же, с. 184, рис. 1, 5; с. 185, рис. 2, 14.

¹⁰Нуриев А.Б. О некоторых античных сосудах, найденных на территории Кавказской Ал-

бании. — МКАз. Баку, 1976, т. VIII, с. 143, табл. II, 9; с. 147, табл. III, 2.

¹¹Кропоткин В.В. Римские импортные изделия ..., с. 107, рис. 78, 18, 19.

¹²Там же, с. 109, рис. 79, 9.

¹³Сорокина Н.П. Стеклянные сосуды ..., с. 185, рис. 2, 10.

¹⁴Там же, с. 185, рис. 2, 11, 12, 15, 18.

¹⁵Там же, с. 185, рис. 2, 16.

¹⁶Угрелидзе Н.Н. Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961; Нуриев А.Б. О производстве стекла ..., с. 116, 121; Он же. О некоторых ..., с. 140—143.

¹⁷Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 141, рис. 3; с. 114, рис. 4; с. 154, 155.

¹⁸Сорокина Н.П. Позднеантичное ..., с. 141, рис. 3.

¹⁹Там же, с. 161.

²⁰Угрелидзе Н.Н. К истории производства стекла ..., с. 8; Сагинашвили М.Н. Стеклянные сосуды ..., с. 92.

²¹Там же, с. 143.

²²Там же, с. 136.

²³Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958, с. 725.

²⁴Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа. — МАК, 1900, т. VIII, табл. СХХVIII; Сагинашвили М.Н. Стеклянные сосуды ..., табл. 178; Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159.

²⁵Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло ..., с. 143.

²⁶Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 68, рис. 38.

²⁷Kraeling C.H. Gerasa city of Decapolis. New Haven, 1938, p. 532, fig. 28; Harden D.B. Roman Glass from Karanis. Ann Arbor, 1936, p. 191, tab. XVIII.

²⁸Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 68, рис. 38.

²⁹Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159, табл. I.

³⁰Сорокина Н.П. Позднеантичное и раннесредневековое стекло ..., с. 144, 145, 156, рис. 4, 25; 5, 18.

³¹Там же, с. 156.

³²Качалов Н. Стекло, с. 49.

³³Там же, с. 48.

³⁴Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город ..., с. 69.

³⁵Угрелидзе Н.Н. Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961.

³⁶Latt C. Mittelalterliche Glasser und steinschnittarbeiten aus dem Nahen Osten. Berlin, 1929—1930.

³⁷Давидович Е.А. Стекло из Нисы. — Тр. ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949, т. 1, 381, табл. III.

³⁸Шишкин В.А. Варахша. М., 1963, с. 79, рис. 33, 12, 14.

³⁹Фоменко В.П. Стекло в изделиях городища Орен-кала VIII—X вв. — Изв. АН Азерб. ССР. Баку, 1963, N 7; Она же. О технике изготовления стеклянных изделий из Байлакана (Орен-калы). — МКАз. Баку, 1976, VIII, с. 219—222.

⁴⁰Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 158, 159.

⁴¹Фронджуло М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. — В кн.: Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968, с. 150, 151, рис. 16.

⁴²Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159, табл. I, 12, 16, 18; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 221, 222, табл. I, 4.

⁴³Давидович Е.А. Стекло из Нисы, с. 379, 382, 386—388, табл. II, 12; рис. 4; Шишкин В.А. Варахша, с. 79, рис. 33, 10.

⁴⁴Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159, табл. I; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 222, табл. I; Она же. Стеклянные изделия городища Орен-кала...

⁴⁵Вяткин В.Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1927, с. 64, табл. IX; Шишкин В.А. Варахша, с. 79, рис. 33, 10.

⁴⁶Фоменко В.П. О технике изготовления стеклянных изделий..., с. 219, 220, 222, табл. I, 1, 3.

⁴⁷Latt C.J. Das Glass von Samarra. В., 1928, S. 10.

⁴⁸Давидович Е.А. Стекло из Нисы, с. 374—377, табл. I; Шишкин В.А. Варахша, с. 79, рис. 33, 13, 15—17.

⁴⁹Фронджуло М.А. О раннесредневековом ремесленном производстве..., с. 151, рис. 16.

⁵⁰Latt C.J. Das Glass von Samarra, S. 10; Давидович Е.А. Стекло из Нисы, с. 377, 378.

⁵¹Османов Ф.Л. Стеклянные изделия..., с. 159, табл. I; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 221.

⁵²Давидович Е.А. Стекло из Нисы, с. 386, 387; Шишкин В.А. Варахша, с. 79, рис. 33, 5—7;

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город..., с. 67, рис. 37.

⁵³Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 222, табл. I, 5.

⁵⁴Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159, табл. I, 1—3.

⁵⁵Давидович Е.А. Стекло из Нисы, с. 379—380, табл. II, 9.

⁵⁶Вяткин А.Л. Афрасиаб ..., с. 64, табл. IX.

⁵⁷Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159, табл. I, 4, 6, 7; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 222, табл. I; Угрелидзе Н.Н. К истории производства стекла в средневековой Каргли, с. 93; Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки ремесленного квартала ..., с. 31, рис. 4, 2.

⁵⁸Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город ..., с. 67, рис. 37; Вяткин В.Л. Афрасиаб ..., с. 64, табл. IX; Давидович Е.А. Стекло из Нисы, с. 379, табл. II.

⁵⁹Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159, табл. I, 4, 9, 17; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 221; Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки ремесленного квартала ..., с. 31, рис. 4.

⁶⁰Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 159, табл. I, 9, 10; Нуриев А.Б. О производстве стекла ..., с. 116; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 222, табл. I; с. 31, рис. 4, I.

⁶¹Вяткин В.Л. Афрасиаб ..., с. 62, рис. 75; Шишкин В.А. Варахша, с. 79, рис. 33, 3, 4, 8, 9.

⁶²Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 157, 158; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 223—224.

⁶³Тиханова М.А. Мангуп. — МИА, 1953, N 34, с. 374, 375.

⁶⁴Кропоткин В.В. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. — КСИМК, 1957, 68, с. 36; Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник. — В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 126.

⁶⁵Шапова Ю.Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 103.

⁶⁶Львова З.А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1960, N 75, с. 314, 319.

⁶⁷Османов Ф.Л. Стеклянные изделия ..., с. 157, 158, 160, табл. II, 1—7; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 223—225, табл. II, 1—4; Исмизаде О.Ш. О раскопках в Кабале ..., с. 105, 126, 127, табл. XIV, 5, 6; табл. XV, 12.

⁶⁸Львова З.А. Стеклянные браслеты..., с. 308—311.

⁶⁹Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. — МИА, 1959, N 63;

Кропоткин В.В. О производстве стекла ..., с. 36 и сл.; Шапова Ю.Л. Стекланные изделия ..., с. 104—112, рис. 2.

⁷⁰Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948; Кропоткин В.В., Соловьева Г.Ф. К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси. — КСИИМК, 1953, XLIX, с. 21 и сл.

⁷¹Угрелидзе Н.Н. Стеклоделательное производство феодальной Грузии; Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 224, 225, табл. II, 5; Османов Ф.Л. Стекланные изделия ..., с. 119, рис. 5.

⁷²Шапова Ю.Л. Стекланные изделия..., с. 119, рис. 5.

⁷³Ковалевская В.Б. Производство и импорт средневековых бус Дагестана. МАД, Махач-Кала, 1973, т. III, с. 78.

⁷⁴Ковалевская В.Б. Производство и импорт ..., с. 70, 71.

⁷⁵Шапова Ю.Л. Стекланные изделия ..., с. 121.

⁷⁶Османов Ф.Л. Стекланные изделия ..., с. 158, 160, табл. II.

⁷⁷Фоменко В.П. О технике изготовления ..., с. 224, 225, табл. II.

⁷⁸Там же, с. 224—226, табл. II.

В.А. Кузнецов

НИЖНЕ-АРХЫЗСКОЕ ГОРОДИЩЕ X—XII вв. — РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД АЛАНИИ (ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Генезис и развитие городов на территории Северного Кавказа — актуальная проблема археологии северокавказского региона. Несмотря на позитивные результаты, достигнутые в последние десятилетия, изучение древних и средневековых городов здесь все еще оставляет желать лучшего¹. Слабо изучены сами города и крупные поселения, которые могли быть зарождающимися городами — центрами местной экономической, культурной и политической жизни. Предлагаемая статья посвящена одному из таких археологических памятников — Нижне-Архызскому городищу X—XII вв. в ущелье р. Большой Зеленчук Карачаево-Черкесии; она содержит попытку дать общее представление о городище и изложить некоторые результаты исследований 1960—1980 гг.²

Городище занимает узкую горную долину длиной свыше 3,5 км, геологически связанную с северо-юрской структурно-эрозийной депрессией³ и вытянутую с юго-запада на северо-восток по правому берегу реки (рис. 1). Долина ограничена лесистыми хребтами Ужум и Мыщешта (рис. 2).

Нижне-Архызское городище — сложный археологический комплекс, состоящий из города, поселка Аланской епархии, трех монументальных трехапсидных храмов и 11 небольших одноапсидных церквей и часовен, двух земледельческих участков (видимо, распахивавшихся), оборонительных стен, христианских и языческих могильников, остатков древних дорог (рис. 1). В эту инфраструктуру следует также включить следы добычи железной руды на хребте Ужум, открытые в 1940 г. экспедицией К.М. Петрелевича (базируются на Марухо-Зеленчукском месторождении магнетита)⁴, и альпийские пастбища на близлежащих хребтах, которые были базой яйлажного скотоводства. Масштабы комплекса весьма значительны, структура его сложна и ее полное раскрытие требует широких и длительных полевых исследований. Сделанное нами лишь

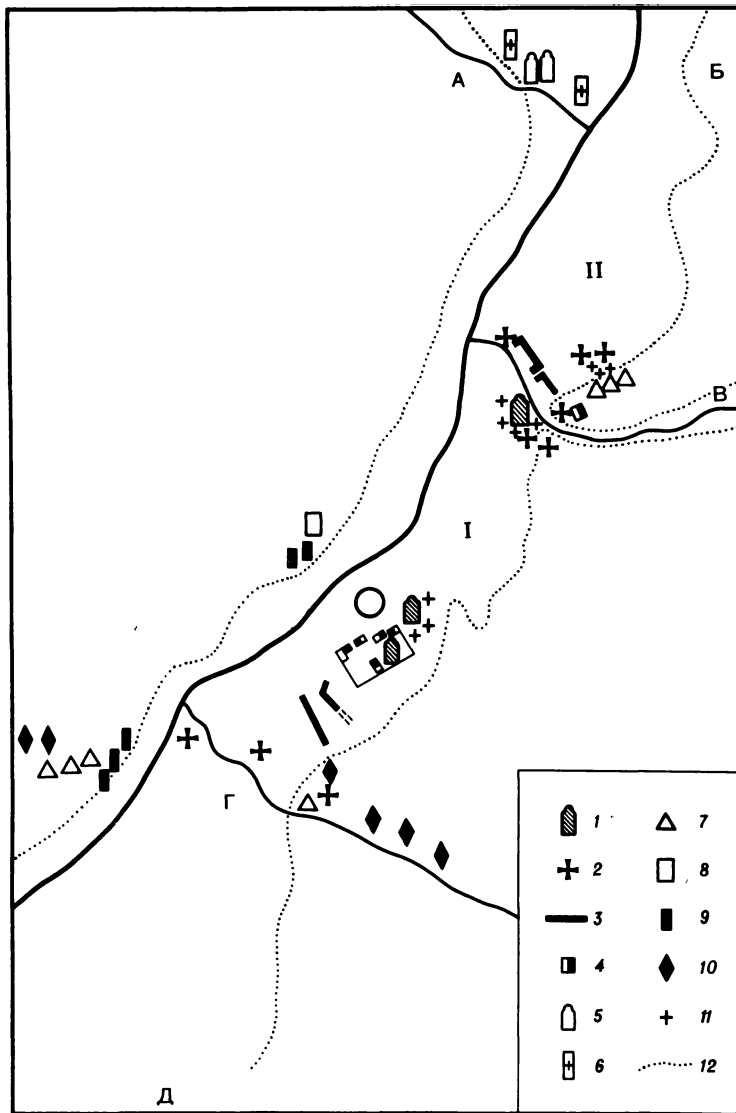

Рис. 1. Нижне-Архызское городище

А — географическое местоположение Нижнего Архыза; *Б* — схематический план размещения археологических объектов в долине Большого Зеленчука; I—II — земельные участки; 1 — трехалсидные храмы; 2 — церкви и часовни; 3 — оборонительные стены; 4 — святилище с крестами; 5 — изваяние воинов; 6 — плиты и столбы с крестами; 7 — полуподземные склепы; 8 — подземные склепы; 9 — каменные ящики; 10 — пещерные погребения; 11 — христианские кладбища; 12 — кромка горного леса

Рис. 2. Вид на городище с северо-востока на юго-запад

первые шаги на пути исследования Нижне-Архызского археологического комплекса.

Основной компонент комплекса территория собственно города. Протяженность ее около 1,2 км, площадь примерно 25 га. Это территория сплошной древней застройки. В микрорельефе прослеживаются три узкие (2,50—3 м) и кривые улицы, пересекающие город вдоль (рис. 3, А). Близ Нижне-Архызской детской турбазы, занимающей здания бывшего Зеленчукского мужского монастыря⁵, улицы теряются. С помощью инструментальной топосъемки и аэрофотосъемки удалось достоверно реконструировать дальнейшее направление улиц 1 и 2. Улица 1 исчезает у построек турбазы, но прослеживается близ среднего храма (рис. 3, А). Общее ее направление на северо-восток, к поселку епархии и выход на равнину вполне определены. Улица 2, пересекающая город по диагонали и, очевидно, игравшая роль главной улицы, в 60 м от турбазы круто спускается к реке, что четко выражено в рельефе (широкая колея, разрезающая склон верхней речной террасы). Дальнейшее ее направление угадывается на аэрофотосъемке: улица 2 по надпойменной террасе выходит к огромному круглоплановому сооружению. Улица 3, следуя конфигурации верхней террасы, в большей части перекрыта современной шоссейной дорогой. В 220 м от турбазы она окончательно сливается с ней. Кроме улиц, визуальнo зафиксировано 14 небольших площадей, в некоторых случаях представляющих перекрестки двух улиц (рис. 3, А). На восьми из них отмечены развалы пока неизученных построек.

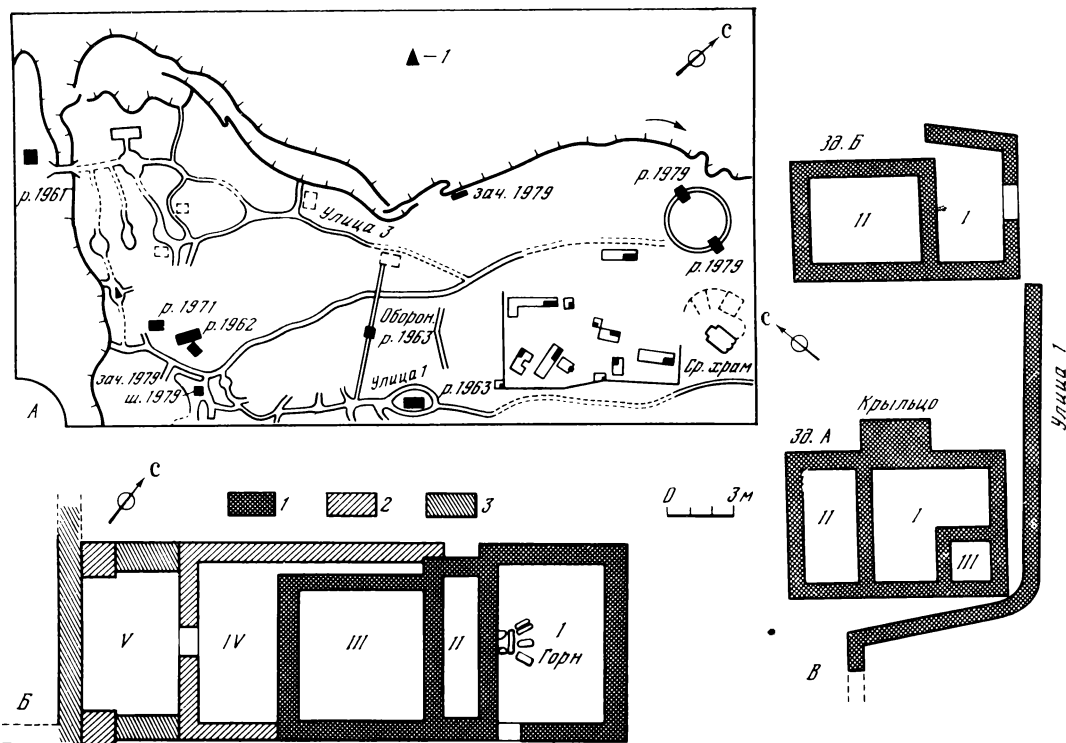

Рис. 3. Нижне-Архызское городище

А — план территории города с расположением улиц, площадей, стен, раскопок и зачинок культурного слоя: 1 — чашечные камни; Б — здание А городской усадьбы на улице 2, раскопки 1962 г.: 1 — I строительный период; 2 — II строительный период; 3 — III строительный период; В — здания А и Б городской усадьбы на улице 1, раскопки 1963 г.

Все пространство между улицами и площадями было плотно застроено, во многих местах на поверхность выходят стены сухой кладки. Количество зданий без раскопок не определимо; основываясь на сведениях Д.М. Струкова, посетившего городище в 1886 г., В.Ф. Миллер писал о 400 домах⁶, но эти сведения недостоверны. Наши исследования показывают, что основной структурной единицей городской застройки была усадьба и город представляет собой их систему.

В 1962 г. была вскрыта часть крупной усадьбы, выходящей на улицу. Благодаря раскопкам и расчистке некоторых участков стен удалось частично проследить ее планировку (рис. 4, А). Усадьбу окружала глухая и некогда высокая каменная⁷ ограда толщиной 0,70—0,80 м, сложенная насухо. Прочно изолируя усадьбу наподобие крепостной стены, ограда вновь подтверждает, что "цель средневекового дома — отгородиться от окружающего мира"⁸. Выявленный въезд ведет на улицу.

В средней части усадьбы находились два крупных здания — производственно-жилой комплекс помещений (здание А, рис. 3, б) и одноапсидная церковь (здание Б).

После удаления завала и расчистки до уровня древнего горизонта (1,50—1,70 м) выявился план здания, состоявшего из пяти помещений (рис. 3, Б)

Стены помещений I—III были перевязаны и строились одновременно (I строительный период). Помещение IV было пристроено несколько позже, о чем свидетельствуют строительные швы. Тогда же функционировано и помещение V, представлявшее обращенную к юго-западу открытую веранду или айван — хорошо сохранились выложенные заподлицо со стенами помещения IV две четырехугольные в плане каменные базы для деревянных опор, поддерживавших свес крыши. Это II строительный период. Наконец, наиболее поздними строительными остатками являются заклады проемов в айване, выложенные из грубо обработанного или рваного камня и более примитивной техникой. О том же свидетельствует и стратиграфия — заклады находятся выше основания стен помещения IV, на уровне его входного проема. Это III строительный период, наиболее поздний. Таким образом, здание разрасталось в юго-западном направлении, образуя ряд фронтально расположенных помещений.

Толщина стен в среднем 0,80 м, в помещении I они сохранились в высоту на 2,25 м. Размеры помещения 1,570 × 3,70 м, входной проем шириной 0,90 м находился в юго-восточной стене, следов оконных проемов не было. У юго-западной стены на земляном полу (глубина 1,40 м) обнаружены остатки железоплавильного горна, сложенного из каменных плит. Плиты составляли три камеры (рис. 5). Назначение камеры А неясно. Камеры Б и В были топочными, сюда же стекал расплавленный металл, но верхняя ковшниковая часть горна не сохранилась. В камерах Б и В прослежена следующая стратиграфия производственных отложений: верхний шлаковый слой (в камерах и перед горном собрано 205 кусков шлака, связанных с сыродутным процессом⁹), далее следует футеровка из вязкой коричневой, очевидно, огнеупорной глины¹⁰ толщиной 6 см, слой шихты толщиной 12 см, снова футеровка толщиной 3 см и слой серого известкового раствора (постель) толщиной 1—1,2 см (рис. 5). На топочное назначение камер Б и В указывает и сквозное отверстие в одном из камней; это остатки фурменного устройства, хотя сопла не найдены. Перед нами подовая часть сыродутного горна, пока единственного на средневековом Северном Кавказе. Она свидетельствует о том, что в X—XII вв. здесь, как и на Руси, уже совершился переход от печей ямного типа к более совершенным наземным домницам¹¹. Судя по наличию горна и производственных отходов, помещение I было железоплавильной мастерской. Интересной ее особенностью являются 12 узких сквозных отверстий, расположенных в трех стенах на уровне камер горна и явно представлявших вентиляционную систему для вытяжки загрязненного воздуха.

Помещение II оказалось длинным и узким (5,10 × 1,90 м), вряд ли оно было жилым. Вдоль юго-восточной стены расчищена кладка, на которой находилось плохо сохранившееся погребение без инвентаря, по-видимому совершенное после запустения городища. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад-запад.

Помещение III было жилым, размеры его 4,85 × 4,20 м, стены сложены из известкового растворе и имели остатки штукатурки. При разборке завала сделаны наблюдения, позволяющие реконструировать устройство рухнувшего перекрытия. На глубине 1 м по всей площади помещения прослежен слой обожженной глины толщиной 0,30—0,35 м, во многих местах встречались обломки плоских четырехугольных глиняных блоков размером 0,30 × 0,28 м и толщиной 8—9 см. Они имели на одном конце упор для предотвращения сползания, следовательно, ими была покрыта скатная крыша. Упомянутый слой красной глины представлял

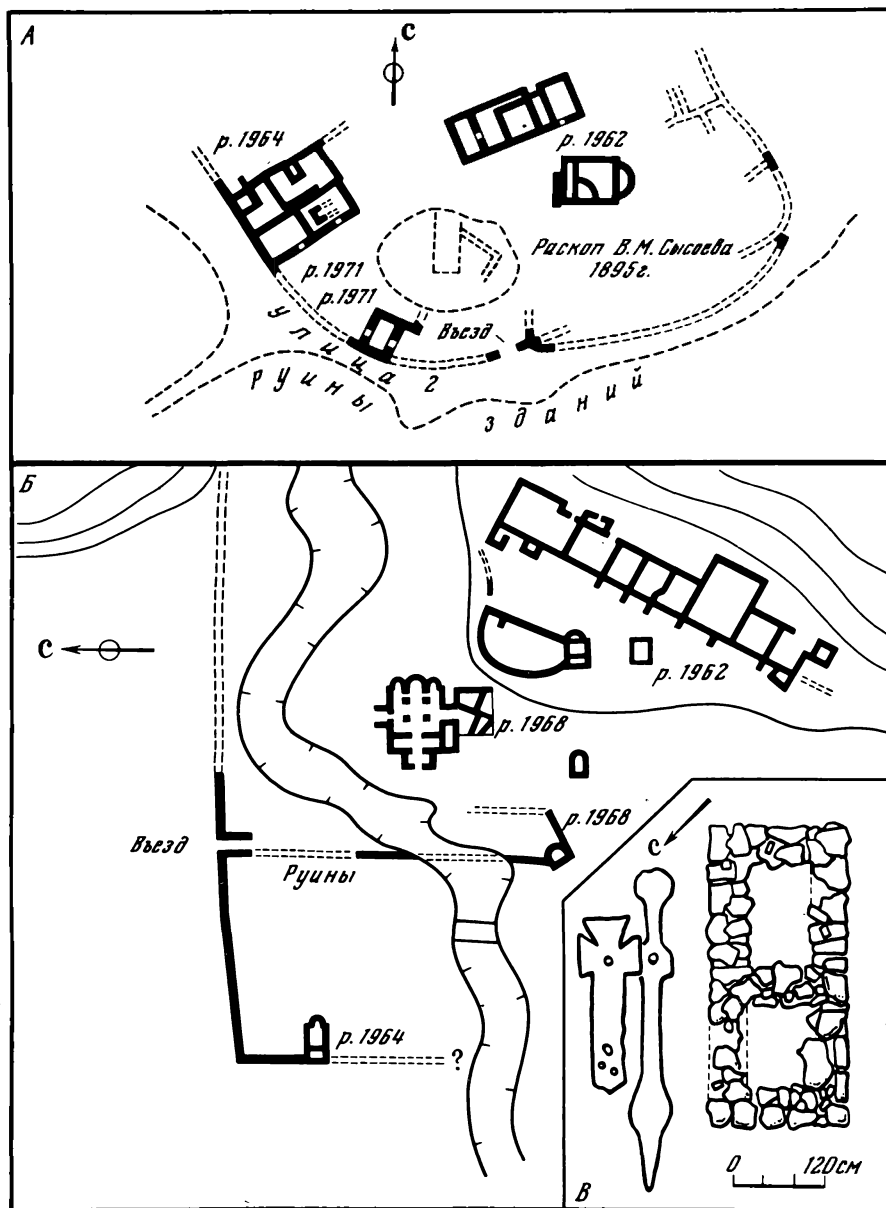

Рис. 4. Фрагменты Нижне-Архызского городища

А — усадьба 1 (пунктиром показаны участки стен, не раскопанные и прослеженные при помощи зачистки); Б — северный Зеленчукский храм (в центре) и поселок Аланской епархии, В — план святилища на горе Церковной и железные клепаные кресты из него

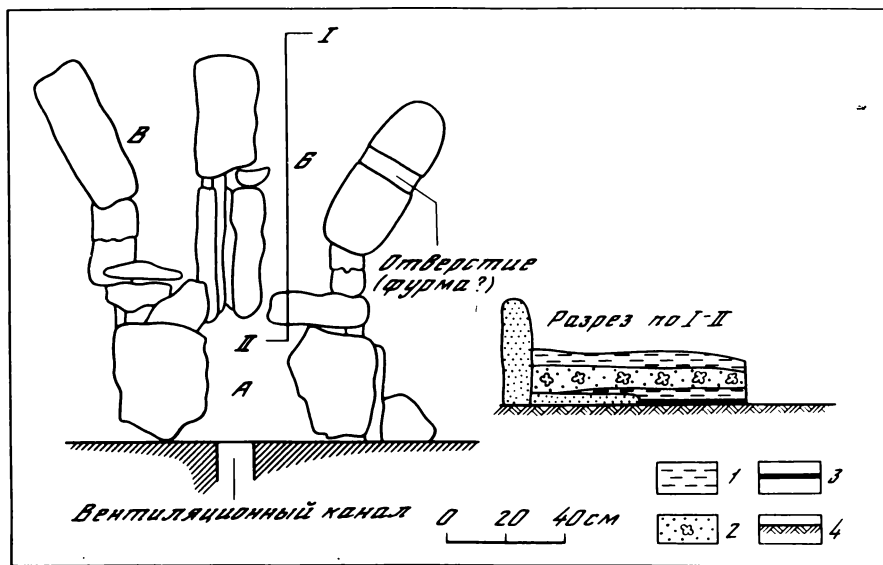

Рис. 5. План железоплавильного горна и разрез производственных отложений в камере Б

1 — глина огнеупорная; 2 — угольно-шлаковый слой; 3 — известковый слой; 4 — материк

остатки рассыпавшихся блоков. При разборке его встречались кусочки цветной (белой, голубой, светло-серой, светло-желтой) побелки, некоторые на плоских кусках глины, с тыльной стороны имевшей отпечатки прутьев. Это обмазка плетеного потолка. Конструкция перекрытия представляется так: на ряд поперечных балок-прогонов, опирающихся на стены, был положен плетень, обмазанный глиной и многократно белившийся. Не исключено, что поверх плетня были уложены жерди, а затем слой упомянутых глиняных блоков (видимо, изготовленных в подражание черепицам, обломки которых на городище встречаются). Аналогичная конструкция перекрытия прослежена Т.М. Минаевой в 1961 г. на городище Гиляч¹². После удаления слоя глины открылся слой древесного угля толщиной 4,5 см. В отдельных местах прослежены остатки сгоревших досок шириной 10—12 см. Это был дощатый пол помещения, сгоревший вместе с ним. Пол подстилал слой речного песка.

В завале перекрытия и под ним обнаружены кованые железные гвозди двух типов (короткие и длинные), скобы, костыли, стержни, связанные с перекрытием. Найдены также железный пробой от дверей, плоский наконечник стрелы, нож, около 30 обломков листовой меди, обрывок витой железной цепи типа обычной для горного Кавказа надочажной цепи для котла¹³, обломок стенки точеного каменного сосуда с блестящей поверхностью¹⁴, обломки гончарной керамики и кости животных¹⁵. Несмотря на небольшую площадь (около 20 кв. м), помещение III, вероятно, являлось жилищем одного из представителей местной социальной верхушки. На это указывают необычная кладка стен на растворе, штукатурка, цветная побелка, детали убранства интерьера (цепь с медным котлом, сосуд из полудрагоценного камня).

Помещение IV имело размеры 5,60×2,55 м и, очевидно, было кухней. В юго-западной стене имелся входной проем шириной 1 м, в поздний строительный период заложенный. Найдено свыше 400 костей животных, 82 фрагмента гончарной керамики, 30 обломков полукруглой черепицы — калиптеры, четыре обломка цветных стеклянных браслетов и несколько кусочков прозрачного стекла.

По композиции и фронтальному расположению помещений, по отдельным деталям и организации интерьера с котлом на цепи в помещении III здание А близко напоминает традиционную кавказскую саклю, хорошо известную этнографии. Характерно сочетание в одном комплексе помещений производственных и жилых, их нерасчлененность.

Несколько восточнее здания А исследовано здание Б, оказавшееся небольшой (11,70×4,40 м) одноапсидной церковью, сложенной той же техникой сухой кладки. Основные сведения о ней опубликованы¹⁶, поэтому на данном здании остановимся кратко. Наиболее интересные его особенности — отсутствие входных и оконных проемов в стенах, сохранившихся в высоту до 2,40 м, и наличие каменного крыльца у западной стены, над которым находился вход в храм. Есть основания считать, что здание имело глухой нижний этаж — подклет. Объемы здания представляются нам устремленными вверх; его вертикализм особенно ощутим при сравнительно небольших габаритах сооружения. Отметим также стену, отделяющую алтарь от наоса (не единичную в верховьях Кубани), дугообразную в плане и грубо сложенную стену в интерьере наоса (она должна была находиться в подклете, освещавшемся светильником, стоявшим в нише стены) и высеченное из песчаника монолитное полукружие длиной 0,65 м, найденное у северной стены и явно служившее архивольтом окна. Видимо, церковь имела три окна: в восточной, северной и южной стенах. Окно восточной стены украшали цветные поливные изразцы из плиток песчаника.

Здание церкви стоит на культурном слое. Мощность его в наосе 0,40 м, предматериковый горизонт с включением щебня и камней, материк — суглинок аллювиального происхождения. Вскрытие культурного слоя по площади наоса дало следующий материал: обломков керамики 718, костей животных 1679, железный и керамический шлаки, плоский наконечник стрелы, пять обломков стеклянных браслетов, обломок коричневого стеклянного перстня, 14 фрагментов стекла (из них три, возможно, принадлежали оконному стеклу). Культурный слой един как морфологически, так и по характеру керамики и представлял сыпучий темно-коричневый гумус, почвоведами определяемый как сильно гумусированная горно-луговая долинная антропогенная почва, не имеющая аналогов среди естественных почв Карачаево-Черкесии¹⁷. Дата его определяется фрагментами стеклянных браслетов — это XI—XII вв., судя по браслетам Тамани, где они имеют максимум распространения именно в это время¹⁸. Поскольку здание церкви впущено в культурный слой, время его сооружения может быть отнесено к XII в.

Здания А и Б, расположенные рядом и на одном горизонте, функционировали одновременно и принадлежали одной социальной ячейке. Если помещение III может быть интерпретировано как жилище представителя феодального класса, то церковь можно рассматривать как домовую, обслуживавшую только обитателей данной усадьбы.

В 1964 и 1971 гг. в пределах этой усадьбы было исследовано здание В (рис. 4, А), состоящее из трех помещений. Техника кладки стен обычна: внешний и внутренний панцири из подтесаного с лицевой стороны камня и щебеночная

забутовка между ними. Раствора нет. Помещение I (размеры 9,40×5,20 м) имело следы перестроек; судя по швам и стыкам стен более ранней является юго-западная часть помещения с клетью размером 1,50×1 м в углу. К северо-западной стене пристроена еще одна каменная клеть 1,60×0,70 м, в северо-восточной стене — входной проем шириной 0,85 м. На уровне пола (глубина 0,70 м) найдены остатки стен более древнего сооружения и плитовая вымостка пола. Помещение I вряд ли было жилым, ибо в нем не было следов очага, утвари, остатков побелки и т.д. Не было и рухнувшего перекрытия. Скорее всего, это было хозяйственное помещение с легким деревянным перекрытием — навесом, не оставившим следов, а клетки выполняли роль ларей для хранения продуктов. Большие деревянные лари известны в этнографическом материале горного Кавказа¹⁹.

Помещение II имело размеры 6,60×6×4,45 м и два входа, один из них шириной 1,25 м вел во двор. Пол помещения земляной. В юго-восточном углу помещения произведен стратиграфический разрез пола, выявивший следующие напластования: стена высотой 0,65 м, слой черно-коричневого антропогенного гумуса 0,30 м, слой мелких камней и обломков 0,45 м, второй слой черно-коричневого антропогенного гумуса с включением щебня 0,25 м, желтый суглинистый материк с речной галькой. Мощность культурного слоя здесь достигает 1 м.

Помещение III имело размеры 6,40×5,20 м и один входной проем шириной 1,20 м. Открыто наслоение разновременных стен, перекрывавших друг друга; выделяются четыре строительных периода. Некоторые различия были заметны и в технике кладки: стены ранних III и IV периодов сложены более примитивно, без панцирей и забутовки. На отметке около 1 м открыт плитовый пол, перекрытый упавшей плетеной крышей, засыпанной землей и обмазанной глиной. Найдены остатки белой и серой побелки. На полу оказались разбитый кувшин с носиком-сливом и ручкой, обломок стеклянного браслета треугольного сечения, три каменных пряслица, разбитый серо-черный пифос с горизонтально отогнутым плоским венчиком и наклепными валиками на тулове, отдельные фрагменты керамики и три обломка стеклянной посуды. Вдоль северо-восточной стены был сделан стратиграфический разрез пола шириной 1,80 м, установивший мощность культурного слоя 1,20 м. Слой датируется фрагментами желобчатых амфор X в.²⁰ и цветных стеклянных браслетов XI в.

При вскрытии здания В найдено 265 обломков керамики и 242 кости животных. Из индивидуальных находок отметим фрагменты стеклянных браслетов и сосудов, листового (оконного?) стекла, черепицы — калиптеры, круглый маленький жернов, бронзовую пластинку от амулета — складня пятиугольной формы²¹. Можно полагать, что помещения II и III были жилыми, хотя признаков очагов в них не обнаружено.

В 1963 г. была исследована часть еще одной усадьбы, выходящей на улицу I (рис. 3, А). Вскрыты руины двух небольших (10,10×6,70 и 10,50×5,30 и 6,50 м) зданий. Здание А от улицы было отделено каменной оградой толщиной 0,60 м и до 1 м высотой (рис. 3, В; 6). Здание Б фасадом выходило на улицу и имело вход шириной 1,82 м, второй проем типа узкой калитки вел во двор. Трехкамерное здание А с северо-восточной стороны имело каменное крыльцо, напоминающее крыльцо описанной выше церкви. Судя по этим фактам полтораэтажность на городище была распространенным явлением, что могло быть связано с высокой влажностью местного климата²².

Рис. 6. Раскопки здания А на улице 1, 1963 г. Слева — вскрытый участок ограды, крестиком обозначены остатки стены предшествующего сооружения; К — остатки крыльца

При исследовании помещения II здания Б вновь удалось проследить остатки упавшего перекрытия. Это был плетень, лежавший на поперечных прогонах и обмазанный глиной, по которой наносилась побелка. Плетень был засыпан гумусом, взятым из культурного слоя, а затем глиной, поверх которой были положены песчаниковые плиты. Крыша должна была иметь легкий скат в одну сторону.

При раскопках второй усадьбы найдено в здании А 281 фрагмент керамики, 1507 костей животных, 8 железных шлаков, три круглых каменных "колесика" диаметром 5—7 см; в здании Б — 344 фрагмента керамики, 538 костей животных, 20 железных шлаков, 17 каменных "колесиков"²³. Кроме того, при вскрытии прилегающего участка улицы 1 на площади 16 кв. м найдено 55 обломков керамики, 726 костей животных, что указывает на выбрасывание бытовых отходов на улицу, лишенную каких-либо признаков благоустройства.

Датировка усадьбы определяется XI—XII вв. на основании фрагментов стеклянных браслетов и бронзовой булавки, имеющей точные аналогии в Змейском катакомбном могильнике XI—XII вв.²⁴.

Изученные нами фрагментарно усадьбы Нижнего Архыза дают некоторое представление как о характере домостроительства, так и об особенностях социальной структуры. Небольшие по площади жилища свидетельствуют об их принадлежности моногамной семье, а концентрация нескольких жилищ в рамках одной усадьбы указывает на родственность этих семей, сохраняющих прочные связи. Система замкнутых усадеб с несколькими отдельными жилищами может быть признаком существования на городище своеобразных "патронимий" — неразделенных больших семей²⁵. Известно, что генезис "патронимий" связан с сегментацией большой семьи²⁵. "Вновь образовавшиеся патронимии, по общему правилу, стремились, сохраняя свое единство, жить компактно, а вместе с тем и не отделялись от старых патронимий, помогая одна другой", — писал М.О. Косвен²⁶. Кажется, у нас есть основания эту характеристику приложить к усадьбам Нижнего Архыза. Существование в аланском обществе подобной социальной организации устанавливается и по другим археологическим данным²⁷.

Можно заметить, что коллективы, жившие на участке городища, прилежавшем к балке Подорванной, очевидно, заметно выделялись из массы своих сородичей²⁸. На это указывают отмеченный выше феодальный характер первой усадьбы и городская оборонительная стена, тянувшаяся поперек долины на расстояние почти 200 м (толщина стены 0,75—0,82 м). В 1963 г. она была вскрыта на небольшом участке (рис. 3,А). В 1979 г. в 100 м к северо-востоку обнаружены остатки еще одной оборонительной стены, имевшей то же направление. Опасность ожидалась с севера (с равнины), а стены защищали именно ту часть городища, которая находилась между ними и балкой.

Выше говорилось, что улица 2 ("центральная") упирается в большое кругло-плановое сооружение. Оно расположено на берегу реки против построек турбазы (рис. 3,А) и представляет невысокий (0,50—0,60 м) вал, в плане правильной круглой формы. "Круг" хорошо просматривается со скал на противоположном берегу реки и на аэрофотосъемке. В 1979 г. вал был разрезан нами в двух противоположных инструментально фиксируемых точках и оказался разрушенной каменной стеной толщиной 2,10 м, сложенной насухо на цоколе, с применением забутовки между панцирями. Сохранились лишь нижние ярусы кладки. Значительная толщина стены и выступающий цоколь свидетельствуют о том, что первоначально стена была довольно высокой. Длина вала, вычисленная по формуле $2\pi r$, равна 281 м, диаметр равен 88,50 м, что составляет ровно 300 римских футов ($88500:296=300$)²⁹ и может указывать на применение римско-византийской меры длины. При условной высоте стены 4 м (кратное к толщине) объем ее составлял 2250 куб. м камня. Как видим, сооружение было весьма значительным. Его функциональное назначение пока остается неясным, а высказанные ранее предположения о том, что это был огромный загон для скота³⁰ или грандиозное святилище языческого культа огня и солнца³¹, имеют характер рабочих гипотез.

Несколько восточнее загадочного "круга" расположен комплекс построек, окружающих средний Зеленчукский храм X в., уже опубликованный нами³². В настоящее время это слабовыраженные руины в виде двух полуколец (севернее и южнее здания храма), а также вероятные остатки ограды. Эти руины и средний храм находятся на северо-восточной окраине собственно города (далее к северо-востоку на расстоянии 200 м прослеживается христианский могильник, состоящий из каменных ящиков). От балки Хасан до руин поселка епархии и северного храма тянется ровный и освобожденный от камней участок протяженностью до 800 м (рис. 2,В). Серия разведочных траншей, проложенных нами здесь в 1962 г., не выявила никаких признаков застройки и культурного слоя. Полагаем, что этот участок распахивался и входил в систему сельскохозяйственных угодий городища.

На берегах балки Церковной вновь прослеживаются руины зданий, окружавших монументальный северный Зеленчукский храм X в.³³ Последний был кафедралом Аланской епархии в X—XIV вв.³⁴, что дает основание в указанных руинах видеть поселок епархии, вынесенный далеко за пределы города. Поселок был небольшим и состоял из нескольких построек. Особо выделяется огромное здание на плоской вершине конуса выноса балки Церковной (В): длина его свыше 100 м, визуально хорошо прослеживаются 13 помещений с контрфорсами на северо-западном фасаде (рис. 4,Б). Большая часть помещений имеет очень значительные размеры (13,50×12 м; 13,50×9 м; 13,50×12 м и т.д., особо отметим помещение IV с размерами 21×15,50 м). Перекрыть такие помещения можно было только с помощью внутренних опор, но здание раскопкам не подвергалось и его назначение не выяснено. На возможное

производственное назначение некоторых помещений указывает большое количество находимых здесь железных сыродутных шлаков. Обращает на себя внимание фронтальное расположение камер, напоминающее фаланстер. Подобную планировку мы уже отмечали для здания А первой городской усадьбы.

В 1962 г. северо-западнее описанного здания был заложен раскоп³⁵ площадью 80 кв.м. В нем (глубина 0,80 м) обнаружены две параллельные стены, сложенные насухо, толщиной 0,65—0,70 м, вымостка из плоских плит, развал таких же плит с кусочками обожженной глины и угольками (некоторые плиты со следами действия огня и прикипевшим железом), обломки красноглиняной гончарной керамики XII—XIII вв. и 218 железных шлаков. Наибольшее число последних встречено в двух верхних пластах (до 0,40—0,45 м). Судя по сказанному, раскоп раскрыл остатки начисто разрушенного железоплавильного горна надземного типа.

В 10 м от раскопа была замечена руина здания, вытянутого по линии восток—запад. Исследование ее показало, что это остатки небольшой (13,50×5,40 м) одноапсидной церкви. Апсида с двухступенчатым цоколем отделена от наоса "алтарной преградой" — стенкой из тесаного песчаника. В апсиде на глубине 0,75 м найдены половинки двух энколпионов XII в. древнерусского происхождения³⁶. В квадратном (3,70×3,70 м) наосе под земляным полом оказались девять захоронений, из них семь — в каменных ящиках и два — в склепах, сложенных из тесаных плиток и плит на торце. Погребальный обряд христианский, с западной ориентировкой в вытянутом положении и почти без вещей (укажем четыре синих стеклянных браслета из погребения 6 и бронзовую копоушку XI—XII вв. из погребения 4). Единственный вход в церковь находился в западной стене притвора, стоящей на краю конуса выноса. Снизу к входу вела сложенная из плоских плит лестница (нами обнаружены лишь ее следы). С северной стороны к церкви прилегает дворик, окруженный каменной оградой.

В ансамбль поселка епархии должны быть включены и постройки на вершинах гор "Три сосны" и Церковной, возвышающихся над северным храмом. На горе "Три сосны" стоит хорошо сохранившаяся небольшая (4,60×2 м в интерьере) одноапсидная церквушка с входом (высота 1,36 м в западной стене и двумя окнами шириной 0,60 м в южной, на горе Церковной — еле заметные следы крошечной часовни на скальном мысе горы, небольшое (4,70×2) двухкамерное святилище с 25 целыми и сломанными железными клепаными крестами (рис. 4, В) и каменная стена высотой 1 м и длиной 112 м, тянущаяся поперек горы от склона до склона. От стены в глубь хребта Ужум направляется заметная и сейчас древняя дорога (нами прослежена в 1961 г.). Другая древняя дорога шириной в среднем 3 м прослеживается на левом берегу балки Церковной. Местами она имеет подпорные стенки и ведет на хребет Ужум — к альпийским пастбищам и выработкам железной руды.

С севера поселок епархии был укреплен оборонительной стеной толщиной 2—2,10 м, сложенной из больших глыб рваного камня без раствора. В стене хорошо сохранился въезд ("городские ворота") шириной 3 м (рис. 4, Б); большая часть стены прослежена при помощи шурфов до подошвы горы Церковной. Длина стены 264 м, в западной оконечности она, не доходя до берегового обрыва, под прямым углом поворачивает на юг и упирается в одноапсидную церковь, исследованную в 1964 г. Длина здания 13,40 м, ширина 4 м, толщина стен 0,70 м, кладка сухая и обычная для городища, в притворе обнаружены черепа трех оленей³⁷, в северной и южной стенах выявлены заложенные входные проемы. В подковообразной апсиде имелся каменный престол 2×0,90 м, пристроенный вплотную к стене. Найдено семь

профилированных плит — строительных деталей (из них один архивольт длиной 0,63 м). Пол был выложен плитами.

От только что упомянутой оборонительной стены почти до балки Бандитской (Б) тянется второй незастроенный участок с довольно ровным рельефом. Предположительно его можно считать вторым сельскохозяйственным участком, обслуживавшим потребности города или епархии. В 600 м южнее балки Бандитской этот участок был огорожен еще одной (четвертой) оборонительной стеной, сохранившейся в виде слабо выраженного вала. Вал пересекает долину от хребта до реки на протяжении 295 м. В 1978 г. вал был разрезан, открыты остатки разрушенной стены толщиной до 2,50 м (стена сильно деформирована). Видимо, в ней также был проем, ибо от балки Бандитской в северо-западном направлении тянется древняя дорога, проложенная по правому берегу реки. Эта дорога вела на предгорную равнину.

Таково самое общее описание рассматриваемого городища. Кратко коснемся его керамики. Насыщенность культурного слоя керамикой в разных частях городища неодинакова; наибольшая наблюдается на территории собственно города, и прежде всего в районе первой усадьбы. Керамика гончарная, коричнево-черных тонов, серая и коричнево-красная встречается реже. Четко выделяются четыре вида посуды: тарные пифосы с массивными, горизонтально отогнутыми венчиками и довольно частыми налепными остросереберными или сглаженными валиками на корпусе (рис. 7, 1—5); столовые, хорошей работы кувшины с ручками и сливными носиками, украшенные валиками округлыми и остросереберными, желобками, пунктирным штампом, косым и вертикальным лощением (рис. 7, 6—15); кухонные горшки (наиболее массовый материал), иногда напоминающие салтовские формы и довольно многообразные по профилю, украшенные также многообразно: частое рифление, рифление в комбинации с волной, вертикальными полосами, решетка, лощение (рис. 7, 16—29); на отогнутых венчиках встречаются семячковидные вдавлины (рис. 7, 24), на днищах — гончарные клейма (рис. 7, 30—31). Описанная керамика местная. Четвертый ее вид, встречающийся реже предыдущих, — стенки желобчатых амфор палево-желтого цвета, отличающихся иной глиняной фактурой (рис. 7, 32—34). Амфоры явно привозные, причерноморские; на одном из обломков сохранилась часть граффити (рис. 7, 35). Особо отметим нередко встречающиеся обломки посуды коричнево-оранжевого цвета с бурой росписью (рис. 7, 36—38). Такая керамика обычна для памятников раннесредневековой Абхазии³⁹, видимо, это абхазский импорт.

Некоторое представление о формах нижнеархызской керамики дают целые сосуды, найденные в погребениях вокруг городища (рис. 8, Б, 8—10). Необходимо подчеркнуть что на городище совершенно отсутствуют миски, блюда, жаровни или сковороды, курильницы, светильники. Эта ограниченность ассортимента керамики эпохи раннего средневековья в верховьях Кубани уже отмечалась в литературе³⁹.

С городищем связан ряд языческих и христианских могильников. Первые сосредоточены главным образом на левом берегу реки, особенно на склоне горы "Пароход", против бетонного моста (рис. 1, Б). Это грунтовые каменные ящики, подземные⁴⁰ и полуподземные каменные склепы, сложенные, как и городище, техникой сухой кладки (рис. 8, А). Некоторые полуподземные склепы, тыльной стороной впущенные в склон, сохранили на фасадах четырехугольные лазы и слегка нависающие остатки плоских и двускатных перекрытий, напоминающие позднесредневековые склепы Центрального Кавказа. Между теми и другими возможна культурно-генетическая связь. Все склепы разрушены и ограблены, но тем не менее

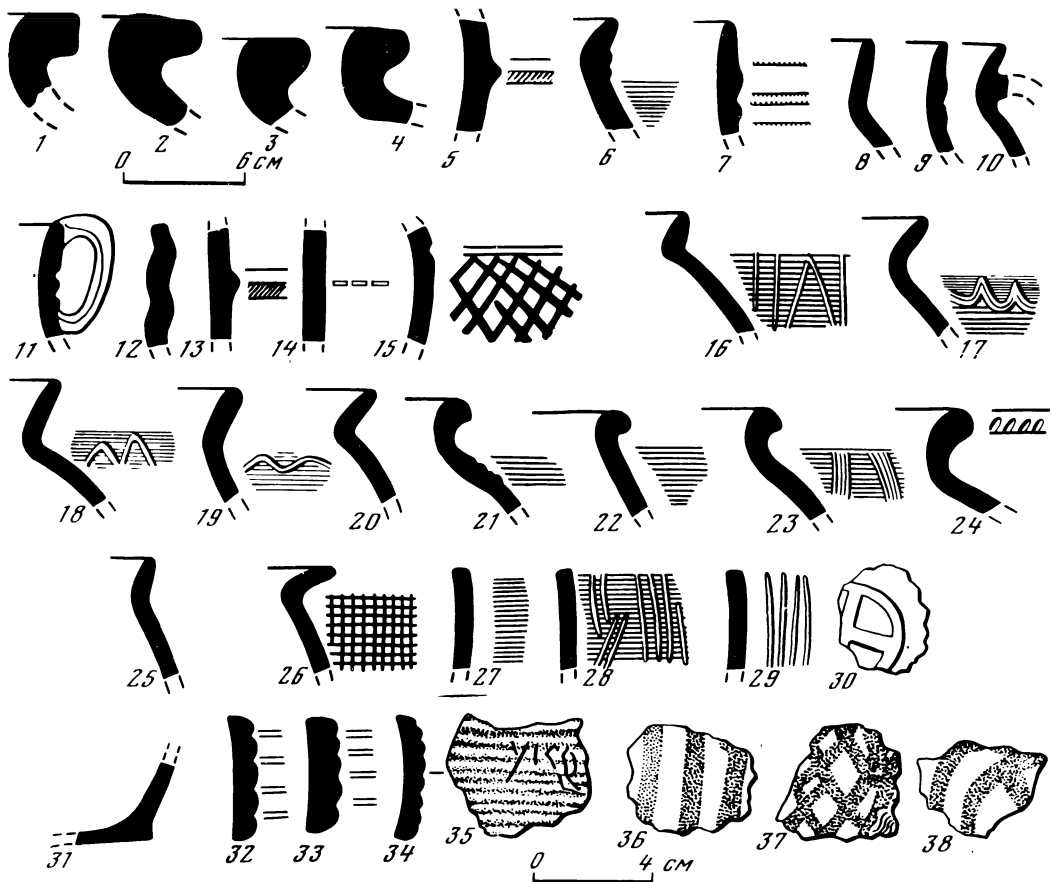

Рис. 7. Керамика Нижнего Архыза, основные типы и приемы орнаментации

1—4 — пифосы; 5—15 — кувшины; 16—31 — горшки; 32—35 — амфоры; 36—38 — фрагменты расписной абхазской керамики

удалось найти несколько целых глиняных сосудов (рис. 8, Б, 8—10), стеклянные цветные браслеты и перстень, железные секиры, цветные бусы — материал, датируемый в пределах IX—XII вв.⁴¹. В скальных отвесах горы "Пароход" и далее к югу имеются пещерные захоронения с мумифицированными трупами и хорошо сохранившимися предметами из тканей, кожи, дерева. Одно из них доследовано нами в 1964 г. Аналогичные пещерные погребения известны также в скалах балок Подорванной (Г) и Церковной⁴²: Все они ограблены, но при тщательном доследовании могут дать некоторый археологический материал, в том числе обрывки согдийских шелковых тканей IX в.

Христианские кладбища расположены вокруг среднего и северного храмов и состоят из каменных ящиков с одним-двумя захоронениями (индивидуальные преобладают). Ориентировка западная, положение вытянутое на спине с вытянутыми конечностями, инвентаря почти нет (обычно украшения, пуговицы,

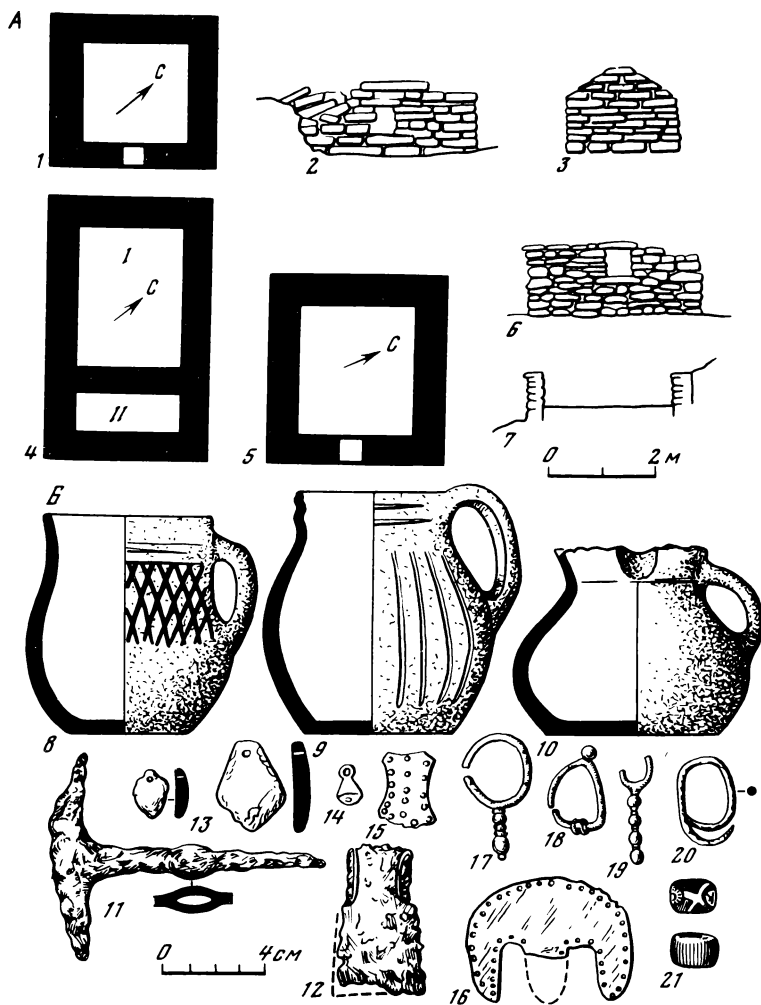

Рис. 8. Погребальные сооружения и инвентарь

А — полуподземные склепы на горе Пароход: 1—3 — план, фасадная стена с лазом и тыльная стена склепа 5; 4 — план склепа 2; 5—7 — план, фасад и продольный разрез склепа 1; Б — находки из склепов: 8—10 — глиняные сосуды; 11 — железная секира; 12 — железное тесло; 13 — две янтарные подвески; 14 — бронзовая пуговка-бубенчик; 15, 16 — бронзовые пластинчатые амулеты; 17—19 — бронзовые серьги; 20 — бронзовое височное кольцо; 21 — пастовые бусины

иногда кресты-тельники). Наиболее полно изучен могильник у северного храма, где вскрыто более 120 погребений (рис. 9) у апсидной части храма, залегающих в три яруса. Интересно, что в ряде случаев под черепами погребенных лежали плоские камни, в засыпке могил непременно встречается реальгар (комочки красной глины или толченого кирпичика) и довольно часто — кусочки мела, что напоминает черты сарматского погребального обряда. Судя по находкам, могильник функционировал с X по XIV в. В 1940 г. экспедицией К. М. Петрелевича под полом северного храма (в его юго-западной части) был найден большой и тщательно сложенный каменный

Рис. 9. Христианский могильник у северного Зеленчукского храма. Погребение 107

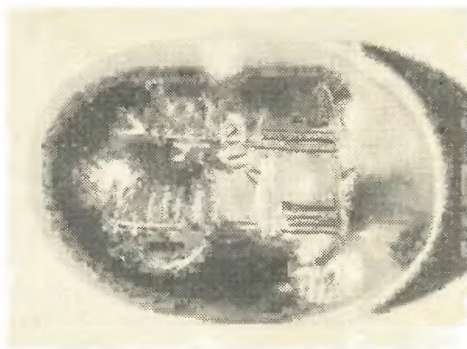

Рис. 10. Алюминиевая вставка перстня с именем армянского царя Ашота I из погребения под полом северного Зеленчукского храма. ГИМ

ящик с полностью истлевшим скелетом и богатым инвентарем из 242 предметов, из них до 170 были золотыми или золочеными украшениями⁴³. В состав инвентаря входил перстень-печатка с алмазидиновой вставкой (рис. 10), на которой было вырезано имя армянского царя Ашота I (886—891 гг.)⁴⁴. Погребение (вторично открытое нами в 1980 г.) явно принадлежало представительнице богатой феодальной прослойки.

Время возникновения Нижне-Архызского городища определяется нами предварительно как X в. и в дальнейшем требует более обстоятельной аргументации и проверки. При раскопках на территории собственно города повсеместно встречаются остатки стен зданий, перекрытых постройками XI—XII вв. — во время перепланировки и перестройки растущего города. Эти ранние строительные остатки мы относим к X в., что стратиграфически подтверждается обломками причерноморских амфор IX—X вв. К X в. относятся также сооружение северного и среднего Зеленчукских храмов⁴⁵, что, возможно, следует ставить в связь с возникновением здесь городища, и наиболее ранние захоронения с некоторыми вещами IX в. (в том числе упомянутый перстень — печать Ашота I, датируемый "от середины IX до начала X вв."⁴⁶

Период расцвета городища и наиболее интенсивной жизни на нем — XI—XII века. В это время в основном формируется культурный слой, датируемый цветными стеклянными браслетами⁴⁷, встреченными повсюду на городище и в сопровождающих его могильниках. Эта датировка подтверждается рядом других датируемых вещей из культурного слоя и могильников, а также точно датированными эпиграфическими памятниками: греческой надписью 1013 г. на каменном кресте⁴⁸, греческой надписью 1067 г. на бронзовом "честном" кресте из нартекса северного храма⁴⁹ и арабской кувейтской надписью 1044 г., найденной в кладке одной из одноапсидных церквей⁵⁰. Время и причины затухания жизни на городище пока неяс-

ны; вероятно, это произошло в начале XIII в., но жизнь в поселке епархии продолжалась и в XIV в., на что указывают как погребения XIV в. на кладбище у северного храма, так и фрагменты красно-глиняной поливной посуды эпохи Золотой Орды, найденные нами в районе северного храма (правда, они очень немногочисленны). Сказанное полностью соответствует сведениям византийских источников (акты Константинопольской патриархии) о существовании Аланской епархии до 60-х годов XIV в.⁵¹

Нижне-Архызское городище — одно из наиболее крупных и значительных на территории верховьев Кубани и Алании. Бывшее одним из важнейших центров местной экономической, политической и культурной жизни, с X в. ставшее центром христианской Аланской епархии, прочно связанной с Византией и Абхазией, это городище может считаться раннефеодальным городом со всеми характерными для него атрибутами: тесной и скученной планировкой и застройкой, признаками концентрации ремесленного производства и торгового обмена, глубокими связями с сельскохозяйственным производством, неоднородностью населения (четко выраженной в конфессиональной сфере, где одновременно бытуют традиционное язычество, христианство и мусульманство), концентрацией передовой в то время христианской культуры (архитектура, фресковая живопись, письменность), крупнейшими на Северном Кавказе храмами, захоронениями феодальной знати.

Недавно в статье В. И. Марковина и Х. Д. Ошаева было высказано предположение о возможности отождествления Нижне-Архызского городища с аланской столицей Магас (Маас), упомянутой в X в. ал-Масуди⁵². В свете изложенных материалов Нижне-Архызское городище, как довольно крупный для своего времени город и центр Аланской епархии, местопребывание высшей духовной и, очевидно, светской власти, действительно может быть отождествлено со столицей Алании городом Маас⁵³.

¹ Проблема древней урбанизации обсуждалась на VII "Крупновских чтениях" по археологии Северного Кавказа в 1977 г. (СА, 1980, N 2, с. 275, 276).

² Нижне-Архызское городище изучалось Зеленчукским отрядом СКАЭ ИА АН СССР в 1960—1964 гг. и экспедицией Северо-Осетинского НИИ в 1968—1969, 1971, 1978—1980 гг. под руководством автора этих строк.

³ Костин П. А. Ландшафты Лабино-Зеленчукского междуречья. — МИСК. Ставрополь, 1971, вып. 12—13, с. 177.

⁴ Мхитаров Н. К. Черные металлы Северокавказского края. — В кн.: Природные богатства Северокавказского края. Пятигорск, 1935, с. 353—359.

⁵ Древнехристианские храмы и св. Александр-Афонский Зеленчукский монастырь в Зеленчукском ущельи Кавказского хребта Кубанской области Баталпашинского отдела. Одесса, 1904.

⁶ Миллер В. Ф. Памятники древности на Кавказе. — Древности, 1894, т. XV, вып. 1, протоколы, с. 127.

⁷ Все постройки городища сложены из местного песчаника.

⁸ Ястребицкая А. Л. Западная Европа XI—XIII вв. М., 1978, с. 43.

⁹ Металлографический анализ шлаков выполнен в лаборатории ИА АН СССР О. Ю. Круг.

¹⁰ Лоренцев И. А. Аллюминиевое сырье и огнеупорные глины Северокавказского края. — В кн.: Природные богатства Северокавказского края, с. 395 (залежи огнеупорной глины около станции Зеленчукской).

¹¹ Рыбаков Б. А. Ремесло древней Руси. М., 1948, с. 129.

¹² Минаева Т. М. Отчет о раскопках городища Гиляч в 1961 г. — Архив ИА АН СССР, р—1 N 2438, л. 2—3.

¹³ Чибирев А. Л. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, с. 174—176; Кобычев В. П. Типы жилища у народов Северо-Западного Кавказа. — КЭС, М., 1972, V, с. 160, 161.

¹⁴ Спектральным и рентгеноанализом, выполненным в музее минералогии АН СССР М. Е. Яковлевой, установлено, что камень — агат, изменивший структуру под действием высокой температуры.

¹⁵ Остеологический материал из раскопок определен профессором В. И. Цалкиным.

¹⁶ Кузнецов В.А. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. — КСИА, 1964, 98, с. 112—113; *Он же*. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 102—104.

¹⁷ Изучение и определение выполнено кандидатом сельскохозяйственных наук А.И. Ромашкевич (Институт географии АН СССР), которой приношу свою благодарность.

¹⁸ Шапова Ю.Л. Стекланные изделия средневековой Тмутаракани. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 103.

¹⁹ См., например: Пчелина Е.Г. Дом и усадьба нагорной полосы Юго-Осетии. — УЗ РАНИОН, М., 1930, т. II, с. 27.

²⁰ Консультации по дате амфор получены у А.В. Гадло и С.А. Плетневой.

²¹ Аналогии см.: Кузнецов В.А. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. — СА, 1959, N 2, с. 112, рис. 15, 1—2; Рунич А.П. Катакомбы Рим-горы. — СА, 1970, N 2, с. 204, рис. 7, 18.

²² Сказанное расходится с выводом Г.К. Тушинского о том, что аланские поселения в долине Б. Зеленчука возникли в период пониженной влажности I тысячелетия н.э. (Тушинский Г.К. Ледники, снежники, лавины Советского Союза. М., 1963, с. 274).

²³ При раскопках жилищ "колесики" встречаются постоянно, назначение их неясно. Возможно, они играли роль биты в какой-то детской игре.

²⁴ Кузнецов В.А. Раскопки Нижне-Архызского городища. — КСИА, 1969, вып. 120, с. 73—75.

²⁵ Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.). — МАДИСО, Орджоникидзе, 1961, т. I, табл. XII, 9.

²⁶ Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

²⁷ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1971, с. 34.

²⁸ Кузнецов В.А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 210; Афанасьев Г.Е. Патронимия у алан. — В кн.: Социальные отношения народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1978, с. 4—20.

²⁹ Пользуясь консультацией доктора архитектуры проф. К.Н. Афанасьева, которому приношу свою благодарность.

³⁰ Кузнецов В.А. В верховьях „Большого Зеленчука. М., 1979, с. 129.

³¹ Кузнецов В.А. Аланский культ солнца и огня. — В кн.: X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов и сообщений). М., 1980, с. 53—54.

³² Кузнецов В.А. Средний Зеленчукский храм. — СА, 1968, N 3, с. 137—147; *Он же*. Зодчество феодальной Алании, с. 48—58.

³³ Кузнецов В.А. Северный Зеленчукский храм X в. — СА, 1964, N 4, с. 136—150; *Он же*. Зодчество феодальной Алании, с. 28—48.

³⁴ Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании, с. 120.

³⁵ Начальник раскопа В.П. Даркевич.

³⁶ Кузнецов В.А. Энколпионы Северного Кавказа. — В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 80—86.

³⁷ Определение профессора В.И. Цалкина.

³⁸ Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю. — ЗООИД, 1867, т. VI, с. 472.

³⁹ Марковин В.И., Ошаев Х.Д. О местоположении яского города Дедакова (по следам археологических исследований). — СА, 1978, N 1, с. 85.

⁴⁰ Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М., 1963, с. 204.

М.Б. Мужухоев

О ДАТИРОВКЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАКОНЕЧНИКОВ СТРЕЛ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУЛЬТОВЫХ И ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОЙ ЗОНЫ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В 1970—1981 гг.)

Наконечники стрел, как известно, являются теми вещественными источниками, к помощи которых прибегают археологи при датировке исследуемых объектов. Однако довольно часто и сами они нуждаются в достаточно аргументированной датировке.

Мы хотели бы рассмотреть датировку средневековых наконечников стрел, которые были выявлены на протяжении последних лет в высокогорной зоне Чечено-Ингушетии на памятниках культового и погребального назначения, исследованных

с выяснением их стратиграфии. Так, из 28 раскопанных языческих святилищ склепообразной формы наконечники стрел встречены в 23 памятниках, выявлены они в комплексе из двух поминальных камер средневекового могильника Мохде и в христианских храмах Алби-Ерды и Таргимский в горной Ассиновской котловине¹. Мы располагаем также стратиграфическим материалом по восьми надземным склепам для коллективных погребений². Все раскопанные объекты расположены в ущельях Ингушетии, а святилище Мизир-Диела — в высокогорной Чечне, что способствует, на наш взгляд, более точной датировке предметов, так как в данном случае сравнительно большое число разных по назначению исследованных памятников оказывается сосредоточенным в этнически едином регионе.

Основными встречаемыми в отмеченных средневековых сооружениях типами наконечников стрел (черешковые, железные) являются следующие: трехлопастные, четырехгранные, вытянуто-треугольные, большие ромбические (и ромбовидно-изящной формы), ланцетовидные, двурогие с упором, лопаточковидные, веслообразные, удлинненно-ромбовидные, ромбовидные, простые, плоские без четких очертаний (рис. 1).

Прежде чем проработать наконечники стрел из святилищ горной Чечено-Ингушетии, приведем указанным типам ряд аналогий, известных для Северного Кавказа и более отдаленных территорий и предлагаемые для них датировки.

Трехлопастные черешковые наконечники стрел прослежены на памятниках горной зоны Чечено-Ингушетии, в частности на Кенхинском I могильнике в верховьях р. Шаро-Аргун (Чечня), где они в комплексе с другими предметами из погребений относятся ко второй хронологической группе X—XI вв. н.э.³ Этот тип встречен в катакомбном могильнике V—VIII вв. курортной зоны Кисловодска⁴, был широко распространен в древностях Юго-Восточной Европы до X в. н.э.⁵ Известен он и на территории Средней Азии еще в первых веках нашей эры⁶.

Граненые и вытянуто-треугольные с линзовидным сечением наконечники стрел отмечены на Северном Кавказе, например, в катакомбах и городищах X—XIII вв. исторической Албании⁷. Первые из них также происходят, наряду с другими типами, из высокогорного святилища близ селения Цимити Куртатинского ущелья Северной Осетии⁸, в IX—XIV вв. они были широко распространены на Руси⁹.

Крупные ромбические наконечники стрел с широкой боевой частью имеют большой хронологический диапазон применения — X—XIV вв.¹⁰ Те из них, которые происходят из средневековых курганов у сел. Бамут (3 экз., Чечня), отнесены к XIII—XV вв.¹¹ Однако при этом вполне справедливо отмечается, что крупноромбические наконечники наряду с ланцетовидными и двурогими срезнями "... господствовали еще в предшествующую эпоху (X—XII вв.)"¹². Ромбические наконечники встречены и в кабардинских курганах близ сел. Чегем II в Кабардино-Балкарии, датированных XV—XVII вв.¹³ Этот тип вооружения представлен и в позднесредневековых курганах Центрального Предкавказья и Прикубанья¹⁴. Однотипные рассматриваемым наконечники так называемой ромбовидно-изящной формы со значительным расширением нижней трети пера и с выпуклыми сторонами в верхней части были распространены на Руси в IX—X вв.¹⁵ Наконечники стрел с удлинненно-ромбовидной боевой частью и просто ромбовидные хорошо представлены на северокавказских памятниках, где они определяются XIII—XVI вв.¹⁶

Плоские и граненые наконечники стрел ланцетовидной формы выявлены на многих памятниках Древней Руси, здесь они датируются, как правило, IX—XI вв.¹⁷ Двурогие с упором наконечники встречены на городищах и в катакомбных

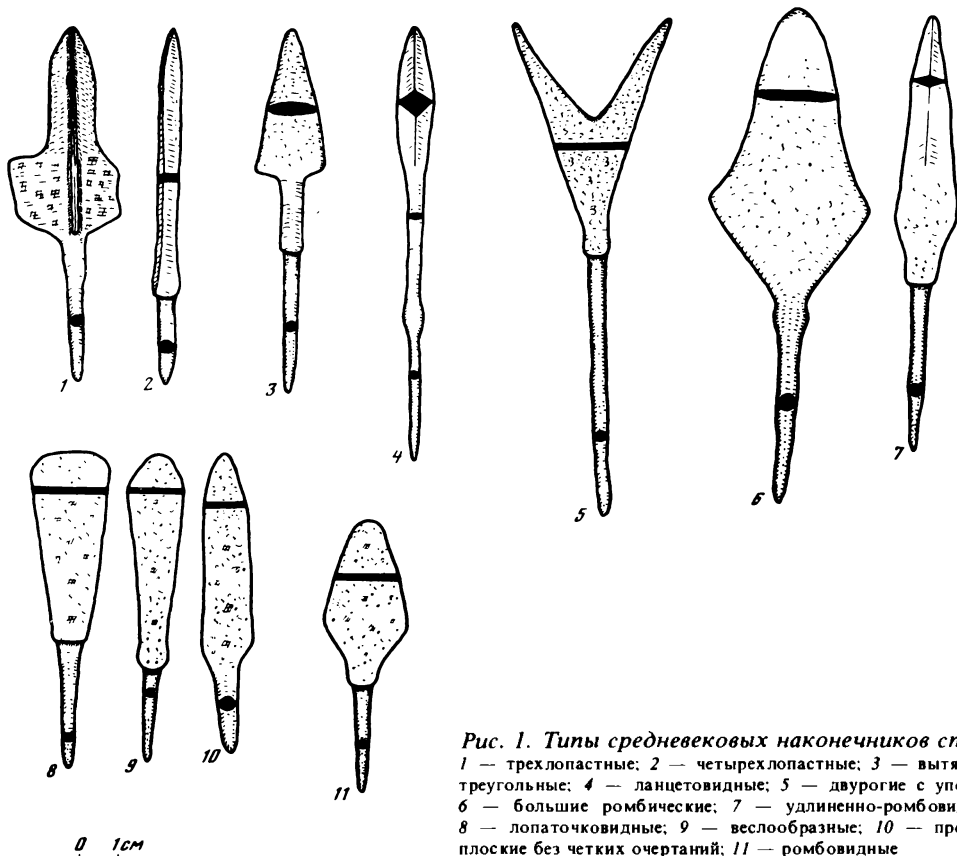

Рис. 1. Типы средневековых наконечников стрел
 1 — трехлопастные; 2 — четырехлопастные; 3 — вытянуто-треугольные; 4 — ланцетовидные; 5 — двурогие с упором; 6 — большие ромбические; 7 — удлинненно-ромбовидные; 8 — лопаточковидные; 9 — веслообразные; 10 — простые плоские без четких очертаний; 11 — ромбовидные

могильниках Северного Кавказа¹⁸. Известна такая находка в Бамутском курганном некрополе XIV—XVI вв., правда лишь в 1 экз.¹⁹ Они найдены в слоях X—XIII вв. Великого Новгорода, причем крупные открыты в ранних слоях²⁰.

Черешковые наконечники стрел в виде удлиненной лопаточки и веслообразные известны на Руси в XIII—XIV вв., они, по всей вероятности, связаны с татаро-монгольским нашествием²¹.

Простые, плоские без четких очертаний наконечники стрел с черешками имеют сравнительно поздний характер (может быть, они сделаны в основном для культовых приношений?), судя по небрежности их изготовления.

Приведенные аналогии позволяют заключить следующее. Наконечники стрел трехлопастные и ланцетовидные обычно датируются IX—XI вв., прототипы первых из них известны в первых веках нашей эры. Вытянуто-треугольные и двурогие срезы в основном определяются в хронологических рамках X—XIII вв.; последние встречаются только в 1 экз. на Бамутском курганном некрополе, а более крупные по размерам в памятниках Руси имеют тяготение к ранним раскопочным слоям X—XIII вв. Граненые наконечники стрел бытуют в пределах IX—XIV вв., крупноромбические — X—XV вв., лопаточковидные и веслообразные — XIII—XVI вв.

Наконец, наконечники стрел простые, плоские и без четких очертаний, по всей вероятности, являются самыми поздними.

В святилищах* наконечники стрел встречены с украшениями, которые могут быть использованы как датирующий материал. Сами культовые сооружения расположены по трем хронологическим группам, которые были в свое время выделены нами по таким признакам, как расположение памятников, их принадлежность к определенным языческим патронам, специфика архитектурных деталей и сопутствующий инвентарь и др.²² Постройки первой группы (святилища Мятцил, Мятер-Диела, Амалтынское, Цей-Ламское 1, Цей-Ламское 2, Верхнекийское, Биштское) можно датировать X—XII вв.; второй (Галь-Ерды, Итаз-Ерды, Маго-Ерды, Дзорах-Диела, Дошхаклинское, Мизир-Диела, Бархинское, Биркское, Зодсах-Ерды, Диела, Нижнекийское) — XIII—XV вв. и третьей (Морч-Сиели, Эрдзели, Мекал, Мариам, Ауша Сел) — XV—XVI вв.²³

Раскопками было установлено, что на самую раннюю — первую — группу святилищ приходятся такие типы наконечников стрел, как трехлопастные, четырехгранные, вытянуто-треугольные и ланцетовидные, причем все они в основном прослежены близко к основанию камер и на полуматерике. Здесь же выявлены серьги в виде незамкнутого кольца и опущенного вниз стержня с тонкой спиралькой, заканчивающегося шариком крупной зерни, и бородавчатые пастовые бусины голубоватого цвета. Большие ромбические и двурогие с упором наконечники стрел также открыты соответственно на двух и одном памятниках второй более поздней группы святилищ.

Приведем аналогии встреченным украшениям. Отмеченный тип серег (в разновидностях) на Кавказе распространен в широких территориальных и хронологических рамках. Его прототипы известны еще в памятниках кобанской культуры²⁴, среди погребального инвентаря раннесредневековых могил²⁵, на территории горной Ингушетии серьги с шариками зерни на опущенном стержне встречены в могильниках из каменных ящиков, датируемых по XI в. включительно²⁶. Пастовые бусины в горной зоне среди погребального и культового инвентаря из ингушских позднесредневековых сооружений исследователями не отмечены, данный тип украшений известен еще по памятникам кобанской культуры²⁷. Здесь, по всей вероятности, можно говорить о вторичном использовании предметов, однако важно отметить сам факт их нахождения именно в камере постройки первой ранней группы святилищ.

На следующую хронологическую группу памятников в основном приходятся лопаточковидные и веслообразные наконечники стрел (расчищены по одному в Биштской постройке первой группы), удлинненно-ромбовидные (два наконечника из Цей-Ламского святилища 2 первой группы), ромбовидные (один предмет также из той же постройки и из трех святилищ Эрдзели, Мекал и Мариам третьей группы). Украшения представлены восьмиллопастными, бусинными (два предмета из Верхнекийской постройки первой группы) и незамкнутокольцевыми серьгами, которые стратиграфически в основном тяготеют к основаниям камер. В святилище Диела открыты три литых бубенчика и 40 экз. сердоликовых бус, в Верхнекийском святилище 36 подобных бус. Разберемся в этом инвентаре.

* Стратиграфия заполнения святилищ в основном такова: наносной слой является своеобразным культурным слоем, который образовался в результате длительного их посещения (его величина 0,10—0,50 м).

Типологически близкие украшения вятичей восьмилопастные серебряные серьги нами по аналогиям и стратиграфическим данным предложено было датировать XIV—XV вв.²⁸ Бусинные серьги из бронзы и серебра известны в составе погребального инвентаря склеповых могильников горной Чечено-Ингушетии и датируются XIII—XV вв.²⁹ Серьги в виде незамкнутого кольца с отверстиями крепления известны на территории Чечено-Ингушетии в комплексах могильников, датированных XIII—XV вв.³⁰ Бубенчики из серебра были довольно широко распространены по Северному Кавказу; здесь они открыты в погребальных памятниках XII—XIV вв. и XIII—XVI вв.³¹ Каменные бусы из сердолика находили широкое применение в период XIII—XV вв.³² В целом украшения второй группы святилищ могут быть в основном уложены в хронологические рамки XIII—XV вв.

Последняя, самая поздняя по времени хронологическая группа святилищ характеризуется двумя типами наконечников стрел — ромбовидными и простыми, плоскими без четких очертаний, сосредоточенными в основном в нижних стратиграфических слоях камер. Эти же типы, как отмечалось, выявлены среди второй группы святилищ.

Таким образом, такие типы наконечников стрел, как трехлопастные, четырехгранные, вытянуто-треугольные, большие ромбические, ланцетовидные, двурогие с упором (крупные) за редким исключением приходятся на первую группу святилищ. На этих же памятниках были выявлены серьги с одним шариком зерни, пастовые бородавчатые бусины и сердоликовые. Вторая группа святилищ характеризуется лопаточковидными, веслообразными, удлинненно-ромбовидными и ромбовидными формами наконечников, которым сопутствуют в камерах восьмилопастные, бусинные и незамкнутокольцевые серьги, а также серебряные литые бубенчики и бусы из сердолика. Встречены здесь и поздние, простые без четких очертаний наконечники. На третью группу падают только два указанных типа наконечников стрел, ни одно из вышеотмеченных украшений в камерах данных построек не выявлено. Получается, что определенные типы наконечников стрел (и украшения) являются характерными также для вполне конкретной хронологической группы святилищ. Обратимся к дополнительным данным.

На исследованных с выяснением стратиграфии вещей христианских храмах Алби-Ерды и Таргимский XII—XIII вв., восьми надземных склепах для коллективных погребений (в каждой гробнице от 100 до 200 и более костяков) XIV—XVIII вв. в основном не встречены типы наконечников стрел первой группы святилищ. Нет здесь и отмеченных для нее типов украшений. Наконечникам стрел, в основном представленным удлинненно-ромбовидными, ромбовидными, простыми плоскими и некоторыми еще формами, из украшений в погребальных камерах сопутствуют восьмилопастные, незамкнутокольцевые и другие предметы, характерные только для второй группы святилищ³³. Полностью раскопанный, правда с нечетко прослеженной стратиграфией, средневековый комплекс поминальных камер могильника Мохе дал наконечники стрел только ромбовидных форм³⁴.

Следовательно, из всего комплекса разбираемых наконечников стрел выделяются такие, которые имели в горной зоне активное распространение до начала функционирования надземных гробниц второй группы святилищ, христианских храмов, т.е. до XIII в. Этими типами наконечников являются трехлопастные, четырехгранные, вытянуто-треугольные, большие ромбические, ланцетовидные и крупные двурогие с упором. Все они могут быть в основном датированы для высокогорной зоны X—XII вв., что в целом согласуется с приводившимися

аналогиями найденных там же предметов. Отмеченные единичные случаи нахождения наконечников — крупных ромбических и двурогих с упором (небольшие по размерам) — во второй группе святилищ могут быть объяснены еще продолжающимися, но редкими, отдельными случаями их применения. Вспомним такой хорошо изученный и неоднократно приводившийся памятник, как Бамутский курганный некрополь Чечни, где среди большого числа анализируемых сейчас предметов крупноромбические наконечники были встречены только в 3 экз. Также можно объяснить и редкость граничных наконечников стрел, которые не встречены вне первой группы святилищ и лишь по 1 экз. найдены в склеповых гробницах³⁵. Приведенные им аналоги указывают на их применение как особого типа наконечников еще в позднесредневековый период.

Более поздние наконечники стрел лопаточковидной и веслообразной форм по стратиграфическим данным и аналогиям могут датироваться, как и в древностях Руси, XIII—XIV вв. Их нахождение (по одному) в Биштском святилище, отнесенном к первой группе, объясняется длительностью функционирования этого памятника. Наконечники стрел удлинненно-ромбовидные и просто ромбовидные по аналогиям и нахождению их в памятниках второй и третьей хронологических групп, но без сопутствующих им каких-либо особых типов оружия или украшений можно датировать XIII—XVI вв. Несколько таких находок из Цей-Ламского святилища 2 указывает на длительность отправления в нем культовых действий.

Простые, плоские без четких очертаний наконечники стрел замыкают типологию стрел во времени, и, думается, их датировка в пределах XVI—XVII вв. не будет ошибочной.

Предлагаемыми датировками различных типов наконечников стрел, распространенных в период средневековья в горной зоне Чечено-Ингушетии, мы не претендуем на окончательность выводов, лишь дальнейшее накопление и изучение соответствующего материала позволит еще шире и глубже взглянуть на эту сложную, но столь необходимую задачу — утвердить обоснованную датировку наконечников стрел, так часто выступающих в качестве основного определяющего время материала отдельных комплексов.

¹ Мужухоев М.Б. Храм Алби-Ерды. — СА, 1979, N 1, с. 275—280, рис. 5, 1—10; Он же. Таргимский храм. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 177—184, рис. 4, 1—10, 14—21; Он же. Проникновение христианства к вайнахам. — В кн.: Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 23—25; Он же. Исследование средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии (по материалам раскопок автора в 1970—1980 гг.). — В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии. Грозный, 1981, с. 62—95; Он же. Исследование средневековых памятников Чечено-Ингушетии. — АО за 1970—1981 гг. М., 1971—1982.

² Мужухоев М.Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 91—100, рис. 24—31.

³ Мамаев Х.М., Даутова Р.А. Кенхинский первый могильник в верховьях реки Шаро-252

Аргун. — В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии, с. 36.

⁴ Рунич А.П. Аланские катакомбные могильники V—VIII вв. в городе Кисловодске и его окрестностях. — В кн.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Орджоникидзе, 1969, т. II, с. 107, табл. VI, 30.

⁵ Плетнева С.А. От кочевий к городам. М., 1967, рис. 43, 11—13; Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1963, с. 172, 173, рис. 5, 11; 26, 14, 15.

⁶ Лоховиц В.А. Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 159.

⁷ Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 г.). — В кн.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. — МАДИСО. Орджоникидзе, 1961, т. I, с. 72, 129, рис. 8, 2; Он же. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 96, рис. 8, 7.

³ *Тменов В.Х.* Новые археологические памятники на территории Северной Осетии. — В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе, 1980, вып. 1, т. XXXVI, рис. 8, 33, 35.

⁹ *Медведев А.Ф.* Оружие Новгорода Велико-го. — МИА, 1959, N 65, с. 168; *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 26—28.

¹⁰ *Плетнева С.А.* Печенеги, тюрки и половцы в южнорусских степях. — МИА, 1958, N 62, с. 179; *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники..., с. 27, 28, рис. 3, VIII—BV; *Седов В.В.* Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. — КСИА, 1975, вып. 144, с. 74, рис. 2, 11; *Артемьев А.Р.* Наконечники стрел из раскопок Изборска. — КСИА, 1978, вып. 155, с. 68.

¹¹ *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник XIV—XVI вв. — ДЧИ, М., 1963, с. 237, 238.

¹² *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* с. 237.

¹³ *Нагоев А.Х.* Кабардинский курганный моги-льник у сел. Чегем II. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в середине века. М., 1980, с. 158; рис. 1, 4; *Нагоев А.Х., Бетров Р.* Кабардинский курганный могильник 2 у селения Чегем II. — В кн.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980, вып. 1, с. 128, 137, рис. 5, 3.

¹⁴ *Леашева В.П.* Белореческие курганы. — Труды ГИМ, 1953, вып. 22, с. 179; *Милорадович О.В.* Кабардинские курганы XIV—XVI вв. — СА, 1954, XX, с. 346; *Акритас П.Г.* Археологические работы в Кабарде в 1954 г. — УЗКНИИ, Нальчик, 1955, т. 10, с. 61; *Алексеева Е.П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971, с. 352 и др.

¹⁵ *Медведев А.Ф.* Оружие..., с. 165.

¹⁶ *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник..., с. 237, рис. 13, 1; 15, 1; *Милорадович О.В.* Кабардинские курганы..., с. 347, рис. 2; *Марковин В.И.* Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна. — ДЧИ, М., 1963, с. 246, рис. 1, 17; *Он же.* Некоторые итоги исследования склепов горной Ингушетии (по материалам раскопок 1966 г.). — В кн.: Памятники эпохи раннего железа и средневековья Чечено-Ингушетии, с. 105, рис. 2, 21—24 и др.

¹⁷ *Медведев А.Ф.* Оружие..., с. 164, 169, рис. 13, 9, 39; *Он же.* Ручное метательное оружие: Лук и стрелы, самострел VIII—XIV вв. — САИ, М., 1966, вып. Е1-36, с. 73; *Тараканова С.А.* Новые материалы по археологии Пскова. — КСИИМК, 1950, XXXIII, с. 52; *Никольская Т.Н.* Военное дело

в городах вятичей. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 35; *Артемьев А.Р.* Наконечники стрел..., с. 67, 68; *Белецкий С.В.* Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города). — КСИА, 1980, вып. 160, с. 12, рис. 6, 33 и др.

¹⁸ *Кузнецов В.А.* Змейский..., с. 72, рис. 8, 1; *Он же.* Алания..., с. 96.

¹⁹ *Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М.* Бамутский курганный могильник..., с. 237.

²⁰ *Медведев А.Ф.* Оружие..., с. 167, рис. 13, 25—26.

²¹ Там же, рис. 13, 32—33; *Он же.* Ручное метательное оружие..., с. 67, 70 и след.

²² *Мужухов М.Б.* Средневековая материаль-ная культура..., с. 124.

²³ *Мужухов М.Б.* Исследование средневеко-вых культовых..., с. 70, 78, 81.

²⁴ *Уварова П.С.* Могильники Северного Кав-каза. — МАК, 1900, вып. 8, с. 155, рис. 155; *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 235, 236, рис. 36, 17—18.

²⁵ *Уварова П.С.* Могильники..., с. 293, табл. 123, 7, 18—19.

²⁶ *Семенов Л.П.* Археологические и этногра-фические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963, с. 45, 46.

²⁷ *Крупнов Е.И.* Древняя история..., с. 489.

²⁸ *Мужухов М.Б.* Об одной категории поздне-средневековых украшений ингушей. — СА, 1972, N 4, с. 267, 268, рис. 1.

²⁹ *Кузнецов В.А.* Аланские племена Северного Кавказа. — МИА, 1962, N 106, с. 106.

³⁰ *Семенов Л.П.* Археологические разведки в Ассиновском ущелье. — КСИИМК, 1952, 46, с. 116, рис. 35, 1; *Марковин В.И.* Чеченские средневе-ковые памятники..., с. 252, рис. 3, 8—9.

³¹ *Уварова П.С.* Могильники..., с. 95, 96, табл. 18, рис. 4; *Марковин В.И.* Чеченские средневеко-вые памятники..., с. 246, 247; *Милорадович О.В.* Христианский могильник на городище Верхний Джулат. — МИА, 1963, N 14, с. 98, рис. 5, 2; *Алексеева Е.П.* О чем рассказывают археологи-ческие памятники Карачаево-Черкессии. Черкес-ск, 1960, табл. 16, рис. 4 и др.

³² *Мужухов М.Б.* Средневековая материаль-ная культура..., с. 72, 73.

³³ Там же, с. 91—100, рис. 24—31.

³⁴ *Мужухов М.Б.* Исследование средневеко-вых культовых памятников..., с. 89, 90.

³⁵ *Мужухов М.Б.* Средневековая материаль-ная культура..., с. 76, 99, рис. 24.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АБИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории им. Д.И. Гулиа
АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук СССР
АК — Археологическая комиссия
АСб — Археологический сборник
АС — Археологический съезд
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АЭКЧ — Археология и этнография Карачаево-Черкесии
АЭС — Археолого-этнографический сборник
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии им. С.Н. Джанашиа
ВДИ — Вестник древней истории
ВИА — Всеобщая история архитектуры
ВОКИАБ — Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников
ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГМИНВ — Государственный Музей искусства народов Востока
ГМГ — Государственный музей Грузии им. С.Н. Джанашиа
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДКМ — Дагестанский краеведческий музей
ДС — Дагестанский сборник
ДЧИ — Древности Чечено-Ингушетии
ЖМНП — Журнал Министерства народного образования
ЗАО — Записки Археологического общества
ЗИВАН — Записки Института востоковедения Академии наук СССР
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЭРАО — Записки Русского археологического общества
ИА АН СССР — Институт археологии Академии наук СССР
ИАИ — Известия на Археологический институт (София)
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИИМК АН СССР — Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИИЯЛ — Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала Академии наук СССР
ИКЗ — Историко-краеведческие записки
ИНИИК — Ингушский научно-исследовательский институт краеведения
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИФЖ — Историко-филологический журнал
КБИИФЭ — Кабардино-Балкарский институт истории, филологии и экономики
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КВС — Кавказско-ближневосточный сборник
КМД — Краеведческий музей Дагестана
КНИИ — Кабардинский научно-исследовательский институт

КО	— Кавказское общество
КОИА	— Кавказское общество истории и археологии
КСИА	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КЧ	— Крупновские чтения
КЧНИИ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
КЧНИИИЯЛ	— Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
КЭС	— Кавказский этнографический сборник'
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова
ЛСИА АН СССР	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МГК	— Материалы по истории Грузии и Кавказа
МД	— Материалы по археологии Дагестана
МДИСО	— Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК	— Материалы по археологии Кавказа
МЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МАЗ	— Музей истории Азербайджана
ИСК	— Материалы по изучению Ставропольского края
КАз	— Материальная культура Азербайджана
АК	— Отчеты Археологической комиссии
ЛКА	— Общество любителей кавказской археологии
ПИК	— Отдел истории первобытной культуры
ИИЭ	— Полевые исследования института этнографии АН СССР
ПВ	— Памятники письменности Востока
АНИОН	— Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
ГО	— Русское географическое общество
А	— Советская археология (сборники, журнал)
АИ	— Свод археологических источников
ИЭ	— Советская историческая энциклопедия
КАЭ	— Северокавказская археологическая экспедиция
МАА	— Сборник материалов по археологии Адыгеи
МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР
МОМПК	— Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССК	— Сборник сведений о Кавказе
ССКГ	— Сборник сведений о кавказских горцах
ССТО	— Сборник сведений о Терской области
СЭнц	— Советская энциклопедия (издательство)
СЭ	— Советская этнография
ТВДАЭ	— Труды Волго-Донской археологической экспедиции
ТМАО	— Труды Московского археологического общества
ТОИПК	— Труды Отдела истории первобытной культуры
ТСА	— Труды секции археологии Института археологии и искусствознания РАНИОН(Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук)
УЗ	— Ученые записки
ФАН	— Филиал Академии наук СССР
ЧНИИИИЯЛ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменская археологическая комплексная экспедиция
ЯС	— Яфетический сборник
BCSP	— Bolletino del Centro Camuno di Studi preistorici
ESA	— Eurasia Septentrionalis Antiqua
JDAI	— Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JPEK	— Jahrbuch für prähistorische, ethnographische Kunst
ZE	— Zeitschrift für Ethnologie

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Амирханов Х.А.</i> Манас-озеньские мустьерские местонахождения в Прикаспийском Дагестане	5
<i>Мунчаев Р.М.</i> Погребальные комплексы с сосудами на ножках из Бамутских курганов эпохи бронзы	27
<i>Чеченов И.М.</i> Курган 2 у селения Кишпек в Кабардино-Балкарии	39
<i>Тешев М.К.</i> Гробница Псыбе — памятник позднемайкопской культуры на Черноморском побережье	52
<i>Батчаев В.М.</i> Былымский оборонительно-жилой комплекс эпохи бронзы	57
<i>Багаев М.Х.</i> Новый могильник эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии	66
<i>Марковин В.И.</i> Культовая пластика Кавказа	74
<i>Нечитайло А.Л.</i> Памятники прикубанской культуры у истоков р. Теберды	124
<i>Козенкова В.И.</i> Пседахский могильник кобанской культуры (по раскопкам 1976—1977 гг.)	134
<i>Петренко В.Г.</i> О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний	158
<i>Абрамова М.П.</i> Некоторые особенности погребений III—I вв. до н.э. предгорной зоны центрального Предкавказья	177
<i>Анфимов Н.В.</i> Курганный комплекс сарматского времени из бассейна р. Кирпили	183
<i>Анфимов И.Н.</i> Погребальный комплекс II в. до н.э. у хутора Элитный (Краснодарский край)	190
<i>Котович В.Г.</i> Из истории Дагестана (середина VII — первая половина VIII в.)	198
<i>Кудрявцев А.А.</i> О стеклоделии средневекового Дербента (VI—X вв.)	214
<i>Кузнецов В.А.</i> Нижне-Архызское городище X—XII вв. — раннефеодальный город Алании (историко-географическая характеристика и некоторые итоги исследований)	230
<i>Мужухоев М.Б.</i> О датировке средневековых наконечников стрел (по материалам раскопок культовых и погребальных памятников горной зоны Чечено-Ингушетии в 1970—1981 гг.)	247
Список сокращений	254

НОВОЕ в археологии СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Северный Кавказ,
занимающий огромное пространство
от Черного моря до Каспия,
исключительно богат разнообразными древностями.
Это стоянки каменного века, курганы, оставленные
населением эпохи бронзы, скифскими и сарматскими племенами,
святилища, с характерными для них металлическими
статуэтками, руины средневековых городов, поселков,
башен и склеповых построек. Будучи свидетелями
далекого прошлого, все эти памятники
являются порой единственным источником
для изучения истории культуры и быта
многочисленных местных народов
Новые исследования, посвященные древностям
Северного Кавказа разных эпох,
является содержанием этой книги.
Написана она специалистами — археологами.

·Наука·

